

Лекции о Французской революции

Барон Джон Эмерих Эдвард Далберг Эктон

Lectures on the French Revolution

Baron John Emerich Edward Dalberg Acton

Электронная книга проекта "Гутенберг" с лекциями о Французской революции

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Лекции о Французской революции

Автор: Барон Джон Эмерих Эдвард Далберг Эктон

Редактор: Джон Невилл Фиггис

Реджинальд Вир Лоуренс

Дата выхода: 10 декабря 2008 [Электронная книга №27488]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Стейси Браун, Стивеном Джакомелли и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом / Канадскими библиотеками)

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ЛЕКЦИЙ ГУТЕНБЕРГА О ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ" ***

ЛЕКЦИИ О ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

MACMILLAN AND CO., Limited
ЛОНДОН · БОМБЕЙ · КАЛЬКУТТА
МЕЛЬБУРН

КОМПАНИЯ MACMILLAN
НЬЮ-ЙОРК · БОСТОН · ЧИКАГО
АТЛАНТА · САН-ФРАНЦИСКО

КОМПАНИЯ MACMILLAN CO. OF CANADA, Ltd.
ТОРОНТО

ЛЕКЦИИ О ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

АВТОР ДЖОН ЭМЕРИХ ЭДВАРД ДАЛБЕРГ-ЭКТОН,
первый барон ЭКТОН

Доктор юридических НАУК И Т.Д. И Т.П.
РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПРОФЕССОР СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ КЕМБРИДЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ДЖОНА НЕВИЛЛА ФИГГИСА, к.р., литтл.д.

ПОЧЕТНЫЙ ЧЛЕН КОЛЛЕДЖА СВЯТОЙ ЕКАТЕРИНЫ

И РЕДЖИНАЛЬД ВИР ЛОУРЕНС, магистр медицины

НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК И ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ТРИНИТИ-КОЛЛЕДЖА В КЕМБРИДЖЕ

MACMILLAN AND CO., LIMITED
Ул. MARTIN-СТРИТ, ЛОНДОН,
1910

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Следующие лекции были прочитаны лордом Эктоном в качестве регионального профессора современной истории в Кембридже в академические годы 1895-96, 1896-97, 1897-98, 1898-99. Французская революция 1789-95 годов была в те годы одним из специальных предметов, изучаемых в Исторических экскурсиях, и это определило объем курса. Кроме того, некоторое обсуждение литературы революции обычно проводилось либо на занятиях по беседам, либо в качестве дополнительной лекции. Сохранившиеся связные фрагменты из них были напечатаны в качестве приложения. Ответственность за названия лекций несут редакторы.

Дж. Н. Ф.
Р. В. Л.

10 августа 1910 г.

Содержание

I.	Вестники революции	1
II.	Влияние Америки	20
III.	Повестка Генеральных штатов	39
IV.	Заседание Генеральных штатов	57
Против	Клятва на теннисном корте	68
VI.	Падение Бастилии	77
VII.	Четвертое августа	94
VIII.	Конституционные дебаты	109
IX.	Поход на Версаль	126
X.	Мирабо	141
XI.	Сийес и Гражданская конституция	159
XII.	Перелет в Варенн	174
XIII.	Фельяны и война	193
XIV.	Дюмуре	210
XV.	Катастрофа монархии	224
XVI.	Казнь короля	240
XVII.	Падение Жиронды	256
XVIII.	Царство террора	269
XIX.	Робеспьер	284
XX.	Вандея	301
XXI.	Европейская война	317
XXII.	После террора	331
Приложение:	Литература революции	345
Указатель		375

Я

ВЕСТНИКИ РЕВОЛЮЦИИ

Доход Франции составлял около двадцати миллионов, когда Людовик XVI, сочтя его недостаточным, обратился к нации с просьбой о поставках. За одну жизнь оно возросло до гораздо более чем ста миллионов, в то время как национальный доход рос еще быстрее; и это увеличение было вызвано классом, которому древняя монархия отказала в своих лучших наградах и которого она лишила власти в стране, которую они обогатили. Поскольку их трудолюбие привело к изменениям в распределении собственности, и богатство перестало

быть прерогативой немногих, исключенное большинство осознало, что их недостатки не основаны на праве и справедливости и не подкреплены соображениями государства. Они предложили, чтобы награды в правительстве, армии и Церкви присуждались за заслуги активной и необходимой части народа и чтобы никакие привилегии, наносящие им ущерб, не оставались за невыгодным меньшинством. Их было почти сто к одному, и они считали, что фактически составляют суть нации, и они утверждали, что управляют сами, используя власть, пропорциональную их численности. Они требовали, чтобы государство было реформировано, чтобы правитель был их агентом, а не хозяином.

Это и есть Французская революция. Чтобы увидеть, что это не метеор из неизвестности, а продукт исторических влияний, которые своим объединением были эффективны для разрушения, а своим разделением бессильны для созидания, мы должны на мгновение проследить за ходом идей, которые были раньше, и связать его с законом непрерывности и действием постоянных сил.

Если Франция потерпела неудачу там, где преуспели другие нации, и если переход от феодальных и аристократических форм общества к индустриальным и демократическим сопровождался потрясениями, причина была не в людях того времени, а в почве, на которой они стояли. Пока деспотические короли побеждали за границей, их принимали дома. Первые признаки революционного мышления смутно проявляются среди угнетенных меньшинств в периоды бедствий. Янсенисты были лояльны и терпеливы, но их знаменитый юрист Домат был философом, и его помнят как писателя, восстановившего верховенство разума в хаотичной юриспруденции того времени. Он узнал от Святого Фомы, известного в школе, к которой принадлежал, что законодательство должно быть для народа и с помощью народа, что смещение плохих королей может быть не только правом, но и обязанностью. Он настаивал на том, что закон должен исходить из здравого смысла, а не из обычая, и должен черпать свои предписания из вечного кодекса. Принцип высшего закона означает Революцию. Никакое правительство, основанное только на позитивных законодательных актах, не может устоять перед ним, и оно указывает путь к той системе примитивных, универсальных и неосуществимых прав, которую юристы Ассамблеи, происходящие от Домата, внесли в свою конституцию.

Согласно Нантскому эдикту протестанты были убежденными роялистами, так что даже после отмены этого эдикта Байль, апостол Терпимости, сохранил свою лояльность в изгнании в Роттердаме. Его враг Юрье, хотя и был нетерпим как богослов, был либералом в своей политике и заразился в окружении Вильгельма Оранского темпераментом континентального вига. Он учил, что суверенитет исходит от народа и возвращается к народу. Корона утрачивает полномочия, которыми она злоупотребляла. Права нации не могут быть утрачены. Только народ обладает властью, которая является законной без каких-либо условий, и его действия действительны, даже если они ошибочны. Наиболее красноречивые из крамольных положений Юрье, сохраненные в прозрачном янтаре ответа Боссюэ, разделяли бессмертие классика и со временем внесли свой вклад в доктрину о том, что демократия безответственна и должна поступать по-своему.

Молтрот, лучший церковный юрист того времени, опубликовал в 1790 году три тома о власти народа над королями, в которых, опираясь на точные исследования источников, хорошо знакомых ему и никому другому, он объяснил, как Каноническое право одобряет принципы 1688

года и отвергает современное изобретение божественного права. Его книга еще лучше объясняет отношение духовенства к Революции и их краткий период популярности.

Истинным зачинателем оппозиции в литературе был Фенелон. Он не был ни реформатором-новатором, ни открывателем новой истины; но как исключительно независимый и умнейший свидетель, он был первым, кто разглядел величественное лицемерие двора и понял, что Франция находится на пути к гибели. Бунт совести начался у него еще до того, как слава монархии была омрачена. Его взгляды выросли из необычайной проницательности и утонченности в оценке людей. Он научился относить проблемы управления, как и вопросы ведения частной жизни, к простым нормам морали и шире, чем кто-либо другой, развил простую, но опасную практику решать все вопросы с помощью исключительных предписаний просвещенной добродетели. Если бы он не знал всего о политике и международной науке, он всегда мог бы сказать, чего можно ожидать от гипотетически совершенного человека. Фенелон чувствует себя гражданином христианской Европы, но он мыслит отдельно от своей страны или своей церкви, и его самые сокровенные высказывания звучат устами язычников. Он хотел быть в равной степени верным своим собственным убеждениям и милосердным по отношению к тем, кто их оспаривает. Он не одобрял ни низложение власти, ни наказание за ошибки и заявлял, что высшей потребностью Церкви является не победа, а свобода. Через своих друзей, Флери и Шеврез, он выступал за возвращение протестантов и советовал проявлять всеобщую терпимость. Он хотел бы, чтобы светская власть держалась в стороне от церковных забот, потому что защита ведет к религиозному рабству, а преследование - к религиозному лицемерию. Были моменты, когда его шаги, казалось, приближались к границе неоткрытой земли, где Церковь и государство разделены.

Он писал, что историк должен сохранять нейтралитет по отношению к другим странам и к своей собственной, и ожидал такой же дисциплины от политиков, поскольку патриотизм не может освободить человека от его долга перед человечеством. Следовательно, никакая война не может быть справедливой, если только это не война, к которой мы вынуждены ради единственного дела свободы. Фенелон желал, чтобы Франция отказалась от завоеваний, добытых нечестным путем, которыми она так гордилась, и особенно чтобы она ушла из Испании. Он заявил, что испанцы были дегенератами и слабоумными, но что ничто не могло исправить то, что противоречило балансу сил и безопасности наций. Голландия казалась ему надеждой Европы, и он считал, что союзники оправданы в изгнании французской династии из Испании по той же причине, по которой никакие требования закона не могли бы исправить положение Филиппа II. оккупировать Англию. Он надеялся, что его страна будет полностью унижена, поскольку опасался последствий успеха для темперамента победоносных французов. Он считал справедливым, что Льюис должен быть вынужден свергнуть своего внука его собственной виновной рукой.

По мнению Фенелона, власть - это яд; а поскольку короли почти всегда плохи, они должны не управлять, а только исполнять закон. Ибо подчиняться прецедентам и обычаям - признак варваров. Цивилизованное общество должно регулироваться твердым кодексом. Ничто, кроме конституции, не может предотвратить произвол власти. Деспотизм Людовика XIV. делает его одиозным и презренным и является причиной всех бед, от которых страдает страна. Если бы правящая власть, которая по праву принадлежала нации, была восстановлена, она спасла бы себя собственными усилиями; но абсолютная власть непоправимо подрывает свои основы и вызывает революцию, которая не смягчит ее, а полностью уничтожит. Хотя Фенелон не желает

жертвовать ни монархией, ни аристократией, он проявляет симпатию к некоторым тенденциям движения, которые он предвидел с такой тревогой. Он признает естественное состояние и считает гражданское общество не примитивным состоянием человека, а результатом перехода от дикой жизни к земледелию. Он передал бы обязанности правительства местным и центральным собраниям; и он требует полной свободы торговли и образования, предусмотренного законом, потому что дети в первую очередь принадлежат государству, а потом семье. Он не отказывается от надежды сделать людей хорошими с помощью акта парламента, и его вера в общественные институты как средство формирования индивидуального характера приводит его почти к соприкосновению с отдаленным будущим.

Он - платонический основатель революционного мышления. Хотя о его истинных взглядах было мало известно, он стал популярной памятью; но некоторые жаловались, что его влияние было центробежным и что церковь не может быть сохранена учтивостью и отличием больше, чем государство свободой и справедливостью. Нам часто говорят, что Людовик XVI погиб во искупление грехов своих предков. Он погиб не потому, что власть, которую он унаследовал от них, была доведена до предела, а потому, что она была дискредитирована и подорвана. Одним из авторов этой дискредитации был Фенелон. До его прихода самые способные люди, Боссюэ и даже Байль, почитали монархию. Фенелон поразил ее в зените и лечил Людовика XIV. во всем его величии более сурово, чем ученики Вольтера относились к Людовику XV. во всей его деградации. Сезон презрения и позора начинается с него. Лучшие из его более поздних современников последовали его примеру и положили в основу противоположной критики религиозные мотивы. Это были люди, которых кардинал Дюбуа описывает как мечтателей, мечтающих о том же, что и химерический архиепископ Камбрейский. Их влияние угасает перед великими переменами, которые произошли во Франции примерно в середине века.

С того времени неверие настолько возобладало, что даже люди, которые не были убежденными противниками, такие как Монтескье, Кондильяк, Тюрго, отдалились от христианства. Политическим следствием этого было следующее: люди, которые не придавали церковным вопросам никакого глубокого значения, никогда не приобретали определенных представлений о Церкви и государстве, никогда серьезно не рассматривали, при каких условиях религия может быть установлена или упразднена, наделена или лишена дара, никогда даже не знали, существует ли какое-либо общее решение или какой-либо принцип, с помощью которого решаются проблемы такого рода. Этот недостаток знаний стал важным фактом в поворотный момент Революции. Теория отношений между государствами и церквями тесно связана с теорией веротерпимости, и по этому вопросу восемнадцатый век едва ли поднялся над прерывистым, смущенным и ненаучным взглядом. Ибо религиозная свобода складывается из свойств как религии, так и свободы, и ни один из ее факторов никогда не становился объектом незаинтересованного наблюдения со стороны реальных лидеров общественного мнения. Они предпочитали аргумент сомнения аргументу уверенности и стремились победить нетерпимость, отвергая откровение, подобно тому, как они победили преследование ведьм, изгнав дьявола. В их либерализме оставался изъян, поскольку свобода вне веры - это свобода, лишенная значительной части содержания. Проблема менее сложна, а решение менее радикально и менее глубоко. Уже тогда были писатели, которые несколько поверхностно придерживались убеждения, которое Токвиль сделал краеугольным камнем, что нации, в которых нет самоуправляемой силы религии, не готовы к свободе.

Ранние идеи реформ развивались по французскому образцу, стремясь использовать существующую форму общества, задействовать парламентскую аристократию, возродить Генеральные штаты и провинциальные ассамблеи. Но схема стояния на древних путях и возведения новой Франции на фундаменте старой выявила тот факт, что какой бы рост институтов там когда-то ни наблюдался, он был замедлен и замер на месте. Если средневековое государственное устройство было приспособлено для процветания, его плоды должны были быть собраны в других странах, где ранние идеи были развиты далеко вперед. Первое, что нужно было сделать, - это культивировать иностранный пример; и с этого началось то, что мы называем восемнадцатым веком. Английское превосходство, впервые провозглашенное Вольтером, было далее продемонстрировано Монтескье. Ибо Англия недавно создала правительство, которое было сильнее институтов, существовавших в древности. Основанная на мошенничестве и государственной измене, она, тем не менее, обеспечила безопасность закона более прочно, чем когда-либо существовала при системе законности, длительного наследования и религиозной санкции. Она процветала на непривычной вере в то, что богословские разногласия не должны умалять могущества государства, в то время как политические разногласия являются самым секретом ее процветания. Люди сомнительной репутации, которые осуществили перемены и правили большую часть шестидесяти лет, успешно поддерживали общественный порядок, несмотря на заговоры и мятежи; они создали огромную систему национального кредита и одержали победу в континентальной войне. Якобитская доктрина, которая была основой европейской монархии, была поддержана оружием Франции и не смогла поколебать недавно установленный трон. Великий эксперимент увенчался великим открытием. Новизна, бросившая вызов мудрости веков, прочно обосновалась, и революция стала принципом стабильности, более надежным, чем традиция.

Монтескье попытался использовать этот тревожный факт в политической науке. Он ценил его, потому что это примиряло его с монархией. Он начинал с убеждения, что короли - это зло, а не неизбежное зло, и что их время на исходе. Его визит в Уолполовскую Англию научил его плану, с помощью которого они могли бы получить отсрочку наказания. Он по-прежнему признавал, что республика - это царство добродетели; и под добродетелью он подразумевал любовь к равенству и самоотречение. Но он видел монархию, процветающую благодаря коррупции. Он сказал, что отличительным принципом монархии является не добродетель, а честь, которую он однажды описал как приспособление, позволяющее людям мира безнаказанно совершать почти все преступления. Восхваление Англии стало менее пагубным для французского патриотизма благодаря знаменитой теории, объясняющей институты и характер барометром и широтой. Монтескье огляделся по сторонам, но не далеко вперед. Его замечательное умение обосновывать каждый положительный факт иногда смешивает причину, которая его порождает, с аргументом, который защищает. Он знает так много просьб о привилегиях, что почти не обращает внимания на класс, у которого их нет; и, не испытывая дружбы к духовенству, он одобряет их привилегии. Он считает, что только аристократия может сохранить монархию и делает Англию более свободной, чем любое содружество. Он излагает великую консервативную максиму о том, что успех обычно зависит от знания времени, которое на это потребуется; и самая чисто виговская максима в его работах о том, что долг гражданина является преступлением, когда он заслоняет долг человека, принадлежит Фенелону. Его свобода принадлежит к готическому типу, и она не ненасытна. Но девиз его работы, *Prolem sine matre creatam*, должен был означать, что единственное, чего не хватало, - это свободы; и у него были взгляды на налогообложение, равенство и разделение властей, которые дали ему

кратковременное влияние в 1789 году. Его предупреждение о том, что законодательная власть может быть более опасной, чем исполнительная, осталось неслышанным. *Дух Луи* утратил свои позиции в 1767 году, во время правления Руссо. Ум автора двигался в привычных для него условиях общества, и он не обращал внимания на грядущую демократию. Он заверил Хьюма, что революции не будет, потому что дворянам не хватает гражданского мужества.

Д'Аржансон, который был министром иностранных дел в 1745 году и знал политику изнутри, был более проницателен. Менее уступчивый, чем его блестящий современник, он постоянно изобретал схемы фундаментальных изменений и является самым ранним писателем, из которого мы можем извлечь систему 1789 года. Другие до него предчувствовали надвигающуюся революцию, но д'Аржансон предсказал, что она начнется с убийства священников на улицах Парижа. Тридцать восемь лет спустя эти слова сбылись у ворот аббатства Сен-Жермен. Как сторонник Претендента, он совершенно не испытывал восхищения Англией и приписывал не английским деистам и вигам, а Церкви с ее разделениями и нетерпимостью дух неверия, который угрожал как Церкви, так и государству. На Континенте было принято считать, что 1688 год был восстанием нонконформистов, и считалось, что виги были пресвитерианами вплоть до смерти Анны. Было легко сделать вывод, что более жестокий теологический конфликт приведет к еще более жестоким потрясениям. Уже в 1743 году его ужасное предвидение показало, что государство разваливается на куски, и его гибель была настолько очевидна, что он начал подумывать о убежище у других хозяев. Он бы сверг дворян, священников и юристов и передал их власть массам. Хотя политическая наука находилась в зачаточном состоянии, он полагался на зарождающееся просвещение, чтобы установить рациональную свободу и равенство между классами и религиями, что является совершенством политики. Миром следует управлять не на основе пергамента и закрепленных прав, а на основе простого разума, который идет от сложного к простому и сметет все, что стоит между государством и демократией, предоставив каждой части нации самой управлять своими делами. Он стремится изменить все, кроме монархии, которая одна может изменить все остальное. Совещательное собрание не поднимается выше уровня своих средних членов. Оно не очень глупо и не очень мудро. Все могло бы быть хорошо, если бы король превратил себя в непреодолимое орудие философии и справедливости и провел реформу. Но его королем был Людовик XV. Д'Аржансон видел так мало достойного сохранения, что не гнушался огульных суждений и абстрактных предложений. Своим рационализмом и безразличием к предрассудкам обычаев и притязаниям на обладание; своей максимой, согласно которой можно предполагать, что каждый человек понимает вещи, в которых задействованы его собственные интересы и ответственность; своим рвением к демократии, равенству и простоте, а также своей нелюбовью к промежуточным авторитетам, он принадлежит к поколению более позднему, чем его собственное. Он предвещал события, не подготавливая их, ибо лучшее из всего, что он написал, стало известно только в наше время.

В то время как Монтескье, находясь на пике своей славы как выдающегося из ныне живущих писателей, довольствовался размышлениями о прошлом, в парижской семинарии был студент, который учил мужчин возлагать надежды и усилия на будущее и в двадцать три года руководил миром. Тюрго, когда он провозгласил, что восходящий рост и прогресс - это закон человеческой жизни, готовился стать священником. Нам, в век науки, стало трудно представить христианство без атрибута развития и способности улучшать общество, а также души. Но идея приобреталась медленно. Под бременем греха люди приучали себя к сознанию вырождения; каждое поколение признавало, что они недостойные дети своих родителей, и с нетерпением

ожидало приближающегося конца. От Лукреция и Сенеки до Паскаля и Лейбница мы встречаем несколько разрозненных и неподтвержденных отрывков, предполагающих продвижение к совершенству, и пламя, которое разгорается, переходя из рук в руки; но им не хватало мастерства или сияния. Тюрго сразу же сделал эту идею привычной, и она стала всепроникающей силой в вдумчивых умах, в то время как для ее подтверждения возникли новые науки. Он придал истории более глубокое значение, придав ей единство тенденции и направления, постоянство там, где было движение, и развитие вместо изменений. Прогресс, который он имел в виду, был не только интеллектуальным, но и моральным; и поскольку он заявлял, что негодяи его времени показались бы освященными образцами для более раннего столетия, он производил свои расчеты, не принимая во внимание порочность людей. Его анализ оставил неизведанные глубины для будущих исследователей, для Лессинга и еще больше для Гегеля; но он научил человечество ожидать, что будущее будет непохоже на прошлое, что оно будет лучше, и что опыт веков может наставлять и предостерегать, но не может направлять или контролировать. Он в высшей степени благотворно влияет на изучение истории; но он выковал оружие, наделенное силой уничтожить продукт истории и существующий порядок. Согласно гипотезе прогресса, новое всегда побеждает старое; история - это воплощение несовершенства, и бегство от истории стало лозунгом грядущего дня. Кондорсе, ученик учителя, думал, что мир может освободиться, если сжечь свои записи.

Тюрго был слишком сдержан для такого излишества, и он обратился к истории за доказательством своего закона. Он пришел к нему в своих богословских исследованиях. Вскоре после этого он отказался от них, сказав, что не может носить маску. Когда Гизо назвал Ламенне злоумышленником за то, что тот сбросил сутану и стал вольнодумцем, Шерер, чей курс был в некотором роде параллельным, заметил: "Он мало знает, сколько это стоит". Резкий переход, по-видимому, был осуществлен Тюрго без борьбы. В то время вышла *Энциклопедия*, которая была крупнейшим предприятием со времен изобретения книгопечатания, и Тюрго написал для нее. Но он порвал с этим, отказавшись быть связанным с партией, открыто враждебной богооткровенной религии; и он отверг декламационные парадоксы Дидро и Рейналя. Он нашел свой дом среди физиократов, из всех групп той, которая обладала наиболее компактной совокупностью последовательных взглядов и которая уже знала большинство общепринятых доктрин политической экономии, хотя в конце концов они уступили место Адаму Смиту. Они имеют для нас первостепенное значение, потому что они основали политическую науку на зарождающейся экономической науке. Харрингтон столетием ранее увидел, что искусство управления может быть сведено к системе; но французские экономисты опережают всех людей в том, что, обладая обширным собранием объединенных и проверенных истин по вопросам, смежным с политикой и принадлежащим к их сфере деятельности, они распространили его на все общество и руководствовались при разработке конституции теми же незыблемыми принципами, которые регулировали кошелек. Они сказали: Самое священное достояние человека - это его труд. Оно предшествует даже праву собственности, ибо принадлежит тем, у кого больше ничего нет. Следовательно, он должен быть свободен использовать это наилучшим образом, насколько он может. Вмешательство одного человека в другого, общества в его членов, государства в субъекта должно быть низведено до самого низкого уровня. Власть вмешивается только для того, чтобы ограничить вмешательство, оградить индивида от угнетения, то есть от регулирования в чужих интересах. Свободный труд и производная от него свободная торговля являются первыми условиями легитимного правительства. Пусть все идет своим естественным порядком, пусть общество управляет само собой, и суверенной функцией

государства будет защита природы во исполнение ее собственных законов. Правительство не должно быть деспотичным, но оно должно быть достаточно могущественным, чтобы подавлять произвол других. Если верховная власть без необходимости ограничена, второстепенные силы будут бунтовать и угнетать. Его превосходство не выдержит никаких испытаний. Проблема в том, чтобы просветить правителя, а не сдерживать его; и одного человека просветить легче, чем многих. Правление оппозицией, путем баланса и контроля противоречит принципам; тогда как абсолютизм может быть необходим для достижения их высшей цели. Ничто иное, как сосредоточенная власть, не могло преодолеть препятствия на пути к таким благотворным реформам, о которых они мечтали. Люди, стремящиеся только к общему благу, должны ущемлять все отчетливые и обособленные интересы класса, и было бы безумием разбивать единственную силу, на которую они могли рассчитывать, и, таким образом, отказываться от средств предотвращения неизбежного зла, если бы все было предоставлено работе общественного мнения и чувств масс. У них не было любви к абсолютной власти как таковой, но они подсчитали, что, если бы они пользовались ею в течение пяти лет, Франция была бы свободной. Они различали деспотичного монарха и непреодолимое, но безличное государство.

Это была эпоха раскаявшейся монархии. Короли стали первыми государственными служащими, исполнявшими на благо народа то, что народ был не в состоянии сделать сам; и началось движение за реформирование, которое привело ко многим примерам процветающего и разумного управления. Людям, которые знали, какие невыразимые страдания и несправедливость причиняют плохие законы, и которые жили в страхе перед необразованными и неорганическими массами, идея реформы сверху казалась предпочтительнее парламентского правления, управляемого Ньюкаслем и Нортон в интересах британского землевладельца. Экономисты внешне и открыто менее либеральны, чем Монтескье, потому что на них несравненно большее впечатление производят бедствия времени и необходимость огромных и фундаментальных перемен. Они готовились разрушить дело абсолютизма рукой абсолютизма. Они были не его противниками, а его советниками и надеялись обратить его своими советами. Необходимые свободы - это те, которые составляют богатство наций; остальное приложится. Болезнь длилась слишком долго, чтобы страдалец мог исцелиться сам: облегчение должно прийти от виновника его страданий. Сила, совершившая зло, все еще была способна исправить его. Трансформация, бесконечно более сложная сама по себе, чем сохранение, не была более сложной для экономистов, потому что она заключалась главным образом в отмене безбожной работы более темных времен. Они считали своей миссией не изобретать новые законы, поскольку это задача, которую Бог не возлагал на человека, а только провозгласить неотъемлемые законы существования общества и дать им возможность восторжествовать.

Экономисты столь же отчетливо указали на недостатки социальной и политической организации, как и избиратели Национального собрания двадцать лет спустя, и почти во всем предлагали пути исправления. Но они были убеждены, что единственное, что может возродить Францию, - это конвульсии, которые национальный характер сделает ужасными. Они желали масштабной системы народного образования, потому что команды не пускают корни в почву, которая не подготовлена. Политические истины могут быть сделаны настолько очевидными, что мнение просвещенной общественности будет непобедимым и изгонит злоупотребление властью. Противостоять угнетению - значит заключить союз с небом, а все, что противостоит естественному порядку свободы, является угнетающим. Ибо общество обеспечивает права; оно не дарует и не ограничивает их. Они являются прямым следствием обязанностей. Поскольку

истина может убеждать только путем выявления ошибок и опровержения возражений, свобода является важным гарантом истины. Общество основано не на воле человека, а на природе человека и воле Бога; и за соответствием установленному богом порядку следует неизбежная награда. Оказание помощи тем, кто страдает, - долг всех людей и дело каждого.

Таков был дух этой замечательной группы людей, особенно Мерсье де ла Ривьера, о котором Дидро сказал, что он один владел истинным и вечным секретом безопасности и счастья империй. Тюрго действительно потерпел неудачу на своем посту, но его репутация не пострадала, и к началу Революции его имя превзошло все остальные. Его политика использования короны для реформирования государства была сразу же отвергнута в пользу других советов; но его влияние можно проследить во многих актах Ассамблеи, и в двух очень памятных случаях оно не было благоприятным. Центральной догмой партии было то, что земля является истинным источником богатства, или, как сказал Асгилл, что человек не имеет дела ни с чем, кроме земли. Когда значительная часть Франции стала национальной собственностью, людей было легче убедить в том, что земля может служить основой государственного кредита и неограниченных ассигнаций. Согласно вескому мнению, которое нам вскоре придется рассмотреть, пути Революции разошлись в тот день, когда, отвергнув пример Англии и Америки, французы решили учредить единый нераздельный законодательный орган. Это была пенсильванская модель, и Вольтер назвал Пенсильванию лучшим правительством в мире. Франклин санкционировал конституцию своего государства с позиции оракула, а Тюрго был ее ярым сторонником в Европе.

Король, правящий на уровне демократии, и демократия, правящая сама по себе через посредство короля, долгое время были противоречивыми понятиями в первой Ассамблее. Одна была монархией согласно Тюрго, другая была монархией, адаптированной к Руссо; и последняя на какое-то время восторжествовала. Руссо был гражданином маленькой республики, состоящей из одного города, и он утверждал, что применил ее пример к мировому правительству. Это была Женева, не такая, какой он ее видел, а такая, какой он извлек ее основной принцип, и такой, какой она с тех пор стала, Женева, иллюстрируемая Лесными кантонами и Ландесгемейндом больше, чем своими собственными уставами. Идея заключалась в том, что взрослые мужчины собирались на рыночной площади, подобно крестьянам Гларуса под своими деревьями, чтобы управлять своими делами, назначая и снимая должностных лиц, наделяя и отзывая полномочия. Они были равны, потому что каждый человек имел точно такое же право защищать свои интересы, гарантируя свой голос. Всеобщее благополучие было в безопасности в руках всех, ибо у них не было ни отдельных интересов, порожденных эгоизмом богатства, ни исключительных взглядов, проистекающих из искаженного образования. Поскольку все равны по силе и схожи по целям, не может быть справедливой причины, по которой некоторые должны отдаляться друг от друга и разделяться на меньшинства. Существует подразумеваемый контракт, согласно которому ни одна часть никогда не должна быть предпочтена целому, и меньшинства всегда должны подчиняться. Умные люди не нужны для создания законов, потому что умные люди и их законы лежат в основе всего зла. Природа - лучший проводник, чем цивилизация, потому что природа исходит от Бога, и Его дела хороши; культура - от человека, чьи дела плохи по мере того, как он все дальше от естественной невинности, по мере того, как в нем возрастают желания, по мере того, как он ищет более утонченных удовольствий и накапливает больше излишеств. Это способствует неравенству, эгоизму и разрушению общественного духа.

Правдоподобными и легкими этапами социальные идеи, скрытые в некоторых частях Швейцарии, породили теорию о том, что люди выходят невинными из рук Творца, что они изначально равны, что прогресс от равенства к цивилизации - это переход от добродетели к пороку и от свободы к тирании, что люди суверенны и управляют властью, данной и отнятой; что отдельный человек или класс могут ошибаться и могут отступать от общего дела и общих интересов, но люди, обязательно искренние, правдивые и неподкупные, не могут ошибиться; что существует право сопротивления всем правительствам, которые являются подвержены ошибкам, потому что они пристрастны, но не против правления народа народом, потому что у него нет хозяина и судьбы, и он принимает решения в последней инстанции и единолично; что восстание - это закон всех непопулярных обществ, основанных на ложном принципе и нарушенном контракте, а подчинение - закон единственно законных обществ, основанных на воле народа; что нет привилегий против закона природы и нет права против власти всех. С помощью этой цепочки рассуждений, с небольшим добавлением других ингредиентов, Руссо применил последовательность идей чистой демократии к управлению народами.

Итак, самый вопиющий и известный факт в истории показывает, что прямое самоуправление города не может быть распространено на всю империю. Этот план вряд ли распространяется за пределы следующего прихода. Либо одним округом будет управлять другой, либо обоими будет кто-то другой, выбранный для этой цели. Любой план противоречит основным принципам. Подчинение - это прямое отрицание демократии; представительство - косвенное. Так что англичанин подвергался такой же зависимости от парламента, как Лозанна от Берна или как Америка от Англии, если она подвергалась налогообложению, и по закону получал свободу лишь раз в семь лет. Следовательно, Руссо, все еще верный швейцарскому прецеденту, а также логике своей собственной теории, был федералистом. В Швейцарии, когда одна половина кантона расходится во мнениях с другой или деревня с городом, считается естественным, что они разделяются на две части, чтобы общая воля не притесняла меньшинства. Это умножение самоуправляющихся сообществ было признано Руссо как средство сохранения единогласия, с одной стороны, и свободы - с другой. Гельвеций поддержал его идеей о том, что люди не только равны по природе, но и похожи друг на друга, и что общество является причиной различий; из этого следует, что все может быть сделано с помощью законов и образования.

Руссо - автор самой сильной политической теории, которая когда-либо появлялась среди людей. Нельзя сказать, что он хорошо рассуждает, но он знал, как заставить свои аргументы казаться убедительными, удовлетворяющими, неизбежными, и писал с красноречием и пылом, которых никогда не было в прозе, даже у Болингброка или Мильтона. Его книги подали первый сигнал о всеобщей подрывной деятельности и оказались столь же фатальными как для Республики, так и для монархии. Хотя он живет по общественному договору и закону сопротивления и обязан своим влиянием тому, что было экстремальным и систематическим, его более поздние труды полны здоровой политической мудрости. Он ничем не обязан новизне или оригинальности своих мыслей. Взятые вместе или по отдельности, они старые друзья, и вы найдете их в школе Вулфа, которая только что предшествовала этому, в догматиках Великого восстания и иезуитских казуистах, которые были дороги Алджернону Сидни, в их протестантских оппонентах Дюплесси Морней и шотландцах, которые слышали, как последний из наших схоластов, майор Сент-Эндрюсский, возобновляет рассуждения о времени раскола, которое разложило и расчленило Церковь и перестроило ее по модели, очень благоприятствующей политической революции, и даже в первых интерпретаторах Нового завета. Аристотелевская политика, появившаяся как раз в эпоху первого парламента.

Самым передовым тезисом Руссо было учение о том, что люди непогрешимы. Юрье учил, что они не могут поступать неправильно: Руссо добавил, что они положительно правы. Идея, как и большинство других, не была новой и восходит к средневековью. Когда возник вопрос, какая безопасность существует для сохранения традиционной истины, если епископат разделен, а папство вакантно, был дан ответ, что вера будет надежно сохранена массами. Максима о том, что глас народа - это глас Божий, так же стара, как Алкуин; она была возобновлена некоторыми из величайших писателей, предшествовавших демократии, Хукером и Боссюэтом, и она была использована в наши дни Ньюменом для обоснования своей теории развития. Руссо применил его к государству.

Суверенитет общественного мнения как раз тогда проявлялся в росте государственного долга и растущем значении государственного кредитора. Это значило больше, чем благородный дикарь и непорочный житель островов Южных морей, и отличало инстинкт, который руководит большими массами людей, от расчетливой мудрости немногих. Ему было суждено стать самым серьезным из всех препятствий на пути к представительному правлению. Равенство власти легко предполагает равенство собственности; но движение к социализму началось раньше, и Руссо ему не помогал. Были серьезные теоретики, такие как Мэбли и Морелли, которых иногда цитировали во время Революции, но изменения в распределении собственности произошли независимо от них.

Более сильное влияние было импортировано из Италии; ибо итальянцы через Вико, Джанноне, Дженовези обрели собственный восемнадцатый век. Сардиния опередила Францию в решении проблемы феодализма. Артур Янг утверждает, что меры великого герцога Леопольда за десять лет удвоили производство в Тоскане; в Милане граф Фирмиан считался одним из лучших администраторов в Европе. Это был миланец Беккариа, который благодаря своей реформе уголовного права стал лидером общественного мнения Франции. Континентальная юриспруденция долгое время находилась в тени двух идей: что пытка является самым надежным методом установления истины и что наказание отпугивает не своей справедливостью, быстротой или определенностью, а пропорционально его суровости. Даже в восемнадцатом веке пенитенциарная система Марии Терезии и Иосифа II. была варварской. Поэтому никакая атака не была более определенно направлена в самое сердце устоявшегося обычая, чем та, которая касалась судов. Это заставило людей прийти к выводу, что власть отвратительно глупа и еще более отвратительно свирепа, что существующие правительства прокляты, что хранители и служители закона, божественного и человеческого, более виновны, чем их преступники. Прошрое было заклеено как правление inferнальных сил и обвинено в долгих расплатах за безнаказанные проступки. Поскольку в законе не осталось святости, не было пощады и для его безжалостных защитников; и если бы они попали в руки мстителей, их участь не превысила бы их заслуг. Люди, впоследствии прославившиеся своей жестокостью, Бриссо и Марат, были вовлечены в эту кампанию гуманизма, которая выдвинула требование о власти, не запятнанной накоплением позора, о новых законах, новых полномочиях, новой династии.

Поскольку религия ассоциировалась с жестокостью, именно в этот момент движение новых идей превратилось в крестовый поход против христианства. Книга кюре Мелье, частично известная в то время, но впервые напечатанная Штраусом в 1864 году, - "громовой глас мстительного неверия"; а другой аббат, Рейналь, надеялся, что духовенство будет раздавлено руинами своих алтарей.

Таким образом, движение, начавшееся во времена Фенелона с предупреждений и увещеваний и ревностного стремления к сохранению, которое привело к одному великому плану перемен со стороны короны и другому за счет короны, закончилось диким криком о мести и страстным призывом к огню и мечу. Так много направлений мысли, сходящихся на разрушении, объясняют соглашение, существовавшее, когда начинались Генеральные штаты, и взрыв, последовавший за реформами 89-го, и руины 93-го. Не может быть более непримиримого конфликта, чем конфликт между конституцией и просвещенным абсолютизмом, между отменой старых законов и умножением новых, между представительством и прямой демократией, между народом, контролирующим, и народом, управляющим, королями по контракту и королями по мандату.

И все же все эти фракции мнений назывались либеральными: Монтескье, потому что он был интеллигентным тори; Вольтер, потому что он нападал на духовенство; Тюрго, как реформатор; Руссо, как демократ; Дидро, как вольнодумец. Единственное, что их всех объединяет, - это пренебрежение к свободе.

II

ВЛИЯНИЕ АМЕРИКИ

Несколько структур политической мысли, возникших во Франции и столкнувшихся в процессе революции, не были непосредственно ответственны за вспышку. Доктрины нависали, как облако, над высотами, и в критические моменты правления Людовика XV. люди чувствовали, что надвигается катастрофа. Это случилось, когда при его преемнике провокаций было меньше; и искра, которая превратила мысль в действие, была подана Декларацией независимости Америки. Это была система международных экстерриториальных универсальных вигов, намного превосходящая английскую модель своей простотой и строгостью. Оно превзошло по силе все предположения Парижа и Женевы, ибо прошло проверку экспериментом, и его триумф стал самым запоминающимся событием, которое когда-либо видели люди.

Ожидание того, что американские колонии отделятся, было давним. Столетием ранее Харрингтон написал: "Они все еще младенцы, которые не могут жить, не посасывая грудь своих метрополий; но таких, как я, ошибочно принимают за тех, кто, достигнув совершеннолетия, не отлучает себя от груди; что заставляет меня удивляться принцам, которым нравится изнурять себя таким образом". Когда в 1759 году Мирабо-старший объявил об этом, он имел в виду, что завоевание Канады означало потерю Америки, поскольку колонисты будут цепляться за Англию до тех пор, пока французы будут у них за спиной, и не дольше. Он был очень близок к истине, потому что война в Канаде дала сигнал. Английские колонии замыслили аннексию Франции, и их возмущало, что королевское правительство предприняло экспедицию, чтобы лишить их возможности для совместных действий. Пятьдесят лет спустя президент Адамс сказал, что обращение британцев с американскими офицерами заставило его кровь вскипеть.

Агитация началась в 1761 году, и благодаря новаторским идеям, которые она распространила за рубежом, она так же важна, как сама Декларация или великие конституционные дебаты. Колонии были более развитыми, чем Великобритания, в плане свободных институтов и существовали только для того, чтобы избежать пороков метрополии. У них не было пережитков

феодализма, которые можно было бы лелеять или которым можно было бы сопротивляться. Они обладали письменными конституциями, некоторые из них были удивительно оригинальными, соответствовали корням огромного развития. Георг III. показалось странным, что он должен быть сувереном такой демократии, как Род-Айленд, где вся власть ежегодно возвращалась к народу, а власти приходилось избирать заново. Коннектикут получил от Стюартов настолько либеральную хартию и разработал настолько законченную схему местного самоуправления, что она послужила основой для федеральной конституции. У квакеров был план, основанный на равенстве сил, без угнетения, привилегий, нетерпимости или рабства. Они заявили, что их священный эксперимент не стоил бы того, чтобы его проводить, если бы он не давал некоего вполне реального преимущества перед Англией. Именно для того, чтобы насладиться свободой, свободой совести и правом облагать себя налогами, они отправились в пустыню. Были моменты, в которых эти люди предвосхищали доктрины более неограниченной демократии, поскольку они основывали свое правительство не на условностях, а на божественном праве и утверждали, что они непогрешимы. Проповедник из Коннектикута сказал в 1638 году: "Выбор государственных судей принадлежит народу с Божьего попущения. Те, кто обладает властью назначать должностных лиц и магистратов, в их власти также устанавливать границы власти и места, на которые они их призывают". Следующие слова, написанные в 1736 году, встречаются в работах Франклина: "Суждение целого народа, особенно свободного народа, считается непогрешимым. И это универсально верно, пока они остаются в своей сфере, беспристрастные к фракциям, не обманутые уловками людей-конструкторов. Нельзя предполагать, что группа людей, находящихся в таких обстоятельствах, может неправильно судить по каким-либо существенным вопросам; ибо если они принимают решение в пользу самих себя, что чрезвычайно естественно, их решение справедливо, поскольку все, что способствует их благу, является общим благом и способствует реальному общественному благу". Комментатор добавляет, что это представление о безошибочном понимании людьми своих истинных интересов и их безошибочном следовании им было очень распространено в провинциях и какое-то время в Штатах после установления независимости Америки.

Несмотря на свой демократический дух, эти общины согласились на регулирование и ограничения своей торговли в ущерб себе и в пользу английских купцов. Они протестовали, но в конце концов уступили. Адам Смит говорит, что запрещать великому народу производить все, что он может, из каждой части своего собственного продукта или использовать свой скот и промышленность так, как он считает наиболее выгодным для себя, является явным нарушением самых священных прав человечества. Существовало скрытое чувство обиды, которое вырвалось наружу, когда, в дополнение к вмешательству в свободу торговли, Англия воспользовалась правом на налогообложение. Недавно один американец написал: "Реальной основой недовольства, приведшего к революции, были попытки Великобритании, начиная с 1750 года, предотвратить разнообразие профессий, противодействовать росту мануфактур и механического искусства, и последней причиной, предшествовавшей попытке ввести налоги без представительства, были попытки обеспечить соблюдение законов о судоходстве". Когда Англия возразила, что трудности регулирования могут быть больше, чем трудности налогообложения, и что те, кто подчиняется одному, подчиняются, в принципе, и другому, Франклин ответил, что американцы не придерживаются такой точки зрения, но что, когда она будет представлена им, они будут готовы отвергнуть и то, и другое. Однако он знал, что территория, занятая его соотечественниками, была слишком узкой. Он писал французскому экономисту Морелле: "Ничто не может быть выражено лучше, чем ваши чувства по этому

поводу, когда вы предпочитаете свободу торговли, земледелия, производства и т.д. Даже гражданской свободе, которая затрагивается редко, другая - ежечасно".

Эти первые авторы идеи независимости Америки, как правило, были энтузиастами британской конституции и предшествовали Берку в стремлении канонизировать ее и возвеличивать как идеальный образец для народов. Джон Адамс сказал в 1766 году: "В этом заключается разница между британской конституцией и другими формами правления, а именно в том, что свобода - это ее цель, ее использование, ее назначение, направление и сфера применения, точно так же, как помол зерна - это использование мельницы". Другой знаменитый бостонец отождествлял Конституцию с законом Природы, как Монтескье называл Гражданское право, писанный Разум. Он сказал: "Слава британского принца и счастье всех его подданных в том, что их конституция основана на непреложных законах Природы; и поскольку высшая законодательная, а также высшая исполнительная власть черпают свою власть из этой конституции, должно казаться, что не могут быть приняты или исполнены законы, противоречащие какому-либо существенному закону Природы". Автор этих слов, Джеймс Отис, является основателем революционной доктрины. Описывая одну из своих брошюр, второй президент говорит: "Посмотрите на декларации прав и обиды, выданный Конгрессом в 1774 году, посмотрите на Декларацию независимости в 1776 году, смотрите в трудах доктора Чеймберлена и доктор Пристли; разобраться во всех французских конституциях, государственного управления; и, в довершение кульминации, посмотрите на мистера Томаса Пейна *Здравый смысл, кризис права человека*. Что вы можете найти такого, чего нельзя найти по существу в этом "Оправдании Палаты представителей"?". Когда эти люди обнаружили, что апелляция к закону и конституции им не помогла, что король, подкупив народных представителей деньгами народа, смог осуществить свою волю, они обратились в высший суд и обратились от закона Англии к закону Природы, а от короля Англии к Царю королей. Отис в 1762, 1764 и 1765 годах говорит: "Большинство правительств, по сути, деспотичны и, следовательно, являются проклятием и позором человеческой природы; но ни одно из них не является по праву деспотичным. По законам Бога и природы правительство не должно повышать налоги на собственность народа без согласия народа или его депутатов. Не может быть рецепта, достаточно древнего, чтобы заменить закон Природы и дарование Всемогущего Бога, который дал всем людям право быть свободными. Если у человека мало собственности, которую нужно защищать, все же его жизнь и свобода имеют определенное значение". Примерно в то же время Гадсден писал: "Подтверждение наших основных и общих прав как англичан может быть достаточно четко закреплено в хартиях; но любая дальнейшая зависимость от них может оказаться фатальной. Мы должны опираться на широкую общую основу тех естественных прав, которые мы все чувствуем и знаем как мужчины и как потомки англичан".

Первобытные отцы Соединенных Штатов начали с того, что предпочли абстрактный моральный принцип букве закона и духу Конституции. Но они пошли дальше. Их жалобу было не только трудно обосновать по закону, но и она была тривиальной по масштабам. Утверждение Англии не было явно опровергнуто, и даже если оно было несправедливым, с этой несправедливостью практически было нетрудно смириться. Страдание, которое было бы вызвано подчинением, было неизмеримо меньшим, чем страдание, которое должно последовать за сопротивлением, и оно было более неопределенным и отдаленным. Утилитарный аргумент звучал громко в пользу послушания и лояльности. Но если на одной стороне был интерес, то на другой был очевидный принцип — принцип настолько священный и ясный, что настоятельно требовал жертвовать жизнями людей, их семьями и их состоянием. Они решили бросить все, но не для того, чтобы

спастись от реального угнетения, а для того, чтобы соблюдать предписания неписаного закона. Это было трансатлантическое открытие в теории политического долга, свет, пришедший из-за океана. Она представляла свободу не как сравнительное освобождение от тирании, а как нечто настолько божественное, что существование общества должно быть поставлено на карту, чтобы предотвратить даже малейшее конструктивное нарушение его суверенного права. "Свободный народ, - сказал Дикинсон, - никогда не может быть ни слишком быстрым в наблюдении, ни слишком твердым в противодействии начавшимся изменениям ни в форме, ни в реальности, уважая институты, созданные для его безопасности. Первый вид изменений приводит к последнему. Поскольку нарушения прав управляемых обычно не только кажущиеся, но и вначале незначительные, они распространяются на массы таким образом, что затрагивают отдельных людей лишь незначительно. Каждое свободное государство должно постоянно наблюдать и немедленно проявлять тревогу при любом увеличении власти, осуществляемой над ним ". Кто такие свободные люди? Не те, над кем разумно и справедливо осуществляется государственная власть; но те, кто живет при правительстве, настолько конституционно контролируемом, что приняты надлежащие меры против его осуществления иным образом. Соревнование явно носило принципиальный характер и проводилось исключительно из принципа обеими сторонами. "Сумма налогов, которую предлагалось повысить, - сказал Маршалл, величайший из юристов-конституционалистов, - была слишком незначительной, чтобы заинтересовать население какой-либо страны". Я добавлю слова Дэниела Вебстера, великого толкователя Конституции, который является самым красноречивым из американцев и стоит в политике рядом с Берком: "Парламент Великобритании отстаивал право облагать налогом Колонии во всех случаях, какими бы они ни были; и именно этим вопросом они повернули Революцию вспять. Сумма налога была незначительной, но само требование было несовместимо со свободой, и этого, по их мнению, было достаточно. Они взялись за оружие скорее против оглашения акта парламента, чем против каких-либо страданий в результате его принятия. Они начали войну против преамбулы. Они семь лет боролись против декларации. Они увидели в требовании британского парламента основополагающий принцип зла, зародыш несправедливой власти".

Целью этих людей была свобода, а не независимость. Их чувства были выражены Джемсом в его обращении к народу Великобритании: "Позвольте нам быть такими же свободными, как вы, и мы всегда будем считать союз с вами нашей величайшей славой и нашим величайшим счастьем". До 1775 года не было и речи о разделении. В течение всей Революции Адамс заявлял, что отдал бы все, чтобы все было по-прежнему безопасно; и как Джефферсон, так и Мэдисон признали в присутствии английского министра, что несколько мест в обеих палатах решили бы весь вопрос.

В своем обращении к высшему закону американцы исповедовали чистейший вигизм и утверждали, что их сопротивление Палате общин и судебной практике Вестминстера лишь усугубляет извечный конфликт между вигами и тори. Своим более тщательным анализом и бесстрашием перед логическими следствиями они трансформировали доктрину и модифицировали партию. Изгнанный с корнем виги, оторванный от своих пергаментов и прецедентов, своих ведущих семей и исторических условий, проявил новые качества; и эра компромисса уступила место эре принципов. В то время как французская дипломатия прослеживала руку английской оппозиции в чайных бунтах в Бостоне, Чатем и Камден ощущали влияние Дикинсона и Отиса, не осознавая разницы. Это содержится в отрывке из одной из речей Чатема в 1775 году: "Это всеобщее противодействие вашей произвольной системе налогообложения можно было предвидеть. Это было очевидно из природы вещей, и из природы

человека, и, прежде всего, из укоренившихся привычек мышления, из духа вигизма, процветающего в Америке. Дух, который сейчас пронизывает Америку, тот же самый, который раньше выступал против займов, благотворительности и корабельных денег в этой стране, тот же самый дух, который побудил всю Англию к действию во время Революции и который установил в далекую эпоху ваши свободы на основе того великого фундаментального принципа Конституции, что ни один подданный Англии не может облагаться налогом иначе, как с его собственного согласия. Поддерживать этот принцип - общее дело вигов по ту сторону Атлантики и по эту. Это союз Бога и Природы, неизменный, вечный, незыблемый, как небесная твердь. Соппротивление вашим действиям было необходимо, поскольку оно было справедливым; и ваши тщетные заявления о всемогуществе парламента и ваши властные доктрины о необходимости подчинения будут признаны столь же бессильными убедить или поработить ваших сограждан в Америке".

Наиболее значительным примером действий Америки в отношении Европы является Эдмунд Берк. Мы думаем о нем как о человеке, который в молодости отвергал все общности и абстрактные положения и который стал самым ярким и неистовым из консерваторов. Но был период, когда, пока продолжалась ссора с Колониями, Берк был таким же революционером, как Вашингтон. Несоответствие не такое вопиющее, как кажется. Он был выдвинут партией взвешенной пристойности и императивной умеренности, компромисса и незаконченности мысли, которая требовала права взимать налоги, но отказывалась им воспользоваться. Когда он подчеркивал различия в каждой ситуации и каждой проблеме и уклонялся от общего знаменателя и основополагающего принципа, он шел в ногу со своими друзьями. Как ирландцу, женившемуся в ирландской католической семье, было желательно, чтобы он не принимал в Америке никаких теорий, которые могли бы выбить Ирландию из колеи. Он научился проповедовать партийное правление как почти священную догму, а партия запрещает бунт как нарушение законов игры. Его угрызания совести, протесты и пренебрежение теорией были политикой и предосторожностью человека, сознающего ограничения и не вполне свободного в проявлении сил, которые намного возвышали его над более дрессированным окружением. По мере того как борьба обострялась и американцы уступали, Берк увлекся и развил взгляды, от которых он никогда полностью не отказывался, но которые трудно согласовать со многим из того, что он написал, когда революция распространилась на Францию.

В своем обращении к колонистам он говорит: "Мы не знаем, как квалифицировать миллионы наших соотечественников, единодушно борющихся за доступ к привилегиям, которые мы когда-либо считали своим счастьем и честью, под одиозными и недостойными названиями. Напротив, мы высоко ценим принципы, на основе которых вы действуете. Мы бы предпочли видеть вас полностью независимыми от этой короны и королевства, чем соединенными с ними таким неестественным союзом, как свобода и рабство. Мы рассматриваем основание английских колоний на принципах свободы как то, что должно сделать это королевство достойным уважения в будущие века. По сравнению с этим мы рассматриваем все победы и завоевания наших воинственных предков или наших собственных времен как варварские, вульгарные различия, в которых многие народы, на которые мы смотрим без особого уважения или ценности, сравнялись с нами, если не намного превзошли нас. Тех, кто имеет и кто придерживается этого фундамента общей свободы, будь то по эту или по вашу сторону океана, мы считаем истинными и единственно верными англичанами. Те, кто отступает от него, будь то там или здесь, достигают совершенства, пачкаются в крови и полностью теряют свой первоначальный ранг и ценность. Они настоящие бунтари против справедливой конституции и

справедливого верховенства Англии. Длительный ход войны с администрацией этой страны может быть лишь прелюдией к серии войн и раздоров между вами, которые в конце концов закончатся (как слишком часто заканчивались подобные сцены) своего рода унижительным покоем, который ничто, кроме предшествующих бедствий, не могло примирить с теми немногими, кто пережил их. Мы допускаем, что даже это зло стоит риска для людей чести, когда на карту поставлена рациональная свобода, как в данном случае, мы признаем и сожалеем, что это так".

В других случаях он говорил следующее: "Ничто иное, как конвульсия, которая потрясет земной шар до самого его центра, никогда не сможет вернуть европейским нациям ту свободу, которой они когда-то так отличались. Западный мир был средоточием свободы до тех пор, пока не был открыт другой, более западный; и этот другой, вероятно, станет его убежищем, когда за ним будут охотиться во всех остальных частях света. Счастье, что в худшие времена у человечества еще может быть одно убежище. Если ирландцы сопротивлялись королю Вильгельму, они сопротивлялись ему по тому же принципу, по которому англичане и шотландцы сопротивлялись королю Якову. Ирландские католики, должно быть, были самыми худшими и по-настоящему противоестественными мятежниками, если они не поддерживали принца, на чьих глазах напали, не за какие-либо замыслы против их религии или их свобод, а за крайнее пристрастие к их секте. Принцы, в остальном достойные уважения, нарушили свободы народа и были законно смещены за такое нарушение. Я не знаю ни одного человека, свободного от закона. Я считаю парламент надлежащим судьей королей, и необходимо, чтобы они подчинялись ему. Нет такой вещи, как управление всем народом вопреки его склонностям. Всякий раз, когда у них возникает чувство, что они обычно правы. Христос проявил сочувствие к самым низшим из людей и тем самым сделал твердым и господствующим принципом то, что их благополучие является целью любого правительства.

"При всех формах правления истинным законодателем является народ. Отдаленной и действенной причиной является согласие людей, фактическое или подразумеваемое, и такое согласие абсолютно необходимо для его действительности. Вигизм состоял не в поддержке власти парламента или какой-либо другой власти, а в защите прав народа. Если парламент должен был стать инструментом вторжения в них, то он был ни в каком отношении не лучше, а в некоторых даже хуже, чем любой другой инструмент произвола власти. Те, кто призывает вас всецело принадлежать народу, - это те, кто хочет, чтобы вы принадлежали своему настоящему дому, сфере своего долга, своему почетному посту. Пусть Палата общин в парламенте в сборе будет одним и тем же делом с Палатой общин в целом. Я не вижу другого способа сохранить достойное внимание к общественным интересам со стороны представителей, кроме вмешательства самого народа, всякий раз, когда каким-либо вопиющим и печально известным актом, каким-либо капитальным нововведением будет казаться, что эти представители собираются переступить границы закона и ввести произвольную власть. Такое вмешательство - крайне неприятное средство правовой защиты; но если это законное средство правовой защиты, то оно предназначено для использования в каком-то случае - только тогда, когда станет очевидно, что ничто другое не может удержать Конституцию в соответствии с ее истинными принципами. Не только в парламенте может быть завершено лечение парламентских беспорядков; на самом деле, вряд ли оно может начаться там. Следовательно, народное происхождение не может быть характерным отличием народного представителя. Это в равной степени относится ко всем частям правительства и во всех формах. Достоинство, дух и сущность Палаты общин состоят в том, что она является выражением чувств нации. Она не была

учреждена для контроля над народом. Она была задумана как контроль для народа. Привилегии короны и парламента являются привилегиями только до тех пор, пока они осуществляются на благо народа. Глас народа - это голос, который должен быть услышан, а не голоса и резолюции Палаты общин. Он полностью сохранил бы все привилегии народа, потому что это привилегия известная и прописанная в законе страны; и он поддержал бы ее не только против короны или аристократической партии, но и против самих представителей народа. Это не было уравновешенным правительством. Было бы странно, если бы в силах двухсот пэров было своим негативом опровергнуть то, что было сделано народом Англии. Я принимал участие в политических связях и политических распрях с целью продвижения справедливости и господства разума, и я надеюсь, что никогда не предпочту средства или какие-либо чувства, возникающие в результате использования этих средств, самой великой и существенной цели. Законодатели могут делать то, чего не могут юристы, поскольку у них нет других правил, которые связывали бы их, кроме великих принципов разума, справедливости и общего здравого смысла человечества. Все человеческие законы, собственно говоря, носят лишь декларативный характер; они могут изменять способ и применение, но не имеют власти над сутью изначальной справедливости. Сохранение и безопасное осуществление наших естественных прав является великой и конечной целью гражданского общества.

"Величайший проход, через который в мир проникла пропаганда угнетения, заключается в том, что один человек претендует на то, чтобы определять счастье другого. Я бы предоставил евреям, магометанам и даже язычникам полную гражданскую защиту, в которую я включаю иммунитет от любого нарушения их общественного религиозного богослужения и право преподавать в школах, а также в храмах. Христианская религия сама возникла без установления, она возникла даже без терпимости, и, хотя ее собственные принципы не допускались, она победила все силы тьмы, она покорила все силы мира. В тот момент, когда она начала отходить от этих принципов, она превратила истеблишмент в тиранию, с того самого часа она подорвала его основы. В силах правительства предотвратить много зла; оно может принести очень мало положительной пользы в этом, как, возможно, и в чем-либо другом. Это относится не только к государству и государственным деятелям, но и ко всем классам и характеристикам богатых: они являются пенсионерами бедных и содержатся за счет своих излишков. Они находятся в абсолютной, наследственной и непреодолимой зависимости от тех, кто трудится, и их ошибочно называют бедняками. Тот класс зависимых пенсионеров, который называется богатыми, настолько чрезвычайно мал, что, если бы всем им перерезали глотки и распределили все, что они потребляют за год, это не дало бы ни кусочка хлеба и сыра на ужин на одну ночь тем, кто работает и кто на самом деле кормит и пенсионеров, и себя. Мы должны надеяться смягчить божественное неудовольствие не на нарушение законов торговли, которые являются законами природы и, следовательно, законами Бога. Это закон природы, который является законом Бога".

Я не могу удержаться от вывода из этих отрывков, что Берк после 1770 года подвергся иному влиянию, чем влияние его предполагаемых учителей, вигов 1688 года. И если мы обнаружим это необычное течение мысли у человека, который впоследствии позолотил старый порядок вещей и колебался в отношении терпимости и работоторговли, мы можем ожидать, что те же причины будут действовать и во Франции.

Когда *Письма пенсильванского фермера* стали известны в Европе, Дидро сказал, что было безумием позволять французам читать подобные вещи, поскольку они не могли этого сделать,

не опьянев и не превратившись в других людей. Но Франция была впечатлена этим событием больше, чем сопровождавшей его литературой. Америка добилась независимости при меньшем количестве провокаций, чем когда-либо было поводом для восстания, и французское правительство признало, что ее дело было праведным, и начало за это войну. Если король был прав в Америке, он был совершенно неправ дома, и если американцы действовали правильно, аргумент был сильнее, дело было в сто раз лучше в самой Франции. Все, что оправдывало их независимость, осуждало правительство их французских союзников. Исходя из принципа, что налогообложение без представительства - это грабеж, не было власти столь незаконной, как власть Людовика XVI. Сила этой демонстрации была непреодолимой, и она произвела свой эффект там, где пример Англии потерпел неудачу. Английская доктрина была отвергнута на самом раннем этапе Революции, и была принята американская. То, что французы переняли у американцев, было их теорией революции, а не их теорией правления — их кройкой, а не шитьем. Многие французские дворяне служили на войне и вернулись домой республиканцами и даже демократами по убеждениям. Именно Америка обратила аристократию к политике реформ и дала лидеров Революции. "Американская революция, - говорит Вашингтон, - или особый свет эпохи, кажется, открыли глаза почти каждой нации в Европе, и дух равной свободы, по-видимому, быстро распространяется повсюду". Когда французские офицеры уезжали, Купер из Бостона обратился к ним с предупреждением: "Не позволяйте нашим победам на этой девственной земле воспламенить ваши надежды. Вы понесете с собой наши чувства, но если вы попытаетесь насадить их в стране, которая веками была коррумпированной, вы столкнетесь с препятствиями более серьезными, чем наши. Наша свобода была завоевана кровью; вам придется пролить ее потоками, прежде чем свобода сможет укорениться в старом свете". Адамс, после того как он стал президентом Соединенных Штатов, горько сожалел о революции, которая сделала их независимыми, потому что она подала пример французам; хотя он также считал, что у них нет ни единого общего принципа.

Напротив, нет ничего более определенного, чем то, что американские принципы оказали глубокое влияние на Францию и определили ход революции. Именно из Америки Лафайет заимствовал высказывание, которое вызвало переполох в то время, что сопротивление - самая священная из обязанностей. Также существовала теория о том, что политическая власть исходит от тех, над кем она осуществляется, и зависит от их воли; что любая власть, не созданная таким образом, незаконна и ненадежна; что прошлое - это скорее предупреждение, чем пример; что земля принадлежит тем, кто на ней стоит, а не тем, кто внизу. Это характеристики, общие для обеих Революций.

В свое время французы также переняли и приветствовали американское представление о том, что целью правительства является свобода, а не счастье, или процветание, или власть, или сохранение исторического наследия, или приспособление национального законодательства к национальному характеру, или прогресс просвещения и поощрение добродетели; что частное лицо не должно испытывать давления государственной власти и должно направлять свою жизнь с помощью влияний, которые находятся внутри него, а не вокруг него.

И была еще одна политическая доктрина, которую американцы передали французам. В старые колониальные времена исполнительная и судебная власти были получены из иностранного источника, и общей целью было их ограничение. Соборы были популярны по своему

происхождению и характеру, и все, что усиливало их власть, казалось, добавляло безопасности правам человека. Джеймс Уилсон, один из авторов и комментаторов конституции, сообщает нам, что "во время Революции существовало и преобладало то же самое нежное пристрастие и та же ревнивая неприязнь. Исполнительная и судебная, а также законодательная власть теперь были детищем народа, но по отношению к двум первым народ вел себя как мачеха. Законодательная власть по-прежнему отличалась чрезмерной пристрастностью." Это предпочтение, историческое, но иррациональное, естественным образом привело к созданию единой палаты. Народ Америки и его делегаты в Конгрессе придерживались мнения, что единая Ассамблея во всех отношениях адекватна управлению их федеральными делами, и когда был изобретен Сенат, Франклин решительно возразил. "Что касается двух палат, - писал он, - я разделяю ваше мнение, что одна была бы лучше; но, мой дорогой друг, ничто в человеческих делах и планах не является совершенным, и, возможно, так обстоит дело с нашими мнениями".

Александр Гамильтон был самым способным, а также самым консервативным из американских государственных деятелей. Он стремился к монархии, и он желал установить национальное правительство и уничтожить государственные права. Американский дух, проникший во Францию, невозможно описать лучше, чем это было сделано им самим: "Я считаю гражданскую свободу в подлинном, неподдельном смысле величайшим из земных благ. Я убежден, что вся человеческая раса имеет на это право и что ни у кого из них это не может быть вырвано без самого черного и отягчающего чувства вины. Священные права человечества не следует искать среди старых пергаментов или заплесневелых записей. Они начертаны, как солнечный луч, во всем объеме человеческой природы рукой самого Божества и никогда не могут быть стерты или затемнены смертной властью".

Но когда мы говорим в общих чертах об Американской революции, мы объединяем разные и противоречивые вещи. С момента первой агитации в 1761 году до Провозглашения независимости, а затем до окончания войны в 1782 году американцы были агрессивны, использовали жестокий язык, любили абстракции, изобиловали доктринами, универсально применимыми и универсально разрушительными. Именно идеи тех ранних дней привлекли внимание Франции, и их привнесли Лафайет, Ноай, Ламет и лидеры будущей революции, которые были свидетелями спуска британского флага в Йорктауне. Америка, в которой они жили, была Америкой Джеймса Отиса, Джефферсона, *Прав человека*.

Изменение последовало в 1787 году, когда Конвент разработал Конституцию. Это был период строительства, и прилагались все усилия, изобретались все схемы, чтобы обуздать неизбежную демократию. Члены этого собрания были, в целом, в высшей степени осторожными и разумными людьми. Они не отличались выдающимися способностями, и гений Гамильтона не произвел на них ни малейшего впечатления. Некоторые из их самых запоминающихся изобретений не имели никакого замысла, а были всего лишь полумерами и взаимными уступками. Сьюард указал на это различие между революционной эпохой и последовавшей за ней эпохой учредительства: "Права, отстаиваемые нашими предками, не были присущи им самим. Это были общие права человечества. Основа Конституции была заложена гораздо шире, чем та надстройка, которую пришлось возвести из-за конфликтующих интересов и предрассудков того времени. Конституция и законы федерального правительства практически не распространяли эти принципы на всю новую систему правления; но они были четко провозглашены в Декларации независимости".

Итак, хотя Франция была глубоко затронута американской революцией, американская конституция на нее не повлияла. Она подверглась тревожному влиянию, а не консервативному.

Конституция, принятая летом 1787 года, вступила в силу в марте 1789 года, и никто не знал, как она работает, когда во Франции разразился кризис. Дебаты, которые объясняют каждое намерение и комбинацию, долгое время оставались скрытыми от мира. Более того, Конституция стала чем-то большим, чем первоначальный печатный документ. Помимо поправок, он был истолкован судами, изменен в соответствии с мнением, развит в одних направлениях и негласно изменен в других. Некоторые из его наиболее ценных положений были приобретены таким образом и еще не были заметны, когда французы так сильно нуждались в руководящих уроках чужого опыта. Поначалу некоторые ограничения на руководящую власть не были установлены в полной мере.

Наиболее важным из них является решение Верховного суда об отмене неконституционных законов. Герцог Веллингтонский сказал Банзену, что только этим учреждением Соединенные Штаты восполнили все недостатки своего правительства. Со времен верховного судьи Маршалла судебная власть, несомненно, получила огромные полномочия, которые Джефферсон и другие, кроме него, считали неконституционными, поскольку сама Конституция не дает таких полномочий. Эта идея возникла в Штатах, главным образом, я думаю, в Вирджинии. В Ричмонде в 1782 году судья Уайт сказал: "Тирания была свергнута, департаменты оставлены в пределах своих полномочий, граждане защищены, а всеобщая свобода поощряется. Но этот благотворный результат достигает высшего совершенства, когда те, кто владеет кошельком и шпагой, расходятся в полномочиях, которые каждый может осуществлять, трибуналы, которые не обладают ни тем, ни другим, призваны беспристрастно объявлять закон между ними, если весь законодательный орган — событие, заслуживающее осуждения, — попытается перейти границы, предписанные им народом, я, отправляя правосудие в стране, встречу с объединенными властями на своем месте в этом трибунале и, указывая на Конституцию, скажу им: "Здесь предел вашей власти; вы пойдете сюда, но только не сюда". больше никаких действий ". Законодательное собрание Вирджинии уступило и отменило этот закон.

После того, как была составлена Федеральная конституция, Гамильтон в семьдесят восьмом номере *"Федералиста"* утверждал, что власть принадлежит судебной власти; но конституционно это не было признано до 1801 года. "Это, - сказал Мэдисон, - фактически делает судебный департамент первостепенным по отношению к законодательной власти, что никогда не было задумано и никогда не может быть правильным. В правительстве, жизненным принципом которого является ответственность, никогда не будет допущено полного подчинения законодательной и исполнительной ветвей власти судебной системе, в которой эта характерная черта проявляется так слабо ". Уилсон, с другой стороны, обосновывал эту практику принципом высшего закона: "Парламент, несомненно, может контролироваться естественным или богооткровенным законом, исходящим от божественной власти. Разве эта высшая власть не обязательна для судов общей юрисдикции? Когда суды подчиняются вышестоящей власти, нельзя с полным основанием сказать, что они контролируют нижестоящую; они только заявляют, поскольку это их обязанность заявлять, что эта нижестоящая власть контролируется другой, которая выше. Они не отменяют акт парламента; они объявляют его недействительным, поскольку он противоречит действующему закону ". Таким образом, функция судебной власти быть барьером на пути демократии, которой, согласно Токвилю, ей суждено быть, не была

очевидной. Точно так же свобода вероисповедания, которая стала так сильно отождествляться с Соединенными Штатами, - это явление, которое росло постепенно, и его нельзя было найти навязанным буквой закона.

Истинным естественным ограничителем абсолютной демократии является федеральная система, которая ограничивает центральное правительство зарезервированными полномочиями, а правительства штатов - полномочиями, которые они передали. Это единственная бессмертная дань Америки политической науке, поскольку права штата являются одновременно завершением и защитой демократии. Настолько, что за несколько месяцев до Булл-Рана один офицер написал: "Люди на юге, очевидно, единодушны во мнении, что развитие событий ставит рабство под угрозу, и бесполезно пытаться изменить это мнение. Поскольку наше правительство основано на воле народа, когда эта воля зафиксирована, наше правительство бессильно". Это слова Шермана, человека, который своим маршем через Джорджию разрезал Конфедерацию надвое. Сам Линкольн писал в то же время: "Я заявляю, что сохранение в неприкосновенности прав штатов, и особенно права каждого штата упорядочивать и контролировать свои собственные внутренние институты исключительно по своему усмотрению, имеет важное значение для того баланса сил, от которого зависит совершенство и долговечность нашей политической структуры". Такова была сила, с которой права штата владели умами аболиционистов накануне войны, которая их погубила.

Во время революции было много французов, которые видели в федерализме единственный способ примирить свободу и демократию, установить правительство по контракту и спасти страну от сокрушительного превосходства Парижа и парижского населения. Я имею в виду не жирондистов, а людей с иными взглядами, чем у них, и, прежде всего, Мирабо. Он планировал спасти трон, оторвав провинции от безумия столицы, и заявил, что только федеральная система способна сохранить свободу в любой великой империи. Эта идея возникла не под американским влиянием, ибо никто не был более против нее, чем Лафайет; а американский свидетель революции Моррис осудил федерализм как опасность для Франции.

Помимо Конституции, политическая мысль Америки оказала такое же влияние на французов, как и на их собственную. И это были не только спекуляции, но и система, за которую умирали люди, которая оказалась полностью практичной и достаточно сильной, чтобы подавить любое сопротивление с санкции и поощрения Европы. Это продемонстрировало Франции законченный образец революции, как в мыслях, так и в действиях, и показало, что то, что казалось экстремальным и подрывным в старом свете, было совместимо с хорошим и мудрым правительством, с уважением к общественному порядку и сохранением национального характера и обычаев. Идеи, которые захватили и потрясли французский народ, были в основном готовы для него, и многое из того, что вам знакомо сейчас, многое из того, что я изложил вам не из французских источников, снова встретит нас на следующей неделе в прежнем обличье, когда мы приедем в Генеральные штаты.

III

СОЗЫВ ГЕНЕРАЛЬНЫХ ШТАТОВ

Положение Франции само по себе не привело к свержению монархии и последовавшим за этим потрясениям. Ибо страдания народа были не больше, чем раньше; дурного правления и угнетения стало меньше, а успешная война с Англией в значительной степени сгладила унижения, причиненные Чатемом.

Но слияние французской теории с американским примером привело к тому, что Революция вспыхнула не в результате избытка раздражения и отчаяния, а в момент улучшения отношений между нацией и королем. Французы были не просто безрассудными новаторами; они были доверчивыми последователями, и многие идеи, с которыми они выступили в своем начинании, были теми, в которых Берк соглашался с Гамильтоном и со своими прославленными соотечественниками, Адамом Смитом и сэром Уильямом Джонсом. Когда он сказал, что по сравнению с Англией правительство Франции было рабством и что ничто, кроме революции, не могло восстановить европейскую свободу, французы, говоря то же самое и действуя в соответствии с этим, не признавали экстравагантности и вполне могли поверить, что они подчиняются предписаниям, сохраненным в прошлом высоким и почтенным авторитетом. Помимо этой общей точки зрения, они опирались на мнение местных жителей, в котором наблюдались большие расхождения, и возник непреодолимый конфликт. Нам не приходится иметь дело ни с маловероятными мотивами, ни с неслыханными теориями, и, в целом, с убежденными и обычными людьми.

Генеральные штаты были созваны потому, что не было другого способа добыть деньги на общественные нужды. Дефицит был свидетельством плохого управления, и первой практической целью была корректировка налогов. С момента восшествия на престол короля возрождение старого и заброшенного института рассматривалось страной как средство не только от финансовых трудностей, но и от всех бед Франции.

Внушительная судебная корпорация постоянно выступала против короны и утверждала, что подчиняет свои действия суду закона. Высшее духовенство выступало против Тюрго, против Неккера, против эмансипации протестантов, и дворяне стали самой активной из всех сторон реформ. Но большая часть народа терпеливо переносила свои беды. У них не было признанных средств выражения чувств. Не было права на публичные собрания, не было свободы для периодической печати; а привилегированные газеты были так туго спеленуты своим официальным характером, что им нечего было сказать даже о таком событии, как присяга на теннисном корте. Чувства, волновавшие толпу, не проявлялись, если только они не проявлялись в форме беспорядка. Без этого Франция оставалась неизвестной величиной. Король ощущал сопротивление привилегированных и заинтересованных классов, которое было источником его необходимости, но он не опасался национальной оппозиции. Он был готов положиться на Третье сословие с надеждой, если не с уверенностью, и заплатить очень высокую цену за их поддержку. В определенной мере их интерес был одинаковым. Бедственное положение государства было вызвано тем фактом, что более половины собственности Франции не облагалась налогом в положенной пропорции, и правительству было необходимо отменить это исключение и заставить дворян и духовенство отказаться от своих привилегий и платить, как остальные. В этом смысле целью короля было покончить с привилегиями и ввести равенство перед законом. До сих пор Палата общин соглашалась с ним. Они были бы освобождены от тяжелого бремени, если бы перестали выплачивать долю тем, кто был освобожден от уплаты налогов, и отвергли освященный веками обычай, согласно которому бедные должны нести налоги за богатых. Союз, таким образом, был очевиден и естественен. Но отмена привилегий,

которая для монархии и демократии в равной степени означала финансовое равенство, означала для демократии гораздо больше. Помимо денег, которые они должны были платить от имени высшего класса, для их пользы и утешения, им должны были быть выплачены деньги. Помимо арендной платы за дом или землю, существовали платежи, причитающиеся им с того времени, неясного и отдаленного времени, когда власть передавалась вместе с землей, а основным землевладельцем было местное правительство, правитель и защитник народа, и ему платили соответственно. И была еще одна категория требований, косвенно вытекающая из того же исторического источника, состоящая из смягчения наказания и компенсации за древние права и, следовательно, имеющая юридический характер, основанный на договоре, а не на силе.

Каждый мыслящий политик знал, что первая из этих категорий, привилегированные права, которые были избыточными и угнетающими, не могли быть сохранены, и что дворян заставили бы отказаться не только от той формы привилегий, которая заключалась в освобождении от определенных налогов, но и от той, которая состояла из устаревших требований в обмен на работу, которая больше не выполнялась, или отданную ценность. Те, с другой стороны, которые были не просто средневековыми, но основывались на контракте, рассматривались бы как законная собственность и должны были бы быть выкуплены. Привилегией в глазах государства было право уклоняться от уплаты налогов. Для политика это означало, кроме того, право налагать налоги. Для сельской демократии это имело более широкое значение. Для них все эти привилегии были продуктом одного и того же принципа, обломками одной и той же ткани. Они были реликвиями и пережитками феодализма, а феодализм означал власть, данную земле и лишенную капитала и промышленности. Это означало классовое правление, отрицание самой идеи государства инации; это означало завоевание и порабощение иностранным захватчиком. Никто не отрицал, что многие знатные семьи получили свои шпоры на службе своей стране; все действительно знали, что благороднейший из них, Монморанси, носил герб Франции, потому что во время победы при Бувине, где их предок был смертельно ранен, король приложил палец к ране и своей кровью нарисовал лилии на своем щите. Когда мы вскоре обратимся к аббату Сийесу, мы увидим, насколько твердо люди верили, что дворяне в массе своей были франками, тевтонскими тиранами и разорителями коренных кельтских племен. Они намеревались не урезать, а искоренить феодализм как причину многого бесконечно одиозного и как явление, абсолютно несовместимое с государственной политикой, социальными интересами и здравым смыслом. То, что людей заставляли терпеть страдания ради того, что могло быть объяснено только очень ранней историей и очень желтыми пергаменами, было просто иррациональным для поколения, которое получило свое представление о жизни от Тюрго, Адама Смита или Франклина.

Хотя существовало три толкования феодальных привилегий и, следовательно, возникла опасная проблема в ближайшем будущем, первый шаг был легким и заключался в обращении короны к Палате общин за помощью в возрождении государства. Как и другие принцы своего времени, Людовик XVI. был монархом-реформатором. При вступлении на престол его первым кандидатом на пост министра был Машо, известный тем, что вынашивал грандиозный план перемен, который должен был быть предпринят всякий раз, когда трон должен был занять серьезный принц. Позже он назначил Тюрго, самого глубокого и основательного реформатора столетия. Он назначил Мальзерба, одного из самых слабых, но и одного из самых просвещенных общественных деятелей; и после того, как на коронации он дал клятву преследовать, он передал должность Неккеру, протестанту, иностранцу и республиканцу. Когда он начал через Мальзерб

устранять религиозные ограничения, он сказал ему: "Теперь ты был протестантом, и я объявляю тебя евреем"; и начал готовить меры по облегчению положения евреев, которые, куда бы они ни пошли, были вынуждены платить ту же пошлину, что и свинья. Он осуществил большой и сложный план правовой реформы и добился независимости восставшей Америки. Позднее курфюрст Кельнский пожаловался *эмигранту*, что политика его короля была плачевной и что, поощряя сопротивление власти в Колониях, Голландии и Брабанте, он не может рассчитывать на поддержку европейских монархов.

Но импульс в направлении либеральных улучшений был прерывистым и сдерживался естественной неуверенностью в себе и отсутствием целеустремленности. Гонец, который должен был вызвать Машо, был отозван, когда тот садился на коня. Тюрго был принесен в жертву, чтобы доставить удовольствие королеве. Вторая администрация Неккера должна была начаться на полтора года раньше, но в последний момент вмешались его враги. Военный министр Сен-Жермен был благосклонен к королю, и тот хотел оставить его у себя. "Но что я могу сделать?" он писал: "его враги настаивают на его увольнении, и я должен уступить большинству". Морепа после своей смерти оставил бумагу, на которой были имена четырех человек, которых он умолял своего хозяина не нанимать. Льюис даровал им всем самые высокие должности. Он относился к Англии с тем же отвращением, с каким Чатем, а в то время даже Фокс, относился к Франции, и он отправился на войну в справедливой надежде отомстить за позор Семилетней войны, но не из сочувствия к американскому делу. Когда от него потребовали сократить свои личные расходы, он возразил и настоял на том, чтобы большая часть убытков легла на его пенсионеров. Либеральные уступки, которые он допускал, во многих случаях были сделаны не за счет короны, а за счет сил, которые препятствовали короне. Отменив пытки, он не понес никаких убытков, но ограничил ресурсы противостоящих магистратов. Когда он освободил протестантов и сделал швейцарского кальвиниста своим главным советником, он вызвал недовольство духовенства; но его мало заботило недовольство духовенства. Епископы, обнаружив, что он не обращает на них внимания, исчезли с его *приема*. Он возражал против назначения французских кардиналов. Английские путешественники в Версале, Ромилли и Вальпи, заметили, что он был невнимателен к мессе, разговаривал и смеялся перед всем двором. На Совете он засыпал, и когда дискуссия была неприятной, он обычно храпел громче, чем когда спал. Он сказал Неккеру, что ему нужны Генеральные штаты, потому что ему нужен гид. Когда в 1788 году, после стычки с магистратами и прелатами, он принял памятное решение призвать внешних людей, чтобы добиться компромисса с классом, который заполнял его двор, который составлял общество, который правил общественным мнением, это был поступок человека, лишенного энергии и одаренного неуверенным и расплывчатым просвещением. И Неккер сказал: "Вы можете одолжить человеку свои идеи, но вы не можете одолжить ему свою силу воли".

Это предприятие было далеко за пределами возможностей и качеств его ума, но урок того времени не прошел для него даром, и он кое-чему научился с тех пор, как говорил на неизменном языке абсолютизма. Он проявил другой дух, когда освободил крепостных короны, когда ввел провинциальные и деревенские советы, когда заявил, что ограничение местного самоуправления землевладельцами оскорбляет еще больший класс, когда он предложил помощь в реформировании уголовного кодекса, чтобы результатом могла стать работа не только экспертов, но и общественности. Все это было искренним убеждением. Он был полон

решимости лишить высший класс своих финансовых привилегий с как можно меньшим дальнейшим ущербом. И для достижения этой необходимой и обдуманной цели он предложил палате общин Франции такие условия, каких ни один монарх никогда не предлагал своим подданным. Позднее он заявил, и имел право заявить, что именно он сделал первый шаг к согласованию с французским народом постоянной конституции, отмене произвола, денежных привилегий, продвижения по службе вне зависимости от заслуг, налогообложения без согласия. Когда он услышал, что нотабли отдали только один голос за увеличение представительства Третьего сословия, он сказал: "Вы можете добавить мой". Малуэ, самый благородный и проницательный государственный деятель Революции, свидетельствует о своей искренности и заявляет, что король полностью разделял его мнение.

Сопутствующие элементы свободной конституции, которые были предоставлены Людовиком XVI без консультаций с депутатами и даже не всегда при общественной поддержке, включали религиозную терпимость, Хабеас корпус, равный уровень налогов, отмену пыток, децентрализацию и местное самоуправление, свободу прессы, всеобщее избирательное право, выборы без официальных кандидатов или влияния, периодический созыв парламента, право голосовать, инициировать законодательство, пересматривать конституцию, ответственность министров, двойное представительство Палаты общин в Генеральных штатах. Все эти уступки были действиями короны, уступавшей скорее политическому диктату, чем требованию народа. Говорят, что власть является объектом такого страстного желания человека, что добровольная передача ее абсурдна с точки зрения психологии и неизвестна в истории. Льюис XVI. без сомнения, подсчитал вероятность потерь и выгод и убедил себя, что его поступок был скорее политическим, чем великодушным. Прусский посланник справедливо охарактеризовал его в депеше от 31 июля 1789 года. Он говорит, что король был готов ослабить исполнительную власть внутри страны, чтобы усилить ее за границей; если министры проиграют из-за более регулируемой администрации, нация выиграет от этого в ресурсах, а ограниченная власть в более могущественном государстве казалась предпочтительнее абсолютной власти, которая была беспомощна из-за своей непопулярности и непоправимого финансового расстройства. Он был полон решимости подчинить деспотичное *правительство своих предков растущим силам* наших дней. Королевская инициатива была продвинута так далеко на пути к установившейся свободе, что она была исчерпана, а остальное было предоставлено нации. Поскольку на выборы никто не повлиял, поскольку инструкции не были вдохновлены, обсуждения не направлялись и не контролировались. Король отрекся от престола перед Генеральными штатами. Он наделил новый законодательный орган такими полномочиями, что ни одна из них не осталась у короны, и его полномочия, таким образом, практически приостановленные, так и не были восстановлены. Соперничающие классы, которых только король мог примирить и обуздать, были брошены на произвол судьбы - испытание силы.

В 1786 году ежегодный дефицит составлял от четырех до пяти миллионов, и, очевидно, настало время героических средств. Искусная и уклончивая путаница в счетах, скрывавшая тайну, не могла быть сохранена, и министр финансов Калонн созвал нотаблей на февраль 1787 года. Нотабли представляли собой группу важных персон, главным образом высшего сословия, не обладающих законными полномочиями или инициативой. Была надежда, что они укрепят позиции правительства и что то, на что они согласились, будет принято классом, к которому они принадлежали. Это был эксперимент, направленный на то, чтобы предотвратить злой день Генеральных штатов. Ибо Генеральные штаты, которых не было сто семьдесят пять лет, были

чертами ушедшего этапа политической жизни и не могли быть ни возрождены в том виде, в каком они были когда-то, ни адаптированы к современному обществу. Если бы они ввели налоги, они бы выдвинули условия, и они были вспомогательными работниками, которые могли бы стать хозяевами. Вскоре было признано, что знатные люди не соответствуют поставленной цели, и министр, не сумевший их контролировать, был уволен. Неккер, его соперник и очевидный преемник, был отстранен от Должности, а архиепископ Тулузы, а затем и Санса, который был назначен на его место, распустил Ассамблею. Не оставалось ничего, на что можно было бы опереться, кроме наводящих ужас Генеральных штатов. Лафайет потребовал их на собрании знати, и теперь это требование повторялось повсюду.

8 августа 1788 года король созвал Генеральные штаты на следующий год, в конце концов, как он провозгласил, нация может установить свое собственное правительство на вечные времена. Эти слова означали, что абсолютная монархия 1788 года уступит место представительной монархии 1789 года. Каким образом это должно было быть сделано и как будут образованы Штаты, было неизвестно. Общественности было предложено высказать свои предложения, и пресса была практически предоставлена бесплатно для публикаций, которые не были периодическими. Неккер, неизбежный министр нового порядка вещей, был немедленно назначен преемником архиепископа, и за один день фонды выросли на 30 процентов. Он был иностранцем, независимым от французских традиций и образа мыслей, который не только стоял в стороне от католиков, как женевец, но и от преобладающих вольнодумцев, поскольку Пристли описывает его как почти единственного верующего в религию, которого он нашел в интеллектуальном обществе Парижа. Он был первым иностранным государственным деятелем, который изучил и понял современную силу общественного мнения; и он с честью отождествлял общественное мнение, как мы бы сказали, с городом. Он воспринял взгляды капиталистов как наиболее чувствительный показатель общественного доверия; и поскольку Париж был центром бизнеса, он способствовал, несмотря на свой декларируемый федерализм, тому преобладанию центра, которое стало фатальным для свободы и порядка.

Неккер был знаком с работой республиканских институтов и почитал британскую модель; но король и слышать не хотел о том, чтобы ходить в школу к людям, которых он так недавно победил и которые были обязаны своим позором как политической, так и военной неспособности. Вследствие этого Неккер подавил свое политическое рвение и не рвался в Генеральные штаты. По его словам, они никогда не были бы нужны, если бы его призвали сменить Калонна и он управлял бы Знатью. Теперь он был рад, что они послужат передаче всей собственности страны на равных условиях под управление сборщика налогов, и если бы это можно было осуществить сразу под подавляющим давлением общественных чувств, его практический дух не жаждал бы дальнейших изменений.

В *третьей* имущественной группе был вызван на *большой финансовый* операции. Если бы это привело высший класс к необходимому осознанию их собственных обязательств и национальных притязаний, этого было бы достаточно для хранителя кошелька, и он осудил бы вторжение других грозных и поглощающих объектов, наносящих ущерб его собственным. За этим стояла опасность, но был ясен курс на получение от большого собрания того, что он извлек бы из меньшего, если бы занимал свой пост в 1787 году. В этом секрет непредвиденной слабости Неккера среди такого огромного могущества и его бесплодия, когда разразился кризис и обнаружилось, что сила, которая была рассчитана на проведение скромной и очевидной

реформы, была подобна Ниагарскому потоку и что Франция оказалась в непреодолимых стремнинах.

Все зависело от того, каким образом правительство решало, что Штаты должны быть сформированы, избраны и осуществляться. Чтобы высказать свое мнение по этому поводу, Неккер снова созвал представителей знати, раскрыл проблему и поинтересовался их мнением. Дворяне в последнее время активно выступали на стороне либеральных реформ, и казалось возможным, что их ответ может освободить его от страшной ответственности и предотвратить конфликт. Знатные люди давали свои советы. Они постановили, что палата общин должна избираться фактически всеобщим голосованием без каких-либо условий отбора; что приходские священники должны быть выборщиками и иметь право голоса; что низший класс знати должен быть представлен наравне с высшим. Они распространили избирательное право на неграмотную массу, потому что опасность, которую они предчувствовали, исходила от среднего класса, а не от низших. Но они проголосовали тремя против одного за то, чтобы все ордена были равны по численности. Граф Прованский, ближайший брат короля, присоединился к меньшинству и проголосовал за то, чтобы депутатов Палаты общин было столько же, сколько представителей двух других орденов вместе взятых. Это стало животрепещущим вопросом. Если бы Общее собрание не преобладало, не было бы никакой гарантии, что другие порядки уступят место. С другой стороны, важным нововведением, заключавшимся в допуске приходского духовенства и тех, кого мы должны были бы назвать провинциальным дворянством, была сделана большая уступка народному элементу. Антагонизм между двумя ветвями духовенства и между двумя ветвями *дворянства* был сильнее, чем между низшей частью каждого из них и Третьим сословием, и обещал поддержку делу либералов. В свое время выяснилось, что двумя сильнейшими лидерами демократии были: один - древний дворянин, другой - каноник Шартрского собора. The Notables завершили свою достойную работу 12 декабря. 5-го числа магистраты, образовавшие парижский парламент, после торжественного перечисления великих конституционных принципов, обратились к королю с просьбой положить их в основу всего будущего законодательства. Позиция правительства была чрезвычайно упрощена. Стены города пали, и было сомнительно, откуда возникнет какое-либо серьезное сопротивление.

Тем временем волнения в провинциях и взрыв сдерживаемых настроений, последовавший за нелегальным печатанием политических брошюр, показали, что общественное мнение двигалось быстрее, чем у двух крупных консервативных организаций. Стало неотложным, чтобы правительство пришло к скорейшему и решительному решению и заняло позиции, которые можно было бы удержать против набирающей силу демократии. Неккер рассудил, что позиция была бы неприступной, если бы он стоял на линиях, прочерченных нотаблями, и он решил, что Общее собрание должно быть равным любому ордену по отдельности, а не двум совместно. Проконсультировавшись с государственным деятелем-прелатом, архиепископом Бордо, он составил и напечатал отчет, в котором отказался от желаемого увеличения. Но пока он сидел, с тревогой наблюдая за ветрами и приливом, он начал сомневаться; и когда пришли письма, предупреждавшие его, что дворяне будут перебиты, если решение будет принято в их пользу, он встревожился. Он сказал своим друзьям: "Если мы не умножим Общее Достояние на два, они сами умножат себя на десять". Когда архиепископ снова увидел его на Рождество, Неккер заверил его, что правительство больше не достаточно сильно, чтобы сопротивляться требованиям народа. Но он также был полон решимости, что три палаты должны голосовать отдельно, что Палата общин не должна пользоваться преимуществом своего числа в любой

дискуссии, где на карту поставлены привилегии или интересы классов не совпадают. Он надеялся, что дворяне добровольно подчинятся равному налогообложению и что он встанет между ними и любыми непомерными притязаниями на равную политическую власть.

27 декабря схема Неккера была принята Советом. Мнения несколько разошлись, но король отменил это решение, и присутствовавшая при этом королева молча показала, что она здесь для того, чтобы поддержать эту меру. Этим знаменательным актом Людовик XVI, не осознавая его значения, перешел на сторону демократии. Он прямо сказал французскому народу: "Окажите мне необходимую помощь, поскольку у нас есть общие интересы, и за эту определенную и целесообразную помощь вы получите королевскую награду. Ибо вы немедленно получите конституцию вашего собственного сочинения, которая ограничит власть короны, оставив нетронутыми власть, достоинство и собственность высших классов, за исключением того, что связано с равной долей налогообложения". Но на самом деле он сказал: "Давайте объединим усилия, чтобы лишить аристократию тех привилегий, которые вредят короне, в то время как мы сохраним те, которые оскорбительны только для народа". Это был негласный договор, условия и пределы которого не были определены; и там, где один думал об иммунитетах, другой думал о притеснении. Организация общества нуждалась в изменении и перестройке от начала до конца, чтобы поддерживать конституцию, основанную на принципе свободы. Наладить отношения между народом и королем было несложной проблемой. Более глубокий вопрос стоял между народом и аристократией. За политической реформой стояла социальная революция, поскольку единственной свободой, которая могла принести пользу, была свобода, основанная на равенстве. Малуэ, который в тот момент был лучшим советником Неккера, сказал ему: "Вы сделали Палату общин равной по влиянию другим орденам. За этим должна последовать еще одна революция, и именно вы должны ее совершить — нивелировать обременительные привилегии". У Неккера не было подобных амбиций, и он четко отстаивал привилегии во всех вопросах, кроме налогообложения.

Решение короля на Совете было встречено громкими аплодисментами; и публика поверила, что все, чего они требовали, теперь получено или, по крайней мере, находится в пределах досягаемости. Удвоение Общего числа было иллюзорным, если у них не было возможности показать свою численность. Граф Прованский, впоследствии Людовик XVIII, недвусмысленно утверждал, что старые Генеральные штаты были бесполезны, поскольку Третьему сословию не позволялось преобладать в них. Поэтому он настаивал на том, чтобы три ордена обсуждали и голосовали как один, и чтобы Палата общин обладала большинством голосов. Повсеместно считалось, что таково истинное значение двойного представления и что в нем есть логика, которой невозможно сопротивляться. Фактическая власть, предоставленная Палате общин великой концессией, превышала их буквальную и юридическую силу, и она была принята и использована соответствующим образом.

Порядок проведения выборов был установлен 24 января. От духовенства должно было быть триста депутатов, от знати - триста, от Палаты общин - шестьсот. Не должно было быть никаких ограничений и исключений; но в то время как высшие лица голосовали напрямую, голосование низших классов было косвенным; и правилом для Палаты общин было то, что сто первичных избирателей выбирали выборщика. Кроме заместителя, там был заместитель депутата, находившийся в резерве, готовый в случае вакансии занять его место. Именно на это своеобразное устройство возможных представителей полагалась Палата общин, если бы их

число не было удвоено. Они призвали бы своих заместителей. Права и уставы нескольких провинций были отменены, и все они были поставлены на один уровень.

Более искренних и неподдельных выборов еще никогда не проводилось. И в целом они прошли организованно. Духовенство испытывало беспокойство, а знать была встревожена более открыто. Но страна в целом была уверена в том, что грядет; и некоторые из наиболее либеральных, передовых и откровенных манифестаций исходили от аристократических и церковных кругов. 9 февраля венецианский посланник сообщает, что духовенство и знать готовы принять принцип равенства в налогообложении. Выборы продолжались более двух месяцев, с февраля по начало мая.

В соответствии с древним обычаем, когда депутат был скорее полномочным лицом, чем представителем, было предписано, что предварением каждого выбора было составление инструкций. Каждый уголок Франции был обследован в поисках его идей. Деревня передала их своему избирателю, и они были сопоставлены и объединены избирателями в процессе выбора своего члена. Эти инструкции, характерное завещание общества своим преемникам перед смертью, часто были работой известных общественных деятелей, таких как Малуэ, Ланжуине, Дюпон, друг Тюрго и автор торгового договора 1786 года; и один документ, составленный Сийесом, был распространен по всей Франции герцогом Орлеанским.

Таким образом, благодаря руководству, которое взяли на себя выдающиеся и опытные люди, создается видимость единодушия. Вся Франция стремилась к основным институтам ограниченной монархии в форме представительства и разделения властей и предвосхитила хартию 1814 года. От духа уходящего абсолютизма не осталось и следа; нет и признака грядущей республики. Все согласны с тем, что прецедент мертв, и мир только начинается. Нет четких взглядов на некоторые серьезные вопросы, касающиеся деталей, на Верхнюю палату, Церковь и государство, а также на начальное образование. Среди рекомендаций - бесплатные школы, прогрессивное налогообложение, искоренение рабства, бедности, невежества. Привилегированные слои населения готовы к значительной капитуляции в отношении налогов, и, похоже, никто не связывает право быть представленным в будущих парламентах с владением собственностью. По девяти десятым всего, что имеет существенное значение для конституции, существует общее согласие. Единственное широкое разделение заключается в том, что Палата общин желает, чтобы Генеральные штаты сформировали единую объединенную Ассамблею, а другие ордена желают, чтобы их было три. Но по этому важнейшему вопросу все члены Палаты общин согласны, а остальные - нет. Появляется зловещий раскол, и мы уже видим меньшинство дворян и священников, которым в час конфликта предстояло вершить судьбу европейского общества. Из всех этих документов, мандата объединенной Франции, задачей истинной государственной мудрости было выделить суть достаточной свободы.

Предполагалось, что эти инструкции будут императивными. Девять лет назад Берк, когда он ушел в отставку после конкурса в Бристоле, определил конституционную доктрину об избирательном округе и члене; и Чарльз Самнер сказал, что он законодательствовал, когда произносил эту речь. Но древний взгляд, на котором основаны инструкции, делал депутата агентом депутатской власти, и многое во французской истории вращается вокруг этого. Поначалу опасность не ощущалась, поскольку инструкции часто составлял сам заместитель, который должен был их выполнять. Они были скорее обещанием, чем приказом.

Нация откликнулась на королевский призыв, и между предложением и требованием существовало согласие. Высшие классы выступали против короны; народ стремился поддержать ее, и ожидалось, что первые шаги будут предприняты сообща. Сравнительная умеренность и безмятежность Инструкций скрывали непреодолимый конфликт мнений и ярые страсти, бушевавшие внизу.

Были избраны самые сливки высшего и среднего класса; и Суд, в своем процветающем самодовольстве, предоставил их мудрости задачу создания новых институтов и постоянного урегулирования финансовых проблем. Он настаивал на невмешательстве и не имел никакой политики, кроме ожиданий. Инициатива перешла к каждому частному члену. Члены состояли из новых людей, без связей или партийной организации. Им нужно было время, чтобы нащупать свой путь, и им не хватало модератора и проводника. Правящая власть на какое-то время перестала служить высшей цели правления; и монархия превратилась в анархию, чтобы посмотреть, что из этого выйдет, и чтобы не выступать ни на чьей стороне против класса, которым она всегда была окружена, или против класса, который, казалось, был готов заключить с ней союз.

Правительство отказалось от преимущества, которое давали ему выборы и умеренные инструкции; и в надежде, что избранные будут по крайней мере такими же разумными, как сами избиратели, оно упустило свою величайшую возможность. Существовала склонность недооценивать опасности, которые не лежали на поверхности. Даже Мирабо, который если и не был глубоким мыслителем, то был проницательным наблюдателем, вообразил, что вся миссия Генеральных штатов могла быть выполнена за неделю. Мало кто из мужчин видел двусмысленность, скрытую в термине "Привилегия", и огромную разницу, которая отделяла финансовые изменения от социальных. Нападая на феодализм, который был пережитком варварства, средний класс стремился свергнуть общественное устройство, которое отдавало власть, а также собственность привилегированному меньшинству. Атака на ограниченное распределение власти включала в себя атаку на концентрацию богатства. Связь этих двух идей является тайным мотивом революции. В то время закон, по которому власть следует за собственностью, который был назван самым важным открытием, сделанным человеком со времен изобретения книгопечатания, не был четко известен. Но разумные консерваторы распознали действующие подпольные силы, и они перешли к обороне, готовясь к тому часу, когда король покинет их. Поэтому было невозможно, чтобы цель, ради которой были созданы Генеральные штаты, была достигнута, пока они были разделены на три части. Либо они должны быть распущены, либо то, чего депутаты от среднего класса не смогли добиться с помощью форм, будет предпринято низшим классом, их хозяевами и работодателями, с применением силы.

Перед началом заседания Малуэ еще раз обратился к министру с веским советом. Он сказал: "Теперь вы знаете пожелания Франции; вы знаете инструкции, вы не знаете депутатов. Не оставляйте все на усмотрение неизвестного. Немедленно превратите требования народа в конституцию и придайте им силу закона. Действуйте, пока у вас есть неограниченная свобода действий. Действуйте, пока ваши действия не будут восприняты как самая великолепная уступка, когда-либо дарованная монархом лояльной и ожидающей нации. Сегодня вы верховны и в безопасности. Завтра может быть слишком поздно."

В частности, Малуэ посоветовал правительству регулировать процедуру проверки полномочий, оставив на усмотрение представителей только оспариваемые результаты. Неккер придерживался своего обдуманного нейтралитета и предпочитал, чтобы проблема решалась сама собой при полной свободе. Он не стал бы принимать ничью сторону, чтобы не оскорбить одну сторону, не будучи уверенным в другой, и не потерять свой шанс стать признанным арбитром. Пока, ничего не решая, он держал врага в страхе, высшие классы все же могли прийти к мудрому выводу, что посреди стольких опасностей для королевской семьи и для них самих пришло время поставить интересы государства выше своих собственных и принять обязанности и бремя ничем не примечательных людей.

Ни одна из сторон не могла уступить. Палата общин не могла не видеть, что время было на их стороне, и что, вынудив другие ордена объединиться с ними, они добились падения привилегий и вели игру суда. Двум другим орденам императивным мандатом многих избирательных округов было запрещено голосовать сообща. Их сопротивление было законным и могло быть преодолено только вмешательством либо короны, либо народа. Их политика могла бы быть оправдана, если бы они сразу же капитулировали и обдуманно совершили в мае то, что должно было быть сделано с беспорядками в августе. Столкнувшись с этими проблемами и этими опасностями, Генеральные штаты собрались в тот памятный день 5 мая. Неккер, предпочитавший обитель финансистов, пожелал, чтобы они встретились в Париже; были предложены еще четыре или пять мест. Наконец король, нарушив молчание, сказал, что это могло произойти только в Версале из-за его охоты. В то время он не видел причин для беспокойства в близости столицы. С тех пор беспорядки в одном или двух местах и откровенность некоторых избирателей начали заставлять его сворачивать с пути.

В день открытия выставки королеву встретили оскорбительным молчанием; но она ответила на запоздалые приветствия с такой очевидной радостью и величественной грацией, что аплодисменты последовали за ней. Популярные группы депутатов приветствовали их принятие - все, кроме Палаты общин Прованса, поскольку среди них был Мирабо. Освистали только его. Двумя дамами, наблюдавшими за процессией из одного окна, были дочь Неккера и жена министра иностранных дел Монморена. Одна с восхищением подумала, что стала свидетельницей величайшей сцены в современной истории; а другая была опечалена дурными предчувствиями. Обе были правы; но чувство уверенности и энтузиазма охватило толпу. Мои близкие родственники были в Риме в 1846 году, во время волнений по поводу реформ нового папы, который в тот момент был самым популярным монархом в Европе. Они спросили итальянку, которая была с ними, почему все эти демонстрации только усугубили ее меланхолию. Она ответила: "Потому что я была в Версале в 1789 году".

Барентен, министр, который выступал против планов Неккера и относился к Генеральным штатам с опаской и отвращением, заговорил после короля. Он был французским судьей, не любившим никакой формы правления, кроме древней, которой пользовалась Франция. Тем не менее он признал, что совместное обсуждение было разумным решением. Он добавил, что это может быть принято только по общему согласию; и он призвал оба ордена пожертвовать своим правом на освобождение. Неккер озадачил своих слушателей, отступив от позиции, которую занял канцлер. Он заверил два ордена, что им не нужно опасаться поглощения в третьем, если при раздельном голосовании они выполнят обещанную капитуляцию. Он выступал как их защитник при условии, что они подчинятся общему праву и будут платить налоги в арифметической пропорции. Он подразумевал, но не сказал, что то, в чем они отказали короне,

будет взято народом. В своем финансовом отчете он недооценил дефицит и ничего не сказал о Конституции. Великий день закончился плохо. Депутатам было приказано сдать свои декларации церемониймейстеру, должностному лицу, с которым мы скоро познакомимся подробнее. Но церемониймейстер не был приемлем для общины, потому что накануне он вынудил их покинуть свои места в нефе церкви. Поэтому судебный запрет был проигнорирован; и проверка полномочий, которую правительство могло бы регулировать, была оставлена на усмотрение самих депутатов и стала рычагом, с помощью которого более многочисленный орден сверг монархию и в течение семи недель положил конец величайшей конституционной борьбе, которая когда-либо велась в мире одним словом.

IV

ЗАСЕДАНИЕ ГЕНЕРАЛЬНЫХ ШТАТОВ

Аргумент драмы, которая началась 6 мая 1789 года и завершилась 27 июня, таков: Французский народ был призван к наслаждению свободой каждым голосом, который он слышал, — королем; знатью, предложившей неограниченное избирательное право; верховной судебной властью, провозгласившей будущую Конституцию; духовенством и аристократией в самых торжественных обещаниях периода выборов; примером Великобритании, прославленным Монтескье и Вольтером; более убедительным примером Америки; национальными классиками, которые провозгласили на сотне языков: что вся власть должна быть под контролем, что массы должны быть спасены от деградации, а личность — от ограничений.

Когда палата общин появилась в Версале, они были там, чтобы потребовать наследства, которого по всеобщему согласию были неправомерно лишены. Они не выступили против короля, который уже был приведен к покорности ударами, нанесенными не ими. Они хотели заключить соглашение с теми, кому он якобы противостоял. Для них не могло быть настоящей свободы до тех пор, пока они не были так же свободны на стороне знати, как и на стороне короны. Современный абсолютизм монарха пал, но древние собственники земли остались со своим исключительным положением в государстве и сложной системой почестей и поборов, которые унижали средний класс и приводили к нищете низших. Образованная демократия, действующая в своих интересах, могла бы довольствоваться сокращением тех привилегий, которые ставят ее в невыгодное положение. Но сельское население было озабочено каждым фрагментом устаревшего феодализма, который усугублял бремя их жизни.

Эти два класса были неразделимы. Они вместе избрали своих депутатов, и раскол между политиками и социал-демократами, который стал столь заметным фактом в современном обществе, едва ли был замечен. Один и тот же общий принцип, один и тот же всеобъемлющий термин составляли политику обоих. Они требовали свободы как в государстве, так и в обществе, и требовали прекращения угнетения, независимо от того, осуществляется ли оно от имени короля или от имени аристократии. Одним словом, они требовали равенства так же, как и свободы, и одновременно стремились к освобождению от феодализма и абсолютизма. И равенство было самым настоящим и заметным требованием из этих двух, потому что король фактически уступил, а знать — нет.

Битва, которую оставалось вести и которая сразу же началась, шла между простыми людьми и знатью, то есть между людьми, обреченными на нищету в результате действия закона, и людьми, которые процветали за их счет. И поскольку были люди, которые погибли бы от нужды, пока законы оставались неизменными, и другие, которые были бы разорены их отменой, борьба была смертельной.

Настоящим объектом нападения был не живой домовладелец, а непогребенное прошлое. Это имело мало общего с социализмом или с высокой арендной платой, плохими временами и алчными собственниками. Помимо всего этого, была надежда на освобождение от иррациональных и неоправданных законов, таких как тот, по которому земля патриция платила три франка, а плебея - четырнадцать, потому что один был благородным, а другой - нет, и это был элементарный вывод из мотивов либеральных желаний.

Выборы неожиданно показали, что, когда одна часть территориальных богатств была захвачена государством, другая будет захвачена народом; и что свободное сообщество, устанавливающее свои собственные законы, не подчинится поборам, которые издревле налагал правящий класс на незащищенное население. Когда знатные люди посоветовали, что каждый мужчина должен иметь право голоса, это следствие не было им ясно. Это воспринималось по ходу событий, и никакие положения об аристократических интересах не были включены в народные требования.

Перед лицом неминуемой опасности привилегированные классы сомкнули свои ряды и заставили короля сопротивляться переменам, которые наверняка нанесут им вред. Они стали Консервативной партией. Двор был на их стороне, во главе с графом д'Артуа, а также королевой и ее ближайшим окружением.

Король оставался тверд в вере, что популярность - лучшая форма власти, и он полагался на здоровый страх перед демократией, чтобы заставить богатых аристократов уступить его желаниям. Пока Палата общин оказывала инертное давление, требуя отсрочки, он наблюдал за ходом событий. Когда по прошествии пяти утомительных и бесплодных недель они начали наступление, он был вынужден медленно, без уверенности и сочувствия занять позицию на стороне знати и уклониться от надвигавшихся неопределенных перемен.

Когда Палата общин собралась для обсуждения утром 6 мая, депутаты были незнакомы друг с другом. Необходимо было действовать осторожно и занять позицию, по которой они не могли бы разделиться. Их единодушие было вне опасности до тех пор, пока не обсуждалось ничего более сложного, чем проверка полномочий. Другие ордена сразу же постановили, что каждый должен изучить свои собственные доходы. Но этот голос, за который дворяне проголосовали большинством в 141, получил у духовенства большинство только в 19. Сразу стало очевидно, что партия привилегий распадается и что священники почти так же склоняются к палате общин, как и к дворянству. Стало разумным дать им время, отказаться от насилия до тех пор, пока искусство примирения не будет исчерпано и призывы к совместным действиям не окажутся тщетными. Политику умеренности отстаивал Малюз, человек практической проницательности и опыта, посевший на государственной службе. Говорили, что он защищал работоторговлю; он пытался исключить общественность из дебатов; он даже предложил, в несанкционированных выражениях, обеспечить притязания, как реальные, так и формальные, высших классов. Вскоре он потерял авторитет в Палате представителей. Но он был человеком большого здравого смысла, свободным как от древних предрассудков, так и от современной теории, и он никогда

не упускал из виду общественные интересы в пользу класса. Впоследствии от него исходили самые щедрые предложения в пользу бедных, и парламентская жизнь во Франции началась с его предложения о переговорах с другими орденами.

Его поддержал Мунье, один из глубочайших умов того времени и самый популярный из депутатов. Он был мировым судьей Гренобля и управлял Поместьями Дофине с таким непревзойденным искусством и мудростью, что все звания и партии работали в согласии. Они требовали равного представительства и совместного голосования; они предоставили своим депутатам все полномочия вместо письменных инструкций, потребовав только, чтобы они добились свободного правления в меру своих возможностей; они решили, что закрепленные в хартии права их провинции не должны соперничать с новыми и теоретическими правами нации. Под руководством Мунье прелат и аристократия объединились, чтобы заявить, что основные свободы людей гарантированы им природой, а не скоропортящимися документами на титул. Путешественники посвятили его в работу английских институтов, и он представлял школу Монтескье; но он был эмансипированным учеником и разборчивым поклонником. Он считал Монтескье радикально нелиберальным и считал знаменитую теорию, которая разделяет власти, но не изолирует их, старым и общеизвестным открытием. Он считал, что нации различаются не столько по своему характеру, сколько по стадии развития, и что конституция, подобная английской, применима не к региону, а ко времени. Он принадлежал к тому типу государственной мудрости, который Вашингтон продемонстрировал как столь могущественный — революционная доктрина в сочетании с консервативным настроением. В центре событий могущественный провинциал демонстрировал отсутствие симпатии и привлекательности. Он отказался встретиться с Сийесом и настойчиво осуждал и поносил Мирабо. Влияние и общественное уважение пришли к нему сразу, и в великой конструктивной партии он был прирожденным лидером и какое-то время доминировал. Но при столкновении с поражением его суровый и непреклонный характер превратил его в катастрофу; а поскольку у него была только одна линия обороны, провал его тактики привел к краху его дела. Хотя он преждевременно впал в отчаяние и громогласно раскаивался в своей роли в великие июньские дни, выставив напоказ свое вретисще перед Европой, он никогда не колебался в убеждении, что интересы ни одного класса, ни одной семьи, ни одного человека нельзя предпочесть интересам нации. Наполеон однажды сказал с насмешкой: "Вы все еще человек 1789 года". Мунье ответил: "Да, сэр. Принципы не подчиняются закону изменений".

Он хотел перенять английскую модель, которая означала: представительство собственности; верхняя палата, основанная на заслугах, а не на происхождении; королевское вето и право роспуска. Это могло быть обеспечено только активным сотрудничеством со стороны всех консервативных элементов. Чтобы получить большинство голосов, он потребовал, чтобы другие ордена пришли не побежденными и неохотно, а под влиянием убеждения. Мирабо и его друзья всего лишь хотели уличить дворян в неправоте, разоблачить их упрямство и высокомерие, а затем действовать без них. План Мунье зависел от реального примирения.

Духовенство было готово к совещанию, и их вмешательство побудило дворян принять в нем участие. Там 23 мая архиепископ Вьенский, пользовавшийся доверием Мунье, заявил, что духовенство признает обязанность распределять налоги в равной пропорции. Герцог Люксембург, выступая от имени знати, сделал такое же заявление. Это намерение, по его словам, было бесповоротным; но он добавил, что оно не будет выполнено до тех пор, пока не будет решена проблема Конституции. Знать отказалась отказаться от режима раздельной

проверки, который практиковался ранее. И когда Палата общин возразила, что то, что было хорошо во времена гражданских раздоров, неприменимо к аркадскому спокойствию 1789 года, другие не были виноваты, если отнеслись к этому аргументу с презрением.

За провалом конференции последовало событие, которое утвердило Неккера в мысли, что он ждал не напрасно. Он получил предложения от Мирабо. До этого времени Мирабо был печально известен самым назойливым скандалом в своей жизни, и книги, которые он написал под давлением нужды, не восстановили его доброго имени. Люди избегали его не потому, что он был жестоким и порочным, как другие люди его ранга, а потому, что он слыл лжецом и вором. Во время одного из своих тюремных заключений он получил от Дюпона де Немура сообщение о важных мемуарах, воплощающих идеи Тюрго о местном самоуправлении. Он скопировал рукопись, представил ее министру как свою собственную работу и продал другой экземпляр книготорговцам как работу Тюрго. Впоследствии он предложил скрыть свои письма из Пруссии, если правительство купит их по цене, которую он сможет получить, опубликовав их. Монморен заплатил то, что просил, при условии, что он откажется от своей кандидатуры в Провансе. Мирабо согласился, потратил деньги на свое полотно и заработал еще больше, напечатав то, что продал королю. Во время состязания, благодаря своему хладнокровию, дерзости и находчивости, он вскоре приобрел господство. Дворяне, которые отвергли его, почувствовали его силу. Когда начались беспорядки, он успокоил их своим присутствием и переехал из Марселя в Экс в сопровождении свиты из 200 экипажей. Избранный на оба места Третьим сословием, он приехал в Версаль в надежде поправить свое состояние. Там вскоре стало очевидно, что он обладает силой ума, равной низости его поведения. Малуэ описывает его как единственного человека, который с самого начала понял, к чему клонится революция; а его враг Мунье признает, что никогда не встречал более умного политика. Он всегда был готов заговорить, всегда энергичен и ловок. Его знаменитые речи часто заимствовались, поскольку он окружал себя способными людьми, в основном женецами, сведущими в гражданских конфликтах, которые снабжали его фактами, выступали посредниками в общении с общественностью и помогали ему в прессе. Ривароль говорил, что его голова была гигантской губкой, набухшей идеями других людей. Поскольку речь экспромтом была новым искусством, и самые способные люди читали свои речи, Мирабо сразу же стал эффективным участником дебатов — вероятно, лучшим участником дебатов, хотя и не самым совершенным оратором, который когда-либо появлялся в великолепной летописи парламентской жизни Франции. Его отец был одним из самых выдающихся экономистов, и он унаследовал их веру в популярную и активную монархию и их предпочтение единой палате.

В 1784 году он посетил Лондон, часто бывал у вигов и снабдил Берка цитатой. Он не любил Англию, но считал убедительным доказательством эффективности бумажных конституций то, что нескольких законов для защиты личной свободы должно быть достаточно, чтобы коррумпированный и невежественный народ процветал.

Его лейтмотивом было отказаться от привилегий и сохранить прерогативы; ибо он стремился повлиять на монархию и не хотел разрушать власть, которой ему предстояло обладать. Король, сказал он, - это Государство, и он не может поступить неправильно. Поэтому временами он был самым вспыльчивым и нескромным из людей, а временами необъяснимо умеренным и сдержанным; и обе роли были тщательно подготовлены. Поскольку перед ним стояла определенная цель, но не было ни принципов, ни угрызений совести, никакая чрезвычайная ситуация не приводила его в замешательство из-за груза последовательных максим.

Непредсказуемый и не умеющий доверять в повседневной жизни, в критический момент он был самой надежной и доступной силой. С первого момента, как он вышел на фронт. В день открытия у него был готов план совместной консультации, прежде чем решить, следует ли им действовать совместно или по отдельности. На следующий день он основал газету в форме отчета перед своими избирателями, и когда правительство попыталось запретить ее выпуск, 19 мая ему удалось установить свободу прессы.

Первый политический клуб, впоследствии якобинский, был основан по его наущению людьми, которые не знали, что такое клуб. Ибо, сказал он им, десять человек, действующих вместе, могут заставить сто тысяч содрогнуться друг от друга. Мирабо начал с осторожностью, поскольку его материалы были новыми, а друзей у него не было. Он верил, что король действительно отождествлял себя с магнатами и что палата общин была совершенно не готова противостоять ни двору, ни приближающейся революции. Он считал безнадежным вести переговоры со своим собственным обреченным орденом и намеревался отстранить от них короля. Когда план примирения провалился, ему представился удобный случай. Он попросил Малуэ ввести его в курс дела с министрами. Он сказал ему, что серьезно встревожен, что дворяне намерены довести сопротивление до крайности и что он полагается на корону. Он пообещал, если правительство доверит ему свое доверие, всеми силами поддерживать их политику. Монморен отказался его видеть. Неккер неохотно согласился. У него была манера тыкать носом в потолок, что было отнюдь не примирительно, и он принял ненавистного посетителя с просьбой сообщить, какие предложения тот должен внести. Мирабо, побагровевший от ярости из-за такого холодного обращения со стороны человека, которого он пришел спасти, ответил, что хочет пожелать ему доброго утра. Обращаясь к Малуэ, он сказал: "Твой друг дурак, и он скоро получит обо мне известия". Неккер впоследствии пожалел, что упустил такой шанс. В то время интервью лишь помогло убедить его в том, что Палата общин знает свою слабость и нуждается в его помощи.

Как раз в этот момент до него дошло ожидаемое обращение из церковного квартала. Когда стало ясно, что дворян нельзя сдерживать честными словами, Палата общин провела еще один эксперимент с духовенством. 27 мая они послали многочисленную и влиятельную депутацию, чтобы заклинали их во имя Бога мира и национального благосостояния не отказываться от дела совместных действий. На этот раз духовенство сослалось на вмешательство правительства.

30-го числа конференции были вновь открыты, и на них присутствовали министры. Обсуждение было таким же безрезультатным, как и раньше, и 4 июня Неккер представил свой собственный план. По сути, он предложил провести отдельную проверку, чтобы решение принимала корона в последней инстанции. Это было решение, выгодное привилегированным орденам, один из которых ему понравился. Ему нужны были их деньги, а не власть. Духовенство согласилось. Палата общин была в замешательстве, что делать, но быстро успокоилась, поскольку дворяне ответили, что они уже решили просто рассмотреть свои собственные дела. Этим актом 9 июня переговоры были прерваны.

Решение было принято в апартаментах герцогини де Полиньяк, близкой подруги королевы, и это привело к разрыву между двором и министром - первому шагу, который он предпринял с момента заседания Ассамблеи. До этого момента аристократия была понятливой и последовательной. Они не собирались сдаваться, пока не узнают, как далеко это их заведет, или не отдадут себя на милость враждебного большинства без каких-либо гарантий прав

частной жизни. Малуэ предложил им гарантию, но его коллеги отrekliсь от него таким образом, что предупредили дворян не быть слишком доверчивыми.

Никто не мог сказать, насколько далеко здание привилегий было обречено на разрушение или какому ядру феодальной собственности, каким бы обеспеченным ни был контракт и предписание, будет позволено сохраниться. Дворяне чувствовали себя вправе защищать то, что принадлежало им по закону, в силу столетий бесспорного владения, путем покупки и наследования, с санкции правительства, выраженной воле своих избирателей. Отстаивая интересы и само существование класса, который они представляли, они вполне могли верить, что действуют в духе истинной свободы, которая зависит от множества сдерживающих сил, и что они спасают трон. От обязательства отказаться от налоговых льгот и подчиниться равному налоговому бремени они не отступили и заручились поддержкой короля. Монлозье, принадлежавший к их ордену, заявил, что их доводы хороши, а аргументы плохи. Дважды они давали противнику преимущество. Когда они увидели, что духовенство колеблется, они решили своим обычным большинством в 197 голосов против 44, что каждый орден обладает правом аннулирования; так что они не больше уступят раздельному голосованию трех сословий, чем их объединенному голосованию. Очевидно, что страна поддержала бы тех, кто отрицал право вето и был готов отменить его, против тех, кто не давал никакой надежды на то, что что-либо будет сделано. И снова, когда они отклонили предложения правительства, они изолировались и стали препятствием. Они потеряли духовенство. Теперь они отвергли министра. У них не осталось ничего, кроме надежд на короля. Они погубили его так же, как и самих себя. Из этого не следовало, что, поскольку они поддерживали монархию, они были уверены в монархе. И еще более серьезным просчетом было полагать, что регулярная армия сильнее недисциплинированной толпы и что буйные парижане, находящиеся в восьми милях отсюда, не смогут защитить депутатов от конных и пеших полков, которыми командуют доблестные джентльмены Франции, веками привыкшие платить налог кровью и сражающиеся теперь за свое собственное дело.

Больше ничего нельзя было сделать. Средства поддержания мира были исчерпаны. Только преднамеренное нарушение законности могло привести к выполнению национального указа. Страна устала от тактики затягивания и длительного бездействия. Попытки примирения, предпринятые Палатой общин, духовенством и правительством, оказались тщетными. Была достигнута точка, когда необходимо было выбирать между принуждением и капитуляцией, и Палата общин должна была либо использовать имеющиеся в ее распоряжении средства для преодоления сопротивления, либо уйти, признав, что великое движение потерпело крах в их руках и что народ избрал не тех людей. Бездействие и отсрочка были не политикой, а предварительным этапом политики. Было разумно сказать, что они приложат все возможные усилия, прежде чем прибегнуть к агрессии; но было бы бессмысленно говорить, что они начнут с того, что ничего не сделают, и что впоследствии они продолжат ничего не делать. Их враг заранее помогал им совершать ошибки. Теперь они могут рискнуть чем-то менее опасным.

Победа действительно была обеспечена дезертирством среди знати и духовенства. Около пятидесяти из первого и, конечно же, более сотни других были готовы перейти на его сторону. Вместо того, чтобы быть равными, партии теперь были два к одному. Шестьсот членов Палаты общин не могли контролировать одинаковое количество привилегированных депутатов. Но восемь сотен депутатов были более чем равны четырем сотням. Поэтому 10 июня Палата общин открыла атаку и вызвала гарнизон. Мирабо уведомил, что у одного из парижских депутатов есть

важное предложение для внесения. Движущая сила была важнее самого движения, ибо это было появление Сийеса, самого оригинального из революционных государственных деятелей, который в течение двух недель после этой своей первой речи низверг древнюю монархию Франции. Он был новым депутатом, поскольку выборы в Париже были отложены, сорок депутатов заняли свои места через три недели после открытия, и Сийес был выбран последним депутатом. Он возражал против существующего застоя, считая, что нет такого долга перед дворянами, который перевешивал бы долг перед Францией. Он предложил, чтобы другие ордена были официально приглашены присоединиться, и чтобы Палата приступила к самоорганизации и действовала с ними, если они придут, и без них, если они останутся в стороне. Полученные данные были соответствующим образом проверены, и затем Сийес предложил им объявить себя Национальным собранием - таково правильное название того, кем они себя называли.

Несмотря на Малуэ и даже Мирабо, 17 июня это предложение было поддержано 491 голосом против 90. Все налоги стали зависеть от Собрания. Общий принцип, по которому действовал Сийес, заключался в том, что Палата общин на самом деле была нацией. Высшие классы не были ее существенной частью. Они были даже не естественным и нормальным ростом, а оскорбительным наростом, отрицательной величиной, которую следовало вычитать, а не складывать. То, чего не должно было существовать, не должно было быть представлено. Депутаты Третьего сословия представляли целое. Одних их было достаточно, чтобы управлять страной, поскольку только они были связаны с общими интересами.

Сийес не был заинтересован в том, чтобы его приглашению подчинились, поскольку присоединение других орденов могло сместить большинство. Те, кто обладал всей полнотой власти, были обязаны использовать ее. Аксиоматическая простота больше, чем длительные аргументы, покорили Сийеса его слушателей.

V

КЛЯТВА НА ТЕННИСНОМ КОРТЕ

На прошлой неделе мы видели, как много времени было потрачено на бесплодные переговоры, которые зашли в тупик — палата общин отказывалась действовать иначе, как совместно с другими орденами, а остальные настаивали на отдельных действиях, которые были предписаны их инструкциями и королем.

Палата общин изменила свою политику под влиянием Сийеса, который посоветовал им не ждать остальных, а действовать в их отсутствие. В своем знаменитом памфлете он утверждал, что они действительно были нацией и на их стороне было право. И его теория была претворена в жизнь, потому что теперь оказалось, что у них было не только право, но и сила. Они знали это, потому что духовенство колебалось. В четверг, 18 июня, на следующий день после провозглашения Национального собрания, был праздник. В пятницу духовенство разделилось по вопросу о присоединении. Предложение было отклонено, но двенадцать его оппонентов

заявили, что они были бы на другой стороне, если бы общее голосование распространялось только на проверку деклараций. Меньшинство сразу же приняло это условие и таким образом стало большинством. Вслед за этим к нему присоединились другие, и к шести часам вечера 149 священнослужителей зарегистрировали свои голоса в Палате общин. Это 19 июня - решающая дата, потому что тогда священники перешли на сторону Революции. Палата общин своим сомнительным и дерзким поступком поставила себя в неловкое положение по отношению ко всем, когда низшее духовенство отказалось от привилегий и пришло им на помощь.

Недавно умер дофин, и королевская семья жила на покое в Марли. В десять часов вечера, в день голосования, архиепископы Парижа и Руана прибыли туда, описали королю это событие и утешили его, сказав, что прелаты, все, кроме четырех, остались верны своему ордену. За ними последовал совсем другой посетитель, которого королю было необходимо выслушать, поскольку он был человеком, которому суждено занимать высшие государственные посты при многих правительствах, быть главным министром республики, империи и монархии, главенствовать над европейскими монархами в Вене, над европейскими государственными деятелями в Лондоне, и которого все боялись, ненавидели и которым восхищались как самым проницательным политиком в мире.

Талейран приехал в Марли глубокой ночью и попросил тайной аудиенции у короля. Он не был любимцем при дворе. Он получил престол Отена только по просьбе собравшегося духовенства Франции, и когда папа римский избрал его кардинальской шапкой, Льюис воспрепятствовал его выдвижению. Теперь он отказался принять его и отослал к своему брату. Граф д'Артуа был в постели, но епископ был его другом и был принят. Он сказал, что правительству необходимо действовать энергично. Поведение Ассамблеи было незаконным и глупым и разрушило бы монархию, если бы Генеральные штаты не были распущены. Талейран вместе со своими друзьями, некоторые из которых пришли с ним и ждали внизу, собирался сформировать новую администрацию. Ассамблея, скомпрометированная и дискредитированная недавней вспышкой, будет распущена, новая будет избрана по измененному избирательному округу, и достаточная демонстрация силы предотвратит сопротивление. Талейран предложил изменить политику Неккера, которую он считал слабой и колеблющейся и которая отдала Францию в руки Сийеса. Окрепнув, он намеревался восстановить королевскую инициативу, чтобы провести конституционные изменения, которых ожидала нация.

Граф оделся и доложил об этом королю. Он ненавидел Неккера за его уступки, и приветствовал перспективу избавиться от него ради министра, которого он сам назначил, из своего круга. Он вернулся с решительным отказом. Тогда Талейран, убежденный, что отныне бесполезно служить королю, заметил, что каждому человеку должно быть позволено работать самому; и граф признал, что он был прав. Они вспомнили ту встречу после двадцати пяти лет разлуки, когда один из них держал в руках корону Франции, которую другой, от имени Людовика XVIII, пришел получить от него.

Король оттолкнул Талейрана, потому что тот только что принял важное решение. Настало время, которого ждал Неккер, время выступить с Конституцией, столь тщательно продуманной, столь точно определенной, столь верно приспособленной к осознанным желаниям народа, что она вытеснила Собрание с его опасной суматохой и длительным бесплодием и затмила его. Он предлагал подобную меру в начале мая, когда она была отклонена, и он не настаивал. Но теперь

политика, неразумно отложенная, была явно своевременной. Тайные советы исходили от либеральных общественных деятелей, настаивавших на опасности кризиса и уверенности в том, что Ассамблея вскоре бросится в крайности. Сам Мирабо осуждал его действия, и у Малуэ были основания ожидать более решительного сопротивления революционным аргументам и внезапному возвышению Сийеса. Королева лично и влиятельные люди при дворе умоляли Неккера изменить свой конституционный план, но он был непоколебим, и король поддержал его. Было решено, что всеобъемлющая мера, направленная на дистанцирование и аннулирование Ассамблеи, должна быть провозглашена с трона в следующий понедельник.

Это был тот камень, который разрушил министерство Талейрана, и он разрушил более прочные структуры, чем этот бесплотный фантом. План был разработан государственным деятелем, и он знаменует собой вершину карьеры Неккера. Но он пренебрегал общением с людьми, которым вполне мог бы доверять, и тайна оказалась роковой, поскольку хранилась на двенадцать часов дольше положенного. Поскольку принцы отказались пользоваться своей школой верховой езды, для Генеральных штатов было выделено всего три здания вместо четырех, а Палата общин из-за своей многочисленности заняла большой зал, где проходила церемония открытия и который теперь нужно было подготовить к королевскому заседанию.

Очень рано утром в субботу, 20 июня, председатель Ассамблеи, астроном Байи, получил уведомление от церемониймейстера о том, что зал необходим для подготовки к понедельнику и что заседания Палаты общин тем временем приостановлены на этот день. Байи не был застигнут врасплох, потому что друг, который ходил с открытыми глазами, предупредил его о том, что происходит. Но Ассамблея официально отложила свое заседание на этот день, члены ожидали назначенного заседания, и сообщение пришло слишком поздно. Байи посчитал, что это было преднамеренное оскорбление, гневная реплика правительства и наказание за недавнее голосование, и он сделал вывод, как мы знаем, наиболее ошибочный, что предстоящая речь с трона будет враждебной. Поэтому он придал всю возможную торжественность последовавшей за этим знаменитой сцене. Появившись во главе возмущенных депутатов, ему было отказано в допуске. Дверь была открыта только для того, чтобы он мог забрать свои бумаги, и Национальное собрание, представлявшее Францию, по королевскому приказу оказалось снаружи, на тротуаре, в час, назначенный для его заседаний.

В этот момент сомнения и разногласия, вызванные непререкаемой логикой Сийеса, исчезли. Умеренные и революционеры испытывали одинаковое негодование и испытывали одинаковое чувство противостояния со стороны безумной власти. Некоторые, и Сийес среди них, предлагали перебраться в Париж. Но дом нашелся на пустом теннисном корте неподалеку. Там, с целью пресечь опасные замыслы, а также восстановить свое собственное ослабевающее влияние, Мунье взял на себя руководство. Он предложил, чтобы они связали себя клятвой никогда не расходиться, пока не примут Конституцию Франции; и все депутаты немедленно поклялись в этом, за исключением одного, который добавил "Несогласный" к своему имени и которого вытолкнули через черный ход, чтобы спасти от ярости его коллег. Это драматическое действие мало что добавило к тому, что было сделано тремя днями ранее. Депутаты понимали, что Учредительное собрание должно быть единым, что законодательная власть для этой цели была передана им и не может быть ограничена или отозвана. Их власть не должна была ограничиваться верхней палатой, поскольку обе верхние палаты были поглощены; ни королем, поскольку они не считались ни с его санкцией, ни с его вето; ни самой нацией, поскольку они отказались, согласно своей клятве, быть распушенными.

Настоящим событием Теннисного корта было объединение всех партий против короны и принуждение их принять новую политику радикальных и бессрочных перемен, превосходящую то, что сделал сам Сийес. Бесхозяйственность суда загнала его друзей в авангард движения. Последний роялист, сторонник безопасных мер, исчез через черный ход.

Малуэ предложил пункт, сохраняющий королевскую власть, но было решено не выдвигать его, чтобы не получить отказа. Мирабо, в глазах которого декрет 17-го предвещал гражданскую войну, теперь неохотно проголосовал вместе с остальными.

Пока Ассамблея проводила свое импровизированное неформальное заседание в Версале, король заседал на совете в Марли по великодушному предложению Неккера. После борьбы и некоторых губительных уступок министр изложил свои основные тезисы. Они собирали свои бумаги, и готовились расходиться, когда королю было доставлено личное послание. Он вышел, попросив их дожидаться его возвращения. Монморен повернулся к Неккеру и сказал: "Это королева, и все кончено". Король вернулся и перенес заседание совета в понедельник в Версале. И именно таким образом сообщение о том, что произошло тем утром, подействовало на правительство, а энтузиазм Теннисного корта сорвал продуманные меры самого либерального министра в Европе. Ибо это была, по правде говоря, королева, и за этот короткий промежуток времени было решено, что Франция, столь близкая к цели в июне месяце, должна пробираться к ней через потоки крови в течение двадцати пяти самых ужасных лет в истории христианских народов.

Совет министров, заседание которого было отложено из-за заседания на Теннисном корте, перешел на сторону *дворянства* и восстановил в их интересах принципы старого режима. Он постановил, что король должен отменить недавние акты Собрания; должен сохранить неприкосновенным разделение сословий, разрешив возможность совместного обсуждения только в тех случаях, когда не затрагиваются ни привилегии, ни Конституция; что он должен подтвердить феодальные права и даже налоговые иммунитеты, если от них добровольно не отказались, и должен отказать в приеме на государственную службу независимо от класса. Противники Неккера одержали верх, и древние бастионы были восстановлены в пользу аристократии.

Тем не менее, часть великого плана была сохранена, и уступки со стороны короны были таковы, что несколькими неделями ранее их приветствовали бы с энтузиазмом, а последовательная логика свободных институтов обладает принудительной силой, которая заставила многих думать, что Речь короля от 23 июня следовало принять как большую хартию Франции. Таково было мнение Артура Янга; губернатора Морриса, который внес последние штрихи в Американскую конституцию; Джефферсона, автора *Декларации независимости*; а впоследствии даже самого Сийеса.

Из-за этого Неккер колебался до последнего момента и во вторник утром приготовился к встрече с королем. Его друзья, его семья, его дочь, чудо эпохи, дали ему понять, что он не может санкционировать своим присутствием в критический момент акт, который перечеркнул одну из важнейших сторон его политики. Он уволил свою карету, снял судебный костюм и покинул вакантное место, чтобы заявить о своем падении. В тот же вечер он подал заявление об отставке. Его значительное отсутствие; безапелляционный язык короля; отмена их указов,

которая была эффективной и незамедлительной, в то время как обещания компенсации были окончательными и еще не эквивалентны законам; общепризнанная решимость отождествить корону с дворянством повергли Собрание в ужас. Исключение конституционного вопроса из списка вопросов, подлежащих отдельному обсуждению, было, в существующих условиях антагонизма, концом свободного правления. И действительно, положение, занимаемое королем, было несостоятельным, потому что разделению орденов на три Палаты уже пришел конец. Ибо в понедельник, 22-го, в церкви Святого Льюиса 149 церковных депутатов во главе с архиепископами Бордо и Вены присоединились к Палате общин. Это был шаг, который они были юридически уполномочены и компетентны предпринять, и Революция теперь имела большинство не только индивидуальных голосов, но и приказов. Поэтому это была тщетная надежда разлучить их силой.

Льюис XVI закончил, заявив, что он полон решимости добиться счастья своего народа и что, если депутаты откажутся сотрудничать, он добьется этого в одиночку; и он приказал им уйти. Палата общин заседала в своей собственной Палате, и вместе с большинством духовенства они вернулись на свои места, не уверенные в будущем. Их неуверенность внезапно благоприятным образом рассеялась. Снова появился Дре Брезе, церемониймейстер, и, когда он принес послание от короля, на голове у него была шляпа с плюмажем. С громкими возгласами ему было велено раскрыть карты, и он произнес ответ, настолько дерзкий, что его сын, описывая эту сцену публично спустя много лет, отказался повторить его слова. Поэтому, когда он спросил, слышали ли они приказ короля об отъезде, он получил незабываемый урок. Мирабо воскликнул: "Да, но если нас выгонят, мы уступим только силе". Брезе правильно ответил, что он не признает Мирабо органом Ассамблеи, и обратился к президенту. Но Байи возвышался над Мирабо и сказал: "Нация собрана здесь и не получает никаких приказов". При этих словах церемониймейстер, словно внезапно осознав присутствие своего величества, удалился, пятась к двери. Именно в этот момент старый порядок изменился и уступил место новому. Ибо Сийес, обладавший замечательным даром излагать свои мысли остро, который начал свою карьеру в парламенте десять дней назад словами: "Пришло время перерезать канаты", теперь заговорил и с великолепной простотой так определил позицию: "Кем вы были вчера, тем вы являетесь и сейчас. Давайте перейдем к порядку дня". Таким образом, монархия, как сила, отличная от формы, не подверглась нападкам, не была упразднена или осуждена, но обошла стороной. За этим должны были последовать нападение, отмена, осуждение, и уже появились проницательные глаза, которые уловили вдалеке первый блеск топора. "Король, - сказал Мирабо, - встал на путь эшафота".

Отречение от прерогатив, которое король предложил 23 июня, зашло далеко; но народ потребовал отказа от привилегий. Собрание, подчинившись геометрическим рассуждениям Сийеса и к удивлению Теннисного корта, напугало его, заставив заключить союз с дворянами, и он связал свое дело с их делом. Он предпочел выстоять или пасть, руководствуясь чужими интересами, с орденом, который был бессилен помочь ему, который ничем не мог отплатить за его жертву ради них, который был неспособен в течение одного часа защитить себя и был близок к гибели от своей собственной руки. Провал 23 июня стал очевиден сразу. Ассамблея, отправив в отставку Дре Брезе, больше не подвергалась преследованиям. Неккер согласился возобновить работу, и его популярность значительно возросла. Под влиянием королевской декларации сорок семь дворян, составлявших лишь часть либерального меньшинства, перешли на сторону Палаты общин, и Талейран последовал за ними во главе двадцати пяти прелатов. Тогда король уступил. Он приказал сопротивляющимся магнатам присоединиться к

Национальному собранию. В очень искренних и торжественных выражениях они предупредили его, что такой капитуляцией он откладывает свою корону. Граф д'Артуа возразил, что жизнь короля будет в опасности, если они будут упорствовать. Был один молодой дворянин, быстро снискавший славу любезного и впечатляющего оратора, которого не тронуло даже это обращение к преданным сердцам. "Пусть погибнет монарх, - воскликнул Казалес, - но не монархия!"

Льюис подвергся унижению, отменив 27 июня то, что он торжественно обнародовал 23 июня, потому что это была роковая тайна. Париж был взволнован, и народ пообещал депутатам поддержать их в случае необходимости. Но что они могли сделать в Версале против повелителя стольких легионов? Как раз в это время во французской гвардии, самом дисциплинированном подразделении войск в столице, вспыхнул мятеж, который раскрыл ключ к пустым и неустойчивым советам правительства. Армии нельзя было доверять. Неккер заподозрил это еще в феврале. В последнюю неделю июня английские, прусские и венецианские посланники сообщили, что crown был выведен из строя, потому что был разоружен. Находящиеся под рукой полки не собирались выступить против представителей нации. Было решено собрать верные отряды швейцарцев, эльзасцев и валлонов. К месту событий были спешно переброшены десять иностранных полков, всего около 30 000 человек. Они были последней надеждой роялизма. Верным друзьям сообщили, что капитуляция продлится только до тех пор, пока пограничные гарнизоны не будут доставлены в Версаль. Д'Артуа признался одному из них, что должно пасть много голов. И он произнес зловещую пословицу, ставшую исторической в другой трагедии: "Если вы хотите омлет, вы не должны бояться разбить яйца".

VI

ПАДЕНИЕ БАСТИЛИИ

После драматического вмешательства маркиза де Брезе речь короля от 23 июня так и не была серьезно рассмотрена Ассамблеей. И все же уступки, которые она сделала духу политического прогресса, удовлетворили философствующих наблюдателей, и в английской истории не было случая, когда столь масштабные перемены, исходившие от короны, не смогли бы примирить народ. В те дни было распространено убеждение, прямо одобренное экономистами, что второстепенные свободы, распространенные достаточно далеко, стоят больше, чем формальные гарантии принципа самоуправления. Один из них предназначен для повседневного использования и приносит практическую пользу; другой относится к области теории, сомнительно полезен и не гарантирует просветления и справедливости. Мудрая, честная и разумная администрация дает людям больше, чем установившееся господство неопределенного мнения. Эти аргументы имели больший вес для философов, чем для депутатов, поскольку уже было решено, что они должны разработать Конституцию. Они намеревались взять все, что предлагал король, и гораздо больше. Многие из того, что он настаивал сохранить, они были полны решимости уничтожить. Предложение, в лучшем случае, было сведено на нет сплавом, поскольку самые оскорбительные привилегии, иммунитеты и служебное вознаграждение должны были быть увековечены, и именно против них бились самые

яростные силы революционного движения. Чтобы их можно было упразднить, нация предложила своим представителям свою неоспоримую поддержку, свою непобедимую мощь.

Если бы Собрание, довольное полученным преимуществом перед королем, безоговорочно подчинилось знати и согласилось на несколько политических реформ, направленных на социальную деградацию демократии, оно предало бы своих избирателей. Исходя из этого соображения, они были вынуждены действовать. Они действовали также на основе принципа, который не был новым, который действительно пришел от средневековых богословов, но который недавно был наделен универсальным авторитетом, что закон - это воля не суверена, который приказывает, а нации, которая подчиняется. Это была самая суть доктрины о том, что препятствие свободе является преступлением, что абсолютная власть - это не то, с чем нужно советоваться, а то, от чего нужно избавиться, и что сопротивление ей - это не вопрос интереса или удобства, а священный долг. Каждая капля крови, пролитая в американском конфликте, была пролита по причине, неизмеримо более низкой, чем у них, против системы, безусловно, более легитимной, чем та, что была 23 июня. Если только Вашингтон не был убийцей, их долгом было противостоять, если это было возможно, политикой, если это было необходимо, силой, той чудовищной мере уступчивости и упрямства, которую Суд применил против предложений Неккера. Эта победа была обращена вспять, и успех Палаты общин был полным. Они объединили три ордена в один; они вынудили короля отозвать свое заявление и восстановить на посту его опального министра; они обнажили слабость своих угнетателей, и за их спиной была нация.

27 июня в Объединенной ассамблее Мирабо выступил с речью, в которой сочетались триумф и примирение, что стало его первым актом государственной мудрости. Он сказал, что тронная речь содержала широкие и великодушные взгляды, которые доказывали подлинную либеральность короля. Он желал принять их с благодарностью, без ограничений, навязанных бездумными советниками, и уважать справедливые *права дворянства*. Он выбрал добро без зла, вытащив Льюиса из его ловушки и проследив линию, по которой он мог бы продвинуться к великим результатам. "Прошлое, - сказал он, - было историей диких зверей. Мы открываем историю человечества, ибо у нас нет оружия, кроме дискуссий, и нет противника, кроме предрассудков".

Их победа принесла обществу не только выгоду, но и потери, и были основания полагать, что совет Сийеса позволить другим орденам идти своим собственным путем был основан на мудрости. Их противники, присоединившиеся к ним по принуждению, имели не только волю, но и средства нанести им вред.

Для духовенства наступил короткий период народной благосклонности. Сельские священники, вышедшие из крестьянства и малоимущие, разделяли многие из их чувств. Покровительство государства переходило к людям знатного происхождения; и один из них, архиепископ Эксский, провозгласил свою веру в то, что если кто-то и должен быть освобожден от налогов, то это должен быть обедневший мирянин, а не богатый священнослужитель. Когда случилось так, что Конституционный комитет был избран без участия кого-либо из духовенства, Палата общин подняла крик о том, что они должны быть представлены в соответствующей пропорции. Они, по-братски, отказались. А второй комитет, тот, который фактически разработал схему, состоял из трех церковников и пяти мирян. Дворяне не примирились и отказались объединяться с

людьми английских взглядов в партию тори. Для них разделение приказов было фундаментальной максимой безопасности, которую они унаследовали и которую они были обязаны передать по наследству. Они рассматривали общие прения как временные, как исключение, которое должно быть исправлено при первой возможности. Они продолжали практику проведения раздельных заседаний. 3 июля присутствовало сто тридцать восемь человек, а 11-го все еще оставалось восемьдесят. Они отказались голосовать в секциях объединенной ассамблеи, потому что это запрещалось их инструкциями. Сомнения были искренними, и их разделял Лафайет; но другие рассматривали это как протест против того, что Собрание не было создано законным образом. Поэтому 7 июля Талейран предпринял попытку аннулировать инструкции. Им нельзя позволять контролировать Собрание; они не должны влиять на отдельных людей. Избиратели вносят свой вклад в принятие решения; они не могут сопротивляться этому. Каким бы ни было первоначальное желание избирателей, окончательный акт принадлежал законодательному органу. 27 июня сам король объявил императивные мандаты неконституционными. Но депутаты, объявив себя постоянными, оторвались от своих избирателей. Инструкции стали единственной гарантией того, что Конституция останется в рамках, установленных нацией, единственной гарантией от бессрочных изменений. Только они определили линию наступления и защитили монархию, собственность, религию от безудержного напора общественного мнения и требований народных чувств.

Сийес, который не ожидал ничего хорошего от сотрудничества с орденами, которые он осуждал, и который считал дворянина или прелата, голосовавшего не лучше, чем того, кто голосовал неправильно, настаивал на том, что этот вопрос касается не Собрания, а избирательных округов, и его можно оставить на их усмотрение. Он увеличил свою поправку на семьсот двадцать восемь пунктов.

Тем временем партия, одержавшая верх 23 июня и потерпевшая поражение 27-го, работала над восстановлением утраченных позиций. Льюис воспользовался услугами Неккера, не увольняя коллег, которые ставили его в тупик. Он сказал ему, что не примет его отставку сейчас, но выберет для этого время. Неккеру не хватило проницательности понять, что он будет уволен, как только его враги почувствуют себя достаточно сильными, чтобы обойтись без него. Король, который бросил своих друзей и изменил свою общепринятую политику, потому что не было силы, на которую он мог бы положиться, был королем, с которым недолго поругались. Он стал орудием людей, которые не любили его, а теперь презирали.

Однако ресурсы, которых не хватало в критический момент, были в пределах досягаемости, и план, предложенный графу д'Артуа коварным епископом несколькими ночами ранее, был возрожден менее опытными заговорщиками. 1 июля стало известно, что недалеко от Версаля будет сформирован лагерь численностью 25 000 человек под командованием маршала де Бройля, ветерана, снискавшего лавры в Семилетней войне, и вскоре Терраса была переполнена офицерами с севера и востока, которые хвастались, что наточили свои сабли и намеревались быстро расправиться с амбициозными юристами, расточительными дворянами и лишенными сана священниками, разоряющими страну.

Принимая эти меры, король не считал себя виновником насилия. В Париже произошли беспорядки, а в Версале архиепископ Парижский подвергся нападению и был вынужден пообещать, что перейдет на сторону Ассамблеи. Лидер другой стороны, Чемпион де Сисе,

архиепископ Бордо, пришел к нему и умолял его не уступать фракции, не выполнять обещание, вымогаемое угрозами. Он ответил, что дал свое слово и намерен его сдержать.

Сорок лет спустя Карл X заявил, что его брат взошел на эшафот, потому что в данный момент он не хотел садиться на лошадь. По правде говоря, Льюис полагал, что депутаты, отрезанные от Парижа видимыми батальонами, будут охвачены благоговейным страхом, что армия колеблющихся получит доступ к влиянию, к обещаниям, увещеваниям и вознаграждениям, что будет безопаснее принудить Собрание запугиванием, чем распустить его. Он отказался прислушаться к Талейрану; он по-прежнему отвергал более сильную часть своего плана. Благодаря разумному управлению он надеялся, что Ассамблею удастся заставить отменить ее собственную узурпацию и необоснованную работу, и что он сможет восстановить позицию, которую занял 23 июня, в последний день, когда его политика была политикой свободного агента.

Неккер знал об этом воинственном воинстве не больше, чем все остальные. 7 июля было сосредоточено тридцать полков; еще больше находилось в нескольких днях пути, и маршал, окруженный энергичным и торопливым штабом, изучал карты пригородов Парижа в своей штаб-квартире в Версале.

Опасность росла день ото дня, и Ассамблее пришло время действовать. Они были беззащитны, но они полагались на жителей Парижа и на деморализацию армии. Их друзья распоряжались деньгами, и большие суммы были потрачены на подготовку граждан к вооруженному конфликту. Ибо капиталисты были на их стороне, надеясь, что они предотвратят национальное банкротство, к которому приближались Двор и знать. АПале-Рояль, резиденция герцога Орлеанского, был центром активной организации. Поскольку король показал себя некомпетентным, беспомощным и неискренним, люди смотрели на герцога как на популярного принца Крови, который к тому же был богат и амбициозен и мог бы помочь спасти принцип монархии, который Льюис дискредитировал. Его друзья ухватились за эту идею и продолжали сговариваться в его интересах после того, как весь остальной мир был оттолкнут недостатками его характера. На мгновение они подумали о его сыне, который был одарен для этой опасной роли так же безупречно, как отец был непригоден, но его время должно было прийти в более позднем поколении.

Ведущие люди в Собрании точно знали свое положение и не преувеличивали опасность, в которой они находились. 10 июля их проницательный американский советник Моррис написал: "Я думаю, что кризис миновал, так и не будучи осознанным; и теперь верным результатом будет свободная Конституция". И все же 30 000 человек под командованием маршала Франции были готовы к бою; и несколько швейцарских полков, прославленных верностью и доблестью, которым суждено было в том же деле прославиться еще больше, были сосредоточены в самом Париже под командованием Безенваля, доверенного солдата двора.

8 июля, нарушив порядок дебатов, Мирабо поднялся, и началось действие — действие, которое изменило облик мира и непреходящие последствия которого будет ощущать каждый из нас до последнего дня своей жизни. Он обратился с обращением к королю, предупредив его, что, если он не выведет свои войска, по улицам Парижа прольется кровь; и предложив поручить охрану порядка гражданской гвардии. На следующий день Собрание проголосовало за обращение, и 10-го граф де Клермон Тоннер во главе депутации зачитал его королю. Утром в субботу, 11-го, его ответ был доведен до сведения Ассамблеи. У него было три дня, чтобы ускорить свои

военные приготовления. В Париже агитаторы и организаторы использовали это время для организации своих контрмер.

Король отказался отослать войска, для сбора которых были веские причины, но он был готов переехать вместе с Собранием в какой-нибудь город подальше от мутной столицы. Королевское послание было пропитано иронией, и депутаты, вопреки Мирабо, решили не обсуждать его. После этого первого выпада Льюис отбросил ножны. В тот день на совете было замечено, что он нервничал и испытывал неловкость и скрывал свое беспокойство, притворяясь спящим. В конце, отведя одного из министров в сторону, он передал ему письмо для Неккера, который отсутствовал. В письме содержалось его увольнение с приказом о высылке.

Неккер, который уже несколько дней знал, что это должно произойти, был на обеде. Он ничего не сказал своей компании и отправился, как обычно, покататься. Затем он направился к границе и не останавливался, пока не достиг Брюсселя. Двум всадникам, которые следовали за ним, держась вне поля зрения, было приказано арестовать его, если он изменит курс. Он отправился вверх по Рейну в свою страну, по пути к своему дому на берегу Женевского озера. В первом же швейцарском отеле он встретил герцогиню де Полиньяк. Он оставил ее в Версале, лучшую подругу королевы и сердцевину интриги против него; и теперь она была разорена, изгнанницей и предтечей эмиграции. От нее и из писем, которые вскоре последовали, разосланных Ассамблеей, он узнал о событиях, произошедших с момента его падения, узнал, что на одно безумное мгновение стал хозяином короля, его врагов и страны.

Поразительная новость, которую Неккер услышал на "Трех королях" в Бале, заключалась в следующем. Его друзья были опозорены вместе с ним, и главой нового министерства стал Бретей, который был коллегой Калонна и Верженна и руководил делом об Алмазном колье. Он руководил политикой тех, кто выступал против Национального собрания, держась в тени до тех пор, пока не потребовались решительные меры и сильный человек. Теперь он выступил вперед, и предложил, чтобы знать разошлась всем составом, протестуя против методов, с помощью которых Генеральные штаты были потоплены в Национальном собрании. За один день он привлек к своим взглядам двадцать шесть человек из меньшинства. Оставалось несколько человек, которые могли бы облегчить работу убежденному и находчивому человеку. Но как ни решителен был Бретей, парижская демократия действовала с еще большей быстротой и решительностью и с не менее определенной целью. 12-го стало известно, что Неккер был выслан из страны и что оружие находилось в руках людей, которые намеревались применить его против народа. Париж был охвачен беспорядками, но средний класс предоставил гражданскую гвардию для его защиты. Произошли столкновения с войсками, и было пролито немного крови.

Начали появляться новые люди, представлявшие восходящие классы: Камиль Демулен, журналист-ритор, с литературным, но не политическим талантом, обратился к народу с речью в саду Пале-Рояля; а один из сильных людей истории, Дантон, показал, что он знает, как управлять массами и направлять их.

13-е число было потрачено впустую правительством, Париж потратил его на напряженную подготовку. Люди бурно говорили о разрушении Бастилии, как о знаке, который будет понят. Рано утром 14 июля отряд мужчин направился к дому инвалидов и захватил 28 000 единиц

оружия и несколько пушек. На другой окраине Парижа древняя крепость Бастилия возвышалась над рабочим кварталом и господствовала над городом. Всякий раз, когда с его высоких зубчатых стен гремели пушки, сопротивление прекращалось, и побежденное оружие оказывалось бессильным.

Бастилия не только омрачила столицу, но и омрачила сердца людей, поскольку на протяжении веков пользовалась дурной славой как орудие и эмблема тирании. Узники за его решеткой были немногочисленны и неинтересны; но широкий мир знал ужас его истории, загубленные жизни, разрушенные семьи, три тысячи обещанных могил на его территории, и общий голос призывал к его уничтожению как знак освобождения. На выборах и знать, и палата общин требовали, чтобы его сравнивали с землей.

Уже 4 июля Безенваль получил уведомление о том, что на него будет совершено нападение. Он послал отряд швейцарцев, который увеличил численность гарнизона до ста тридцати восьми человек, и больше ничего не сделал. В утренние часы, пока захватчики дома инвалидов раздавали награбленное оружие и боеприпасы, эмиссары под различными предлогами проникли в Бастилию, чтобы понаблюдать за обороной. Одного красноречивого посетителя отвели на вершину устрашающих башен, где он увидел, что орудия, которыми ошетинились амбразуры, которые были вне досягаемости стрелков и отдавали Париж на их милость, были демонтированы и не могли стрелять.

Примерно в середине дня, когда об этом стало известно, началась атака. Им руководила *Французская гвардия*, которая первой подняла мятеж, была расформирована и теперь составляла костяк народной армии. Осада заключалась в попытках опустить подъемный мост. Через несколько часов массивные стены были непоколебимы, и место было таким же безопасным, как и до первого обстрела. Но защитники знали, что они погибли. Безенваль был не тем человеком, который мог бы спасти их, пробившись с боем через несколько миль улиц. У них не было провизии, и люди убеждали губернатора пойти на условия, прежде чем он будет вынужден. Они уничтожили более сотни нападавших, не потеряв ни одного человека. Но было ясно, что потеря ни сотни, ни тысячи человек не повлияет на суровую решимость толпы, хотя и может усилить ее ярость. Делони в отчаянии схватил спичку и хотел поджечь магазин. Его люди протестовали и говорили об ужасных разрушениях, которые должны последовать за взрывом. Человек, который остановил руку отчаявшегося командира, и которого звали Бекар, заслуживал лучшей участи, чем та, которую он постиг в тот день, потому что он был одним из четырех или пяти убитых. Солдаты вступили в переговоры, подняли белый флаг и получили, клянусь честью французского офицера, устное обещание безопасности.

Затем победители хлынули по мосту, торжествуя над горсткой швейцарцев и инвалидов — торжествуя также над тринадцатью веками монархии и самой длинной чередой королей. Те, кто служил в регулярной армии, взяли на себя заботу о стольких заключенных, которых смогли спасти, отнесли их в свои каюты и предоставили им собственные кровати для сна. Офицеры, которые провели нереальную атаку и получили жалкую капитуляцию, доставили губернатора в Отель-де-Виль, пробиваясь сквозь кровожадную толпу. Долгое время считалось, что Делони впустил этих людей в первый суд, а затем вероломно расстрелял их. В ходе борьбы он ранил случайного прохожего, который случайно оказался поваром. Мужчина, подвижный, по-видимому, не столько враждебностью, сколько гордостью за профессиональное мастерство, выхватил нож и отрубил себе голову. Флессель, глава старого муниципалитета, назначенный

коронай, вскоре после этого был застрелен по подозрению в подстрекательстве Делони к сопротивлению.

Доктор Ригби, англичанин, побывавший в Пале-Рояле, описал то, что он видел. Сначала появилась огромная толпа, несущая вверх ключи от завоеванной цитадели с надписью: "Бастилия взята". Радость была неописуемой, и незнакомые люди пожимали ему руку, говоря: "Мы тоже свободные люди, и никогда больше не будет войны между нашими странами". Затем появилась другая процессия, тоже с криками и ликованием; но прохожие смотрели на это с ужасом, потому что трофеями, которые несли прохожие, были головы убитых людей. Ибо нация стала суверенной, а солдаты, стрелявшие в нее, считались мятежниками и предателями. Все иностранные послы были поражены мыслью о том, что совершенная месть была несоизмерима с масштабом достигнутого. С наступлением темноты маршал отдал приказ эвакуировать Париж. Безенваль уже был полностью отступлен, и столица больше не находилась во владении короля Франции.

Тем временем Национальное собрание, сознавая силу народных настроений вокруг себя, сохраняло спокойствие посреди опасности. Их роль была уменьшена, в то время как почти в пределах видимости и слуха история разрушалась и творилась силой, превосходящей их собственную. Утром 14-го они избрали Комитет из восьми человек, который должен был разработать Конституцию. Мунье и сторонники английской модели по-прежнему одерживали верх. К вечеру их шанс был упущен, поскольку английская модель включает в себя короля.

Ближе к концу дня Ноай принес достоверную весть о том, чему он был свидетелем; и Собрание в взволнованном молчании узнало, что голова коменданта неприступной Бастилии была выставлена насаженной на пику по улицам Парижа. Лафайет занял кресло, в то время как президент поспешил с Ноаем во дворец. Они не произвели там никакого впечатления. Льюис сообщил им, что отозвал свои войска, а затем отправился спать, спокойный и упорно игнорирующий то, что было сделано, и то, что ушло из жизни.

Но утром, когда Собрание собралось в беспорядке и собиралось отправить еще одну депутацию, выяснилось, что за короткие часы той памятной ночи произошла перемена. В два часа дня король был разбужен ото сна одним из высокопоставленных придворных. Незванный гость, Ларошфуко, герцог де Лианкур, не был талантливым человеком, но он был повсеместно известен как самый доброжелательный и благотворительствующий из титулованных дворян королевства. Он заставил своего учителя понять истину и ее значение, а также то, что в тот день в столице и завтра в каждой провинции власти правительства пришел конец. И когда Льюис, постепенно приходя в себя, воскликнул: "Но это же великое восстание!" Лианкур ответил: "Нет, сэр, это великая Революция!" Этими историческими словами верный придворный оторвал монарха от его министров и получил контроль над ним в решающие дни, которые должны были последовать. Ведомый герцогом и сопровождаемый своими братьями, но без церемониального величия, присущего царственности, Людовик XVI. спустился к Ассамблее и подал прошение. В трогательной торжественности этой сцены депутаты на мгновение забыли о своем праведном гневе и еще более праведном презрении, и король вернулся во дворец пешком, во внезапной триумфальной процессии, амнистированный и сопровождаемый всем корпусом.

Борьба была окончена, чары рассеяны, и Ассамблее пришлось управлять Францией. Чтобы навести порядок, многочисленная депутация отправилась в Ратушу, где Лалли Толлендаль произнес речь, полную братства и радости, и появился перед народом, увенчанный цветами.

Чтобы закрепить соглашение между Парижем и Версалем, Байи, первый президент, был поставлен во главе нового выборного муниципалитета, а вице-президент Лафайет стал командующим Национальной гвардией. Это был первый шаг к созданию Коммуны, которой предстояло оказывать столь огромное влияние на судьбу Франции. Он возник по необходимости, когда действие правительства было парализовано, а пространство, которое оно занимало, пустовало.

Национальная гвардия была изобретением огромной важности, поскольку это была армия общества, отличная от армии государства, мнение с оружием в руках, отличное от авторитета. Это был средний класс, организованный как сила, противостоящая силе наверху и силе внизу; и он защищал свободу от короны и собственность от бедных. Так было всегда с тех пор, как защищался порядок и рушились правительства; ибо, поскольку это была сама нация, никто не был достаточно смел, чтобы бороться с этим. Перед алтарем Собора Парижской Богоматери Лафайет принес клятву верности народу, а не королю. Он никогда не проявлял реальной способности к миру или войне; но в переменах долгой жизни он остался верен ранним убеждениям, усвоенным в лагере Вашингтона.

По возвращении из Парижа большая депутация сообщила, что народ требует отзыва Неккера. Наконец король отпустил Бретея и поручил Собранию подготовить письмо изгнанному государственному деятелю. Его изгнание длилось пять дней; теперь настала очередь его врагов. В ту же ночь, 16 июля, сбитые с толку интриганы отправились в изгнание. Льюис сам отослал своего брата, ради безопасности себя и династии. Остальные последовали его примеру. Королева была вынуждена уволить мадам де Полиньяк, которой она слишком доверяла, и она осталась одна среди своих врагов. Это была первая эмиграция. Оставшиеся дворяне объявили, что отказались от сопротивления, и Собрание наконец объединилось. Бой был проигран и выигран, и победитель претендовал на добычу.

Но Ассамблея не вышла победительницей и мало способствовала знаменательной перемене между увольнением Неккера и отправкой посольного флота с его отзывом. В то время как депутаты служили национальному делу своими разговорами, в Париже были более простые люди, которые погибли за это. Сила, которая рисковала жизнью и побеждала, была не в Версале. Именно Париж удерживал павшую власть, власть управлять самим собой, Ассамблеей и Францией. Преобладание столицы было новой чертой, позволившей монархии превратиться в Республику.

Король превратился в слугу двух господ. После того как он отрекся от престола перед своим хозяином в Версале, стало необходимым, чтобы он подчинился новой и таинственной власти в Ратуше. Он уступил представительной демократии. Он должен был отдать такое же признание прямой демократии. Было небезопасно оставлять орлеанскую крепость полностью в их руках. В промежутке между ушедшим министерством и будущим министерством Льюис действовал по совету Лианкура.

Рано утром 17 июля он составил завещание, отслужил мессу, причастился и отправился в свой добрый город. Королева осталась позади со всеми своими экипажами наготове, чтобы по первому сигналу броситься бежать, спасая свою жизнь. У барьера взгляд короля впервые упал на бесчисленных вооруженных людей, которые выстроились вдоль улиц на многие мили, были одеты в странные цвета и не признавали его своим вождем. Ни Национальная гвардия, ни

плотная толпа позади них не издали ни звука приветствия. Никто не повысил голоса, за исключением нации и ее депутатов.

Мир, заключенный между королем и Ассамблеей, здесь не учитывался. Все люди должны были знать, что существует особая власть, которой надлежит оказывать дальнейшее почтение, даже от суверена. В Отель де Виль было отдано почтение. Там король утвердил нового мэра и одобрил то, что было сделано, и он предстал перед народом с новой кокардой, изобретенной Лафайетом, чтобы провозгласить, что королевская власть, правившая Францией со времен обращения Хлодвиги, больше не правит Францией. Он возвращался домой под одобрительные возгласы, сдерживаемые командующим Национальной гвардией, как и мрачное и угрожающее молчание, в котором его встретили.

Началось новое правление. Глава великого дома Бурбонов, наследник стольких сил и славы, на ком покоились традиции Людовика XIV, был неспособен осуществлять под ревнивым контролем ту узкую меру власти, которая еще оставалась. На данный момент их не было. Анархия в столице дала сигнал к анархии в провинциях, и анархия в тот момент имела ужасное значение.

Депутаты, приехавшие в Париж, чтобы разделить энтузиазм момента, не заметили того факта, что победоносная армия, давшая свободу Франции и власть Ассамблее, в значительной степени состояла из наемных убийц. Их преступления исчезли в сиянии их достижений. Их поддержка все еще была необходима. Казалось слишком преждевременным оскорблять патриота и героя, говоря ему, что он также был хулиганом. Таким образом, разношерстную толпу поощряли верить, что истребление несносных было необходимостью в критические времена. Российский посланник писал 19-го числа, что французский народ проявил ту же свирепость, что и два столетия назад.

22-го числа Фулон, один из коллег Бретея, и его зять Бертье, также высокопоставленный чиновник, были преднамеренно убиты на улицах. Ни Байи, ни Лафайет со всеми его когортами не смогли защитить жизнь обреченного человека; но драгуну, который шествовал с сердцем Бертье, был брошен вызов, когда он вернулся домой в казармы, и его зарубил товарищ.

Лалли Толлендал вынес этот вопрос на рассмотрение Ассамблеи. Его отец унаследовал чувства изгнанного якобита по отношению к Ганноверской Англии. Он был в Фолкерке вместе с Чарльзом Эдвардом и сражался в составе ирландской бригады, которая разбила английскую колонну у Фонтенуа. Во время Семилетней войны он командовал войсками в Индии и десять месяцев удерживал Пондишери против Кута. Привезли домой заключенного, и его условно-досрочно освободили, чтобы он мог предстать перед судом. Он был приговорен к смерти, и его сына, который не знал, кто он такой, привели к месту казни, чтобы они могли однажды встретиться на земле. Но Лалли ударил себя ножом, и, чтобы не нарушить справедливость, его вывели умирать с кляпом во рту, чтобы заглушить протест, за несколько часов до назначенного срока.

Смерть Лалли является частью длинного обвинительного акта против французской судебной системы, и его сын годами добивался отмены приговора. Он приехал в Англию и понимал нашу систему лучше, чем кто-либо из его соотечественников. Поэтому, когда Мунье, который не был оратором, представил свою Конституцию, именно Лалли разъяснил ее. Своим эмоциональным и выразительным красноречием он ненадолго снискал известность; в год Ватерлоо он был государственным министром, *in partibus*, в Генте. Он стал пэром Франции, а когда умер в 1830

году, это имя исчезло. Не так много лет назад несчастный человек, которого никто не знал и который ни у кого не просил помощи, умер от нужды в лондонском подвале. Он был сыном Лалли Толлендал.

Говорят, что когда 22 июля он осудил зверства в Париже, он переусердствовал, говоря о себе, о своем отце, о своих чувствах. Барнав, который был человеком чести и уже бросался в глаза, был раздражен до такой степени, что воскликнул: "Неужели эта кровь, которую они пролили, была такой чистой?"

Задолго до того, как Барнав искупил свой грех на эшафоте, он почувствовал и осознал его чудовищность. Но именно благодаря ему и таким людям, как он, а не бичеванию на галерах, мы можем лучше понять дух времени. Два человека, более выдающиеся, чем Барнав, показывают это еще яснее. Великий химик Лавуазье писал Пристли, что если и имели место какие-то эксцессы, то они были совершены из любви к свободе, философии и терпимости, и что нет никакой опасности, что подобные вещи будут совершаться во Франции по низменным мотивам. И вот мнение Джефферсона о сентябрьских массовых убийствах: "Многие виновные пали без суда, а вместе с ними и невинные. Об этом я сожалею так же сильно, как и все остальные. Но — необходимо было использовать руку народа, машину, не такую слепую, как шары и бомбы, но слепую до определенной степени, — был ли когда-нибудь такой приз, выигранный с таким небольшим количеством невинной крови?" Есть работа в двенадцати толстых томах, написанная для того, чтобы доказать, что все это было результатом Классики и заслугой Гармодия, Брута и Тимолеона.

Но вы обнаружите, что убийства, одобренные и признанные, не являются эпидемией, свойственной какому-либо времени, какой-либо стране или какому-либо мнению. Нам нет необходимости включать в этот список страны Юга с горячей кровью, чтобы определить это как одну из характерных черт современной монархии. Вы можете проследить это у королей Франции Франциска I, Карла IX, Генриха III, Людовика XIII, Людовика XIV, у императоров Фердинанда I и II, у Елизаветы Тюдор и Марии Стюарт, у Якова и Вильгельма. Еще больше, если учесть класс людей, не намного худших, по общей оценке, чем их соседи, то есть историки. Они восхваляют и боготворят почти каждого из этих помазанных преступников. За сильным человеком с кинжалом следует более слабый человек с губкой. Сначала преступник, который убивает; затем софист, который защищает убийцу.

Роялисты придерживались той же традиции и в революционные времена. Серутти советовал, чтобы Мирабо и Мишень были убиты ядом; Шатобриан хотел убить Кондорсе кинжалом, и Мальзерб восхищался им за это; имя Жоржа Кадудалья было в почете, потому что его предполагаемой жертвой был Наполеон; Ларошжаклен вынашивал тот же план и не делал секрета из этого для генерала Сегюра. Адэр обнаружил, что они возмущены в Вене тем, что Фокс отказался убить императора, и предупредил его о заговоре.

Те, кто судит о морали по намерению, были менее шокированы преступлениями власти, где искушение так сильно, а опасность так мала, чем преступлениями, совершаемыми людьми, сопротивляющимися угнетению. Несомненно, лучшие вещи, которые любит и к которым стремится человек, — это религия и свобода - я имею в виду именно их, а не удовольствие или процветание, не знание или власть. И все же пути обоих запятнаны бесконечной кровью; оба часто призывали к убийству, и худшие из людей были среди тех, кто утверждал, что продвигает каждое святое дело.

Не открывайте свой разум для фильтрации ошибочной доктрины о том, что убивать людей за их политику менее позорно, чем за их религию или их деньги, или что смелость совершить поступок хуже, чем трусость оправдать его. Давайте не будем уклоняться от безоговорочного осуждения не только Марата и Карриера, но и Барнава. Поскольку в жизни выдающихся людей, Вильгельма Молчаливого и Фарнезе, Кромвеля и Наполеона, может быть много неясного, мы не должны отвлекаться от правосудия в отношении действий, а тем более мыслей тех, кого мы собираемся изучать.

Сказав это, я постараюсь в том, что нам предстоит, избавить вас от унижающих вас зрелищ и от жалобной суровости, которая волнует и утомляет. Суд, к которому я призываю, произносится в совести, а не на устах, для нас самих, а не напоказ. "Человек, - говорит Тэн, - это дикий зверь, плотоядный по своей природе и наслаждающийся кровью". Эти жестокие слова в такой же степени подтверждаются событиями, которые обрушиваются на нас, как это когда-либо было в королевской или христианской истории.

Революция никогда не будет нам понятна, пока мы не обнаружим ее соответствия общему закону и не признаем, что она не является совершенно исключительной, что другие сцены были такими же ужасными, как эти, и многие люди такими же плохими.

VII

ЧЕТВЕРТОЕ АВГУСТА

Сегодня мы подходим к самой решающей дате Революции, к падению социальной системы исторической Франции и замене Прав человека другими.

Когда Ассамблея была полностью сформирована, она должна была регламентировать свою процедуру. Сэр Сэмюэл Ромилли, друг Дюмона, а иногда и Мирабо, прислал отчет о практике британского парламента с громоздкими формами, препятствиями для быстрых действий, ухищрениями в пользу меньшинства и тем, что оппозиция почти приравнивается к правительству. Французам требовались более оперативные методы. У них было единое Собрание с известной и четко определенной комиссией, и самой серьезной опасностью того времени были препятствия и задержки. Каждый член получил право инициативы и мог подать ходатайство в письменной форме. Ассамблея может после обсуждения отказаться рассматривать его; но если ее не задержать на пороге, он может быть обсужден, поставлен на голосование и принят в течение двадцати четырех часов. Охрана для обсуждения находилась в Бюро. Ассамблея была разделена на тридцать групп или комитетов, почти по сорок членов в каждом, которые собирались отдельно: Ассамблея утром, Бюро вечером. Этот план обеспечивал тщательное и искреннее обсуждение, поскольку мужчины высказывали свои искренние мысли там, где не было формальностей, репортеров, посторонних на галерее. Исключенная публика не любила Бюро и подозревала их. Избиратели, впервые испытавшие ощущение того, что депутаты работают над исполнением их воли, пожелали понаблюдать за ними и настаивали на праве хозяина присматривать за своим человеком. Представление было новым, и для каждого читателя Руссо, Тюрго или Мэбли оно вызывало глубокое недоверие. Желание отстаивать верховенство депутатской власти над наместником, учредительного

собрания над своим членом было явной частью великого литературного наследия, общего для всех них. Поскольку мандат изначально был императивным, лицо, выдавшее мандат, претендовало на право следить за его исполнением. Осуществление полномочий, которые были определены и ограничены, которые носили временный характер и могли быть отозваны, требовало тщательного изучения и прямого контроля.

Бюро просуществовали недолго, и их исчезновение стало катастрофой. Партия, как этот термин используется в конституционном словаре, еще не была создана; и ни одна организация не обладала альтернативным правом представлять министров короне. Основные линии, разделившие мнения, выявились в ходе сентябрьских дебатов, и Ассамблея разделилась на фракции, которые управлялись своими клубами. Президент занимал свой пост в течение двух недель, и каждые новые выборы свидетельствовали о движении мнений, позиции партий, повышении репутации. Объединенная Ассамблея с честью выполнила приказ о присоединении. Первыми президентами были прелаты и высокопоставленные люди. Из шести выборов только один достался простолюдину, до конца сентября, когда был избран лидер либеральных консерваторов Мунье, что оказалось моментом опасности. Точно так же тридцать председателей Бюро, почти без исключения, всегда избирались из духовенства или знати.

Поскольку Мунье со своими друзьями доминировали в конституционном комитете тридцати, а теперь были главенствующими в новом комитете восьми, существовала некоторая перспектива создания коалиции, с помощью которой в обмен на их помощь в реализации английской модели дворяне получили бы легкие условия для ликвидации привилегий. Такова ситуация в парламенте. Это отправная точка сделок, которым мы сейчас должны следовать.

В течение нескольких дней, потраченных на установление контактов между королем, Ассамблеей и столицей, провинции зависели от Парижа в получении новостей, мнений и указаний. Им сообщили, что парижане сделали себя хозяевами королевской крепости и изгнали королевскую власть; что король и Ассамблея приняли и одобрили это действие; что не существует исполнительного министерства, ни старого, ни нового; и что столица сама обеспечивает свою безопасность и управление. В городах вскоре появились имитации беспорядков, которые были столь успешными, и они быстро подавили их; ибо города были средоточием среднего класса, естественных защитников приобретенной собственности, а также защитников порядка и безопасности. В сельских районах процесс распада происходил мгновенно, стихийное восстановление шло медленно. Ибо страна была разделена между знатью, которая была богатой, и их иждивенцами, которые были бедными. И бедность одного класса в конечном счете была вызвана бесчисленными приемами увеличения богатства другого. И теперь над ними не было никого, кто мог бы поддерживать мир между ними.

Первым следствием взятия Бастилии, свержения королевской власти, отстранения от должности министра было восстание хижин против замка, обиженного крестьянина против привилегированного землевладельца, который, помимо какой-либо его собственной вины, в силу незапамятного хода истории и действительной буквы закона, был его вечным и неизбежным врагом. События недели с 11 по 17 июля показали, что разрешенный способ получить желаемое - это применить необходимое насилие. Если бы это было тщательно и достаточно быстро, не было бы ни нынешнего сопротивления, ни последующих жалоб. И если и был какой-то избыток жестокости и возмездия, то он был уверен в амнистии на основании невыносимой провокации и слишком долгих страданий. Король принял свое унижение так, как

будто оно было заслужено им. Он не мог сделать для других больше, чем для себя. Его краткий союз с аристократией был расторгнут. Он был бессилён защитить их, как и они сами - себя. Своим официальным актом представления Ассамблее 16 июля они признали, что их дело было проиграно с взятием Бастилии. Они пренебрегли заключением соглашений с врагом у себя дома.

Самое ужасное во Французской революции - это не беспорядки, а замысел. Сквозь огонь и дым мы видим свидетельства расчетливой организации. Управляющие остаются тщательно скрытыми и в масках; но в их присутствии нет сомнений с самого начала. Они принимали активное участие в беспорядках в Париже, и они снова приняли активное участие в восстании в провинции. Остатки высших классов составляли могущественное меньшинство в Версале; и если бы они действовали так, как это делают могущественные меньшинства, если бы они заключали договоры и комбинации, они могли бы компенсировать потерю финансового иммунитета сохранением социальных привилегий. У людей по-прежнему были бы хозяева — то есть хозяева, созданные не ими самими. Они были бы подчинены полномочиям, учрежденным ранее, в то время как само правительство получало бы свои полномочия на тот день, и по-прежнему существовал бы промежуточный орган между нацией и сувереном. Богатство, искусственно созданное с помощью законов, благоприятствующих его накоплению в определенном классе и препятствующих его распространению среди всех, продолжало бы преобладать.

Франция могла быть преобразована по подобию Англии; но самой сущностью английской системы была свобода, основанная на неравенстве. Сутью французского идеала была демократия, то есть, как и в Америке, свобода, основанная на равенстве. Следовательно, демократическая или революционная партия была заинтересована в том, чтобы следующий шаг был сделан по примеру предыдущего, чтобы принуждение, которое так хорошо удавалось королю, было опробовано на дворянах, чтобы методы, примененные в Париже, были распространены на провинции, поскольку там дворяне преобладали. Хорошо направленный удар, нанесенный в тот благоприятный и исключительный момент, когда страна была неуправляемой, мог изменить навсегда, с самого основания, всю структуру общества. Свобода была обеспечена; равенство было в пределах досягаемости. Политическая революция обеспечила быстрый успех социальной революции. Такой возможности подавить компромиссы смести исторические руины с лица земли в Европе никогда не было.

Пока местные власти мучительно формировали себя, был бесценный перерыв для действий. Король уступил место среднему классу; дворяне уступят низшим, и сельская демократия будет эмансипирована так же, как городская. Это вторая фаза того царства террора, которое, как говорит Малуэ, началось с взятия Бастилии. Опыт показал эффективность нападения на замки, а не на людей, и оплоты феодализма подверглись нападению, когда пал оплот абсолютизма.

Говорят, что у одного депутата, Дюпора, магистрата парижского парламента, было 400 000 франков, которые он мог потратить на то, чтобы поднять страну против дворян как раз в момент их слабости. Деньги едва ли были нужны, поскольку бунтовщиков заставили поверить, что они действуют в соответствии с законом. Одна из их жертв написала 3 августа Клермону Тоннерру, что им действительно жаль вести себя таким образом по отношению к хорошим хозяевам, но их вынудили настоятельные приказы короля. Он добавляет, что семь или восемь замков по соседству с ним подверглись нападению их вассалов, и все они полагали, что этого хотел

король. Хартии и имущество были главным объектом разграбления и разрушения, поскольку считалось, что требования, которые не могут быть подтверждены подлинностью, не могут быть исполнены. Часто сам замок сжигался вместе с находившимися в нем пергаменами, а некоторые владельцы погибали.

Беспорядки бушевали во многих частях Франции. Больше всего пострадали районы к востоку и юго-востоку от центра. Эти провинции долгое время оставались частями Империи, и позже мы увидим, что это означает. Крестьяне Восточной Франции поднялись с оружием в руках, чтобы свергнуть древние институты общества, за восстановление которых крестьяне Запада отдали свои жизни.

Слухи обо всем этом запустении вскоре дошли до Ассамблеи, и 3 августа было официально сообщено, что собственность находится во власти банд разбойников, что ни один замок, ни один монастырь, ни одна ферма не находятся в безопасности. Комитет решил заявить, что никакие предлоги не могут оправдать отказ платить те же феодальные взносы, что и раньше. Дюпор предложил вернуть ходатайство в Бюро. Ассамблея не пришла ни к какому заключению. По правде говоря, предложенное было невыполнимым. Палата общин, которая теперь одержала верх, не могла, просидев три месяца, повторно возложить, даже временно, бремя, которое было отвратительным, которое осуждалось их Инструкциями и которое, как все они знали, было неспособно защитить. У них было время подготовиться: кризис застал их врасплох. Двор сообщил знати, что ничто не может спасти их, кроме быстрой капитуляции. Барер также сообщил им, что некоторые из его друзей намеревались добиться отмены фискальных и феодальных привилегий. Они ответили, что сделают это сами. Вирье, который впоследствии пропал без вести во время вылазки во время осады Лиона, сказал своему другу: "Есть только два средства успокоить возбужденное население - доброта и сила. У нас нет силы; мы надеемся добиться успеха с помощью доброты". Они знали, что драгоценное время упущено, и решили, что капитуляция должна быть настолько обильной, чтобы ее можно было заслужить. Это должно было быть не устранение практических претензий, а полное утверждение нового принципа - равенства.

На конференции, состоявшейся вечером 3 августа, было решено, что самопожертвование древней аристократии Франции и установление на ее месте абсолютно демократического общества должны быть возложены на герцога д'Эгийона, владельца обширных владений, который вот-вот лишится нескольких тысяч долларов в год. Но 4 августа первым выступил Ноай, затем д'Эгийон, за ним последовал депутат от Бретани. Вы не сможете подавить насилие, сказал бретонец, пока не устраните несправедливость, которая является его причиной. Если вы хотите провозгласить права человека, начните с тех, которые наиболее вопиюще нарушаются. Они предложили безоговорочно уступить права, оставленные государству, и отказаться от прав, оставленных народу, в обмен на компенсацию. Они воображали, что это различие основано на принципе; но никто никогда не проводил разделительной линии между тем, что было собственностью, и тем, что было злоупотреблением. Отсутствие определенности позволило землевладельцам впоследствии попытаться восстановить многие спорные позиции и привело, после долгих споров, к окончательной потере всего.

Программа была чрезмерно сложной, и на ее выполнение потребовались годы. Дворяне победили, потребовав компенсации, но Дюпор уже произнес грозные слова:

"Несправедливость не имеет права на существование, и цена несправедливости не имеет права

на существование". Масштаб революции, которую подразумевали эти изменения, был очевиден сразу. Ибо это означало, что свобода, которая была известна только в форме привилегий, отныне отождествлялась с равенством. Знать утратила свою юрисдикцию; судейская коллегия утратила право занимать должности путем покупки. Все классы одинаково были допущены ко всем занятиям. Когда упали привилегии, провинции потеряли их вместе с орденами. Один за другим Дофине, Прованс, Бретань, Лангедок заявляли, что они отказываются от своих исторических прав и не разделяют ничего, кроме тех, которые были общими для всех французов. Рабство было отменено; и по тому же принципу, чтобы все были равны перед законом, правосудие было объявлено безвозмездным.

Люберсак, епископ Шартрский, друг и покровитель Сийеса, выступил за отмену законов об охоте, которые означали право сохранения дичи на чужой земле. Это было право, которое неизбежно сопровождало движение той ночи; но оно заставило людей говорить, что духовенство щедро раздавало то, что принадлежало кому-то другому. Затем было предложено отменить десятину; и духовенство проявило такое же усердие, как и миряне, в проведении в жизнь во вред себе доктрины, которая требовала стольких жертв.

Историческая Франция исчезла 4 августа, и ее место заняла Франция новой демократии. Передача собственности от высшего класса к низшему была значительной. Доходы крестьян увеличились примерно на 60 процентов. Никто не возражал против огромных потерь, и не выступал за их уменьшение. Каждый класс, признавая неизбежность и примиряясь с ней, желал, чтобы было видно, как охотно и искренне он уступает. Никто не хотел давать время другим напомнить им о непоследовательности, скрытности или упущении в той зачистке, которую они обязались провести. В их соревновании царили спешка и беспорядок. Одной из характерных черт того времени было невежество в вопросах, касающихся Церкви, и они не знали, насколько сильно принцип выравнивания повлиял на духовенство или что, касаясь десятины, они приводили в движение лавину. В какой-то момент Лалли, сильно встревоженный, передал президенту записку с просьбой прервать заседание, поскольку депутаты теряли голову. Опасность возникла, как стало ясно впоследствии, когда герцог дю Шатле предложил выкупить десятину.

Дворяне проснулись на следующий день с некоторым опасением, что зашли слишком далеко, и с некоторой завистью к духовенству, которое потеряло меньше и которое внесло свой вклад в их потери. 7 августа Неккер предстал перед Ассамблеей и указал на нехватку денег и необходимость займа, поскольку перераспределение собственности 4 августа никак не повлияло на непосредственную прибыль Казначейства. Но духовенство, соперничая со своими соперниками в щедрости, признало право нации использовать церковную собственность в государственных целях.

На следующий день маркиз де Лакост предложил выплатить новый долг из средств духовенства и просто отменить десятину. Он выразил пожелание, чтобы ни один священнослужитель не оказался в проигрыше, и чтобы приходское духовенство получило прибавку к доходу. Духовенство не оказывало сопротивления и сделало невозможным сопротивление других. Они предложили собрать заем от имени государства; но было сочтено, что это дало бы им чрезмерное влияние, и это не удовлетворило бы дворян, которые видели способ выжить с духовенства понесенные ими убытки. В ходе этих дебатов аббат Сийес произнес свою самую известную речь. У него не было товарищеских чувств со своими братьями, но он намеревался,

чтобы десятина обогатила государство. Вместо этого она должна была быть возвращена земле, и землевладельцы получали бы сумму почти в три миллиона долларов в год, разделенную таким образом, чтобы самый богатый получал пропорционально своему богатству. Это возместило бы ущерб мирянам. Теперь не они, а духовенство должны были нести ответственность за 4 августа. Был один депутат, который стал бы богаче на 30 000 франков в год от всей сделки.

Землевладельцы, купившие свои поместья за счет десятины, не имели никаких прав на ее получение. Поскольку весь этот спор был выслушан с нетерпением, Сийес произнес слова, которые немало повысили его моральный облик: "Они воображают, что могут быть свободными и в то же время не быть справедливыми!" В течение трех месяцев он был выдающейся личностью в стране. Спустя годы ему было суждено при странным образом изменившихся условиях снова стать диктатором Франции. Не раз, не пользуясь благосклонностью общества, но просто силой политического мышления, он управлял судьбами государства. Он больше никогда не владел сердцем народа.

Собрание сочло хорошей сделкой возврат десятины земле; и духовенство настолько хорошо знало, что у них нет друзей, что 11 августа торжественно отказалось от своих притязаний. Таким образом, Ассамблея положила начало отказу от Церкви, которая была первопричиной правления террора и Гражданской войны.

Все это лишь эпизод. Делом Ассамблеи с конца июля была Конституция. Первым шагом на пути к ней было определение прав, ради которых она существует. Такого заявления, предложенного Америкой, избиратели требовали в нескольких инструкциях, и оно было точно воспроизведено Мунье 9 июля. На следующий день оказалось, что Лафайет уже положил требуемый документ в карман. Десять дней спустя Сийесом был подготовлен другой текст, а Мунье - другой, который представлял собой переработку текста Лафайета. Вскоре вышло еще несколько текстов.

27 июля архиепископ Бордоский, излагая схему новых институтов, отметил, что необходимо основывать их на определенных и незыблемых принципах. В тот же день Клермон Тоннер представил свой анализ имеющихся идей, содержащихся в инструкциях. Он сразу перешел к сути вопроса. Некоторые инструкции, по его словам, предусматривали не более чем реформу существующих институтов с сохранением традиции контроля и исторической цепочки. Другие предполагали совершенно новую систему законов и управления. Различие между ними заключалось в том, что некоторым требовался кодекс принципов, которым они должны руководствоваться при подготовке Конституции; другие не желали такой помощи, но считали возможным связать прошлое и будущее воедино. Главный конфликт был между авторитетом истории и правами человека. Декларация стала сигналом для тех, кто намеревался спасти Францию от предков, которые дали ей в наследство тиранию и рабство. Его противниками были люди, которые были бы удовлетворены хорошим правительством в духе Тюрго и просвещенных реформаторов его времени, которые могли бы быть счастливы, если бы они были процветающими, и никогда не стали бы рисковать процветанием и миром в погоне за свободой.

Перед теми, кто воображал, что Франция обладает скрытой Конституцией, которую можно извлечь из ее анналов, стояла трудная задача. Ланжуине хотел плавать по маяку и руководить политикой 1789 года с помощью хартии 864 года. Была особая причина, менее гротескная, чем археология Ланжуине, которая вызывала у людей отвращение к этому Заявлению. Свобода, как было сказано, заключается в господстве национальной воли, а национальная воля познается по национальному обычаю. Закон должен проистекать из обычая и управляться им, а не

независимой, индивидуальной теорией, которая бросает вызов обычаю. Вы должны провозглашать закон, а не создавать его, и вы можете провозглашать только то, что дает вам опыт. Лучшее правительство, созданное разумом, менее свободно, чем худшее правительство, завещанное временем. Очень смутно идеи, которые в прежние времена приходили к власти и развивали великую национальную силу, действовали против системы, которая должна была стать новой и универсальной, отвергающей влияние как времени, так и места. Битва велась против людей прошлого, против истории, которая была непрерывной летописью поражений и разочарования в свободе. Но декларация прав была еще более необходима в борьбе с опасностями с противоположной стороны, с теми, которые надвигались чаще, чем те, которые уходили. Люди были полны решимости больше не подвергаться угнетению со стороны монархии или аристократии, но у них не было опыта или предупреждений о угнетении со стороны демократии. Классы должны были быть безвредными, но появился новый враг - государство.

Ни один европеец не знал, какая безопасность может быть необходима или обеспечена отдельному человеку благодаря собранной воле народа. Они были защищены от правительства властью или меньшинством; но они сделали большинство непреодолимым, *аплебисцит* - тиранией.

Американцы отдавали себе отчет в том, что демократия может быть слабой и неразумной, но также и в том, что она может быть деспотической и деспотичной. И они нашли способ ограничить это с помощью федеральной системы, которая терпит, чтобы это нигде не существовало во всей своей полноте. Они лишили правительства своих штатов перечисленных полномочий, а центральное правительство - полномочий, которые были зарезервированы. Поскольку римляне знали, что монархия станет безвредной, будучи разделенной, американцы решили более сложную проблему разделения демократии на две части.

Многие французы были убеждены, что федерализм станет для них по-настоящему либеральной политикой. Но Мунье сразу же отбросил эту идею, и она не была услышана. И разделение властей, которое он заменил, в свою очередь, было отвергнуто. Они не хотели признавать, что одна сила должна сдерживаться и уравниваться другой. У них не было никаких ресурсов, кроме общих принципов, позволяющих покончить с Прошлым и обеспечить будущее. Провозгласив их, они создали идеальную власть над правительством и нацией и обеспечили защиту от недостатков Конституции и власти будущих правителей. Противники Декларации боролись с ней из-за предложения добавить декларацию о пошлинах. Идея была выдвинута самым образованным из депутатов, янсенистом Камю, и духовенство энергично поддержало его. Ассамблея решила, что система прав принадлежит политике, а система обязанностей - этике, и отклонила это предложение утром 4 августа 570 голосами против 433.

Это было решающим разделением по вопросу о правах человека. Через несколько дней, поглощенное кризисом аристократии, рассеянное и утомленное Собрание снова перешло от возбуждения фактами и интересами к обсуждению теории. Был назначен новый комитет из пяти человек для пересмотра работы комитета восьми, который занимался всей Конституцией.

17 августа Мирабо сообщил об их плане. Его сердце не лежало к этому; и он возмущался вмешательством ограничивающих обобщений и морали в сложную экспериментальную науку

управления. Он посоветовал, что Конституция должна быть принята первой, что руководство должностследовать, а не предшествовать. Ассамблея отклонила предложения своих комитетов и все планы, которые были представлены знаменитостями. Самое замечательное из них было написано Сийесом, и оно было встречено благосклонно; но окончательное голосование было отдано за менее известное сочинение, на котором не было указано имя автора. Выбранный текст был менее философским и глубоким, и он вызвал меньше отдаленных отзвуков, чем его соперник; но он был короче и более лаконичен, и считалось, что в нем содержится меньше сомнительных постулатов и меньше грозных последствий. Между 20 и 26 августа он был еще более сокращен с двадцати четырех предложений до умеренного размера в семнадцать. Эти пропуски в документе, которому отдавалось предпочтение перед очень заметными конкурентами, являются ключом к намерениям Национальной ассамблеи и нашей основой для толкования.

Первоначальная схема включала Государственную церковь. Она не была принята. В ней проводилось различие между неравенством людей и равенством прав. Это было сочтено самоочевидным и излишним. Она выводила взаимные права людей из их взаимных обязанностей — и это земное определение также исчезло, оставив открытым путь к высшей цели. Принятый кодекс был скудным и плохо составленным, и Бентам находил злобное удовольствие в том, чтобы разрывать его на куски. Она, в целом, более духовна, чем та, на которой она была основана и которой она обычно следует; и она с большей энергией настаивает на примитивных правах, предшествующих государству и стоящих в стороне от него, которые никакая человеческая власть не может ни предоставить, ни отвергнуть. Это триумфальное провозглашение доктрины о том, что не все человеческие обязательства можно возложить на контракт, или интерес, или силу.

Декларация прав человека начинается с обращения к небесам и определяет их в присутствии и под покровительством Всемогущего Бога. Преамбула подразумевает, что наши обязанности по отношению к Нему составляют наши права по отношению к человечеству, и указывает на божественное происхождение Права, не подтверждая его. В Декларации перечислены те права, которые являются универсальными, которые исходят от природы, а не от людей. Их четыре: Свобода, Собственность, Безопасность и Самооборона. Создаются органы власти и издаются законы для того, чтобы сохранить это первоначальное, существенное и высшее достояние всего человечества.

Система гарантий столь же священна, как и права, которые они защищают. Таковы право представителей вносить свой вклад в законодательство и налогообложение, религиозная терпимость, свобода прессы. Поскольку права равны, власть по их обеспечению должна быть равной. Все люди одинаково имеют долю представительства, все одинаково допускаются к должности, все должны облагаться налогами в одинаковой пропорции. Закон одинаков для всех. Принцип равенства - это идея, на которой Декларация настаивает самым серьезным образом. Привилегия только что была отменена, и обязанность обеспечить не прямые средства для ее восстановления была занятием текущего момента. Чтобы это было обеспечено, все полномочия должны быть предоставлены народом, и ни одна из них не должна осуществляться народом. Они действуют только через своих агентов. Агент, осуществляющий власть, несет ответственность и находится под контролем суверенной власти, которая ее делегирует. Из этого, по-видимому, следуют определенные следствия: ограниченное избирательное право, прогрессивное налогообложение, государственная церковь - все это трудно совместить со

столь глубоко продуманным равенством. Но это не является явным. Вопросы, касающиеся образования, бедности, пересмотра, не допускаются к числу основополагающих и оставлены на усмотрение будущего законодательства. Самый необычный отрывок - это тот, который предписывает, что ни один человек не может подвергаться преследованию за свои мнения, даже религиозные. Похоже, что терпимость была той частью либеральной догмы, к которой депутаты были наименее подготовлены.

Декларация была принята к 26 августа после поспешных дебатов и без дальнейшего сопротивления. Ассамблея, которая отменила прошлое в начале месяца, в конце попыталась установить и регулировать будущее. Это ее неизменные труды и вечное наследие Революции. С ними для человечества началась новая эра.

И все же эта единственная печатная страница, которая перевешивает библиотеки и сильнее всех армий Наполеона, не является работой высших умов и не несет на себе следов львиных когтей. На нем лежит печать картезианской ясности, но без логики, точности, основательности французской мысли. В нем нет никаких указаний на то, что Свобода - это цель, а не отправная точка, что это способность, которую нужно приобрести, а не капитал для инвестирования, или что она зависит от совокупности бесчисленных условий, которые охватывают всю жизнь человека. Поэтому его справедливо обвиняют те, кто говорит, что он ущербен и что его недостатки были опасностью и ловушкой.

Было правильно, что такая попытка была предпринята, ибо прекращение привилегий предполагало декларацию прав. Когда те, которые были исключительными и неравноправными, были отброшены, необходимо было определить и настаивать на тех, которые были равными и принадлежали всем. После разрушения французам пришлось восстанавливать и основывать свою новую структуру на принципах, неизвестных закону, незнакомых народу, абсолютно противоречащих урокам их истории и всему опыту веков, в течение которых Франция была такой великой. Она не могла опираться ни на традиции, ни на интересы, ни на какую-либо постоянную силу притяжения. Если бы идея, которая должна была управлять будущим, не была с предельной отчетливостью запечатлена в умах всех, они не поняли бы последствий такого большого разрушения и таких безвозвратных перемен и плыли бы по течению без компаса. Страна, которая так гордилась своими королями, своей знатью и своими цепями, не могла научиться, не преподав им, что народная власть может быть заражена тем же ядом, что и личная.

VIII

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ДЕБАТЫ

Когда Ассамблея приняла Закон о правах человека, они в последний раз действовали согласованно. Соглашение по основным принципам не предполагало согласия в политике, и при применении их к Конституции неделю спустя произошло разделение партий.

От теннисного корта до великих конституционных дебатов преобладали умеренные, которых можно назвать либералами. Мунье был их тактиком, Клермон Тоннер и Лалли Толлендаль были

их ораторами, Малуэ был их осторожным советником. Они надеялись с помощью разделения властей и увеличения числа проверок сделать свою страну такой же свободной, как Англия или Америка. Они хотели контролировать представителей тремя способами: с помощью Второй палаты, королевского вето и права роспуска. Их успех зависел от поддержки министров и примирившихся консерваторов. В то время как Конституция для них была средством регулирования и ограничения национальной воли, она была инструментом для реализации народной воли их соперников, пришедших к власти на гребне волны.

Демократы отказались сопротивляться народу, законно правящему самостоятельно, либо по английскому, либо по американскому принципу разделения властей. Концентрация рабочего класса в городах была еще незначительной, поскольку индустриальная эпоха только начиналась, и было трудно понять, что у Третьего сословия есть разные интересы и материал для надвигающегося конфликта. Руководителями демократической партии были Дюпор, Ламет и Барнав, которым иногда помогал Сийес, иногда Талейран и их заклятый враг Мирабо.

У дворян, слабых в государственной мудрости, было два сильных спорщика: Казалес, который напоминал людям Фокса, но который, когда не стоял на ногах, мало что в себе представлял; и Мори, впоследствии кардинал и архиепископ Парижский, человек, чей характер был ниже его талантов. Насчитывая почти треть Собрания и удерживая равновесие, они были в силах принять Конституцию, подобную Конституции 1814 года.

Как эти три стороны действовали в том богатом событиями сентябре и что произошло впоследствии, мы должны сейчас рассмотреть.

Пять недель с 27 августа по 1 октября были заняты конституционными дебатами. Они были ограничены Правами человека, которые провозглашали, что нация передает все полномочия и не осуществляет ни одной. С обеих сторон были люди, которым это ограничение не нравилось и которые толковали его по-разному. Одни желали безопасности, чтобы национальная воля всегда восторжествовала через своих агентов; другие - чтобы они могли препятствовать этому. Они боролись за расширение строительства и стремились сломать барьер в республиканском или роялистском направлении.

Дискуссия началась стычкой с духовенством. Они заметили существенное упущение Государственной церкви в Декларации прав и опасались, что они будут ограблены, а Церковь упразднена. Энтузиазм первого часа остыл. Один за другим священнослужители пытались добиться признания католицизма. Каждый раз попытки были отбиты. Духовенство быстро пришло в ярость, в чем признался Мори, когда сказал: "Предлагаемая мера позволила бы Конституции жить: мы голосуем против нее".

Схема работы Комитета была разработана 31 августа и была объяснена Лалли в речи, которая является одним из лучших произведений того времени. Он настаивал на разделении законодательной власти и единстве исполнительной, как на основах свободного правительства. На следующий день Мирабо выступил с той же позицией. Он сказал, что опасность исходит не от короны, а от представителей, поскольку они могут исключать посторонних и вести тайные дебаты, как это позволяет английский закон, и они могут объявить себя постоянными и выйти из-под всякого контроля. Через короля общественность обладает средствами держать их в узде. Он является их естественным союзником в борьбе с узурпацией полномочий депутатов и возможным формированием новой аристократии. Законодательный

орган имеет только временный мандат. Постоянным представителем народа является король. Неправильно отказывать ему в полномочиях, необходимых для общественных интересов. Это частичное проявление точки зрения, которая была расширена Наполеоном.

Мунье защитил свой план 4 сентября. По некоторым пунктам мнения не сильно разошлись. Практически было признано, что без парламента не может быть правления, что он должен собираться ежегодно, что его действия требуют королевского согласия, что он должен избираться непрямым путем, по равным округам и с умеренным имущественным правом. Мунье далее признал, что на Конституцию не распространяется королевское вето, что министры не должны быть членами Ассамблеи, что Ассамблея, а не король, должна обладать инициативой предлагать законы и что у нее должно быть право отказывать в поставках. Реальный вопрос, о котором шла речь, заключался в том, должны ли представители народа контролироваться Верхней палатой, правом короля на роспуск и абсолютным или временным вето.

У Мунье были личные друзья среди его противников, и они начали с ним переговоры. Они были готовы принять две его Палаты представителей и его абсолютное вето. Взамен они потребовали, чтобы Сенат имел только временное право вето на действия представителей, чтобы не было права роспуска, чтобы периодически проводились Съезды для пересмотра Конституции. Эти предложения были признаком слабости. Конституционная партия все еще набирала силу, и 31 августа епископ Лангрский, главный адвокат Палаты лордов, был избран президентом 499 голосами против 328. Если бы разделение законодательного органа на две части было уверенным в большинстве, то предложенная сделка была бы односторонней, и демократы взяли бы гораздо больше, чем дали. Мунье, рассчитывая на поддержку тех, кто был заинтересован в том, чтобы он добился успеха, отклонил это предложение. Измена друзей уже вынудила его отказаться от многого, что он хотел бы сохранить; и план, который он выдвинул, очень напоминал тот, по которому впоследствии процветала Франция.

Тем не менее, провал этих переговоров стал роковой датой в истории конституции. Обладая большей осмотрительностью и лучшим знанием ситуации, Мунье мог бы сохранить половину ценных бумаг, от которых зависел. Он потерял все. То, от чего он отказался отказаться на конференции, было отклонено Ассамблеей; а предложения, которые он отклонил, больше не делались. Когда полномочия законодательного органа были ограничены двумя годами, право роспуска потеряло свою ценность. Право на пересмотр вызвало бы не более быстрые изменения, чем последовало на самом деле; ибо за восемьдесят шесть лет было принято четырнадцать Конституций, или коренной пересмотр проводился каждые шесть-семь лет. Наконец, вето Сената не имело аргументированной основы до тех пор, пока не было решено, каким должен быть состав Сената.

Катастрофический крах дела был вызван отсутствием руководства, а не избытком консерватизма. Мунье склонялся к созданию наследственной Палаты пэров; а об этом после 4 августа не стоило и думать. Но он понимал трудность и, пусть и неохотно, уступил. И он придавал неоправданное значение абсолютному праву вето; но конференция прервалась не на этом. Его поддерживал Лафайет, который так же сильно, как и он, боялся исчезновения королевской власти; иногда Мирабо, которого он ненавидел. Даже Сийес был готов иметь две Палаты и даже три, при условии, что на самом деле это была одна Палата, заседающая в трех отделениях, но подсчитывающая все голоса совместно. Он также предложил обновлять его на одну треть за раз, чтобы было три степени популярного вливания и близости к Матери-Земле.

Мунье и некоторые его друзья заслуживают того, чтобы их помнили среди людей, не столь заурядных, как о них говорят, которые искренне любили свободу; я имею в виду, которые желали ее не ради того блага, которое она могла бы принести им, а ради нее самой, какой бы трудной, дорогостоящей или опасной ни была ее реализация. Они подчиняли средства цели и никогда не рассматривали условные формы как эманацию вечных принципов. Обеспечив Права человека, они с тревогой смотрели на будущее законодательство, которое не могло улучшиться и могло поставить их под угрозу. Они хотели, чтобы Учредительное собрание связало и запретило своим преемникам, насколько это возможно; ибо никто никогда не будет говорить с таким авторитетом, как подлинный голос всего народа.

Благодаря невероятной удаче, на этот раз нация отреагировала мудро. Было ясно, что не всегда все будет так хорошо. У нее были страсти; у нее были предрассудки; она была крайне невежественна; она не была бескорыстна; и она была деморализована дурной традицией. Французы привыкли к безответственной власти. Они вряд ли согласились бы с тем, что власть в их руках должна быть ниже той, которая осуществлялась над ними, или признали бы, что целый народ не стоит выше закона, которому он подчиняется. Следовало ожидать, что они попытаются законодательным путем уменьшить те гарантии для меньшинства и более слабых сторон, которые были предусмотрены Правами человека. Общественное мнение быстро менялось и стало более благосклонным к насилию, более снисходительным к преступлениям. Появился черновик "Прав человека", в котором автор признавал, что по закону природы человек может делать все, что ему заблагорассудится, в погоне за счастьем и, чтобы избежать угнетения, может угнетать, сажать в тюрьму и разрушать.

Человек, написавший таким образом, быстро приобрел ужасающую власть над людьми и смог бросить вызов полиции, правительствам и собраниям, ибо это было началом Марата. Были распространены списки запрещенных лиц; депутатам посыпались письма с угрозами, и Париж в конце августа готовился двинуться на Версаль, изгнать несносных депутатов и, когда они перестанут быть неприкосновенными, предать их суду. Это были первые плоды свободы, средство и награда либералов. Никто не может сказать, в какой стране подобные вещи остались бы без эффекта. Во Франции считалось, что гражданского мужества часто не хватает. Де Серр, великий оратор эпохи Реставрации, однажды заявил с трибуны, что основная масса депутатов всегда была здравомыслящей. Он был прерван яростными криками, и легитимистская аудитория потребовала от него сказать, включил ли он в список участников Конвент, который большинством голосов приговорил короля к смертной казни. Его ответ, очень известный в истории парламентаризма, был таким: "Да, даже Съезд. И если бы это не обсуждалось под руководством кинжалов, мы были бы избавлены от самого ужасного из преступлений".

Оппозиция выступила единым фронтом, но была расколота многими стадиями стремления к демократии. Они также, как правило, стремились установить политическую свободу, даже ценой величайших жертв. Под свободой они подразумевали, во-первых, освобождение от известных и привычных причин угнетения. Правда, могли быть и другие; но они были менее ясными и менее определенными. Весь европейский опыт свидетельствовал о том, что исполнительная власть постоянно доминирует над законодательной, даже в Англии. Было бы абсурдно предполагать, что все силы, которые на протяжении веков помогали строить

абсолютизм, были уничтожены за два месяца. Они снова поднялись бы с корнями, и конфликт постоянно возобновлялся бы.

Спасение, казалось, заключалось в принципе, что вся власть исходит от народа и что никто не может существовать против народа. Народная воля может быть выражена в определенных формах; ее нельзя остановить препятствиями. Ее действие может быть отсрочено; его нельзя остановить. Оно является высшим хозяином всего, без ответственности или изъятий, и без каких-либо ограничений, которые не были бы установлены в Правах Человека. Установленные там пределы достаточны, и свобода личности не нуждается в дальнейшей защите. Недоверие к нации не было оправдано тем способом, которым она выбирала и инструктировала своих депутатов.

Изучая эту группу общественных деятелей, людей, которым принадлежало будущее, мы вынуждены признать наличие элемента национального характера. Нет философии более дешевой или вульгарной, чем та, которая прослеживает всю историю до разнообразия этнологических типов и смесей и всегда представляет продажного грека, вероломного сицилийца, гордого и ленивого испанца, экономного швейцарца, тщеславного и жизнерадостного француза. Но, безусловно, верно, что во Франции свобода прессы представляет собой силу, которая незнакома тем, кто знает ее слабость и силу, кто имел опыт общения со Свифтом, Болингброком и Джуниусом. Мори однажды сказал: "У нас свободная пресса: у нас есть все". В 1812 году, когда Наполеон наблюдал, как великая армия переправляется через Неман, чтобы вторгнуться в Россию, и насвистывал мелодию Мальбрука, он прервал свою мелодию, чтобы воскликнуть: "И все же все это не сравнится с песнями Парижа!" Впоследствии Шатобриан сказал, что при свободе прессы не было такого злоупотребления, которое он не взялся бы уничтожить. Ибо он писал по-французски так, как его никогда не писали, и великолепный строй его предложений с убедительной силой привлекал внимание его соотечественников. Когда в 1824 году он был уволен из Министерства иностранных дел, его друг, редактор *Journal des Débats*, позвонил премьер-министру Виллелю и предупредил его: "Мы свергли вашего предшественника, и мы будем достаточно сильны, чтобы свергнуть вас". Виллель ответил: "Вы победили его с помощью роялизма; вы не сможете победить меня, если не с помощью революции". Оба пророчества сбылись. Союз Шатобриана с газетой привел к созданию Министерства в 1827 году и монархии в 1830 году.

В сентябре 1789 года свободе прессы исполнилось всего четыре месяца, и на Континенте начиналось господство общественного мнения. Они воображали, что это непобедимая сила и абсолютная защита прав человека. Это было бесценно, если обеспечивало право без ослабления власти, подобно другим изобретениям либерализма. Они думали, что когда люди находятся в безопасности от силы, стоящей над ними, им не нужно спасаться от влияния окружающих. Мнение находит свой собственный уровень, и человек легко и без злобы подчиняется тому, что окружает его ежедневно. Давление со стороны равных не следует путать с преследованием со стороны вышестоящих. Правильно, что большинство постепенно поглощает меньшинство. Работа по ограничению власти была выполнена "Правами человека". Работа по созданию власти была оставлена на усмотрение Конституции. Таким образом, люди различных мнений были едины в выводе о том, что полномочия, исходящие от народа, не должны быть без необходимости разделены.

Помимо Сийеса, который находил идеи, и Талейрана, который находил способы, несколько групп в то время были связаны с партией, которой руководил Дюпор. Были некоторые из самых выдающихся юристов, стремившихся реформировать многие системы права и обычаев, господствовавшие во Франции, которые становились законодателями сменявших друг друга Ассамблей, пока не завершили работу над своим кодексом при Наполеоне. Из всех врагов старого монархического *режима* они были самыми методичными и последовательными. Лидер парижской коллегии адвокатов Target был их самым активным политиком. Когда он услышал о плане приведения финансов в порядок, он сказал: "Если у кого-то есть такой план, пусть его немедленно задушат. Именно финансовый беспорядок отдаст короля в нашу власть". Экономисты были столь же систематичны и определены, как и юристы, и им тоже было что разрушать. Благодаря Дюпону де Немуру их теории приобрели непреходящее влияние.

Были двое или трое будущих жирондистов, которые учили, что народу можно доверять больше, чем представителям, и которые были готовы ратифицировать Конституцию и даже принимать решения о принятии законов всенародным голосованием. И были два человека, еще не отделившихся отчетливо от этих своих будущих жертв, которые пошли дальше в противодействии Правам Человека и к смешению властей. В их глазах представительство и делегирование полномочий были изменой истинной демократии. Поскольку народ не мог управлять сам собой напрямую, принцип требовал, чтобы он делал это как можно ближе, посредством постоянного контроля над делегатами. Голосование в парламенте должно постоянно приводиться в соответствие с пожеланиями избирателей прессой, галереями и толпой. Сознательно выступать против делегирующей власти было нарушением доверия. Население Парижа, являясь крупнейшей частью суверенной власти, выражает свою волю более уверенно, чем депутаты из вторых рук. Барер, который был одним из них, предложил хитроумный план, согласно которому действие каждого принятого закона оставалось приостановленным до окончания следующих выборов, когда страна объявит о нем императивным мандатом. Таким образом, он избавился от королевского вето и роспуска.

Робеспьер не стал приостанавливать действие закона, но предоставил следующему законодательному органу исправить ошибки предыдущего. Он утверждал, что полномочия требуют проверки пропорционально опасности, которую они представляют. Теперь опасность от власти, не являющейся представителем, превышает опасность от власти, которая представляет и лучше знакома с потребностями и желаниями масс. Нация управляет сама собой и имеет единую волю, а не две. Если целое не управляет частью, часть будет управлять целым. Робеспьер считал, что пришло время создать силы, достаточные для победы над внешним врагом, а также над внутренним; одну для национальной безопасности, а другую для национального прогресса и возвышения бедных за счет меньшинств, которые их угнетали. Он стоит в конце шкалы, и идея свободы, проходя через различные направления мысли, трансформируется в идею силы. От Сийеса к Барнаву, от Барнава к Камю, от Камю к Бюзо, от жирондиста Бюзо к якобину Робеспьеру, убившему жирондистов, мы проходим длинную линию возможной политики; но переходы четко очерчены, а логика непрерывна.

На второй неделе сентября Конституция Мунье потерпела поражение в результате объединения этих сил. Главный вопрос - учреждение Сената - всерьез не обсуждался. Его боялись как убежища побежденных классов, и сами эти классы его не защищали. Они не желали, чтобы на их руинах возникла новая аристократия; и они подозревали, что правительство отдаст предпочтение тому меньшинству дворян, которое со временем перешло на сторону народа и

которое было ренегатами в глазах остальных. Считалось, что одна палата сильнее сопротивляется исполнительной власти, чем две, и что для сената может прийти время, когда павшая аристократия перестанет бороться, а корона смирится со своим униженным положением.

9 сентября председатель Ассамблеи Ла Люзерн, епископ Лангрский, был вынужден уйти в отставку из-за оскорбления. На следующий день Ассамблея утвердила однопалатный состав 499 голосами против 89, дворяне воздержались.

11 сентября состоялось решающее разделение. Мунье настаивал на неограниченном праве вето. Дебаты прошли не в его пользу. С его стороны было признано, что королю рано или поздно придется уступить. Другие согласились с тем, что король может сопротивляться, пока на двух выборах не будет принято решение в пользу меры, на которую наложено вето. Он мог отклонить пожелание одного законодательного органа или даже двух; он уступил бы третьему. Сами министры были не в состоянии настаивать на абсолютном праве вето в противовес определенному таким образом приостанавливающему. В Ассамблею было направлено письмо от короля, в котором сообщалось, что он доволен временным правом вето. Мунье не разрешил зачитывать письмо, чтобы оно не повлияло на голосование. Он потерпел поражение со счетом 673: 325. Консерваторы бросили его, когда он защищал Верхнюю палату; и теперь король бросил его, когда он защищал права короны. Это была сокрушительная и окончательная катастрофа. Ибо он пал, защищая дело аристократии против знати и дело прерогатив против монарха. Демократы одержали победу, набрав 410 голосов в один день и 350 на следующий. Битва за Конституцию по английскому образцу была выиграна.

12 сентября Мунье и его друзья вышли из состава Комитета. Новый был немедленно избран победившим большинством. В этот критический момент был проведен тайный совет, на котором роялисты посоветовали королю укрыться в провинциях. Льюис отказался их слушать. Большинство, окрыленное успехом, теперь призвало его утвердить указы от 4 августа. Его ответ, датированный 18 сентября, составлен с необычным умением. Он принял аргумент Сийеса об отмене десятины. Он сказал, что земля получит большой доход и что богатые, которые должны были бы вносить наибольший вклад, напротив, получают больше всего. Мелкие землевладельцы получили бы небольшую прибыль, в то время как те, у кого вообще не было земли, теперь были бы вынуждены платить духовенству. Вместо того чтобы облегчить положение нации, это облегчило бы положение одного класса за счет другого, а богатых - за счет бедных.

Ассамблея настаивала на том, что отмена феодализма является частью Конституции и должна получить безусловную санкцию. Но они пообещали уделять самое почтительное внимание замечаниям короля всякий раз, когда указы будут дополнены законодательными актами. Королевская санкция была соответственно дана на следующий день. После этого Ассамблея пошла на значительную уступку. 21 сентября они постановили, что приостанавливающее право вето должно распространяться на два законодательных собрания. Цифры были от 728 до 224.

Новому комитету, назначенному 15-го числа, потребовалось две недели, чтобы завершить свою схему на основе принятых принципов, согласно которым должна быть одна палата, никакого роспуска и право задерживать принятие законодательства, не препятствуя ему. 29-го он был представлен Собранию их репортером Туре. Голос принадлежал Туре, но рука была рукой Сийеса. В тот момент он плохо предвидел Революцию и раскаялся в своем участии в ней. Его Декларация прав была проигнорирована. Его предложение восстановить национальный кредит

путем передачи десятины было отклонено. Его разделение Ассамблеи вместе с частичным обновлением, которое выгодно исполнительной власти, поскольку он никогда не позволял новому парламенту подняться, подобно обновленному гиганту, после всеобщих выборов, не встретило поддержки. Оставалось создать рабочий механизм для своей основной доктрины о том, что закон - это воля того, кто повинует, а не того, кто приказывает. Для этого аббат Сийес упразднил исторические провинции и разделил Францию на департаменты. Их должно было быть восемьдесят, не считая Парижа; и поскольку они были спроектированы так, чтобы быть как можно ближе равными квадрату площадью около сорока пяти миль, они сильно различались по населению и собственности. У каждого из них должно было быть в среднем по девять заместителей: трое для поверхностной зоны, которая оставалась неизменной; трое, более или менее, для населения; и снова трое, более или менее, в зависимости от суммы, которую департамент вносил в национальный доход. Таким образом, территория, численность и богатство были представлены в равной степени.

Депутаты должны были избираться в трех степенях. Налогоплательщики на своих первичных собраниях выбирали выборщиков для Коммуны, которая была политической единицей на площади около пятнадцати миль; общинные выборщики посылали своих представителей в департамент, и те избирали депутата. Те, кто не платил налогов, не признавались акционерами национального концерна. Подобно женщинам и несовершеннолетним, они пользовались благами правительства; но поскольку они не были независимыми, они не обладали властью как активные граждане. В ходе параллельного процесса были сформированы собрания для местного управления на основе принципа, согласно которому право осуществления власти исходит снизу, а фактическое осуществление власти - сверху.

Это главным образом та мера, которая создала современную Францию; и когда в декабре она стала законом, основная часть новой Конституции была завершена. Над этим работали все эти два месяца, с 4 августа по 29 сентября. Окончательное обнародование состоялось два года спустя. Ни один законодательный инструмент никогда не подводил так беспомощно, как этот продукт мудрости Франции на ее первой парламентской ассамблее, поскольку она просуществовала всего один год.

Тем временем произошло много событий, которые сделали конструктивный проект 1789 года непригодным для противостояния штормам 1792 года. Финансы государства были разрушены; духовенство и клерикальная партия были вынуждены вступить в яростную оппозицию; армия была почти распущена, и война разразилась из-за отсутствия дисциплинированной силы в распоряжении правительства. После Варенна король был практически бесполезен в мирное время и невозможен во времена опасности и вторжения; не только из-за унижения его пленения и заточения на троне, но и потому, что в момент своего бегства он открыто заявлял о своей враждебности к учреждениям, которыми управлял.

Центральная идея плана от 29 сентября, идея создания малых провинций и крупных муниципалитетов, так и не была оценена по достоинству и так и не была принята. Сийес разместил подразделение в коммуне, такое название он дал каждому из девяти подразделений департамента. Он предполагал, что во Франции должно быть только 720 таких самоуправляющихся округов. Вместо 720 человек Ассамблея создала 44 000, сделав Коммуну не больше прихода и разнеся административную систему в пух и прах. Политическая мудрость деревни была заменена мудростью города или района с населением 35 000 человек.

Объяснение катастрофического результата находится как в Суде, так и в Законодательном органе, и как в законодательстве, которое последовало за этим, так и в политике того момента, когда были решены важные вопросы и с которыми мы имеем дело. Ни одна монархическая конституция не могла иметь успеха после Варенна; и та, о которой мы говорим, предмет достопамятного конфликта между Мунье и Сийесом, не идентична той, которая потерпела неудачу. Отказ от английской модели не привел к быстрому переходу от Конституции 1791 года к Республике. Тем не менее, преобладавшая схема демонстрирует недостатки, которые должны нести свою долю вины. Политическая наука настоятельно требует, чтобы полномочия регулировались путем умножения и разделения. Ассамблея предпочитала идеи единства и простоты.

Старая политика французских парламентов почти предполагала пересмотр дела судом; но эта идея, еще не проявившаяся в Верховном суде Соединенных Штатов, пришла Сийесу в голову много позже. Эффективный Сенат мог бы быть основан на провинциальных собраниях; но древние провинции были обречены, а новых подразделений еще не существовало или они были скрыты на картах масонства.

Власть на самом деле не была разделена между законодательной и исполнительной ветвями власти, поскольку у короля не было ресурсов против большинства Собрания. Не было Сената, не было инициативы, не было роспуска, не было эффективного вето, не было опоры на судебные или федеральные органы. Это не одинаково важные недостатки, но, взятые вместе, они подрывали тот принцип разделения, который полезен для стабильности и необходим для свободы.

Упрек падает не только на тех, кто проводил различные меры, но и на меньшинство, которое выступало против них. Мунье поощрял подозрительность и ревность министров, отделяя их от Собрания и отказывая королю, то есть им самим, в прерогативе предлагать законы. Он придавал абсолютному праву вето значение, которым оно не обладает; и он свел на нет все шансы на создание Второй палаты, дав понять, что хотел бы сделать его наследственным. Это было уже слишком для людей, которые только что радовались падению аристократии. Чтобы исключить вмешательство короля в пользу приостанавливающего действия права вето, он принял аргумент о том, что Конституция находится в руках только Ассамблеи. Когда Льюис выдвинул справедливое возражение против указов от 4 августа, этот аргумент был обращен против него, и корона получила серьезный отпор.

Интеллектуальная ошибка демократов меркнет перед моральной ошибкой консерваторов. Они отказались от Второй Палаты, потому что боялись, что она будет использована в качестве награды для тех из них, чьему дезертирству они частично были обязаны своим поражением. И поскольку они не хотели, чтобы Конституция была прочно закреплена, они не стали бы голосовать за меры, которые могли бы ее спасти. Революционеры могли рассчитывать на их помощь в борьбе с либералами.

Лозунг прозвучал из Дворца, и позор их политики ложится на короля. В конце сентября один из его вельмож сказал ему, что он устал от увиденного и уезжает в свою страну. "Да, - сказал король, отводя его в сторону, - дела идут плохо, и ничто не может улучшить наше положение, кроме избытка зла". По этому поводу Руайе Коллар, известный *доктринер*, позже сказал, что все партии в Революции были честными, за исключением консерваторов.

С конца августа парижские агитаторы, которые управляли толпой в интересах смены династии, направляли постоянное давление на Версаль. Туре, один из ведущих юристов Ассамблеи, избранный президентом 1 августа, отказался от этой чести. Его предупредили о его непопулярности, и он поддался угрозам. Поддавшись течению, которое, как сказал Мирабо, топтит тех, кто сопротивляется ему, он перешел на другой берег и вскоре стал одним из их лидеров. Опыт этого выдающегося человека является примером произошедших перемен, которые часто происходили среди людей без индивидуальных убеждений или присущей им силы характера.

Тенденция к снижению была настолько явно проявлена, урок, преподанный успешным насилием против короля и аристократии, был так решительно применен к Собранию, что очень серьезные политики искали средства остановить движение. Волней, который не был оратором, но который был самым выдающимся из заместителей в департаменте писем, совершил покушение 18 сентября. Он предложил провести новые выборы в парламент, который не должен состоять из разнородных компонентов, но в котором классовые интересы должны игнорироваться и неизвестны. Он предложил, чтобы он представлял равенство. Они напомнили ему о клятве не расходиться до тех пор, пока Франция не станет конституционным государством, и протест оказался безрезультатным. Но в интеллектуальной Франции не было человека, более полностью отождествленного с господствующей философией, чем человек, издавший этот тревожный крик.

2 октября первые главы Конституции были готовы для утверждения королем. Они касались прав человека и фундаментальных мер, принятых в течение сентября. Мунье, новый президент, передал королю статьи, благодаря которым его дело было доведено до краха. Льюис взялся отправить свой ответ; и от Мунье не пришло ни одного убедительного слова. Им обоим казалось, что отсрочка возможна и еще может пригодиться. В мае прилив шел так медленно, что они не могли ощутить октябрьский прилив. В день этой аудиенции у самого либерального из всех роялистов передышка перед ними исчислялась часами.

Весь сентябрь в Париже Лафайет, возглавлявший силы порядка, и силы беспорядков, контролируемые Пале-Роялем, наблюдали друг за другом, ожидая смертельной схватки. Часто раздавались угрозы похода на Версаль, за которыми следовали обнадеживающие сообщения от генерала о том, что он усмирил бурю. По мере того, как она становилась все громче, он все больше и больше превращал себя в государственного арбитра. Правительство, возмущенное таким протекторатом, рассудило, что опасность нападения должна быть предотвращена не сомнительной верностью и еще более сомнительными способностями командующего Национальной гвардией, а прямыми ресурсами короны. Они вызвали фландрский полк, который считался лояльным, и 1 октября он выступил маршем численностью в тысячу человек. Офицеры по прибытии были приглашены своими товарищами в Версаль на праздничный ужин в театр. Мужчин впустили и заставили выпить за здоровье короля, и посреди сцены страстного энтузиазма появились король и королева. Последовавшая за этим демонстрация означала нечто большее, чем холодное и пристойное уважение, с которым люди относятся к чиновнику, обладающему делегированными и не безотзывными полномочиями. В криках этих вооруженных и возбужденных роялистов было легко уловить нотки личной преданности и вероисповедания

Кавалера. Менеджеры в Париже получили свою возможность и сразу же решили осуществить план, который они давно обдумывали.

В то время как Исполнительная власть, которая одна поддерживала разделение властей и принцип свободы, ежедневно теряла позиции от рук своих врагов, своих друзей и от себя самой, проблеск надежды озарил заброшенные помещения Суда. Неккер сообщил Ассамблее, что не может получить ссуду, и попросил об очень значительном увеличении прямого налогообложения. Его выслушали с нетерпением, и Мирабо, который говорил от его имени, не произвел никакого впечатления. 26 сентября он предпринял еще одну попытку и добился высшего триумфа в своей карьере. В речи, которая была явно неподготовленной, он нарисовал ужасающую картину грядущего банкротства; и когда он закончил словами "Эти опасности перед вами, и вы обдумываете!", Собрание, охваченное эмоциями, проголосовало единогласно, и Неккер был спасен. Никто не знал, что в человеке может быть такая сила.

За те восемнадцать месяцев жизни, которые ему оставались, Мирабо претерпел множество превратностей влияния и благосклонности, но в случае крайней необходимости он умел доминировать в партиях. С того дня Двор знал, кто он такой и на что способен; и они знали, как его властный дух стремился служить королевскому делу, и мы сейчас увидим, кто пытался польстить и расположить его к себе, когда было уже слишком поздно, и кто оттолкнул его, когда, возможно, еще было время.

Мы достигли точки, на которой заканчивается первая часть Революции и вот-вот начнется пленение монарха. События следующих двух дней, 5 и 6 октября, образуют целостную драму, которая не выдержит разделения и должна занять все наше внимание на следующей неделе.

IX

МАРШ На ВЕРСАЛЬ

Французская революция сначала была одобрена общим суждением человечества. Кауниц, самый опытный государственный деятель Европы, заявил, что это продлится долго, а возможно, и навсегда. Говоря менее осторожно, Клопшток сказал: "Я вижу поколения, сокрушенные в борьбе; я вижу, возможно, столетия войн и опустошения; но, наконец, на далеком горизонте я вижу победу свободы". Даже в Санкт-Петербурге падение Бастилии приветствовалось с неистовой радостью. Берк начал с аплодисментов. Он не захотел слушать Тома Пейна, который сам был вдохновителем революции и который уверял его, что Генеральные штаты приведут к другой. Впоследствии он сказал, что Права человека открыли ему глаза; но в Холланд-Хаусе считали, что перемена произошла несколькими днями ранее, когда на Церковь было совершено нападение. Американцы были недалеки от мнения Берка. К середине лета Джефферсон решил, что все необходимое было получено. Июльские события встревожили Франклина. Вскоре после этого Вашингтон и Гамильтон заподозрили неладное.

Ибо сентябрьские указы были направлены не только против английской модели, но еще больше против американской. Конвенция 1787 года создала систему гарантий, которые были призваны спасти Союз от власти неконтролируемой демократии. Национальное собрание решительно

отметало все гарантии. Не осталось ничего, кроме Короны, что могло бы помешать прямому осуществлению народной воли или сделать разделение властей реальностью. Поэтому Либеральная партия рассчитывала на короля не меньше, чем консерваторы, и желала не меньше, чем они, и даже больше, чем они, укрепить его позиции. Их теория требовала разделения законодательного органа. Потеряв это, они вернулись к Монтескье и приняли разделение законодательной, исполнительной и судебной властей. Эти теоретические тонкости были непонятны народу Франции. Люди, которые в октябре были так же яростно за короля, как в июне были яростно против него, казались им предателями. Они не могли себе представить, что власти, которая так долго угнетала их и для победы над которой потребовались такие усилия, теперь следует доверять и укреплять ее. Они не могли убедить себя, что их настоящими друзьями были те, кто внезапно перешел на сторону древнего врага и угнетателя, чьи собственные приверженцы, казалось, больше не поддерживали его.

Общественное мнение было обращено на Ассамблею, чтобы продолжить репрессии против монархии, начавшиеся 23 июня. По мере того как Корона переходила под контроль Ассамблеи, Ассамблея становилась все более зависимой от избирательных округов, особенно от того избирательного округа, который формировал мнение Франции и в котором был сосредоточен демократический дух. После августа доминирующим фактом стало растущее давление Парижа на Версаль. В октябре Париж наложил руку на свою жертву. В течение нескольких недель вынашивалась идея побега. Были проведены консультации с тридцатью двумя главными роялистами в Ассамблее, которые посоветовали королю покинуть Версаль и укрыться в провинции. Покойный министр Бретей и австрийский посол Мерси придерживались того же мнения, и они увезли королеву с собой. Но Неккер был на другой стороне.

Вместо бегства они решили обороняться и подтянули Фландрский полк, полковник которого был депутатом от левых. Утром граф д'Эстен, принимавший командование в Версале, с тревогой узнал, что было решено не заботиться о здоровье нации. Прусский посланник пишет, что гвардейские офицеры, которые еще не приняли Триколор, проявляли к нему крайнее презрение. Не требовалось никакого преувеличения, чтобы представить эту сцену в одиозном для публики свете. Когда мадам Кампан вернулась домой и с восхищением описала то, что она только что увидела, Бомец, депутат и друг Талейрана, стал очень серьезным и отклонялся, чтобы решить, не следует ли ему немедленно эмигрировать. Враждебно настроенные свидетели сообщили подробности прессе на следующий день, и было заявлено, фигурально или буквально, что королевская гвардия растоптала национальные цвета. Марат подошел, чтобы навести справки, и Камилла Демулен говорит, что он поспешил обратно в Париж, шумя так же громко, как все трубы Последнего Дня.

Праздник состоялся в четверг. В воскресенье, 4 октября, Париж был охвачен брожением. Оскорбление нации, вызов войск, планируемое бегство, как теперь предполагалось, в крепость Мец, были восприняты как означающие гражданскую войну с целью восстановления деспотизма. В Пале-Рояле агитаторы поговаривали о походе на Версаль, чтобы наказать обнаглевших гвардейцев. Вечером в воскресенье один из районов города, Кордельеры, которыми управлял Дантон, были готовы к маршу. Мужчины из других округов не были так готовы к действию или так рьяно стремились отомстить за новую кокарду. Чтобы привлечь все население, требовалось нечто большее, чем смутные слухи о Меце или даже символическое возмущение.

Среди 800 000 жителей Парижа был голод, между прошлогодним урожаем, который был исчерпан, и новым урожаем, который еще не был собран. Никто, говорит Дюмон, не мог бы задаться вопросом, привело ли столько страданий к беспорядкам. Страдания были вызваны скорее бедностью, чем дефицитом; но Лафайет утверждал, что пекарям или мельникам платили более 2000 фунтов стерлингов в неделю за то, чтобы вызвать недовольство сокращением поставок. Были люди, которые думали, что деньги, потраченные таким образом, вызовут возмущение некомпетентного и бездействующего Собрания. В течение шестнадцати дней в сентябре пекарни должны были охраняться войсками. Обедневшие дворянские семьи закрывали свои заведения; и 200 000 паспортов было выдано намеревающимся *эмигрировать* за два месяца после падения Бастилии.

Главным нарушителем, ответственным за обеспечение средств к существованию, был муниципалитет столицы; и их офис стал первым объектом нападения. Рано утром в понедельник множество взволнованных женщин ворвались в Отель-де-Виль. Они хотели уничтожить груды бумаг, поскольку вся эта писанина не принесла им никакой пользы. Они схватили священника и собрались повесить его. Они позвонили в набат, собрав все обученные батальоны и все банды оборванцев города на Гревской площади. Они унесли несколько сотен мушкетов и несколько бесполезных пушек, а также захватили факелы, чтобы сжечь здание дотла. Это была штаб-квартира избранного муниципалитета; но массы начинали осознавать, что они не являются Третьим сословием, что существует конфликт интересов между собственностью и трудом, и они начали вымещать свою, пока еще невнятную, ярость на среднем классе, стоящем над ними. Вскоре выяснилось, что не все эти героини-революционерки, спутницы будущей гильотины, были взбешены или неумолимы. Пачки банкнот, которые они забрали, были возвращены; священник остался невредимым; факелы, которые должны были зажечь пожар, были потушены без труда. Их легко было убедить, что их истинной сферой деятельности является Версаль с его Ассамблеей, которая могла делать все и ничего не делала для бедных. Они играли подлинную роль матерей, чьи дети голодали в своих убогих домах, и тем самым придавали мотивам, которые сами неразделяли и не понимали, силу алмазного острия, которому ничто не могло противостоять. Именно этот первый отряд вторгшихся женщин позволил Станисласу Майяру увести их.

Майяр был известен всему городу как завоеватель Бастилии. Позже он приобрел более зловещую известность. Но в тот день, 5 октября, как расчетливый контролер беспорядка, он производил на тех, кто видел его, впечатление необычайной силы. Пока он собирал свою армию на Елисейских полях, а по улицам были разосланы вербовочные отряды, эmissар из Ратуши поспешил предупредить правительство в Версале. Он смог объявить, что приближается Национальная гвардия.

Лафайет появился на сцене поздно и не сделал ничего, чтобы помешать экспедиции Майяра. Он считал опасность ничтожной и полагал, что в Версале достаточно ресурсов, чтобы остановить ее, хотя среди них было семь или восемь тысяч женщин и несколько сотен мужчин. И Неккер, и Мунье, председатель Ассамблеи, подтверждают этот факт.

Когда весть о том, к чему они должны быть готовы, дошла до министров, король был на охоте, в нескольких милях отсюда, и без него ничего нельзя было сделать. Королеву нашли в Трианоне, который она больше никогда не видела. Офицер, пришедший пешком из Парижа, сообщил королю об опасности. Он отказался назвать свое имя, но заявил, что на службе не было

человека, у которого было бы больше оснований жаловаться. От министра внутренних дел прибыл гонец на коне, и Льюис сел на коня и поскакал в Версаль. Улицы уже были запружены буйствующими людьми, и когда он проезжал мимо, раздались выстрелы.

Дороги из Парижа в Версаль пересекают Сену в трех местах, и генералы, находившиеся в министерстве, заявили, что их можно защитить теми войсками, которые были под рукой. Сен-Прист, министр внутренних дел, посоветовал королю встретиться с парижской армией в Севре и приказать ей отступить. Если бы они отказались, он подумал, что их можно было бы избить.

Неккер был против того, чтобы давать бой, и двое важных коллег были на его стороне. Он был готов отвезти короля в Париж, видя возражения, как он всегда делал против любого предложения, но надеясь, что общественное мнение, стимулируемое присутствием Двора, которого там не видели на протяжении нескольких поколений, поддержит корону в борьбе с Собранием. Он с самого начала придерживался этого мнения и отказался нести ответственность за гражданскую войну. Льюис, не в силах принять решение, отправился посоветоваться с королевой. Если начнется драка, ее отошлют прочь вместе с детьми. Она заявила, что останется, если король останется, и не позволит ему подвергнуться опасностям, которых она не разделяет. Эта резолюция лишила его возможности придерживаться мужественного или энергичного курса. Совет разошелся, так ничего и не решив.

Пока это продолжалось, между тремя и четырьмя часами пополудни Майяр прибыл в Версаль со своей колонной женщин. Их качество ухудшилось из-за набранных по пути рекрутов, и свирепость значительно возросла. Помимо женщин, следовавших за Майяром из Ратуши, некоторые из которых верили, что голод вызван плохим правительством и может быть утолен хорошим, другие демонстрировали фартуки, в которых они собирались понемногу перевезти королеву в Париж. И была группа, более значительная, чем те и другие, которые были хорошо снабжены деньгами, которые распределялись между солдатами фламандского полка, и которые эффективно выполняли свои обязанности.

Майяр, который, кстати, предотвратил грабеж, направился прямо к Собранию и был принят вместе с депутацией своих сторонников. Они прибыли в момент всеобщего возбуждения. Король принял девятнадцать параграфов Конституции при условии, что он сохранит исполнительную власть в неизменном виде. Он отложил реализацию Прав человека до тех пор, пока не станет ясно, как на них повлияют те части конституции, которые еще предстоит принять. Ответ не был подписан министром, и депутаты усмотрели в нем попытку претендовать на право изменять основные законы. Они заговорили о неблагоразумии приветственного ужина и утверждали, что здесь, должно быть, был какой-то заговор.

Мирабо никогда не оказывался в более трудном положении. Он цеплялся за монархию, но не за короля. Он был готов служить графу Прованскому или даже герцогу Орлеанскому, но не слабому руководителю; и он рассудил, что при таком развитии событий скоро не останется короля, которому можно было бы служить. Через своего друга Ла Марка он пытался запугать придворных и побудить их принять его услуги. Ла Марк объяснил королеве огромную ценность помощи такого человека, и королева решительно ответила, что надеется, что они никогда не падут так низко, чтобы нуждаться в помощи Мирабо.

Он защищал ответ короля на том основании, которого он придерживался ранее, что Декларация должна следовать Конституции, а не предшествовать ей. Говоря о сцене на

офицерском обеде, он сказал, что король неприкосновенен — король, и никто другой. Намек был настолько ясен, что роялисты замолчали. Ассамблея постановила, что следует просить короля дать свое согласие без каких-либо условий. Прежде чем депутация ушла, в Ассамблею вошел Майяр.

Мирабо заблаговременно получил уведомление о готовящемся нападении большого количества парижан и посоветовал Мунье вовремя отложить заседание. Мунье показалось, что Мирабо испугался, и сказал, что каждый мужчина должен умереть на своем посту. Когда появился Майяр с несколькими женщинами, он позволил ему высказаться. Как оратор от имени женщин, которых он привел из Ратуши, Майяр попросил дешевого хлеба, осудил искусственный голод и королевскую гвардию. Когда Мунье упрекнул его за использование термина "граждане", он сделал очень эффектное замечание, сказав, что любой человек, который не гордится тем, что является гражданином, должен быть немедленно изгнан. Но он признал, что не верит всем обвинениям, которые выдвигали его последователи; и он добился того, что королевская гвардия приветствовала его, продемонстрировав полковую треуголку с трехцветной кокардой.

Собрание уступило и послало Мунье во главе депутации привлечь внимание короля к требованиям его страждущих подданных. Пока депутаты с несколькими женщинами стояли под дождем, ожидая, когда откроют ворота, кто-то из толпы воскликнул, что в те дни, когда у них был король, недостатка в хлебе не было, но теперь, когда у них тысяча двести человек, они умирают с голоду. Так что были некоторые, чья враждебность была направлена не против короля, а против избранных народа.

Король сразу же согласился на все, о чем просил Мунье для своих странных спутников, и они ушли довольные. Тогда их друзья снаружи набросились на них и обвинили в получении взяток; и снова стало очевидно, что соединились два течения и что кто-то честно пришел за хлебом, а кто-то нет. Те, кто получил королевский приказ о снабжении Парижа продовольствием и остался доволен, вернулись, чтобы доставить его в Ратушу. Их отправили домой в королевской карете. Майяр поехал с ними. Было полностью понятно, что при всей его жестокости и грубости он хорошо сыграл трудную роль.

Мунье остался во Дворце. Ему не хотелось возвращаться к сцене своего унижения, когда крикливые женщины занимали скамейки, просили подать ужин и норовили поцеловать президента. Он хотел, чтобы король сейчас же признал Права Человека, не дожидаясь назначенной депутации от Ассамблеи. Хотя они отчасти были его работой, он больше не был привязан к ним в их нынешнем виде и, подобно Мирабо, считал их препятствием. Но наступил кризис, и от этого пункта можно было отказаться, чтобы спасти само существование монархии. Он ждал в течение многих насыщенных событиями часов и, вернувшись после десяти вечера, обнаружил, что епископ Лангрский, недовольный представшей перед ним сценой, закрыл Собрание. Мунье немедленно созвал их ударом барабана. Ему было о чем поговорить, помимо Прав Человека, ибо он знал, что приближается захватчик более грозный, чем Майяр со своим амазонским эскортом.

В последние недели сентября Лафайет перетянул свое влияние на сторону тех, кто намеревался укрепить исполнительную власть. Он удержал своих людей, когда они пригрозили прийти поддержать Национальное собрание. Уступить этому движению означало признать поражение и потерю имеющейся популярности и власти. Когда он прибыл в Отель-де-Виль и обнаружил, что его армия полна решимости уйти, он воспротивился этому проекту и в течение многих часов

отстаивал свои позиции. Люди, которыми он командовал, сами по себе не были заинтересованы в ежедневном рационе питания. Их гнев был направлен на королевских гвардейцев, и их целью было занять их место. Тогда было бы меньше опасности сопротивления декретам или бегства в провинции.

Лафайет не мог предстать перед королем во главе их без явной враждебности и бунта, потому что их нрав был угрожающим, и он быстро терял контроль. Промедлением и отсрочкой он кое-чего добился. Вместо того, чтобы прибыть как нападающий, он пришел как избавитель. Когда он возразил, его солдаты сказали, что они не хотели причинить вреда королю, но что он должен подчиниться или отречься от престола. Они назначат своего главного регента; но если он откажется встать во главе их, они лишат его жизни. Они сказали ему, что он командовал достаточно долго, и теперь он должен следовать за ними. Он не сдавался до тех пор, пока шумиха не поднялась до небес и напряжение, лежавшее на его авторитете, не ослабло.

Вскоре после полудня наблюдатели, которые следили за маршем женщин с редких церковных башен, сообщили, что они переправились через Сену без сопротивления. Таким образом, было известно, что дорога открыта, что подход армии будет осуществляться под прикрытием предшествующего контингента, что опасности столкновения нет.

Около четырех часов Лафайет послал сообщение в Отель—де-Виль - поскольку его люди не выпускали его из виду, — что пришло время отдать ему приказы, поскольку он не может помешать отъезду. Их принесли ему, когда он сидел в седле на Гревской площади, и он прочел их с выражением крайней тревоги. В них было все, чего могло пожелать честолюбие, ибо четыре пункта, на которых ему было поручено настаивать, сделали его диктатором Франции. Но было добавлено, что приказы были отданы потому, что он их потребовал. Лафайет так и не предъявил этого документа; и он предоставил его комиссарам, посланным с ним, настаивать на единственном требовании, в котором он был заинтересован, - учреждении Суда в Париже.

Он выступил около пяти часов, имея в своем составе почти 20 000 человек. С барьера, через который он покинул Париж, он отправил карандашом записку, в которой заверял правительство в своих намерениях. Это был семичасовой марш. При переправе через Сену он послал за офицером с дальнейшими объяснениями; и он заявил, что прибыл сюда по принуждению и вернулся бы обратно, если бы мост был удержан силой. Перед Версалем он остановил своих людей и заставил их принести клятву верности королю и Ассамблее.

Известие о его приезде было воспринято с ужасом. Человек, одетый как рабочий, который был с ним в походе, поспешил ко Дворцу, и его сразу же впустили. Это был будущий герцог де Ришелье, дважды, в последующие годы, премьер-министр. То, что он рассказал о настроении людей, усилило тревогу. Состоялся еще один Совет, на котором большинство высказалось за бегство. "Сэр, - сказал Сен-Прист, - если вы отправитесь в Париж, это может стоить вам короны". "Этот совет, - сказал Неккер, - может стоить вам головы". Никто не сомневался, что бегство означает гражданскую войну. Но Сен-Прист настоял на своем и уехал готовить Рамбуйе для королевской семьи. Поскольку он знал, что это самое серьезное решение, которое только можно было принять, и что слова Неккера, вероятно, были правдой, он перешел на шаг, и его догнала жена. От нее он узнал, что рискованное решение было отменено и что король останется в Версале. Его беседа с женской делегацией имела кратковременный успех и вызвала крики "Да здравствует король!". Вслед за этим Неккер восстановил утраченные позиции с помощью

Лианкура, который впервые привез короля в Париж летом. Заказ на экипажи, которые были готовы, был отменен. Позже за ними снова послали, но на этот раз их остановили люди.

Неразбериха в советах была такой, что один из министров впоследствии заявил, что, если бы герцог Орлеанский появился и выдвинул свои требования, он получил бы все. Говорят, что менеджеры его партии увидели это и показали ему его возможность во время паники, предшествовавшей Лафайету. Утверждается даже, что они подвели его к самым дверям зала совета и что он вздрогнул, когда регентство оказалось в пределах досягаемости его руки. Когда прибыла Национальная гвардия, его шансы рухнули.

Лафайету так и не удалось доказать причастность герцога к преступлению той ночи. Когда герцог спросил его, какими доказательствами он располагает, он ответил, что если бы у него были доказательства, он отдал бы его под суд; но что у него достаточно оснований для подозрений, чтобы потребовать, чтобы он покинул страну. Трижды герцог, подстрекаемый Мирабо, отказывался ехать. Трижды генерал настаивал, и герцог отправился в Англию. Мирабо воскликнул, что не желает видеть его лакеем. Было проведено долгое расследование, которое закончилось ничем. Человек, лучше всех знавший те времена, Редерер впоследствии уверял Наполеона, что, если и существовал орлеанистский заговор, сам Орлеан в нем не участвовал.

За женщинами, вторгшимися в Версаль, следовали группы мужчин того же описания, что и за теми, кто совершил зверства, последовавшие за падением Бастилии. С наступлением ночи они стали грозными, вступили в стычку со стражниками и попытались пробраться во дворец. Сначала, когда его капитаны попросили приказать разогнать толпу, Льюис, вопреки совету своей сестры, ответил, что он не воюет с женщинами. Но мужчины были вооружены и, очевидно, опасны. Командование в Версале находилось в руках д'Эстена, адмирала времен американской войны, который в этот критический момент не проявил никаких способностей. Он отказался позволить своим людям защищаться и приказал им отступить. Сен-Прист терял терпение. Многое зависело от того, подавят ли они бунт, не дожидаясь, пока их спасет армия Парижа. Он призвал адмирала отразить нападение силой. Д'Эстен ответил, что ждет приказов короля. Король ничего не отдал. Затем министр сказал: "Когда король не отдает приказов, генерал должен судить и действовать сам". Король снова промолчал. Позже, в тот же день, он перенял слова Сен-Приста и сделал их своими собственными. Он сказал, что граф д'Эстен должен был действовать под свою ответственность. Мужественному человеку, понимающему свой долг, не нужны никакие приказы. Это было постоянным желанием Льюиса XVI. оказаться в руках более сильных людей, которые знали бы, как спасти его вопреки его воле.

Мунье заручился его безоговорочным согласием на Права Человека и убеждал его воспользоваться моментом и укрыться в какой-нибудь верной провинции. Это был опасный, но почетный курс, и была надежда, что Ассамблея, поддержав его, предотвратит начало войны. Он передал королевское послание Ассамблее на ночном заседании, которому сильно мешало постоянное присутствие гостей из Парижа. Как раз в это время прибыл Лафайет со своими превосходящими силами. Он заверил Мунье и его друзей, что людей, которыми он командует, теперь будет легко удовлетворить. Но он ничего не сказал об истинной цели своего присутствия там. От Собрания он перешел к королю. Оставив 20 000 человек позади себя в темноте, он появился у ворот дворца в сопровождении только комиссаров из Ратуши.

Швейцарец за решеткой предупредил его, чтобы он обдумал то, что собирается сделать. Ибо он входил в помещение, переполненное людьми, страстно настроенными против революционного

генерала, который, пришел ли он спасти или уничтожить, был уже не подданным, а хозяином. Генерал сказал им впустить его. Когда он проходил мимо, чей-то голос крикнул: "Вон идет Кромвель". Лафайет остановился и ответил: "Кромвель не пришел бы один". Мадам де Сталь наблюдала за ним, когда он входил в королевское присутствие. По ее словам, выражение его лица было спокойным. Никто никогда не видел его иначе. Льюис принял его с чувством облегчения, поскольку чувствовал, что находится в безопасности. В тот момент суверен действительно погиб, но человек был в безопасности. Язык Лафайета был уважительным и удовлетворительным. Он предоставил своим товарищам неприятную обязанность навязывать условия, и они раскрыли королю цель этого странного вооруженного вмешательства среднего класса. Он ответил, что уже утвердил Права человека, что министр договорится с муниципалитетом о снабжении Парижа продовольствием, что он сам доверит свою персону охране Национальной гвардии. Четвертый и единственный существенный вопрос, перевод Двора в Париж, остался нерешенным. Это должно было стать работой, отложенной на завтра. В Отель-де-Виль было отправлено сообщение, что все в порядке.

Лафайет, держа проблему в руках, не выказывал нетерпения и воздерживался от ненужных уговоров. Его люди заняли внешнюю линию обороны, но сам дворец был оставлен королевской гвардии. Король не сразу осознал ситуацию и попытался совместить старый порядок с новым. Остаток ночи командование было разделено, а ответственность неопределенной. Между Лафайетом снаружи и Д'Эстеном внутри была неохраемая дверь.

Генерал считал, что сделал достаточно, и утром легко соберет спелые плоды. Проинформировав Председателя Ассамблеи, все еще якобы заседавшего, о том, что порядок восстановлен, он отправился домой спать. У него был долгий и утомительный день. Его отдых суждено было быть коротким. Перед рассветом небольшая банда головорезов, из тех, кого Революция снабдила подходящим оружием для заговорщиков, пробралась во дворец через сад. Те, кто покушался на жизнь короля, наткнулись на караульное помещение, полное спящих солдат, и удалились. Настоящим объектом народной ненависти была королева, и тех, кто пришел за ней, не так-то легко было отвлечь от своего замысла. Двоих охранников, которые открыли по ним огонь, выволокли на улицу и зарезали, а их головы в качестве трофеев доставили в Пале-Рояль. Их товарищи бежали в поисках безопасности во внутренние помещения Дворца. Но тот, кто был поставлен у дверей Марии-Антуанетты, стоял на своем, и его имя, Миомандр де Сент-Мари, стало нарицательным. Одна из фрейлин королевы, чья сестра оставила запись этой сцены, проснулась от шума и открыла дверь. Она увидела часового с окровавленным лицом, сдерживающего толпу. Он крикнул ей, чтобы она спасла королеву, и упал с мушкетным замком, пробитым ему в мозг. Она мгновенно заперла замок, разбудила королеву и, не останавливаясь, чтобы одеться, поспешила в апартаменты короля.

Национальная гвардия Парижа, находившаяся снаружи, не защитила двух первых жертв; но затем они вмешались, и французская гвардия, которая была первыми мятежниками и стала прочным ядром парижской армии, хлынула во дворец. Поскольку они предприняли свой вчерашний поход только с одной целью, чтобы прогнать королевские войска и занять их место, никто не мог сказать, какой будет встреча двух корпусов, и люди короля забаррикадировались перед вновь прибывшими. Но офицер напомнил Французской гвардии о том дне, когда два полка плечом к плечу противостояли англичанам, а их полк был спасен Корпусной гвардией. Поэтому они крикнули: "Помните Фонтенуа", и остальные откликнулись на вызов и отодвинули засов на двери.

К тому времени, когда появился Лафайет, пробудившийся от безвременного сна, его люди были хозяевами Дворца и стояли между королевской семьей и разъяренной толпой сбитых с толку убийц. Он обеспечил безопасность захваченных гвардейцев; но, хотя он был верховным командующим, он не восстановил порядок снаружи. Последний из четырех пунктов, которых ему было поручено добиться, - передача Двора под его опеку в Тюильри и его собственное постоянное возвышение до положения, превосходящего трон, - еще не был принят. Пока это не было улажено, лояльность его войск была ограничена. Никто не был арестован. Людям, чьи руки были обагрены кровью Варикура и Миомандра, было позволено бросить вызов правосудию, и разъяренная толпа на несколько часов перестала приставать к королю. Единственным криком, который им оставалось поднять, было "Париж", и он, несомненно, успел сделать свое дело. Король не мог сбежать, потому что Лафайет удерживал все ворота. Он не мог сопротивляться, потому что Лафайет командовал каждым солдатом. Генерал никогда не настаивал на своем. Он был слишком осторожен, чтобы присутствовать на совете, где рассматривался этот вопрос, как будто у него оставалась свобода выбора. На этот раз Неккер добился своего, он вышел вперед и объявил собравшимся людям, что Двор собирается переехать в Париж. Льюис, беспомощный и молчаливый, бродивший между своим креслом и балконом, наконец заговорил и подтвердил это.

В этот момент триумфа Лафайет показал себя человеком инстинкта и действия. Толпа в достаточной степени послужила его целям, но их собственные страсти не были утолены, и королева олицетворяла для них все антагонистические и непопулярные силы. Покорность короля была предрешена, но не примирение королевы. Он сказал ей: "Каковы намерения вашего величества?" Она ответила: "Я знаю свою судьбу, я хочу умереть у ног короля". Затем Лафайет вывел ее вперед, навстречу буре, и, поскольку не было слышно ни слова, он почтительно поцеловал ей руку. Народ увидел это и заплодировал. Под его протекторатом был заключен мир между Двором и демократией.

Во всех этих сделках, определявших будущее Франции, Ассамблея не принимала участия. У них не было ни инициативы, ни совета. Их президент не знал, как предотвратить вторжение женщин; он снабдил их хлебом и не мог выгнать их до прибытия Национальной гвардии. После двух часов ночи, когда он услышал, что во Дворце все спокойно, он объявил заседание закрытым. На следующий день он предложил, чтобы они явились к королю в полном составе; но Мирабо не позволил этого сделать. Сто депутатов оказали бесполезное сопровождение королевской семье, и вскоре за ними последовало Собрание. Власть переходила от них к дисциплинированному народу Парижа, а за ними и их командиром - к людям, которые управляли массами. Их правление длилось с 16 июля по 6 октября.

Потребовалось семь часов, чтобы пешим шагом доставить королевскую семью из Версаля в Париж, окруженную победительницами, которые кричали: "Мы везем пекаря, жену пекаря и мальчика пекаря". И они были правы. Запасов стало в избытке; и это внезапное изменение заставило многих поверить, что дефицит не был вызван экономическими причинами.

Х

МИРАБО

Перенос правительства в Париж, который унизил и затмил короля, сразу же сделал королеву первым лицом в государстве. Те октябрьские дни - целая эпоха как в ее характере, так и в ее жизни, и мы должны обратить наши мысли к ней, у которой было так много влияния и так много горя, и которая больше всех женщин в европейской истории, за исключением одной, очаровала и опечалила человечество. За годы своего процветания она оказалась ниже своего положения и опозорила себя даже в глазах матери, приняв участие в увольнении Тюрго. Суд был полон историй, порочащих ее доброе имя, а клевета с бриллиантовым ожерельем так ясно показывала, на что, по мнению Князя Церкви, она была способна, полагаясь на свою веру, что ее собственная сестра заподозрила ее, и они долгое время оставались в отчуждении. Ее легкомыслие не сдерживалось религией; но за год или два до того, как начались ее несчастья, она стала более серьезной; и когда они уже подходили к концу, в тюрьму проник священник, и она была готова умереть. Поначалу ее боялись как наиболее нелиберального представителя влияния вблизи трона, и парламент Парижа осудил ее как оккультную пропагандистку угнетения. В решающие дни июня 1789 года она побудила Льюиса пожертвовать ради дела аристократии своевременными реформами, которые могли бы вернуть ему состояние. Эмиграция оставила ее одну противостоять мести народа. Потрясающий опыт Октября, когда она увидела смерть так близко и заставила себя так остро ощутить ненависть, которую она внушала, на мгновение отрезвил легкомысленность ее жизни и пробудил более высокие качества. Именно в тот день она начала напоминать окружающим, чьей дочерью она была. Какой бы невежественной и страстной она ни была, она никогда не смогла бы стать надежным советчиком. Но она обрела решительность, энергичность и самообладание и иногда могла укрепить колеблющийся ум своего мужа. Слишком храбрая, чтобы легко поддаваться страху, она сначала отказалась от предложенной Мирабо помощи; а когда, слишком поздно, она поступилась своей гордостью, чтобы попросить об этом, она действовала с открытыми глазами, без уверенности и надежды. К бурлящим силам того времени, к идее, которая могла бы спасти ее, к идее правительства, объединяющего лучшие качества монархии с лучшими качествами республики, она не испытывала ни сочувствия, ни понимания. И все же она не была верна принципам, которые создали величие ее расы, и вражда принцев и *эмигрантов régime*, существовавшего при ней. Конде говорил о ней как о демократке; и она была бы рада обменять институты 1791 года на что-то вроде британской конституции в том виде, в каком она существовала во времена Тори. Она погибла скорее из-за своей неискренности, чем из-за традиционного стремления к власти. Когда король был обезглавлен, принц-епископ Бамбергский и Вюрцбургский, считавшийся самым проникательным и просвещенным среди прелатов империи, сказал: "Это должна была быть королева". Мы, видящие дальше, можем позволить возмездию, постигшему ее безумства и ошибки, помешать нашему суждению.

Переговоры Марии-Антуанетты с Мирабо и памятная попытка Мирабо восстановить конституционный трон являются центральной чертой рассматриваемого нами периода.

Благодаря принудительному переселению в Париж демократия стала преобладающей. Они укрепились благодаря поддержке организованной анархии снаружи и исчезновению их главных противников внутри. Мунье ушел первым. Беспорядки в Версале произошли, когда он председательствовал, и он с негодованием покинул свой пост. Он попытался поднять свою

собственную провинцию против Собрания, которое предало свой мандат и отреклось от своих избирателей; но Дофине, дом и основа его влияния, отвергла его, и он отправился в изгнание. Его примеру последовали Лалли Толлендал и большое количество умеренных людей, которые отчаялись в своей стране и которые, отказавшись от дальнейшей ответственности, помогли спровоцировать беду, которую они предвидели.

Конституционное дело, против которого уже выступали консерваторы, теперь было оставлено либералами. Малуэ остался на своем посту. Он был менее заметен и менее энергичен, чем Мунье, и его было не так легко обескуражить. Теперь Левые могли проводить в жизнь в каждом департаменте государства свою интерпретацию Прав человека. Ими руководили в основном две идеи. Они не доверяли королю как злоумышленнику, уличенному в непростительном грехе абсолютизма, которого невозможно было подвергнуть слишком большим ограничениям и контролю; и они были убеждены, что гарантии личной свободы, необходимые при личном правительстве, излишни в популярном сообществе, ведущем свои дела путем обсуждения, компромисса и приспособления, в котором единственной силой является общественное мнение. Эти две точки зрения приводили к одному и тому же практическому результату — усилению законодательной власти, которой является нация, и ослаблению исполнительной власти, которой является король. Пресечение этой тенденции было последним усилием, на которое ушла жизнь Мирабо. Опасность, которой он боялся, заключалась уже не в власти короля, а в слабости короля.

Старый порядок вещей пал, и привычные способы и силы были упразднены. Страной должны были управлять новые принципы, новые формы и новые люди. Вся помощь, которую орден получал от привычки и традиции, от местных связей и личного авторитета, была утрачена. Обществу пришлось пройти через опасный и хаотичный период, в течение которого высшей потребностью было энергичное управление. Именно эта идея государственного деятеля владела Мирабо и последовательно вела его на протяжении очень извилистого и полного приключений пути его последних дней. Он не испытывал ревности к Руководителю. Министры должны быть избраны Собранием, должны руководить Собранием и находиться под его контролем; и тогда не было бы причин бояться их и ограничивать их действия. Этой идее нельзя было научиться у Монтескье, и теоретики разделения властей обычно отвергали ее. Это было знакомо Мирабо по его опыту пребывания в Англии, где в 1784 году он видел, как страна поддержала короля против парламента. Оттуда он почерпнул представление о короле-патриоте, о короле - истинном делегате и мандатарии нации, фактически о зарождающемся императоре. Если бы его планы к чему-нибудь привели, вполне вероятно, что его демократический монарх мог бы стать таким же опасным, каким может быть любой деспотичный властитель, и что его администрация оказалась бы таким же серьезным препятствием для парламентского правления, каким всегда была французская администрация со времен Наполеона. Но его цель в то время была искренне политической и законной, и он в одиночку взялся за защиту конституционных принципов. В сентябре Мирабо поднял вопрос о парламентском министерстве как в прессе, так и в Ассамблее. Он подготовил список выдающихся людей на несколько должностей, выделив себе место в кабинете министров без портфеля. Это был план сделать его и Талейрана хозяевами правительства. Тогдашние министры не доверяли ему и не хотели уступать ему дорогу, и когда 6 ноября он предложил заслушать министров в Национальном собрании, архиепископ Бордо подстрекали Монлозье и Ланжуине выступить против него. Оба были людьми с высоким характером, и оба обладали некоторыми достижениями; и в своем отвращении к нему и к его очевидному своекорыстию они

внесли предложение, запрещающее депутатам вступать в должность. Этим голосованием от 7 ноября, которое навсегда исключило Мирабо из королевских советов, исполнительная власть была лишена полномочий. Это один из решающих актов Учредительного собрания, ибо он разрушил конституционную монархию.

Мирабо был вынужден полагаться на роспуск как на единственную перспективу улучшения положения. Он знал, что голосование было вызвано как его собственной дурной славой, так и намеренной неприязнью к английской практике. Теперь вопрос для него заключался в том, сможет ли он добиться через Суд того, что было невозможно через Ассамблею. Он немедленно составил документ, призывающий короля поставить себя во главе Революции, в качестве ее модератора и проводника. Граф Прованский отказался представить свои планы королю, но рекомендовал его на должность тайного советника. Как раз тогда произошло событие, которое и по сей день остается загадочным, но которое привело к сближению Мирабо с братом короля. На Рождество маркиз де Фаврас был арестован, и выяснилось, что он был тайным агентом принца, который нанял его для получения займа с целью, которая никогда не разглашалась — одни говорили, чтобы увезти короля в пограничную крепость, другие подозревали в заговоре контрреволюции. Ибо закон о выборах исключал невежественных и неимущих из избирательного права, ограничивая права активной гражданской позиции теми, кто платил очень умеренную сумму налогов. Было очевидно, что это исключение, ограничивающее власть собственностью, создало сырье для социализма в будущем. Когда-нибудь на отверженную толпу, собравшуюся в Париже, может быть наложена ловкая рука, чтобы свергнуть правительство среднего класса. Учредительному собранию грозила опасность быть разгромленным, и оно неизбежно вызывало подозрения.

По совету Мирабо граф Прованский немедленно выступил с публичным заявлением о здравых революционных чувствах и отрекся от Фавраса. Его речь, произнесенная в ратуше, была хорошо принята, и он завоевал популярность в народе. Тем временем его несчастного сообщника судили за государственную измену и признали виновным. Фаврас спросил, сохранят ли ему жизнь после полного и недвусмысленного признания. Ему сказали, что его ничто не спасет. Судья призвал его умереть молча, как храброго человека. Священник, который впоследствии помогал ему, заявил, что спас жизнь графу Прованскому. Фаврас стойко перенес свою судьбу, сохранив свою тайну до конца. Улики, которые могли бы скомпрометировать принца, были изъяты, и ни один историк их не видел. Роковые документы были возвращены ему, когда он стал королем, дочерью человека, который их спрятал.

В течение нескольких недель граф Прованский жаждал власти и позволил Мирабо выдвинуть его на должность своего рода премьер-министра или на должность, аналогичную должности кардинала-племянника в Риме семнадцатого века. У него были способности, осторожность и, на данный момент, популярность; но он был нерешителен, ленив и тщеславен. Если из него что-то и можно было сделать, то было ясно, что активным партнером будет Мирабо. Король и королева не любили его и не доверяли ему, а с таким сообщником рядом с ним он мог стать грозным. Неккер разработал план, с помощью которого его интриги были легко сорваны. Король предстал перед Собранием без предисловий и выступил с неожиданным политическим заявлением, приняв всю работу Революции, насколько она продвинулась, и высоко оценив, в частности, недавнее разделение провинций на департаменты.

Каждый шаг до этого дня делался неохотно, вяло, по принуждению. Каждая уступка была поражением и капитуляцией. 4 февраля, без какого-либо непосредственного давления, Льюис сознательно возглавил движение. Это был акт не слабости, а политики, не полученной раны, с которой он смирился, а нанесенного удара. В ответ Ассамблея немедленно принесла гражданскую присягу соблюдать Конституцию. Поскольку этого документа еще не существовало, никто не мог сказать, в чем будет заключаться демонстрация. Это было принято ради того, чтобы привлечь к ответственности остатки привилегированных орденов, которые уступили в знак протеста.

Брат-аристократ Мирабо выбросил свой меч, сказав, что джентльмену больше нечего делать, когда король отказался от своего скипетра. Сам Мирабо был возмущен тем, что он назвал пантомимой, поскольку заявил, что министры не имеют права прикрывать свою собственную ответственность неприкосновенным тронном. Он увидел, что его покровитель был хитроумно отстранен и выброшен на берег, и понял, что его собственные глубокие расчеты оказались несостоятельными. И все же пронизательность, в которой он редко нуждался, подвела его в тот момент. Что касается примирения народа с королем, то исполнительная власть, торжествующая в своей популярности, ведущая Революцию к ее цели, была точным воспроизведением его предложений и была заимствована из его манифестов.

Значение этого сразу же почувствовали иностранные советники королевы. Мерси Аржанто, которая была послом Австрии на протяжении всего правления и которая была верным и умным другом, предположила, что, если они искренне принимают политику, им не мешало бы взять с собой политика, что графа Прованского лучше всего вывести из строя, лишив его суфлера, что магия не в палочке, а в руке, которая ею взмахивает. Королева колебалась, поскольку Мирабо угрожал ей в последние дни в Версале, и еще не было доказано, что он не был причастен к попытке ее убийства. Она заявила, что ничто не заставит ее увидеться с ним, и ей хотелось бы найти кого-нибудь, кто мог бы взять на себя управление им и кто был бы ответственен за его поведение. Мерси, невзирая на свои угрызения совести, послала за Ла Марком, который находился в своем бельгийском доме, выступал против императора и поощрял Федеративную республику, и, как следствие, не был в фаворе у Марии-Антуанетты. Ла Марк был близок с Мирабо и держал его на карманные расходы. Он предпринял переговоры без особой надежды на выгодный результат; и в его доме Мерси и Мирабо тайно встретились. Они расстались, очень довольные друг другом. Мирабо посоветовал королю покинуть Париж, и этот совет принес плоды. Мерси не заявляла о намерениях Двора, и Мирабо продолжал действовать по-своему, обходясь с Лафайетом ради денег или посольства инападая на духовенство, с делом которого Льюис все больше и больше отождествлялся. К этому промежутку относится знаменитая сцена, где он восклицает, что с того места, где он стоял, ему было видно окно, из которого король Франции стрелял в своих протестантских подданных. Мори, не заметивший ловушки, вскочил со своего места и закричал: "Ерунда! отсюда ее не видно".

Когда Мирабо произносил эту речь, стало ясно, что он не прилагал никаких усилий, чтобы заручиться доверием при дворе; и в течение нескольких недель весной переговоры висели в воздухе. В конце концов Ла Марк убедил королеву, что его друга ложно обвинили в октябрьском преступлении, и король предложил попросить его изложить свои взгляды. Он безапелляционно отверг совет Ла Марка о том, что министры должны быть допущены к тайне. Он признался Мерси, что намеревался вскоре сменить их на людей, которые могли бы сотрудничать с Мирабо; но он был полон решимости не отдавать себя сразу и безвозвратно во власть человека,

которому он не доверял и который был всего лишь объектом эксперимента. Следовательно, первым объектом атаки Мирабо стало министерство, и силы короля были разделены. Позиция была ложной от начала до конца; но эта враждебность к Неккеру служила маскировке реальности. 10 мая 1790 года он составил документ, который Ла Марк передал королеве и который сразу же заставил Двор усердствовать в заключении сделки. Ла Марк спросил Мирабо, каковы его условия. Он ответил, что был бы счастлив на 1000 фунтов стерлингов в год, если бы его долги могли быть выплачены; но он опасался, что они слишком велики, чтобы он мог рассчитывать на это. При расследовании выяснилось, что они стоили чуть больше 8000 фунтов стерлингов. Людовик XVI предложил избавиться от них, выплачивая ему 3000 фунтов стерлингов в год, пока будет продолжаться Ассамблея, и миллион франков авансом, когда она подойдет к концу.

Таким образом, обе стороны были в безопасности. Мирабо не мог играть фальшиво, не потеряв не только свой доход, но и возможную сумму в 40 000 фунтов стерлингов. Король не мог прогнать его, не растратив значительную сумму, выплаченную его кредиторам. Архиепископ Тулузский взял на себя деликатную задачу разобраться с ними; и, постоянно встречаясь со своим должником, между двумя мужчинами возникла странная близость.

Мирабо, обезумев от радости своего освобождения, забыл всякое благоразумие и предосторожность. Он снял городской и загородный дома; он покупал книги и картины, экипажи и лошадей и устраивал званые обеды, на которых шестеро слуг прислуживали его гостям. Через несколько месяцев ему понадобились деньги, и ему без вопросов дали еще. Правительство предложило, наконец, выплатить ему ренту за счет одной четвертой части капитала, которая должна была быть выплачена при расторжении договора; но это намерение не было осуществлено. Вся сумма, которую Мирабо получил от короля до своей смерти, составила около 12 000 фунтов стерлингов. В свою очередь, в период с 1 июня по 16 февраля он написал пятьдесят одну записку для Суда, в которой обсуждал события того дня и постепенно раскрывал обширные политические схемы. Когда они стали известны полвека назад, они неизмеримо увеличили его славу, и есть люди, которые сравнивают его наставления с последними десятью годами правления Мазарини и началом консульства, с первыми шестью годами правления Меттерниха или первыми восемью годами правления Бисмарка, или, на другом уровне, с началом правления Чатеау.

Сам Мирабо гордился своим новым положением и полагался на эту переписку, чтобы восстановить свое доброе имя. Ему платили за то, чтобы он придерживался собственного мнения. Король перешел на его сторону; он ничего не изменил в своих взглядах, чтобы удовлетворить желания короля. Его целью во всем была консолидация представительной монархии на руинах абсолютизма. Королю, связанному с привилегиями, он был непримиримо противостоял. Для короля, лишенного этого соучастия, он был убежденным и горячим другом.

Возможность доказать свою веру была предоставлена капитаном Куком. В своем последнем путешествии мореплаватель посетил остров, названный с тех пор в честь его лейтенанта Ванкувера, и зашел в пролив Нутка, на который в своем отчете он обратил внимание правительства. Три или четыре года ранее там побывали испанцы и официально вступили во владение; а русские, распространившиеся на юг вдоль побережья, признали их право и отступили. Но это место находилось далеко к северу от областей, которые они фактически занимали, и английские авантюристы с санкции правительства поселились там и

открыли торговлю шкурами с Китаем. Через год или два пришли испанцы и увезли их с кораблями и грузом; и, заявив права на все тихоокеанское побережье от мыса Горн до Аляски, они призвали английских министров наказать своих вторгшихся соотечественников. Они также снарядили флот из сорока линейных кораблей, заверив британского *временного поверенного в делах* в Великобритании, что это было сделано только для того, чтобы защитить себя от Революции. Питта не успокоили ни эти заверения, ни передача конфискованных судов. Он санкционировал судебное разбирательство с торговцами с намерением противостоять искам Испании за пределами фактической оккупации. Теперь он потребовал возмещения ущерба и снарядил флот, превосходящий тот, которым Нельсон разгромил объединенные военно-морские силы Франции и Испании. По мирному договору 1761 года Испания потребовала поддержки Франции. Если бы французы вооружались так, как вооружались испанцы, были бы основания надеяться, что Англия в столь сомнительном вопросе прислушается к условиям; и если бы Франция отказалась поддержать открытое обязательство, Испания была бы свободна искать новых друзей. Император поддержал призыв. Для него было бы лучше, если бы Англия отвлеклась от забот Восточной Европы, а Франция была оккупирована на Западе. Французские министры признали свои обязательства и начали вооружаться.

14 мая, сразу после первых переговоров между Мирабо и Судом, вопрос был передан на рассмотрение Ассамблеи. Было распространено мнение, что война укрепит исполнительную власть. Демократические лидеры отвергли Семейный договор и возмутились союзом, который был не национальным, а династическим и отражал суть тех вещей, которые они отвергали. Они направили миролюбивые послания в британское посольство и потребовали от представительного собрания права высказываться о мире и войне.

Мирабо, в отличие от многих других, рассматривал европейскую войну как опасность для трона. Но он готовился к гражданской войне и намеревался заручиться поддержкой армии и флота на королевской стороне. Он потребовал от короля исключительного права объявлять войну и заключать мир. Это принцип конституции, по которому депутаты назначают министров. Во Франции министры были исключены из парламента, и этот принцип не применялся. Барнав ответил Мирабо и победил его. 22 мая, в самом мощном конституционном аргументе, который он когда-либо приводил, Мирабо настаивал на том, что, если окончательное решение остается за Ассамблеей, она может действовать только по предложению короны. В законодательстве у короля не было инициативы. Мирабо учредил королевскую инициативу в вопросах мира и войны. Это был первый плод секретного соглашения. Новый союзник доказал не только то, что он способный и сильный, но и то, что он верный. Поскольку, прося больше, чем он мог получить, он на данный момент навлек на себя большую потерю доверия. Чрезмерность его непривычного роялизма с того дня сделала его объектом подозрений. Чтобы восстановить справедливость, он опубликовал исправленную версию своей первой речи; но другие напечатали два текста параллельными столбцами и разоблачили мошенничество. Он оказал важную услугу, и это было сделано серьезной ценой для него самого. Это событие укрепило союз и закрепило его положение у короля.

Ассамблея проголосовала за торжественное заявление о том, что Франция никогда не будет вести войну ради завоевания или против свободы. После этого Испании оставалось мало на что надеяться, и Питт повел себя вызывающе. Переговоры продолжались до октября. Ассамблея назначила Комитет по иностранным делам, в котором Мирабо преобладал, направив все свое

влияние на сторону мира и заслужив благодарность и золото Англии. В конце концов мятежный нрав брестского флота решил этот вопрос.

Великий союз Бурбонов был распущен, и знаменательным триумфом Питт был обязан революционному духу и сдерживающему влиянию Мирабо. Его защита прерогатив заслуживала награды, и он был принят на тайной аудиенции Марией-Антуанеттой. Интервью состоялось в Сен-Клу 3 июля. Государственный деятель не доверял своим новым друзьям и проинструктировал племянника, который довез его, переодетого, до черного хода, вызвать полицию, если он не появится снова через три четверти часа. Беседа была удовлетворительной, и Мирабо, целуя руку королевы, с рыцарским пылом заявил, что монархия спасена. Он говорил искренне. Комедиант и обманщик был не хитрой и беспринципной интриганкой, а неопытной дочерью императрицы-королевы. Она никогда не верила в его правдивость. Когда он продолжил громить Правых, король и королева покачали головами и повторили, что он неисправим. Последнее решение, к которому они пришли при его жизни, было отказаться от его планов в пользу того, что привело их в Варенн. Но по прошествии года они не могли не увидеть, что софистический вольнодумец и податель презренных советов был самой выдающейся личностью в мире и что Франция никогда не видела подобной ему. Теперь это поняли все, потому что его талант и ресурсы быстро росли, поскольку его поддерживала определенная цель и контракт, который он никогда не мог позволить себе нарушить. Враждебно настроенная пресса узнала о его визите в Сен-Клу через три дня после того, как он произошел, и притворилась, что знает, за сколько миллионов он продал себя. Они были слишком безрассудны, чтобы им поверили, но они были очень близки к истине; и о тайне его переписки знали или догадывались по меньшей мере двадцать человек.

С этим мечом, висящим над ним, с этой веревкой на шее, осенью и зимой 1790 года Мирабо достиг такого положения, при котором перевесил все партии. Он начал свои заметки с попытки подорвать авторитет двух мужчин, стоявших у него на пути. Лафайет был слишком силен для него. В первую годовщину взятия Бастилии ему устроили оvation. Сорок тысяч национальных гвардейцев собрались со всех концов Франции на праздник Федерации. У алтаря, установленного на Марсовом поле, Талейран отслужил свою последнюю мессу, и Франция санкционировала действия Парижа. Король присутствовал, но вся демонстрация была посвящена герою двух полушарий на его белом коне. В ноябре к власти пришло новое министерство, состоящее из его сторонников. Мирабо попытался создать коалицию, но Лафайет не чувствовал необходимости в его дружбе. Он сказал: "Я сопротивлялся королю Англии в его могуществе, королю Франции в его авторитете, народу в его ярости; я не собираюсь уступить Мирабо".

Неккер был менее требователен к исполнению своих обязанностей и вместо того, чтобы согласиться на увеличение выпуска *ассигнаций*, подал в отставку, во многом к своей чести, и безвестно удалился от дел. Мирабо торжествовал. Сначала он выступал против *ассигнаций*, хотя Клавьер защищал их в своей газете. Теперь он изменил свое отношение. Он не только подтвердил, что церковные земли будут достаточным обеспечением бумаги, что сделает ее эквивалентной золоту, но и пожелал, чтобы деньги на покупку были выплачены *ассигнациями*, полностью отказавшись от слитков. Но раздвоенное копыто появилось, когда он заверил короля, что план, который он защищал, провалится и приведет Францию к краху. Он имел в виду, что это разрушит Ассамблею и позволит королю распустить ее. Та же макиавеллистская цель руководила им и в церковных вопросах. В глубине души он был либералом в вопросах

совести и считал терпимость слишком слабым термином для прав, неотделимых от религии. Но он хотел, чтобы конституционная присяга соблюдалась со строгостью и чтобы священников поощряли отказываться от нее. Он отказался дать обещание, что Ассамблея не будет вмешиваться в доктрину, и приготовился поднять вопросы о безбрачии и разводе, чтобы усилить раздражение. Он предлагал восстановить власть с помощью гражданской войны, а путь к гражданской войне лежал через банкротство и преследования. Тем временем следственный суд снял с него обвинения, связанные с нападением на Версаль; как председатель Дипломатического комитета, он был арбитром внешней политики. Неккер и все его коллеги, за исключением одного, погибли раньше него; в ноябре он был избран президентом якобинцев, и когда он попросил отпуск, Ассамблея по предложению Барнава попросила его не отлучаться. Монморен, единственный член министерства Неккера, оставшийся на своем посту, сделал ему предложение, и они пришли к взаимопониманию. Наиболее примечательной из всех записок королю является та, в которой записан их разговор. Они согласовали план совместных действий. Вслед за этим Мирабо составил 47-ю заметку, представляющую собой трактат о конституционном управлении и интригах, и раскрывающую его замыслы на их предпоследнем этапе, на Рождество 1790 года.

Мирабо никогда не отступал от фундаментальных убеждений 1789 года, и он стал бы республиканцем, если бы Льюис перешел к реакционным *эмигрантам*. Но он хотел, чтобы тот удалился в какой-нибудь провинциальный город, чтобы не быть под властью Собрания и иметь возможность разогнать его, опираясь на растущий гнев страны. Тем временем общественное мнение должно было быть обработано и возбуждено с помощью всех средств. Он решительно настроился сформировать центральную партию из различных групп депутатов. Монморен поддерживал дружеские отношения с некоторыми из них, и у него были деньги. Мирабо старался превзойти других. Однажды поздно вечером у него было долгое совещание с Малуэ, которого он ослепил и который повлиял на определенное количество голосов.

С другой стороны, действия Монморена распространились и на Барнава. Казалось разумным предположить, что комбинация, разыгранная от Барнава слева до Малуэ справа, будет достаточно сильной, чтобы либо исправить свои ошибки, либо разрушить их совместно с Кортом.

В конце января 1791 года Мирабо впервые стал президентом и занял это кресло с неожиданным достоинством и отличием. Он достиг вершины своей карьеры. Как раз в это время тетушки короля объявили о своем отъезде в Рим. Было много недовольства, потому что, если бы их можно было задержать, было бы легче удержать короля в Париже. Мирабо дала Собравшимся понять, что вмешательство в дела принцесс было бы достойно презрения. Дважды их останавливали на пути и дважды отпускали. Все понимали, что это означает, и Париж был взволнован. В саду Тюильри поднялась суматоха, которую Мирабо, вызванный из-за стола, сразу же унял. Он был уверен в своих силах, и когда Ассамблея обсуждала меры против эмиграции, он поклялся, что никогда не будет подчиняться органу, виновному в диктате инквизиции. Он подавил ропот левых, воскликнув: "*Тишина во всем мире!*" Это была дата его разрыва с демократами. Было 28 февраля, и он должен был обедать с герцогом д'Эгийоном. Когда он пришел, дверь была закрыта у него перед носом. По совету Ла Марка он отправился той ночью к якобинцам, надеясь отделить клуб от лидеров. Но он показал свои силы, и его враги знали, как использовать свою возможность. Дюпор и Ламет напали на него с особой жестокостью, стремясь к его изгнанию. Обсуждение не сообщается. Но трое из

присутствовавших сходятся во мнении, что Мирабо, казалось, был сбит с толку и потрясен силой предъявленного ему обвинения и сидел, обливаясь потом. Его ответ, как обычно, имел ораторский успех, но он не увлек за собой свою аудиторию и ушел домой обескураженный. Якобинский строй стоял нетронутым.

4 марта лорд Гауэр написал, что власть переходит к Мирабо. Но в тот же день он сам признался Ла Марку, что просчитался и теряет мужество. 25-го состоялись дебаты о регентстве, в ходе которых он высказывался осторожно и лукавил. В тот день посол снова написал, что Мирабо показал, что он один годится для власти. Затем наступил конец. Тиссо, встретивший его вскоре после сцены у якобинцев, подумал, что он похож на умирающего. Он тонул от избытка работы в сочетании с избытком расточительства. Когда он упрекнул своего брата за то, что тот напился, тот ответил: "Зачем завидовать мне за единственный порок, которого ты не присвоил?" Впоследствии, когда возникли подозрения, вспомнили, что в марте у него было несколько приступов болезни. 26-го его привезли в Париж со своей виллы в тревожном состоянии. Интересы Ла Марка были затронуты в дебатах о собственности на полезные ископаемые, которые были назначены на следующий день. Подкрепившись большим количеством токайского, Мирабо неоднократно выступал. Это был последний раз. Он вернулся к своему другу и сказал: "Твое дело выиграно, но я проиграл". Когда стало известно, что ему грозит опасность, казалось, не произошло ничего, что могло бы подорвать доверие общественности или запятнать блеск его славы. Из-за толпы, собравшейся на улице, подойти к его двери было практически невозможно. Он был рад узнать, что Барнав позвонил, и ему было приятно слышать, сколько чувств проявили жители Парижа. После консультации, которая состоялась 1 апреля, он принял решение умереть и подписал свое завещание. Талейран нанес ему продолжительный визит и увез с собой речь о праве наследования, которую он прочитал в Собрании до того, как остыли останки его друга, но которая не заслуживала такой чести, поскольку, как и около тридцати его речей, была написана посторонним человеком. Присутствие Талейрана, с которым он поссорился, было желанным для Мирабо, который, хотя и не был верующим, не хотел, чтобы думали, что он отверг утешения религии. Приходской священник пришел, но, узнав о присутствии прелата, ушел; и распространился слух, что умирающий грешник получил помощь более духовного лица, чем епископ Отенский.

Мирабо так и не узнал, как мало королевские особы, которым он служил, ценили его советы; и он умер, веря, что только он мог спасти монархию и что она погибнет вместе с ним. По его словам, если бы он был жив, то доставил бы Питту неприятности, поскольку в его внешней политике произошли изменения. 28 января он все еще говорил о вечном братстве Англии; но в марте он был готов вызвать флот в интересах России, и ему помешала только атака, в результате которой он погиб. Поддерживал ли он Англию против Испании или Россию против Англии, его поддержка оплачивалась золотом. Для его сообщников его болезнь была периодом террора. Если враг, замаскированный под кредитора, наложил печати на его бумаги, то должно было произойти открытие, которое разрушило бы многие репутации и поставило под угрозу многие жизни. Он цеплялся за секретные документы, на которых, по его замыслу, должна была основываться его слава. В день его смерти, когда они были переданы Ла Марку, секретарь, переписывавший их, нанес себе удар ножом. Утром в субботу, 2 апреля, надежды не было, и Мирабо попросил опиум. Он умер до того, как был выписан рецепт. Несколько врачей, производивших вскрытие, полагали, что на теле были следы яда; но когда их предупредили, что они будут разорваны на куски, как и король, они промолчали.

Каким бы одиозным он ни был и обреченный на неудачу, он все же был высшей фигурой того времени. Токвиль, написавший лучшую книгу или одну из двух лучших книг на эту тему, рассчитывая на постоянный результат, описывает революцию как продолжение и завершение работы монархии путем укрепления единства власти. Правильнее было бы сказать, что первоначальным и сущностным духом движения была децентрализация — отобрать у исполнительной власти и передать местным властям. Исполнительная власть не могла управлять, потому что она была обязана передавать приказы не своим агентам, которых она не назначала, не увольняла и не контролировала. Король был лишен административной власти, как он был лишен законодательной власти. Это недоверие, разумное при старом режиме, должно было прекратиться, когда министры, назначенные королем, стали депутатами, представленными Собранием. Это была идея, с помощью которой Мирабо мог бы уберечь Революцию от перерождения из-за чрезмерной децентрализации в тиранию. Как министр, он мог бы спасти Конституцию. Это не дискредитирует Ассамблею тем, что ужас, который внушала его жизнь, сделал его гений неэффективным, и что их труды потерпели неудачу, потому что они сочли его слишком плохим для власти.

Если Мирабо будут судить с точки зрения общественной морали, единственного стандарта политического поведения, с которым люди, как можно ожидать, согласятся, вердикт не может быть сомнительным. Его конечная политика была одной огромной интригой, и он открыто стремился творить зло, чтобы могло прийти добро. У основателя Левого Центра это едва ли менее печально, чем у Мори и его беспринципных коллег из Правых. Ни разу не было надежды на успех, потому что с ним ни на минуту не было короля или королевы.

Ответ будет иным, если мы подвергнем его чисто политическому испытанию и спросим, желал ли он власти для целого или свободы для отдельных частей. Мирабо был не только другом свободы, термин, требующий определения, но и другом федерализма, который и Монтескье, и Руссо рассматривали как условие свободы. В разговоре с глазу на глаз он сказал, что нет другого способа, которым такая великая страна, как Франция, могла бы стать свободной. Если в этом он был искренен, а я верю, что он был искренен, он заслуживает того великого места, которое занимает в памяти своих соотечественников.

XI

СИЙЕС И ГРАЖДАНСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ

Прежде чем перейти к конфликту между Церковью и государством, которым заканчивается законодательство 1790 года, я должен поговорить о человеке, который запомнился в истории политической мысли и политического действия намного больше Мирабо, который является наиболее совершенным представителем Революции. Я имею в виду аббата Сийеса. Будучи священником без призвания, он занимался светскими исследованиями, изучал французских и английских писателей того времени, политиков, экономистов и философов. Учась у многих, он ни у кого не стал учеником и был совершенно независим, заглядывая за горизонт своего века и дальше, чем его собственные любимцы, Руссо, Адам Смит и Тюрго. Он понимал политику как науку о государстве, каким оно должно быть, и отвергал продукт истории, то есть вещи такими,

какие они есть. Ни один американец никогда так твердо не усвоил принцип, согласно которому опыт является некомпетентным учителем в искусстве управления. Он решительно отвернулся от Прошлого и отказался подчиняться предписаниям людей, которые верили в рабство и колдовство, в пытки и преследования. Он считал историю вводящим в заблуждение и бесполезным изучением и мало знал о ее примерах и предостережениях. Но он был уверен, что Будущее должно быть иным и, возможно, будет лучше. В том же презрительном духе он отвергал религию как накопленное наследие детства и считал, что она останавливает прогресс, обесценивая земные объекты. Тем не менее он пользовался доверием Люберсака, епископа Трегье, а затем Шартра, который рекомендовал его духовенству Монфора в качестве своего заместителя.

Сийес предпочел баллотироваться от Третьего сословия в Париже, где он был избран последним из всех кандидатов. Один из его предварительных трактатов разошелся тиражом в 30 000 экземпляров и быстро сделал его знаменитым, поскольку был столь же богат последствиями, как девяносто пять тезисов Виттенберга. Его философия истории заключалась в одной идее. Варвары пришли из Германии на народы цивилизованной и имперской Галлии, подчинили и ограбили их, и потомками вторгшейся расы теперь были феодальные дворяне, которые все еще обладали властью и прибылью и продолжали угнетать местных жителей. Это отождествление привилегированного дворянина с Франком-завоевателем было более давним; и в этом столетии оно стало главным ключом к современной истории. Когда Тьерри раскрыл секрет нашего национального развития в замечаниях Вамбы Безмозглого Гурту "Под шервудскими дубами", он применил к нам формулу, знакомую его соотечественникам; а Гизо всегда определял французскую историю как непрерывную борьбу между враждебными нациями, пока восемнадцатый век не исправит зло, причиненное в пятом.

Правильная или нет, теория Сийеса была принята его наиболее образованными преемниками, и ее нельзя приписывать невежеству. Его аргумент состоит в том, что настоящая нация состояла из массы людей, не пользовавшихся никакими привилегиями, и что у них было требование компенсации и возмездия против тех, кто имел привилегию угнетать и разорять их. Третье сословие было равно трем сословиям вместе взятым, поскольку остальные не имели права быть представленными. Поскольку власть, осуществляемая иначе, чем по согласию, власть, которая исходит не от тех, для использования кого она существует, является узурпацией, два первых порядка должны рассматриваться как правонарушители. Они должны быть подавлены, и у них должны быть отобраны средства причинения вреда.

Хотя Сийес плохо писал и плохо говорил, все же за две недели после своего первого выступления он разрушил древний порядок вещей во Франции. Двор, Церковь и *Знать* пали ниц перед внушительной последовательностью его идей. Вскоре он потерял доверие к Ассамблее, поскольку она попала под контроль вторгшихся сил, и снова занял позицию сдержанности и недоверия. Многие из его мер были приняты, но он считал, что в процессе они были испорчены и что люди, которые добивались аплодисментов публики, не желали получать наставления.

Сийес был по сути революционером, потому что он считал, что политическое угнетение никогда не может быть правильным, и что сопротивление угнетению никогда не может быть неправильным. И он был роялистом не потому, что верил в право собственности династий, а потому, что монархия, справедливо ограниченная и контролируемая, является одной из многих

сил, обеспечивающих свободу, которая дана обществом, а не природой. Он был либералом, поскольку считал свободу целью правления и определял ее как то, что делает людей наиболее полными хозяевами своих способностей в самой широкой сфере независимых действий. Он также был демократом, поскольку пересматривал конституцию раз в поколение; и он описывал закон как устоявшуюся волю тех, кем управляют, в формировании которой те, кто управляет, не участвуют. Но он был не столько демократом, сколько либералом, и он разработал научное положение против ошибок суверенной нации. Он пожертвовал равенством, отказав в праве голоса тем, кто не платил налогов, и предпочел сложную систему не прямых и отфильтрованных выборов. Он переломил прямое течение мнений путем последовательных переизбраний, избежав роспуска. Согласно его доктрине, подлинная национальная воля проистекает из дебатов, а не из выборов, и определяется утонченной интеллектуальной операцией, а не грубой и очевидной арифметикой. Цель состоит в том, чтобы узнать не то, что думает страна, а то, что она подумала бы, если бы присутствовала при обсуждении, которое вели люди, которым она доверяла. Следовательно, императивного мандата нет, и депутат управляет учредительным собранием. Он смягчил демократию другим замечательным приемом. Американцы превратили блюстителей закона в наблюдателей за законодателем, предоставив судебной власти право защищать Конституцию от законодательной власти. Сийес изобрел для этой цели специальный орган, назвав его конституционным жюри присяжных, и включил в него не судей, поскольку он подозревал тех, кто применял древнее право Франции, а *эли*ту политиков-ветеранов.

Таким образом, хотя вся власть исходит только от нации и очень немного может быть делегировано наследственному и безответственному монарху, он намеревался ограничить ее осуществление на каждом этапе и убедиться, что оно никогда не будет поспешным или насильственным, и что меньшинства должны быть услышаны. Своей устойчивой силой последовательного мышления Сийес напоминает Бентама и Гегеля. Его полет низок, и ему не хватает изящества и утонченности. Он, похоже, позаимствовал свои департаменты у Харрингтона, дистиллированное единство власти - у Тюрго, господство массы налогоплательщиков над стоящим над ними непроеводительным классом - из представления о том, что труд является единственным источником богатства, которое было общим для Франклина и Адама Смита. Но он глубоко оригинален, и хотя многие современные авторы о политике превосходят его в гениальности, красноречии и знаниях, никто не может сравниться с ним в изобретательности и находчивости. Когда он был вне общественной жизни, во время работы в Законодательном собрании, он выступал в качестве советника жирондистов. Поэтому он стал ненавистен Робеспьеру, который после падения Дантона отвернулся от него и потребовал, чтобы Барер посмотрел, в чем его можно обвинить. Ибо, по его словам, Сийесу как врагу свободы придется ответить за большее, чем любому, кто подпал под закон.

Нервы аббата так до конца и не оправились от впечатлений того времени. Когда сорок лет спустя он заболел и у него поднялась температура, он послал вниз сказать привратнику, что его нет дома, на случай, если Робеспьер позвонит. Он предложил несколько идей для Конституции 1795 года, которые не нашли поддержки. Он терпеливо ждал, пока придет его время, и отказался от места в Директории. В 1799 году, когда дела шли хуже некуда, он вернулся из посольства в Берлине, принял командование и оказал выдающуюся услугу. У него не было стремления к власти. "Чего я хочу, - сказал он, - так это меча". На мгновение он подумал о герцоге Брауншвейгском и эрцгерцоге Карле; в конце концов он остановил свой выбор на Жубере и послал его сражаться с Суворовым в Италии. Если бы он вернулся домой, увенчанный

победой, должны были быть созваны остатки Национального собрания, чтобы посадить дочь Людовика на трон ее отца.

В Нови, в первом бою, Жубер пал, и Моро командовал отступлением. Теперь Сийес обратился к нему. Моро еще не был победителем при Гогенлиндене. Его влияние было сомнительным, и он колебался. Они совещались, когда пришло известие, что Бонапарт бежал из Египта и скоро будет в Париже. Сийес довольно дерзко воскликнул: "Тогда Франция спасена!" Моро возразил: "Я никому не нужен. Поначалу Бонапарт был сдержан, и ему потребовалось так много времени, чтобы нащупать свой путь, что Сийес, который был главой правительства, назвал его наглецом, заслуживающим расстрела. Талейран свел их вместе, и вскоре они пришли к взаимопониманию. Заговор Брюмера провалился бы в решающий момент, если бы не аббат. Ибо Бонапарт, когда ему пригрозили объявлением вне закона, потерял голову, и Сийес спокойно приказал ему выгнать враждебных депутатов. После этого солдат, повинувшись мирному человеку, обнажил свой меч и изгнал их.

Теперь все обратились к великому законодателю 1789 года за срочной Конституцией. Обладая несравненными возможностями для наблюдения, он зрело разрабатывал планы для правительства Франции в соответствии с теми, которые были отвергнуты в 1795 году. Он отказался что-либо писать, но согласился диктовать, и его слова были записаны Буле де ла Мертон и опубликованы много лет спустя в томе, копии которого нет ни в Париже, ни в Лондоне.

То, что я только что сказал, даст вам более благоприятное представление о Сийесе, чем вы можете найти в книгах. Аббат не был человеком высоких помыслов, и у него нет друзей в его собственной стране. Некоторые не любят его за то, что он был священником, другие - за то, что он был лишен сана. Он ненавистен роялистам как революционер, а республиканцам - как ренегат. Я говорил о нем как о политическом мыслителе, а не как о писателе, ораторе или администраторе. Мистер Вентворт Дилке и мистер Бакл^[1] указали на нечто большее, чем просто пятна в характере Берка. Даже если многое из того, что они говорят, правда, я бы без колебаний признал его первым политическим интеллектуалом своего времени. С тех пор как я впервые заговорил о Сийесе, появились некоторые документы, доказывающие, что он был таким же порочным, как и все остальные. Они никак не повлияли бы на мое суждение о его достоинствах как мыслителя.

[1] Дилке, *Статьи критика*, том ii. стр. 309-384; Бакл, *История цивилизации*, под ред. Дж. М. Робертсона, стр. 258-269.

Таким пророческим образом появилась Конституция 1799 года, и не его вина, что она пришла в упадок в сильных руках Наполеона. Он назначил трех консулов, отказавшись сам быть одним из них, и ушел в церемонную безвестность в качестве президента Сената.

Когда император поссорился со своими самыми способными советниками, он пожалел, что отказался от помощи такого помощника. Он считал его непригодным для правления, ибо для этого нужны шпага и шпоры; но он признавал, что у Сийеса часто возникали новые и блестящие идеи, и он мог бы быть полезен ему больше, чем всем министрам Империи. Талейран, который недолго любил Сийеса и неблагодарно упрекал его в алчности, говорил о нем лорду Броэму как о единственном государственном деятеле того времени. Лучшим из политического наследия Революции были его работы. Другие были разрушены, но он был строителем, и в 1799 году он закрыл "эру", которую открыл десятью годами ранее. В истории политических доктрин, где еще

предстоит написать почти каждую главу, ни одна не будет более ценной, чем та, которая покажет, что является постоянным и прогрессивным в идеях, которые он породил.

Функцией учредительного собрания было привести законы в соответствие с Правами Человека, отменить все пережитки абсолютизма, все реликвии неорганической традиции, которые были несовместимы с ними. В каждом Государственном департаменте они были обязаны возводить руины, убирать их и возводить новое сооружение с фундамента. Переход от господства силы к господству мнения, от обычаев к принципам привел к новому порядку через замешательство, неуверенность и неизвестность. Поначалу никто не почувствовал эффективности новой системы. Солдаты, которым так скоро предстояло сформировать лучшую из когда-либо известных армий, разбежались, как только услышали выстрел. Процветание финансов современной Франции началось с банкротства. Но в одной сфере общественной жизни Революция не только плохо началась, но и шаг за шагом шла к плохому концу, пока гражданской войной, анархией и тиранией не погубила свое дело. Большинство священнослужителей были верны новым идеям и в некоторых решающих случаях, 19 июня и 4 августа, способствовали их победе. Многие прелаты были просвещенными реформаторами, и даже Робеспьер считал, что низшее духовенство в своей массе демократично. Тем не менее Ассамблея с помощью ряда враждебных мер, тщательно изученных и долго проводившихся в жизнь, превратила их в непримиримых врагов и тем самым сделала Революцию ненавистной для значительной части французского народа.

Эта постепенная, но решительная смена фронта, поначалу невероятная и явно неполитичная, является истинной причиной катастрофического конфликта, в результате которого движение 1789 года потерпело крах. Если бы не было церковного истеблишмента, с которым нужно было иметь дело, возможно, развитие якобинской теории или логики социализма привело бы к тому же результату. Как бы то ни было, они были второстепенными причинами катастрофы, которая должна была последовать. В том, что в поколении, воспитанном Вольтером, Дидро, Гельвецием, Гольбахом, Руссо и Рейналем, существовал фонд активной враждебности к церкви, никто не мог сомневаться. Но в людях, имевших более непосредственное влияние, таких как Тюрго, Мирабо и Сийес, презрение было более заметным, чем негодование; и постепенно вся сила отвращения возобладала над либеральными чувствами и терпимой профессией. Но если бы либеральная тенденция была сильнее, а толерантные убеждения более отчетливыми, существовало бы много причин, которые делали неизбежным столкновение между Церковью и господствующими идеями. Галликанская церковь была тесно связана со всем порядком вещей, который Ассамблея любой ценой была полна решимости разрушить. В течение трех столетий с тех пор, как они стали абсолютными, французские короли пользовались все более высоким покровительством. Никакая такая прерогатива не могла быть оставлена короне, когда она стала конституционной, и было очевидно, что будут разработаны новые методы назначения священников и прелатов, что кардинальные изменения в системе церковного права произойдут.

Две вещи, главным образом, делали память о монархии одиозной: династическая война и религиозные преследования. Но войны закончились завоеванием Эльзаса и воцарением французских королей в Испании и Неаполе. Ненависть к преследованиям сохранялась; и если ее не всегда можно было приписать влиянию духовенства, то в значительной степени благодаря

им, и они пытались возобновить ее вплоть до кануна революции. Ослабление королевской власти, несомненно, серьезно изменило положение людей, на которых королевская власть в ее избытке так сильно полагалась и которые так много сделали для ее возвышения и поддержания. Люди пришли к убеждению, что дело свободы требует не эмансипации, а подавления духовенства. Таковы были глубинные мотивы; но сигнал был подан финансовыми интересами. Духовенство, будучи привилегированным сословием, как и знать, постигла та же участь. Вместе сдворянами на том же ночном заседании 4 августа они отказались от права взимать налоги и от того, чтобы не быть облагаемыми.

Когда принцип освобождения был отвергнут, экономисты подсчитали, что духовенство задолжало 100 миллионов долларов. Их десятина была отменена с обещанием выкупа. Но землевладельцы этого не потерпели, и они в значительной степени выиграли от сделки. Из этого следовало, что духовенство, вместо могущественного и богатого ордена, должно было стать наемными функционерами. Их доход был возложен на государство; а поскольку плата за стихари шла вместе с упраздненной десятиной, услуги приходского священника своим прихожанам были безвозмездными. Не предполагалось, что священники окажутся в проигрыше, и сделка была невыгодной для общества. Это требовало расходов по меньшей мере в два миллиона долларов в год, в то время как у национального кредитора не хватало средств. Последствия были очевидны. Государство, взяв на себя обязательство выплачивать вознаграждение низшему духовенству из падающих доходов, имело мощный мотив присвоить то, что осталось от церковного имущества после потери десятины. Этого ресурса было в избытке для этой цели. Но она была сосредоточена в руках высшего духовенства и религиозных орденов — как под запретом общественного мнения, как знати, так и корпораций. Их богатство погасило бы долги духовенства, выплатило бы все их жалованье и ежегодные выплаты и укрепило бы общественный кредит. После первого разграбления в августе месяце эти последствия стали очевидны всем, и секуляризация церковной собственности была предрешена.

10 октября Талейран внес предложение о том, чтобы оно было присвоено государством. Он подсчитал, что после обильных пожертвований духовенства в настоящее время будет наблюдаться растущий профицит в размере 2 000 000 фунтов стерлингов в год. После августовского соглашения духовенству было трудно сопротивляться предложению о том, что государство должно позаботиться о них. Архиепископ Парижский передал десятину в распоряжение нации; впоследствии он добавил золотые и серебряные сосуды и украшения стоимостью в несколько миллионов. Бетизи, епископ Узеза, объявил церковную собственность даром нации, о котором могла вспомнить только нация. Мори, свободно рассуждая, признал, что собственность является продуктом закона; из чего следовало, что она может быть изменена законом. В ответ прозвучал настоятельный призыв к тому, чтобы корпоративная собственность создавалась законом, но не частная, поскольку индивид имеет свои права от природы. Духовенство жаловалось, что уступки августа были применены для их уничтожения в ноябре, но они пострадали из-за смены фронта. Буажелен, архиепископ Эксский, предложил практичную и подобающую государственному деятелю договоренность. Поскольку кредит Церкви был выше, чем кредит государства, он предложил выделить правительству 16 000 000 фунтов стерлингов в качестве ссуды под залог церковной собственности, с которой, таким образом, Ассамблея не смогла бы манипулировать. Государство было бы спасено от его нынешних трудностей; Церковь обеспечила бы себе пользование своим богатством на будущее.

Считалось, что этот план, восстановив финансы и авторитет правительства, обеспечит успех революции и предотвратит уже угрожающий крах. Неккер на мгновение был очарован. Но его жена напомнила ему, что этот договор навсегда утвердит католицизм в качестве государственной церкви во Франции, и он прервал конференцию. Предложение Талейрана было изменено и воспроизведено в смягченной форме; и 26 ноября 1789 года 568 голосами против 346 было решено, что имущество духовенства находится в распоряжении нации. 19 декабря было решено, что сумма в 16 миллионов должна быть собрана за счет продажи нового национального имущества, что должно стать основой для выпуска бумажных денег. Это было началом *ассигнаций*, которые поначалу оказывали услуги связи, но через два года их количество быстро сократилось. Стало очевидным, что под поверхностью скрывается нечто большее, чем финансовая цель. Было желание разрушить могущественную организацию, разоружить аристократический епископат и привязать отдельного священника к Революции. Поэтому Малуэ не произвел впечатления, когда настаивал на том, что они берут на себя содержание не только духовенства, но и бедных; и что никаких излишков не будет, пока француз голодает.

В августе 1789 года был назначен комитет по церковным вопросам, а в феврале, поскольку он не согласился, его численность была увеличена, и меньшинство оказалось затоплено. Вслед за этим они подали в суд на религиозные ордена. Монашество в течение некоторого времени приходило в упадок, и число монахов за несколько лет сократилось с 26 000 до 17 000. Девять религиозных орденов исчезли в течение двенадцати лет. 13 февраля 1790 года принцип, согласно которому гражданское право поддерживало правило против монаха, был отменен. Члены монашеских орденов могли свободно уходить, если хотели, и оставаться, если хотели. Те, кто решил уйти, должны были получать пенсию. Положение тех, кто остался, регулировалось серией указов, неблагоприятных для системы, но благоприятных для заключенного. Только после падения трона все монашеские ордена были распущены, а все их здания захвачены.

Когда имущество Церкви перешло в собственность государства, комитет разработал схему распределения. Они называли это Гражданской конституцией духовенства, имея в виду регулирование отношений между Церковью и государством в соответствии с новой Конституцией.

Дебаты начались 29 мая, а окончательное голосование состоялось 12 июля. Первой целью была экономия денег. Епископы были богаты, их было много, и они не пользовались популярностью. Те из них, кто был избран самой Церковью для получения высшей награды — кардинальской шапки, — Роган, Ломени де Бриенн, Бернис, Монморанси и Талейран — были людьми с дурной репутацией. Вот тогда Комитет предложил сэкономить, сократив число на пятьдесят человек, а их доход — до тысячи в год. Каждая из только что созданных кафедр должна была стать епархией. архиепископов не было. Это была не экономика, а теория. Ставя всех епископов на один уровень, они принижали папство. Ибо янсенисты влияли на Ассамблею, а янсенисты в течение столетия терпели преследования и научились смотреть с отвращением как на папство, так и на прелатство, от которых они страдали, и у них стало меньше отвращения к пресвитерианству. Поскольку они отняли покровительство у короля и не передали его папе, который был более абсолютным сувереном, чем король, и к тому же был иностранцем, они столкнулись с трудностями из-за принципа избрания, который поддерживался высшими властями и играл большую роль в прежние времена. Епископа должны были выбирать выборщики департамента, приходского священника — выборщики округа; и это должно было быть сделано в церкви после

мессы. Предполагалось, но не было рукоположено, что таким образом выборщики других конфессий будут исключены. Но в Страсбурге епископ был избран протестантским большинством. В соответствии с мнением Боссюэ, право учреждения было отнято у Рима.

Вести переговоры с папой римским входило в обязанности короля, и он мог бы спасти Революцию, ограниченную монархию и свою собственную жизнь, если бы вел переговоры с умом. Впоследствии были приняты новые епархии, новые доходы. Отрицание папского института было в духе галликанизма; а принцип избрания имел великую традицию в свою пользу и нуждался в гарантиях. Несколько епископов высказались за примирение и пожелали, чтобы эта мера была обсуждена на Национальном совете. Другие призвали папу не идти ни на какие уступки. Льюис едва ли просил его уступить что-либо; и когда стало ясно, что Рим желает выиграть время, 24 августа он дал свою санкцию. В то же время он решился на бегство, полагаясь на недовольство провинций и агитацию клерикалов, чтобы восстановить свой трон.

27 ноября Ассамблея приняла решение обеспечить принятие Гражданской конституции. Каждый священнослужитель, занимающий высокий пост или выполняющий государственные функции, должен был принести клятву верности Конституции Франции, утвержденной королем. Условия косвенно включали меру, касающуюся Церкви, которая теперь была частью Конституции и которую подавляющее большинство епископов отвергло, но Рим этого не сделал. Из Рима приходили письма, которые были запрещены; и после ноябрьского указа и его санкции королем 26 декабря папа хранил официальное молчание.

4 января 1791 года церковные депутаты были вызваны для принесения предписанной присяги. Никаких условий или ограничений не допускалось, Мирабо специально настаивал на строгости в надежде на реакцию. Когда Ассамблея отказалась сделать официальное заявление о том, что это не означает вмешательства в исключительную сферу религии, подавляющее большинство депутатов-священнослужителей отказались от присяги. Около шестидесяти приняли это безоговорочно, и доля людей, вышедших на улицу, была почти такой же. Мы знаем, что в сорока пяти департаментах насчитывалось 13 426 согласных священнослужителей. Из этого следовало бы, что во всей Франции насчитывалось около 23 000 человек, или примерно треть от общего числа, и этого было недостаточно для обслуживания всех церквей. Теперь вопрос заключался в том, должна ли Французская церковь быть епископальной или пресвитерианской. Четыре епископа принесли предписанную присягу, но только один из них продолжал исполнять обязанности епископа одной из новых епархий. Талейран отказался от своего избрания в Париже и сложил митру и церковное облачение. Перед уходом на покой он рукоположил двух конституционных епископов и учредил Гобея в Париже. Впоследствии он сказал, что, если бы не он, французская конституционная Церковь стала бы пресвитерианской, а следовательно, демократической и враждебной монархии.

Никто не мог быть более яростным противником роялизма, чем некоторые избранные прелаты, такие как Фоше, епископ Кальвадосский, который действовал вместе с жирондистами и погиб вместе с ними, или Грегуар, епископ Блуа, Грегуар был самым заметным и до сих пор остается самым известным из конституционного духовенства. Он был человеком серьезных убеждений и такой искренности, какая только совместима с насилием. Обладая большим количеством общей информации, он был неточным писателем и, несмотря на мужество, которое он проявлял на протяжении всего правления террора, невпечатляющим оратором. Он твердо

придерживался доктрин элементарного либерализма, а после падения террористов активно участвовал в восстановлении религии и установлении веротерпимости. Он отсутствовал по делам миссии и не голосовал за смерть короля; но он выразил свое одобрение и опозорил свои последние годы, скрывая и отрицая это. Гобель, епископ Парижа, намного уступал Грегуару. Надеясь спасти свою жизнь, он отказался от своей должности в соответствии с Конвенцией, предложив папе римскому отречение от престола за 12 000 фунтов стерлингов. Какое-то время считалось, что духовенство двух церквей может мирно сосуществовать, и лицам, не являющимся присяжными заседателями, была назначена умеренная пенсия. Но в Ниме и в других частях Франции царили беспорядки и кровопролитие, и было видно, что Ассамблея своим церковным законодательством создала мотив и механизм для гражданской войны. Невинное духовенство стало рассматриваться как предатели и мятежники, и толпа не позволила бы им отслужить мессу в единственной церкви, которая осталась у них в Париже. Байи сказал, что, когда говорит закон, совесть должна молчать. Но Талейран и Сийес настаивали на принципе терпимости, и им удалось добиться принятия этой формулы Ассамблеей. Это не было соблюдено и было полностью проигнорировано вторым законодательным собранием.

Гражданская конституция нанесла ущерб революции не только тем, что вызвала сильное течение враждебных чувств в стране, но и тем, что вынудила короля искать защиты у Европы против своего народа. План переговоров, который привел к всеобщей войне в 1792 году, был отложен из-за разобщенности держав и крайней осторожности императора Леопольда и начался в разгар религиозного кризиса осенью 1790 года. Проблема для нас состоит в том, чтобы выяснить, почему Национальное собрание и руководивший им комитет не признали, что его законы вносят брешь в устоявшуюся систему Церкви, будь то галликанской или римской, что они находятся в вопиющем противоречии с первыми принципами Революции; и почему в этом огромном взрыве либеральных настроений не было места свободе вероисповедания. Они верили, что в плане не было ничего такого, на что папа не смог бы согласиться, чтобы избежать большего зла, если дипломатия короля будет вестись мудро. Что было признано Пием VII. Бонапарту мог бы уступить Пий VI. Людовику XVI. Суждения итальянских богословов во многих случаях были благоприятны постановлению Национального собрания, и Коллегия кардиналов не была единодушна против него. Их мнения добрались до Парижа и были подкуплены римскими агентами. Когда Конкордат 1801 года был заключен, Консальви радовался, что у него все получилось так хорошо, поскольку он был уполномочен, в случае необходимости, пойти на еще большие уступки. Революционные канонисты были убеждены, что папа, если он отвергнет предложения короля, будет действовать как инструмент аристократической партии и будет руководствоваться расчетливой выгодой, а не совестью. "Трагедия Карла IX" Шенье. Разыгрывались и оживали худшие сцены фанатичной нетерпимости. Ненависть, которую это вызвало, не была смягчена словами Пия VI. весной 1791 года, когда было слишком поздно влиять на события, он осудил Гражданскую конституцию. Ибо он осуждал свободу и веротерпимость, а революционеры могли сказать, что между ними не может быть мира и что Рим был непримиримым противником первых принципов, на которых они стояли. Аннексия папских владений во Франции была предложена в мае 1791 года, когда стало известно об отклонении Гражданской конституции. Сначала она была отвергнута и принята 14 сентября. Позже мы увидим, что конфликт, возникший таким образом между Революцией и Церковью, ускорил падение трона, гонения и гражданскую войну.

Я неоднократно указывал на ревность исполнительной власти как на источник фатального вреда. Это величайший пример вреда, который она причинила. То, что покровительство не могло быть полностью оставлено в руках короля, как это было в соответствии с Конкордатом Льва X., было очевидно; но если бы оно было предоставлено королю, действующему через ответственных министров, тогда большая часть трудностей и опасностей была бы преодолена, и договоренность, выросшая из Конкордата Наполеона, была бы предвидена. Эта идея последовательно отвергалась, и, что еще более странно, идея расформирования и отделения почти не воспринималась. Целое поколение спустя, под влиянием американского и ирландского примеров, среди французских католиков возникла школа либералов, которые отличались как от галликанцев, так и от ультрамонтанов и нашли решение проблемы вечного соперничества Церкви и государства. Для нас великим фактом является то, что Революция не произвела ничего подобного и потерпела крах из-за своей неспособности справиться с проблемой.

XII

ПЕРЕЛЕТ В ВАРЕНН

Прямым следствием церковных законов стало бегство короля. С момента его переезда в Париж в октябре 1789 года люди начали изучать средства, с помощью которых его можно было бы спасти, и его министры были готовы снабдить его необходимыми паспортами. В течение лета 1790 года, которое он провел в Сен-Клу, предлагались различные планы, которые постоянно отвергались. Королева была настроена против них, ибо сказала: "Что может сделать король вдали от Парижа, без проникательности, без духа или влияния? Не говорите больше об этом". Но 24 августа, когда была утверждена Гражданская конституция, с ними произошла перемена. Как только в июле за него проголосовали, Мирабо сообщил Льюису, что обязуется публично доставить его в Руан, или Бове, или Компьень, где он будет вне досягаемости и сможет распустить Ассамблею и провозгласить лучшую систему конституционных законов. неизбежно последовала бы гражданская война; но Мирабо верил, что гражданская война приведет к восстановлению власти, если король отдаст себя в руки маркиза де Буйе, генерала, командующего в Меце. Буйе приобрел высокую репутацию благодаря своим успехам против англичан в Вест-Индии, и в этот момент он усилил ее благодаря энергии, с которой подавил мятеж в гарнизоне Нанси. За услугу, оказанную таким образом государству и делу поддержания порядка, он получил, под давлением Мирабо, благодарность Собрания. Король умолял его беречь свою популярность, поскольку он был предназначен для более важных дел. Это первое указание на тайну; и оно подтверждено принцессой Елизаветой в течение недели после утверждения Гражданской конституции. Но хотя в том сентябре Льюис начал обдумывать отъезд из Парижа и принял предложение генерала, он не принял остальную часть плана, который поставил бы его в зависимость от Мирабо. В тот момент его самым сильным мотивом было желание освободиться от религиозных оков; и он надеялся восстановить утраченное положение Церкви при условии выкупа *ассигнаций* на имущество репрессированных орденов. Было подсчитано, что Церковь сможет спасти общественный кредит, пожертвовав сорок

миллионов, или разорить революционного инвестора, отказавшись от него. Поэтому король не принял предложения Мирабо, который был не тем человеком, который проводил политику, благоприятствующую влиянию духовенства. Это было поручено другому политику.

Бретей, соперник Неккера, был человеком, которого предпочитали Мирабо. Он жил в Солере как признанный глава роялистов, служивших королю и отказавшихся следовать за принцами и *эмигрантами* и их главным интриганом Калоном. Теперь посоветовались с Бретеем. Он посоветовал королю тайно покинуть страну и укрыться в пограничной крепости среди верных полков, в пределах досягаемости австрийской поддержки. Таким образом, хозяином был бы Бретей, а не Мирабо, и реставрация была бы в пользу старого *режима*, а не конституционной монархии. Только в одном оба советника были согласны: Бретей, как и Мирабо, рекомендовал Буйе как человека действия. Его ответ был доставлен епископом Памье, мирским прелатом XVIII века, который впоследствии был избран министром финансов в случае победы Брауншвейга. 23 октября епископа отправили в Мец для освящения Буйе.

Как по таланту, так и по известности Буйе был первым человеком в армии, покинувшей ее в результате эмиграции. Он неохотно служил при новом порядке и подумывал о том, чтобы сделать себе новую карьеру в России. Но он был честолюбив, поскольку всегда добивался успеха, а посланец короля и Бретея открывал заманчивое будущее. Он предложил три альтернативы. Королю предстояло выбирать между Валансьеном, который был бы самым безопасным и быстрым путешествием; Безансоном, находящимся в пределах досягаемости дружественных швейцарцев, которые договорились предоставить большие силы по первому требованию; и Монмеди, небольшим укрепленным городком недалеко от границы и недалеко от Люксембурга, который был самой сильной из имперских крепостей. Все это явно означало Монмеди. Безансон был так далеко, что нужно было успеть его обогнать, а Валансьен находился не на территории Буйе. Ничего нельзя было предпринять до весны, ибо император еще не был хозяином своих восставших провинций; и между генералом в Меце и графом Ферсеном в Париже, действовавшим от имени Людовика XVI, велась долгая переписка. и контролировал все. На Рождество Буйе отправил своего старшего сына в Париж, чтобы договориться с ним о деталях.

В первые месяцы 1791 года, которые стали последними в его жизни, влияние Мирабо росло так быстро, что король колебался между ним и Бретеем. В феврале Ла Марк появился в Меце, чтобы изложить более смелый план Мирабо солдату, от меча которого должно было зависеть его исполнение. Буйе сразу же предпочел его Бретейскому и был готов его приготовить. Но Ферсен был так уверен, что сумеет организовать отъезд из Парижа ночью и тайно, он был так решителен и хладнокровен, что рассеял все сомнения и в начале марта объявил, что король наконец принял решение в отношении Монмеди. Его колебания закончились, и Мирабо был отвергнут. Льюис не мог последовать его совету, не отказавшись от своей главной цели - реставрации Галликанской церкви. Пожертвовать священством было сутью политики Мирабо. Его последние советы были даны 23 февраля, за пять недель до его смерти. Он посоветовал, чтобы народ заставил короля, когда он будет выезжать, вернуться домой; или, еще лучше, чтобы во дворе Тюильри собралась толпа, чтобы помешать ему выйти. Он выразил надежду, что такое возмущение заставит Ассамблею обеспечить себе большую свободу передвижения, что в надлежащее время послужит его цели.

Такая возможность представилась 18 апреля, когда стало известно, что королевская семья переезжает в Сент-Клауд. Приближалась Пасха; а на Пасху король Франции обычно публично причащался. Но Льюис не мог причаститься. Он был ответственен за Гражданскую конституцию, которую он санкционировал, и за начинающийся раскол. Имея это на своей совести, он должен был воздержаться, поскольку в противном случае люди пришли бы к выводу, что ни он, ни священник, который отпустил ему грехи, не видели причин для сожаления в надвигающейся буре. Поэтому, чтобы избежать скандала, лучше было на время убраться с дороги. Королевскую семью остановили у самой двери, как и желал Мирабо. Больше часа они просидели в карете под улюлюканье и оскорбления толпы, Лафайет тщетно пытался расчистить дорогу. Когда они возвращались во дворец, королева нескромно сказала тем, кто был рядом с ними: "Теперь вы должны признать, джентльмены, что мы не свободны". События того дня укрепили аргументы в пользу бегства, за исключением тех, кто, зная предложение Мирабо, заподозрил комедию и задался вопросом, сколько король заплатил за то, чтобы воющая толпа могла назвать его жирной свиньей в лицо.

Император больше не мог отказывать в помощи своей сестре без упрека в жестокости. Теперь от него потребовали подвести войска достаточно близко к границе, чтобы оправдать решение Буйе разбить лагерь перед Монмеди и собрать припасы, достаточные для формирования ядра королевской армии. Его также попросили выдать аванс на первые расходы. Леопольд, который едва знал Марию-Антуанетту, проявил крайнюю сдержанность. У него не были развязаны руки на Востоке. Он сочувствовал многим делам Революции; и он не сожалел о том, что Франция ослаблена, даже мерами, которые он не одобрял. Его речь была обескураживающей. Он ничего не обещал, пока им не удастся сбежать; и он верил, что они не смогут сбежать. Королева решила выяснить, произвело ли грубое унижение, которому она подверглась, какое-то смягчающее впечатление на ее брата; и граф де Дюрфор был отправлен искать его в его итальянских владениях с достаточными полномочиями. Агент был выбран неразумно. Он нашел Леопольда в Мантуе, где тот совещался с графом д'Артуа, и тот попал в руки Калонна. По возвращении он предъявил документ в двадцать один абзац, составленный Калоном, с ответами императора, из которых следовало, что Леопольд летом вторгнется во Францию со 100 000 человек, что королевская семья должна ждать его прибытия и что, по сути, он принял программу *эмигрантов*.

Королеву убедили, что ее убьют, если она останется в Париже, пока войска ее брата войдут во Францию. Она верила, что *эмигранты* ненавидят ее; что они готовы пожертвовать ее мужем и ею самой ради своего собственного дела; и что, если их политика восторжествует, новые хозяева будут хуже старых. Она написала Мерси, что это станет невыносимым рабством. Она решила пойти на максимальный риск, лишь бы не быть обязанной своим освобождением д'Артуа и его последователям. Мария-Антуанетта была права в своей оценке настроения в *эмигрантском* лагере. Густав III говорил от имени многих, когда сказал: "Король и королева лично могут быть в опасности; но это ничто по сравнению с опасностью, которая угрожает всем коронованным особам".

После их ареста в Варенне Ферсен был поражен непристойной радостью французов в Брюсселе, многие из которых открыто заявляли о своем удовлетворении тем, что король и королева были схвачены. Ибо план, согласованный с Буйе, состоял в том, чтобы служить монархии, а не аристократии. В своем страстном сопротивлении партии д'Артуа, Конде и Калонна королева чувствовала себя поборницей народного роялизма. Выражаясь языком того

времени, она была за контрконституцию, они - за контрреволюцию. Был и личный вопрос. Королева полагалась на Бретей, который спас ее от Калонна, которого она подозревала в том, что он связался с духовником короля, чтобы узнать придворные секреты. Когда она увидела ответ из Мантуи, она сразу узнала его руку. Если такова была политика ее брата, пришло время броситься на свободу. Якобинское иго можно было вынести, но не иго *эмигрантов*. Бретей предупредил их, чтобы они не теряли времени, если хотят сбежать из рабства к своим друзьям. Когда Мария-Антуанетта решила, что бегство с риском быть схваченной будет лучше, чем спасение в таких руках, она знала только половину правды. Документ, привезенный Дюрфором из Мантуи, был подделкой. Он правил историей в течение 100 лет, а подлинный текст был опубликован только в 1894 году. И теперь мы знаем, что Калонн за спиной графа д'Артуа сфабриковал ответ, который заманил короля и королеву навстречу их судьбе. 9 июня Мерси написала, что они были обмануты. Охваченные ужасом и неуверенностью, они бежали. Первым мотивом Льюиса был ужас от нанесения ущерба религии, которая была его собственной. Когда он подписал указ о принесении присяги духовенству, с которого начались гонения, он сказал: "По крайней мере, это ненадолго".

Выборы в следующую Ассамблею были назначены на 5 июля. Если бы первому Собранию было позволено завершить свою работу, все, что было сделано для дискредитации одной партии и примирения другой, все плоды дорогостоящих интриг Мирабо были бы потеряны. Последней решимостью, которая направила их по дороге в Варенн, была измена, вынашиваемая в Мантуе. Они бросили вызов Аргоннам во имя ограниченной монархии, чтобы избежать революции и реакции. Именно в таком духе Мирабо настаивал на отъезде и с таким настроением Буйе пришел на помощь; и именно это сделало королеву ненавистной эмигрировавшей знати. Но это не было политикой Бретей. Он отказывался рассматривать что-либо, кроме восстановления нерушимой короны. Позиция была двусмысленной. В данный момент противоположные силы действовали в комбинации. Между реакционным государственным деятелем и конституционным генералом не было никакой безопасности в характере короля.

Расчет, исходя из которого был предпринят полет в Монмеди, сам по себе не был необоснованным. В Ассамблее была сильная партия, с которой можно было вести переговоры. В районе Роны, вдоль Луары, в некоторых частях западной и южной Франции сотни тысяч самых бесстрашных людей на земле были готовы умереть за алтарь и трон. Но они не желали подставлять себя под удар принца, в руках которого лучшее дело было обречено на провал и чьим последним поступком на посту короля было предательство своих верных защитников. Подстрекаемая Буйе, королева попросила своего брата выделить несколько полков, чтобы действовать с королевскими войсками в качестве вспомогательных в случае сопротивления. Она хотела иметь 30 000 человек. Это важный факт, который оправдывает почтмейстера Сен-Мену и патриотов Варенна. Экспедиция в Монмеди была первым шагом к гражданской войне и иностранному вторжению. Это то, что эти люди смутно понимали, когда останавливали беглецов.

При организации путешествия не всегда прислушивались к лучшим советам. Вместо двух легких экипажей королевская свита настояла на том, чтобы ехать в одном большом экипаже, который Ферсен соответственно и заказал. Маршрут через Реймс был бы лучше, потому что Варенн находился в стороне от почтовой дороги. Но Варенну предпочли на том основании, что Реймс был городом коронации, и короля могли узнать. Кратчайший путь в Монмеди проходил через бельгийскую территорию, но пересекать границу считалось опасным. Утверждалось, что

демонстрация военных на дороге приведет к неприятностям, но было решено, что это необходимо за пределами Шалона. Советы Буйе не всегда были здоровыми, но был один момент, по которому отказ от них оказался фатальным. Он пожелал, чтобы путешественников сопровождал опытный офицер, который, как он знал, был умелым, энергичным и быстрым в чрезвычайной ситуации. Король подумал о нескольких, но королеве не хотелось пускать в карету незнакомца. Но она попросила нанять трех здоровых офицеров в качестве курьеров, добавив, что им не обязательно быть необычайно умными. В этих словах рассказывается дальнейшая история. Три курьера слишком точно соответствовали указанной квалификации.

Отъезд был назначен на вторую неделю июня. Буйе все еще надеялся на движение среди империалистов и попросил отсрочки. 16-го ему сообщили, что королевская семья выступит в полночь 20-го. Он послал одного из своих полковников, герцога де Шуазеля, в Париж за последними инструкциями. Лошади Шуазеля должны были доставить короля в Варенн, а сам он должен был принять его в своем доме в Монмеди. Он командовал самым дальним отрядом кавалерии на дороге из Монмеди в Шалон, и в его обязанности входило прикрывать королевскую карету, предотвращать преследование и собирать все отряды на дороге, когда король проезжал мимо. Он прибыл бы в конце путешествия по меньшей мере с 400 людьми. Его последним приказом было переправить короля через границу, если Буйе падет. Великое аббатство Орваль находилось всего в нескольких милях отсюда, и считалось, что в последний момент оно может оказаться в большей безопасности, чем враждебная территория Франции.

Шуазель не справился с той сложной ролью, которую ему предстояло выполнить. Он отправился на свой пост в понедельник днем, захватив с собой маршалский жезл, принадлежавший его дяде, и королевского парикмахера Леонара. Ибо в четверг был торжественный праздник Тела Христова, когда в лагере должна была состояться военная месса и в присутствии собравшейся армии Буйе должен был быть произведен в маршалы Франции. Королеве нельзя было позволить появиться на таком мероприятии без помощи художника, и его поспешили увести, во многом против его воли, без каких-либо объяснений. Сестра короля в тот же день узнала, что ей предстоит. Была идея отправить ее с детьми или с графиней Прованской. Принцесса, которая была в высшей степени добра и не всегда милостива, не пользовалась доверием королевы. Она была одной из тех, кто рассматривал уступку как отказ от принципа, и в разладе между принцами и Марией-Антуанеттой она не была на стороне компромисса. Прованс пришел к ужину, и братья встретились в последний раз. В ту ночь их пути разошлись, приведя одного к гильотине, а другого к трону, который Наполеон возвел над всеми тронами на земле. Граф и графиня Прованские отправились в путь одновременно с остальными и благополучно добрались до Бельгии.

Ферсен, умело и предусмотрительно руководивший ходом матча, допустил одну ошибку. Двух сопровождающих королевских детей отвезли в наемном экипаже в Клэй, второй пункт на восточной дороге; и именно их кучер по возвращении сообщил, каким путем направились беглецы.

Когда все легли спать и погасили свет, королевская семья вышла через дверь, которой не пользовались, и села в наемную карету. Последней пришла королева, которая была напугана встречей с Лафайетом. Позже она спросила его, узнал ли он ее. Он ответил, что, если бы он встретил ее не один раз, а трижды, он никогда бы не узнал ее после того, что она рассказала ему накануне, потому что она сказала, что они никуда не уезжают. Байи, который был дома,

больной, встревожился настойчивыми слухами об отъезде и убедил Лафайета удвоить меры предосторожности. После последнего осмотра генерал заверил мэра, что Гувион начеку и ни одна мышь не сможет убежать. Журналисты, Марат и Фрерон, также были предупреждены. Фрерон отправился в Тюильри поздно вечером и убедился, что там все спокойно. Никто не обратил внимания на кучера, болтавшего и нюхавшего табак со своим товарищем, и не догадался, что это был полковник королевских войск Швеции, который за этот час сделал себе вечное имя. Было двенадцать, когда прибыла королева; и мужчина, который заставлял биться ее сердце в более счастливые годы, сел в козлы и уехал в темноту. Их секрет был известен, и за их передвижениями наблюдали зоркие глаза. Хранитель гардероба был близок с генералом Гувионом. Она своевременно предупредила его и предупредила людей, окружавших королеву, о том, что она знает, что происходит. Тревогу подняли в два часа ночи, но, чтобы ее не скомпрометировали, ее подняли окольными путями. Путешественник из Марселя был разбужен у себя дома дружелюбным голосом. Он отказался вставать и снова заснул. Несколько часов спустя посетитель вернулся и одержал верх над спящим. Он пришел из дворца и сообщил, что король ушел. Они передали новость одному из депутатов, который поспешил к Лафайету, в то время как человек из дворца исчез. Лафайет, как только оделся, посовещался с мэром и председателем Собрания Богарне, первым мужем императрицы Жозефины, и они убедили его, что ничто не может предотвратить гражданскую войну, кроме поимки короля. После этого Лафайет написал приказ, в котором объявлял, что Льюиса похитили, и призывал всех добропорядочных граждан вернуть его обратно. Он считал, что было потеряно слишком много времени; но ничто меньшее, чем ордер на арест, не могло бы утихомирить гнев людей из-за его недостаточной бдительности. Он отправил своих офицеров, главным образом в Лилль. Один из них, Ромеф, которому он приказал следовать по дороге в Валансьен, был остановлен толпой и приведен к Собранию. Там он получил новое поручение, с полномочиями взять короля в плен. Выехав после стольких задержек, он узнал, что беглецов видели на дороге в Мо и что у них есть двенадцать часов пути.

В этих сделках есть много странного и подозрительного. Лафайет не решался что-либо предпринять, пока на него не надавили другие. Он отправил всех своих людей по ложным дорогам, в то время как Байон, эмиссар Коммуны, сразу же напал на след. Он сказал Ромефу, что уже слишком поздно, так что его тяжелая дневная поездка была всего лишь формальностью. Ромеф, который был сыном одного из его арендаторов, попал во множество затруднений и не давал шпор своей лошади, пока новость не стала четырехчасовой давности. В Варенне он признался, что никогда не собирался их догонять, и королевские офицеры ему поверили. Гувион, заместитель командира стражи, знал, через какую дверь намеревалась выйти королевская свита, и он заверил Собрание, что вместе с несколькими офицерами всю ночь охранял ее. Льюис даже разрешил мадам де Турзель взять с собой Гувиона, если она встретит его по дороге к экипажу. Впоследствии Берк обвинил Лафайета в том, что он допустил отъезд, чтобы извлечь выгоду из ареста. Менее пылкие критики сомневались, готовил ли сподвижник Вашингтона регентство, или считали, что самый верный путь к республике лежит через вакантный трон.

Карета, ожидавшая за воротами, была заказана для русской дамы, мадам де Корфф, которая была ярой сообщницей Ферсена. Она предоставила не только экипаж, но и 12 000 фунтов стерлингов деньгами и паспорт. Поскольку ей требовался другой для ее собственной семьи, российский министр обратился к Байи. Мэр отказался, и ему пришлось обратиться к Монморену, притворившись, что паспорт, который он только что дал, был сожжен по ошибке.

Цифры и описание совпадали, но пунктом назначения был Франкфурт. Когда путешественники свернули с франкфуртской дороги в Клермоне, последнем этапе перед Варенном, это была явная ошибка. Было потеряно полчаса, но до первого этапа, Бонди, добрались в половине второго. Тут Ферсен, который сидел рядом со своим кучером, размахивая кнутом, слез, и семья, которую он так усердно пытался спасти, вышла из-под его защиты. Он хотел сопровождать их до конца и попросил у Густава разрешения путешествовать в форме шведской гвардии. Но Льюис не позволил ему остаться и недооценил ценность такого сопровождения. Ферсен выбрал северную дорогу и без труда добрался до Бельгии. Следующей зимой он снова был в Тюильри. Как политический советник он был неудачлив, поскольку был одним из тех, кто участвовал в Брауншвейгской декларации, которая стоила королю короны.

Путешественники беспрепятственно продолжили свой путь до Шалона, и там, когда им предстояло встретиться со своими верными солдатами, они вообразили, что опасность миновала. На самом деле зло уже было совершено, и по их собственной вине их судьба была решена. Поскольку они были уверены, что их будут преследовать, безопасность зависела от быстроты. Самым опасным местом был Варенн, потому что хороший наездник на полной скорости мог проехать 146 миль менее чем за тринадцать часов и прибыл бы туда около девяти вечера, если бы тронулся в путь при первой тревоге. Было подсчитано, что королевская семья со скоростью 7½ миль в час доберется до Варенна между 8 и 9 часами. Отрыв был настолько мал, что нельзя было терять времени. Король счел достаточным достичь аванпостов Буйе до того, как его настигнут, и они будут встречены на расстоянии шага за Шалоном. Чтобы обеспечить встречу, необходимо было выиграть время. Часы были точно определены, и поскольку соглашение не соблюдалось, солдаты были бесполезны. До Шалона было потеряно четыре часа — не случайно, как гласит легенда роялистов, ибо Вэлори наездник свидетельствует, что на ремонт ушло всего несколько минут. Буйе знал постыдную причину своего собственного разорения и стольких горестей, но никогда не раскрывал ее. Приехав в Англию, он ввел в заблуждение тех, кто задавал вопросы, и потребовал от своего сына клятвы, что тот сохранит эту ужасную тайну в течение полувека. Младший Буйе был верен своему слову. В 1841 году он признался другу, что история, о которой шептались в то время, была правдой, и что король остановился на пару часов в Этоже, чтобы поужинать в доме Шанилли, служащего при его дворе, чье имя фигурирует в его завещании. Когда люди увидели, что из этого вышло, возник щедрый заговор сокрытия, который приводил в замешательство потомков, пока история Буйе не была рассказана.

В Пон-де-Сомм-Везль, в 8 или 9 милях за Шалоном, командовал Шуазель. Его люди были плохо приняты в Сент-Менхульде, и их присутствие взволновало деревенских жителей. Никто не поверил утверждению, что для охраны прохода сокровищ потребовалось так много всадников, и все начали подозревать, что сокровищем была сама королева, летевшая в Австрию. Шуазель встревожился, потому что, если король прибудет в разгар мятежа, можно ожидать худшего. Он был четко проинструктирован, что король приедет в половине третьего. Ферсен сказал, что может положиться на это, и через час должен был прибыть курьер. Когда пробило три часа, а ни короля, ни курьера не было видно, Шуазель решил уехать, надеясь, что его отъезд утихомирит волнения и обеспечит безопасный проезд. Он послал Леонара вперед с инструкциями офицерам, командующим в Сен-Мену, Клермоне и Варенне, что на сегодня, похоже, все кончено и что он начинает присоединяться к Буйе; и после еще некоторого наблюдения он удалился со всеми своими людьми. За это Буйе впоследствии потребовал, чтобы его судили военным трибуналом.

Было решено, что, если король не появится в Бонди к половине третьего ночи, курьер, который приехал раньше него, должен был отправиться дальше и предупредить офицеров, что больше ничего нельзя сделать. Поскольку днем ни один курьер не появился, можно было не сомневаться, что беглецы выбрались из Парижа, где таилась опасность. Если Шуазель сочтет необходимым переместить своих людей, он должен был оставить штабного офицера Гогелата ждать прибытия короля и быть его проводником. Но Шуазель взял с собой Гогелата, не оставив проводника; и вместо того, чтобы продолжать путь, чтобы перекрыть его в более отдаленном месте, он свернул в переулки и не появлялся до тех пор, пока все не было кончено в Варенне. Его ошибка вопиющая, но она произошла из-за более трагической глупости его хозяина. Вскоре после того, как он оставил свой пост, прибыл король и беспрепятственно миновал его. И снова он без сопротивления сменил лошадей на следующем почтовом пункте, которым был Сен-Менехуль, и поехал дальше, в Клермон-ан-Аргонн. Некоторым из прохожих показалось, что они узнали его под маской, и самым громким из них был Друэ, который, будучи почтмейстером, только что поссорился с одним из полицейских и пребывал в опасном настроении человека, которому нужно взять себя в руки. Городской совет собрался и, выслушав основания для его подозрений, поручил ему проследить за путешественниками и остановить их бегство. Они не сомневались, что Льюис собирался броситься в объятия Австрии. Это не входило в его первоначальные намерения, поскольку он надеялся закрепиться в Монмеди; но перспектива эффективных действий на французской земле уменьшилась.

Командование Буйе было ограничено. Он не мог доверять своим людям; а Леопольд не шелохнулся. Основа плана рухнула. Будь то внутри границы или за ее пределами, успех предполагал австрийское вторжение. План Буйе с самого начала не имел никакого другого значения; и он был приведен в исполнение в условиях, которые полностью отдали Льюиса Мора в руки расчетливого императора. Становилось все более и более очевидным, что его целью был не лагерь Монмеди, а аббатство Орваль в Люксембурге. Жители Сен-Менехуля, решившие предотвратить его побег, действовали по смутному подозрению, но мы не можем сказать, что, будучи французами, они действовали неправильно. У них не было ни уверенности, ни авторитета; но пока они раздумывали, в город въехал преследующий их всадник, привезший то, что они хотели. Офицер Национальной гвардии Байон покинул Париж рано утром по приказу Байи и Лафайета и выбрал правильную дорогу. Он задержался на два часа из-за встречи с г-ном де Бриджем, одним из людей короля, которого ему удалось арестовать. Чтобы сэкономить время, он выслал вперед нового всадника на свежей лошади, чтобы остановить беглецов; и этот гонец из Шалона принес новость в Сен-Мену вскоре после того, как карета укатила.

Когда Друэ отправился в путешествие, которое принесло ему состояние, он знал, что это был король и что Париж не хотел, чтобы он сбежал. Час был потерян, и он встретил своих почтальонов, возвращавшихся из Клермона. От них он узнал, что курьер называл Варенн, а не Верден. Срезав путь через лес, он прибыл как раз вовремя. Тем временем Сен-Менехуль кипел; командующий был арестован, а его войскам не разрешили сесть на коня. Один человек, Лагаш, предупрежденный дочерью хозяина о том, что сокровища для армейского сундука испарились и правда выплыла наружу, вскочил на коня и проложил путь сквозь толпу, держа в каждой руке по пистолету.

Друэ рассказал эту историю Национальному собранию скорее в своих интересах, заявив, что узнал королеву, которую видел в Париже, и короля по его портрету на *ассигнациях*. Позже он отказался от всякой прямой ответственности и сказал, что последовал за каретой в

соответствии с приказами, переданными из Шалона, а не по собственной инициативе или догадке. Когда он излагал вторую версию, он был в плену у австрийцев, и спрашивающим, перед которым он стоял, был Ферсен. В такой момент даже человек с такой стойкостью духа, как у Друэ, вполне мог бы протянуть время в попытке избавиться от ненависти. Таким образом, отчет, записанный Ферсеном, не вытеснил популярную традицию. Но это подтверждается Ромефом, который отчетливо говорит, что почтмейстер Сен-Мену был предупрежден посланием, отправленным Байоном. Показания Ромефа, содержащиеся в протоколах Собрания, где я их видел, были опущены в *Moniteur*, чтобы ничто не могло исказить легенду о неосторожном путешественнике, вероломной банкноте и бдительном провинциальном патриоте, который был кумиром того времени как человек, спасший свою страну от вторжения и гражданской войны.

Клермон, как и другие почтовые города, был взбудоражен присутствием кавалерии, и после того, как король продолжил свое путешествие, власти отправили гонца разбудить Варенна. Проезжая на полной скорости мимо королевской свиты, он крикнул что-то, чего они не поняли, но что заставило их подумать, что их обнаружили. Он был вытеснен превосходящей энергией и способностями Друэ и не играет никакой роли в этом приключении. В Клермоне был офицер, знавший свое дело, но его люди бросили его, и он добрался до Варенна один. В Варенне двое секретных сотрудников, младший сын Буйе и Рейжкур, были с лошадьми на дальнем конце города, за мостом, не выглядывая. Они полагались на Гогелата, на Шуазеля, на д'Андуэна, командовавшего в Сен-Мену, на Дамаса в Клермоне и, прежде всего, на обещанного курьера, который должен был выехать на час вперед, чтобы вовремя предупредить их. Но в ту ночь они не ожидали никакого предупреждения. Если в них и была какая-то настороженность, то ее усыпил Леонар, который час назад прочитал роковое письмо Шуазеля. Король был арестован в нескольких сотнях ярдов от их гостиницы, и они ни о чем не подозревали. Услышав об этом, они галопом помчались по дороге в Стеней, где, как они знали, генерал с тревогой нес вахту. Друэ обогнал карету у въезда в город, где курьеры препирались с форейторами и оглядывались в темноте в поисках отправителей. С помощью полудюжины мужчин, которые допивали вино в гостинице, он забаррикадировал мост.

Там паспорт короля выдал его, потому что он был выписан на Франкфурт, а Варенна не было на пути во Франкфурт. Поэтому группа была задержана и вынуждена провести ночь в доме Соуса, муниципального чиновника и бакалейщика, в то время как били барабаны, звонил набат, город был взбудоражен криком "пожар", и были отправлены гонцы за национальной гвардией со всей округи. Сначала Соус соблазнил короля за бутылкой вина, а затем представил путешествовавшего по городу земляка, который опознал его. Последовала эмоциональная сцена, и лояльные граждане заключили своего государя в объятия. Они говорили о том, чтобы сопроводить его в Монмеди сотней человек, и Льюис, готовый им поверить, заявил, что его устроит пятьдесят. По мере того как приближалась ночь, собралось несколько офицеров: Шуазель и Гогела после долгого перехода из Пон-де-Сомм-Везль; граф де Дамас из Клермона; и, наконец, Деслон, капитан немецкой кавалерии, которому Буйе больше всего доверял. Люди Шуазеля и некоторые из тех, кто был расквартирован в Варенне, проявили верность, и было сочтено возможным очистить улицу. По настоянию королевы Дамас захотел предпринять это, и еще долго после этого он уверял английского друга, что сожалеет о том, что не возглавил атаку, вопреки оптимизму короля и его нежеланию быть спасенным мечом. Он сказал Деслону по-немецки: "Садись на коня и атакуй!" Но Деслон увидел, что было слишком поздно. Гогелат пригрозил отрезать ему путь к отступлению и был выбит из седла пистолетным выстрелом.

Друэ был хозяином положения. Именно он руководил колеблющимися солдатами и колеблющимися горожанами. В пять утра прибыли Ромеф и Байон с приказом Лафайета и декретом верховного собрания. Иллюзий относительно продолжения путешествия больше не было, и единственной надеждой короля было выиграть время, чтобы Буйе доставил его. Буйе находился в Стенэ, в двадцати милях отсюда. Он провел ночь, наблюдая за дорогой, держа лошадь под уздцы. Спустя много времени после всевозможных проволочек его сын вернулся с новостями из Варенна. Звуки труб разбудили королевских немцев, но их полковник был настроен враждебно, и драгоценные часы были потеряны. Буйе раздал все свои деньги своим людям, рассказал им, в какую экспедицию они отправились, сказал им, что их король в плену, и повел их на выручку. Было уже больше девяти, когда он добрался до высоты, с которой открывался вид на долину Эйр. Лошади устали, мост был забаррикадирован, броды были неизвестны. В Варенне все было спокойно, и король был уже за много миль отсюда, по дороге в Клермон. Это был конец светлой мечты и карьеры, которая была отмечена неизменным успехом.

Когда несчастный человек, который так чудом не получил приз, повернул голову своей лошади в сторону изгнания, он сказал своему сыну: "Ты все еще восхваляешь мою удачу?" В тот вечер он ехал через границу с группой офицеров, и его люди открыли по нему огонь, когда он проезжал мимо. Он выступил с гневным заявлением и сочинил оправдание своему поведению, заявив, что никто, кроме него самого, не остался на своем посту. Но он знал, что король и конституция были потеряны из-за того, что его не было на месте, и он разместил неопытных людей там, где требовалось его собственное присутствие. Он не смог восстановить равновесие и стал таким же неразумным и вспыльчивым, как и остальные. *Эмигранты* ему не доверяли и не назначали активного участия во вторжении в следующем году. Его слава была высока среди англичан, сражавшихся с ним в Вест-Индии, и Питт предложил ему командование в Сан-Доминго, от которого герцог Портлендский вынудил его отказаться.

Людовик XVI. Наглая и свирепая толпа привезла его обратно в Париж, и он с благодарностью оглянулся на двусмысленную вежливость Соуса. Путешествие заняло четыре дня, в течение которых волосы королевы поседели. Трое депутатов, посланных Ассамблеей, встретили скорбную процессию на полпути и взяли на себя заботу о королевской семье. Король сразу же заверил их, что намеревался остаться в Монмеди и там пересмотреть Конституцию. "Этимися словами, - сказал Барнав, - мы спасем монархию". Латур Мобур отказался от своей очереди в королевской карете, сославшись на то, что у него слишком длинные ноги, и посоветовал королю потратить это время на приручение своих спутников. Совет отчасти удался, поскольку Барнав стал другом. Петион ничего не мог сказать о том, что принцесса влюбилась в него. Генерал Дюма принял командование и, разместив кавалерию на одном из мостов, сумел перевести лошадей на рысь и оставил толпу позади.

Когда они подошли к лесу Бонди, вересковой пустоши Хаунслоу во Франции, банда головорезов из столицы предприняла решительную атаку, и их с трудом отбили. Наконец, Лефевр, будущий маршал герцог Данцик, встретил их с ротой гренадеров. Поскольку на узких улочках Парижа было опасно, Лафайет повел их по Елисейским полям. Было передано распоряжение, что не следует проявлять никаких признаков ненависти или поругания чести, и впереди выехал всадник, требуя тишины. Приказ был угрюмо выполнен. За день до этой траурной сцены прусский посланник написал домой, что короля можно было бы пощадить из политических соображений, но королеву ничто не могло спасти. Они уже добрались до террасы Тюильри, когда началась суматоха и борьба, в ходе которой Дюма потерял шляпу, пояс и ножны, а одежду

чуть не сорвали с его спины. Группа депутатов пришла ему на помощь, и обошлось без кровопролития. Следом подъехала карета, в которой торжествующий Друэ выделялся на фоне остальных. Он получил грант в размере 1200 фунтов стерлингов и был избран в Конвент в следующем году. Взятый в плен пруссаками, он произвел впечатление на Гете своим хладнокровием в невзгодах. Австрийцы взяли его в плен при осаде Мобежа, и его обменяли на дочь короля. В результате коммунистического заговора Бабефа он чуть не лишился жизни и некоторое время жил в пещере, под землей. Наполеон наградил его орденом Почетного легиона, сделал субпрефектом Сен-Мену и был его гостем, когда он посетил Вальми. В "Ста днях" Друэ снова был депутатом, а затем исчез из поля зрения и сменил имя. Когда он умер в 1824 году, его соседи с удивлением узнали, что они жили вместе со зловещим виновником ужасной трагедии.

XIII

ФЕЛЬЕТОНЫ И ВОЙНА

Вторник, 21 июня, день, когда стало известно об отъезде короля, стал величайшим днем в истории Ассамблеи. Депутаты так быстро осознали опасность ситуации, они были так спокойны, их меры были настолько всеобъемлющими, что они сразу восстановили доверие общественности. К середине дня суматоха на улицах улеглась, и послы были поражены спокойствием Парижа. Они написали домой, что все стороны отложили свои ссоры и объединились в искреннем стремлении спасти государство. Так выглядело положение вещей на поверхности и на данный момент. Но Правые не принимали участия в действиях, которые они считали узурпацией власти, рассчитанной на смену монархии и на то, чтобы кризис послужил переходом к Республике. Почти 300 человек подписали протест, заявив, что больше не будут принимать участия в обсуждениях. Их лидер Казалес уехал в Кобленц и был холодно принят как человек, который слишком сильно уступил мнению парламента, чьи услуги оказались бесполезными и который слишком поздно раскаялся.

"Бегство короля", хотя и привело к распаду Консервативной партии, положило начало Республиканской партии. Ибо Льюис оставил после себя манифест, над которым размышлял в течение многих месяцев, настаивая на недостатках Конституции и осуждая все, что было сделано с тех пор, как он подвергся насилию в Версале. Многие другие, помимо Льюиса, знали об этих недостатках и желали их исправить. Но отказ от столь многого, что он санкционировал, от столь многого, что он торжественно и неоднократно одобрял, подвергал его упрекам в двуличии и лжи. Он не только подвергся позору поимки и разоблачения; отныне на него смотрели как на уличенного лжесвидетеля. Если королю больше никогда нельзя было доверять, перспективы монархии были безнадежны. Орлеанская партия не предложила никакой замены, поскольку их кандидат был дискредитирован. Люди начали говорить, что лучше признать неизбежное сразу, чем установить его позже путем насилия, после борьбы, в которой под угрозой окажется нечто большее, чем монархия, и которая выдвинет на передний план самых бесчеловечных представителей населения. Для нас, знающих, что должен был принести следующий год, сила и достоверность аргумента очевидны; но это не произвело впечатления на Национальное собрание. Едва ли тридцать членов разделяли это мнение, и среди них не было

ни Барера, ни Робеспьера. Оплотом нового движения был Клуб Кордельеров. Большая часть конституционной партии осталась верна своему делу и сблизилась еще больше. Ламет и Лафайет явились к якобинцам рука об руку; и когда на генерала напали за небрежность при охране Тюильри, Барнав успешно защитил его. Так зародились Фейяны, последняя организация по поддержанию монархии. Они были полны решимости спасти Конституцию, внеся в нее поправки в направлении усиления исполнительной власти, и для их цели было необходимо восстановить короля. Если бы его бегство увенчалось успехом, было предложено начать с ним переговоры, поскольку в его власти было бы ввергнуть Францию во внешнюю и внутреннюю войну. На границе он был более грозен, чем в столице. Малуэ, самый разумный и уважаемый из роялистов, должен был быть послан от имени Собрания вести переговоры о том, чтобы путем умеренных советов можно было предотвратить кровопролитие и обеспечить основы Революции. Но на второй вечер усталый всадник натянул поводья у входа, и радостный гул снаружи известил депутатов, прежде чем он успел спешиться, что он прибыл с известиями о короле. Это был врач из Варенна, и на рассвете его послали узнать, что город собирается делать со своими заключенными.

Король, перестав быть опасным, превратился в помеху. Его нельзя было сразу заменить на троне. Не предвещая будущего, было решено, что он будет содержаться под стражей в Тюильри до тех пор, пока ему не будет представлена завершенная и пересмотренная Конституция для добровольного согласия. Таким образом, на десять недель он был отстранен от должности. Собрание управляло и издавало законы без ссылки на его санкцию; и междуцарствие было настолько продолжительным, что монархия никогда не могла восстановиться. Когда в сентябре Льюис возобновил свои королевские функции, он больше не был неотъемлемым элементом государства, а был новшеством и экспериментом. В тот день, когда, стоя с непокрытой головой перед законодателями, он поклялся в верности их Конституции, им показалось естественным в присутствии запятнанного и умаленного величия сесть и надеть шляпы. Триумвиры, которые сорвали Мирабо, начали сразу после его смерти тайно поддерживать королевское дело. Монморен зашел к Ламету, прежде чем тот встал, и начал переговоры. Барнав часто бывал в доме Монморена, но всегда старался приходить в сопровождении, чтобы не допустить получения взятки. Двухдневное путешествие в королевской компании утвердило его в задуманном. Сократив прерогативу, когда она была чрезмерной, они возродили ее, когда она стала слишком слабой, и король больше не мог внушать тревоги. Они взялись за изготовление подпорок для поврежденного трона. "Если не Людовик XVI, - сказал Лафайет, - тогда Людовик XVII". "Если не этот король, - сказал Сийес, - найдите нам другого". Это было преобладающее чувство.

Когда в "якобинцах" было совершено нападение на короля, все присутствовавшие депутаты, за исключением шести, разошлись и основали новый клуб в "Фейянах". 15 июля в речи, которая считалась лучшей во Франции со времен Мирабо, Барнав подавляющим большинством голосов высказался за монархию. Он сказал, что революционное движение не может идти дальше, не унося собственность. Он боялся власти бедных над богатыми, поскольку политическая философия Барнава заключалась в суверенитете среднего класса — управлении таким видом собственности, который зависит от постоянного труда, честности, дальновидности и самоотречения, исключая бедность и богатство. Потерпев поражение у якобинцев и в Ассамблее, республиканцы подготовили демонстрацию на Марсовом поле, где была подписана петиция о свержении короля. Ассамблея, опасаясь возобновления сцен в Версале, поручила Байи и Лафайету разогнать собрание. 17 июля произошло столкновение, прозвучали выстрелы,

и несколько петиционеров были убиты. Якобинцы, на данный момент, были разгромлены. Робеспьер, Марат, даже Дантон, ступали и ожидали, что Фейяны продолжат их победу. Казалось невозможным, чтобы люди, имевшие решимость расстрелять своих хозяев, жителей Парижа, и способные установить закон, были настолько слабы духом или настолько недалекими, чтобы отказаться от своего преимущества и возобновить борьбу на равных с побежденными и ранеными противниками.

С тех пор Фейяны были преобладающими и удерживали свои позиции до тех пор, пока жирондисты не свергли их 18 марта. В их клубе было правилом принимать только активных граждан, платящих налоги и обладающих правом голоса. Таким образом, массы были переданы якобинцам. Своей энергией на Марсовом поле 17 июля Лафайет и его новые друзья вызвали негодование мстительной партии; и когда они не воспользовались террором, который они внушали, ужас прошел, а негодование осталось. Было решено, что Малуэ должен внести поправки в Конституцию. Фейяны должны были выступить против, а затем сыграть ему на руку. Но Малуэ был покинут своими друзьями, соглашение не было выполнено, и пересмотр в Ассамблее провалился. Комитеты предложили отменить знаменитый указ от 7 ноября, по которому ни один депутат не мог занимать должность. Исключение было сохранено, но министрам было разрешено появляться и отвечать за свои департаменты. Никаких других важных поправок внесено не было, и не было предпринято серьезных попыток скорректировать и гармонизировать пункты, за которые голосовали в течение двух торопливых лет. Тщетно выдвигались различные реформы; и они, а также внезапное взаимопонимание между Малуэ и Барнавом указывают на то, что депутаты мало верили в сделанную ими работу. Они устали от этого. Они больше не были на гребне волны, и их власть перешла к клубам и прессе. Они были на грани исчезновения. Из-за нечестивого союза между Робеспьером и Казалесом члены Национального собрания не имели права избираться в Законодательный орган, который должен был последовать. Никто из тех, кто составлял Конституцию, не должен был участвовать в ее применении. Фактические правители Франции были обречены на политическое вымирание. Следовательно, власть, которую Фейяны приобрели благодаря очень ловкому управлению ситуацией, возникшей в результате бегства короля, не могла длиться долго; на стороне их радикальных противников было время, и у них была логика.

Льюис, после своего падения, был невозможным королем. И у республиканцев было в запасе будущее большинство, когда исключенному классу будет возвращено избирательное право, которым он пользовался в 1789 году, до того, как равенство стало основным законом, и на которое Права человека позволяли им претендовать. И теперь вареннский инцидент предоставил врагам трона новый аргумент. Вопиющая некомпетентность Людовика стала очевидной для всех и для самой королевы. Она без колебаний заняла его место, и когда люди говорили о Дворе, они имели в виду королеву. Бегство и политика, которая привела к нему и которая была возобновлена неудачей, были политикой опоры на иностранную помощь, особенно на помощь императора. Королева была связующим звеном и главным переговорщиком. И цель, которую она преследовала, состояла в том, чтобы ограничить французский народ посредством влияния императора на Державы, либо путем унижительной демонстрации власти на конгрессе, либо путем вторжения. Считалось, что именно это она и придумала, и чувство национальной независимости было добавлено к мотиву политической свободы, чтобы сделать Суд непопулярным. Люди осуждали австрийский заговор и королеву как его центр. Считалось, что она хотела управлять не только через восстановленную королевскую власть, но и через королевскую власть, восстановленную иностранными

угнетателями. Революция столкнулась с Европой. Она начала свою работу восстанием, и ей предстояло завершить свою работу войной. Началом европейских осложнений стал перелет в Варенн.

В начале сентября Конституция была представлена Людовику XVI. Ворота были распахнуты. Охранники, которые были его тюремщиками, были отозваны. Он был якобы свободным человеком. Если бы он решил согласиться, его согласие было бы добровольным. Император, Кауниц, Мальзерб посоветовали ему согласиться. Малуэ, как обычно, предпочел разумную середину. Берк был за отказ. Он сказал, что согласие означает разрушение, и впоследствии подумал, что был прав, потому что король согласился и был уничтожен. Берка не послушали. Он стал советником Кобленца, и, как ни велики были его притязания на благодарность короля и королевы, он числился в рядах их врагов. Мерси, которая передала его письмо, все еще сохранившееся в архивах Франции, умоляла, чтобы это не повлияло на решение. После десяти дней неспешных размышлений, но без особых колебаний, поскольку все было улажено с Ламетом и Барнавом, лидерами большинства, Льюис санкционировал Конституцию 1791 года, которая должна была действовать до 1792 года, и Национальное собрание было распущено. Политические преступники, включая сообщников Варенна, были амнистированы.

Благодаря огромным переменам, которые они произвели в мире, благодаря их энергии и искренности, их верности разуму и сопротивлению обычаям, их превосходству над низменной жаждой увеличения национальной мощи, их идеализму и их стремлению провозгласить вечный закон, Генеральные штаты 1789 года являются самыми запоминающимися из всех политических собраний. Они стерли с лица земли историю Франции и 2500 декретами изложили план нового мира для людей, выросших в старом. Их институты погибли, но их влияние сохранилось; и проблема их истории состоит в том, чтобы объяснить, почему столь искреннее стремление к высшему из земных благ столь прискорбно провалилось. Ошибки, погубившие их предприятие, можно свести к одной. Поставив нацию на место короны, они наделили ее такой же нелегитимной властью, не обеспечив никакой безопасности и никаких средств защиты от угнетения снизу, предполагая или веря, что правительство, действительно представляющее народ, не может сделать ничего плохого. Они действовали так, как будто должным образом созданная власть не требует проверки и как будто не нужны никакие барьеры против нации. Распространенное среди них представление о том, что свобода заключается в хорошем гражданском кодексе, представление, разделяемое такой известной либералкой, как мадам де Сталь, объясняет легкость, с которой так много революционеров перешли на сторону Империи. Но последовавшие за этим ужасные потрясения имели причину, за которую они не несли ответственности. В жестоком противоречии между новым порядком вещей во Франции и окружающим ее неорганическим миром конфликт был непреодолимым. Между французскими принципами и европейской практикой не могло быть ни примирения, ни доверия. Каждый из них представлял постоянную угрозу для другого, и взрыв вражды мог быть сдержан только необычной мудростью и политикой.

Роспуск партии вигов в Англии указывает на то, чего можно было ожидать в континентальных монархиях, где не было вигов. Вскоре мы увидим, что именно на этом камне, по природе вещей, Революция развалилась на куски. Мудрейший из государственных деятелей, переживших тяжелые дни, Руайе Коллар, много лет спустя утверждал, что все партии в Революции были честными, за исключением роялистов. Он имел в виду, что только Правильное может привести к ошибкам в отношении преднамеренности и замысла. При удивительном отвращении,

последовавшем за возвращением из Варенна и вызванном появлением Фейянов, консерваторы были во власти дать жизнь конституционной монархии. Это был момент их дезертирства. Они многое бы отдали, чтобы спасти абсолютного короля: они намеренно бросили конституционного короля на произвол судьбы.

1150 человек, которые были первым выбором Франции, теперь исчезли из нашего поля зрения. 720 депутатов Законодательного собрания были новыми и в целом малоизвестными именами. Дворяне, духовенство, консерваторы больше не появлялись, и их место заняли Фейяны, которые в прежнем Собрании принадлежали бы к Левым. Центр тяжести значительно сместился в революционном направлении. Конституция была принята. Обсуждение принципов закончилось, и спор шел не за доктрины, а за власть. Ораторы не обладают такой же оригинальностью или силой; они не являются изобретателями в политической науке; они не являются пионерами человечества. На литературном факультете, если не на политическом, они превосходят своих предшественников и запоминаются своим красноречием, если не искусством управлять государством.

Рейнхард, немецкий путешественник, познакомившийся с группой новых депутатов по пути в Париж, попал под их обаяние и решил связать свою судьбу со страной, которой вот-вот будут править такие люди. В то время как он вырос до посла и министра иностранных дел, его друзья были отрезаны в расцвете сил, потому что они были депутатами, приехавшими из Бордо и давшими название своему департаменту партии Жиронды. Благодаря своим парламентским талантам они быстро возглавили новое Собрание; и поскольку у них было мало идей и не было тактики, они позволили Сийесу направлять их действия.

Робеспьер через Якобинский клуб, который теперь восстановил большую часть позиций, утраченных им в июле, стал руководителем крайне левых, которые постепенно отделились от Бриссо и жирондистов. Министерство находилось в руках Фейянов, которыми руководил Ламет, в то время как Барнав был тайным советником королевы. Она следовала его советам с отвращением и недоверием, глядя на него как на врага и страстно желая сбросить маску и показать ему, как он был обманут. Поскольку она не могла понять, как те же самые люди, которые свергли монархию, хотели сохранить ее, она играла двойную и постыдную роль. Тактика советников-фельетонистов вызвала возрождение народных чувств в пользу Суда, что казалось нелепым в эпоху ареста. Королю и королеве аплодировали на улицах, а в театре крик "Да здравствует король!" заглушил крик "Да здравствует нация!". Это было в октябре 1791 года, еще до того, как Законодательное собрание разделилось на партии или определило политику.

Когда Ассамблея призвала *эмигрантов* вернуться к январю, король полностью согласился с политикой, хотя и не с наказанием. Но когда Комиссия доложила о настроениях духовенства и описала распри, которые назревали в провинциях между священниками двух секций, и были приняты суровые репрессивные меры против лиц, не являющихся присяжными заседателями, он наложил вето. Первое Собрание отреклось от духовенства, оставив им пенсию. Вторая, считая их агитаторами, решила действовать против них как против *эмигрантов*. Льюиса, сопротивлявшегося преследованиям, поддерживали Фейяны. Но Ассамблея не была Фейяном, и право вето начало отдалять его от короля. Ему был назначен новый министр. Граф Нарбонн де Лара был самой блестящей фигурой *вдворянстве* Франции, и он жил, чтобы пленить и ослепить Наполеона. Талейран, считавший положение в соответствии с Конституцией отчаянным,

выдвинул своего друга; и мадам де Сталь, королева конституционного общества, добилась для него назначения в военное министерство. Назначение Нарбонна было ударом по Фейянам, которые все еще стремились реформировать институты и были решительно настроены в пользу мира. В то же время Лафайет сложил с себя командование Национальной гвардией и выдвинул свою кандидатуру на пост преемника Байи на посту мэра. Но Лафайет приказал схватить королевскую семью, и этого нельзя было простить. Королева добилась избрания Петиона вместо Лафайета; а за Петионом стоял Дантон. То, что потеряли Фейяны, добавилось к жирондистам, еще не отличившимся от якобинцев; и поскольку Фейяны были за две палаты, за мир и за исполнительную власть, независимую от единого Собрания и накладывающую вето на его декреты, политика их противников заключалась в том, чтобы подчинить короля Законодательной власти, подавить недовольное духовенство и превратить эмиграцию в повод для войны.

Новый министр Нарбонн был принят в качестве военного министра, в то время как его фельетонный коллега по министерству иностранных дел Делессар был упрямо настроен миролюбиво. 14 декабря Льюис явился в Законодательный орган и объявил, что он будет настаивать на том, чтобы *émigrés* не получали никакого поощрения за границей. Это был первый акт враждебности и неповиновения, и он показал, что король расстается со своими друзьями-фельетонистами. Но Делессар испортил эффект, продержав записку императору десять дней, а затем передав ее с предосторожностями.

Леопольд II. был одним из самых проницательных и осторожных людей. Он умел ждать и уступать. У него не было желания, чтобы его шурин снова стал могущественным, и он не сожалел о том, что Франция была выведена из строя гражданскими распрями. Но он не мог бросить свою сестру, не обесчестив ее, и боялся распространения французских принципов в Бельгии, с которыми ему с трудом удалось примириться. Более того, совместные действия во французских делах, действия, которые в конечном итоге могли перерасти в войну, были средством положить конец давней вражде с Пруссией и получить замену семейному союзу с Францией, который стал бесполезным. Поэтому он был готов, если бы они сбежали, рискнуть войной ради их восстановления и убедил прусского агента подписать обязательство, которое выходило за рамки его инструкций.

Когда катастрофические вести достигли его из Варенна, Леопольд обратился к державам, заключил союз с Пруссией и присоединился к Пильницкой декларации, в соответствии с которой Франции угрожали объединенными действиями всей Европы, если король не будет восстановлен на положении, достойном королей. Угроза не подразумевала никакой опасности, потому что она была обусловлена единодушием Держав. Была одна держава, которая наверняка не согласилась бы. Англия ждала возможности воспользоваться проблемами Франции. Буйе уже серьезно предлагал, с одобрения Льюиса, купить помощь у Георга III. путем сдачи всех колоний Франции. Поэтому Леопольд считал, что он ничем не рискует, устраивая демонстрацию, которую *эмигранты* сделали максимально возможной, чтобы встревожить и раздражить французский народ. Но когда король добровольно принял Конституцию, манифест Пильница упал на землю. Если он был доволен своим положением, то в обязанности Держав не могло входить тратить кровь и сокровища в попытке изменить его. Лучше всего было бы, чтобы

во Франции все успокоилось. Тогда не было бы волнений, охвативших Бельгию, и не было бы причин, по которым другим принцам было бы менее легко удовлетвориться, чем самому Льюису. "Король, - сказал Кауниц, - король, добрый человек, сам помог нам выпутаться из нашего затруднения". Более того, когда он обрел возрождение популярности, которое казалось чудом после июньских событий, когда он свободно накладывал вето на действия, которые сам не одобрял, и, казалось, действовал в полном согласии с могущественной и все еще доминирующей партией, имперское правительство надеялось, что кризис миновал. И таково было положение вещей в октябре и ноябре.

The *Эмигранты*, сознавая свой отпор в Пильнице, сочли своим долгом разуверить императора и вернуть его к плану интервенции. Испанские бурбоны были с ними, отозвали своего посла и снарядили флот в Средиземном море. Густав Шведский горел желанием вторгнуться во Францию со шведской армией, которую следовало переправить на русских кораблях, оплатить мексиканскими пиастрами и иметь при себе Буйе. Екатерина II всячески поощряла германские державы к тому, чтобы они поссорились с Францией и предоставили ей бесконтрольно иметь дело с Польшей и Турцией. Первыми эмигрировали граф д'Артуа и его друзья, которые составили заговор против Неккера и новой конституции. Они бежали, потому что их жизни были в опасности. За восстанием крестьян и августовским грабежом последовали другие. По мере обострения обстановки и урегулирования феодальных претензий с беспощадной враждебностью движение распространилось на низшую *знать*. После разрыва с духовенством и секуляризации церковной собственности прелаты отправились в изгнание, за ними последовали их друзья. Зимой 1790-1791 годов они начали организовываться на Рейне и вести переговоры с некоторыми более мелкими державами, особенно с Сардинией, о вторжении. Прибывших позже не приветствовали, поскольку это были люди, принявшие конституционное правление. Целью истинных *эмигрантов* было восстановление старого порядка, древних принципов и институтов, не без реформ, но и без подрывной деятельности. Это было связующим звеном между ними и основой, на которой они искали помощи у абсолютных монархов. Они отрицали, что сам король, корчащийся в тисках демократии, имел право изменять основные законы. Некоторые из лучших, способнейших и благороднейших людей присоединились к их рядам, и они были проинструктированы и воспламенены величайшим писателем в мире, который был лучшим из либералов и чистейшим из революционных государственных деятелей, Эдмундом Берком. Не как реакционер, а как виги, которые пили за успех Вашингтона, которые одевались в синее с желтым, которые радовались капитуляции Великобритании в Саратоге, которые составили обращение к колонистам, которое является лучшим государственным документом на английском языке, он сказал им, что вторжение в их собственную страну и пролитие крови их соотечественников является законным.

The *Эмигранты* всех мастей были едины в неприязни к королеве и в пренебрежении королем, и они хотели сместить его, объявив регентом его брата. Они надеялись спасти их обоих, но думали больше о принципах, чем о личностях, и их нельзя было отвлекать от своих планов соображениями о том, что может произойти в Париже. Когда император заговорил об опасности, которой подвергались его сестра и ее муж, Кастельно ответил: "Какое это имеет значение, при условии, что королевская власть сохранится в лице д'Артуа?" Они не только отказались повиниться Льюису, но и усердно компрометировали его и заявили, что он имел в виду противоположное тому, что говорил, что делало примирение между ним и его народом невозможным. Даже его братья бросили ему вызов, когда, оказавшись в такой крайней ситуации, он умолял их вернуться. *Эмигрантской* политикой было преувеличивать значение

того, что было сделано в Пильнице; и поскольку они убедили потомков, что это было объявление о готовящемся нападении, было легко убедить их современников дома. Речь шла об угрозе, и Франция считала себя в опасности. Насколько мало заинтересованные князья намеревались претворить ее в жизнь, оставалось тайной.

Французская демократия могла бы извлечь выгоду из исчезновения стольких дворян; но поскольку они с очевидным успехом пытались посорить страну с соседями, были предприняты попытки принудить их вернуться, сначала путем тройного налогообложения, затем конфискации и, наконец, 9 ноября, угрожая смертью тем, кто не вернется. Невинное духовенство ассоциировалось в общественном сознании *сэмигрантами* как враги и заговорщики, которые были более опасны, потому что оставались дома. Первое Собрание спровоцировало враждебность на границе; Второе спровоцировало военные действия внутри страны. Первое оставило священникам, не имеющим законного статуса, пенсию и право пользоваться приходскими церквями, в которых не были назначены преемники. Законодательное собрание постановило 29 ноября, что во всех случаях, когда это казалось властям выгодным, они могли быть лишены пенсий и высланы. Великое восстание на Западе было вызвано этой политикой. Это было скорее религиозное, чем политическое мероприятие, и было умиротворено возвращением священников.

Главой военной партии в Ассамблее был Бриссо, который, как считалось, знал иностранные страны и который обещал определенный успех, поскольку ни одна действительно грозная держава не была готова выступить на поле боя. Тем временем он пытался изолировать Австрию, и Сегюр был отправлен в Берлин, а Талейран - в Лондон, чтобы окружить Францию ее естественными союзниками. Текст Бриссо был о слабости и разделении других стран; первым человеком, который угадал огромные ресурсы и непобедимую энергию Франции, был красноречивый провансалец Иснар. Он выступил 29 ноября, и это был его пророческий аргумент: французский народ проявил высочайшие качества на войне, когда деспотические хозяева обращались с ним как с рабами; не было страха, что они выродились, став свободными людьми; только позвольте им сражаться за принципы, а не за государственную политику, и сила, которая была в них, преобразит мир. Эро де Сешель раскрыл политические мотивы партии войны. Он сказал, что внешний конфликт был бы желателен по внутренним причинам. Это привело бы к мерам предосторожности более строгим, чем допускало мирное время, и изменения, невозможные иначе, были бы тогда оправданы соображениями общественной безопасности. Это первая тень, отбрасываемая грядущим господством террора. Но ни насилие жирондистов, ни *интриги* эмигрантов не были причиной, ввергнувшей Францию в войну, которая должна была стать самой ужасной из всех войн. Истинной причиной была решимость Марии-Антуанетты не подчиняться новой Конституции. Сначала она хотела, чтобы Франция была запугана конгрессом соединенных держав. Она предупредила своих друзей за границей, чтобы они не поддавались на насмешку над ее взаимопониманием с фельетонными государственными деятелями; и когда Леопольд серьезно отнесся к принятой Конституции, как к освобождению от своих обязательств, она обвинила его в предательстве. 8 сентября, незадолго до принятия, Льюис конфиденциально написал, что не намерен терпеть во Франции никакой власти, кроме своей собственной, и что он желает восстановить ее с помощью иностранной помощи.

Идея вооруженного конгресса сохранялась до конца ноября. Но в течение недели с 3 по 10 декабря король и королева писали Державам, желая, чтобы они не обращали внимания на их

официальные действия, умоляя их сопротивляться требованиям, которые они выдвигали публично, и начать войну, и заверяя их, что Францию будет легко покорить и запугать. Они надеялись с помощью этой измены восстановить свою безраздельную власть. Все эти письма были вдохновлены, почти продиктованы Ферсеном.

Когда Леопольд начал более ясно понимать, что имела в виду его сестра, он изменил свою миролюбивую политику. 25 октября он говорит об усилении королевской власти путем контрреволюции во Франции. 17 ноября он приглашает Пруссию помочь ему 20 000 человек. 10 декабря он осуждает аннексию Францией немецких владений в Эльзасе. В соответствии с этим постепенным изменением Кауниц стал более жестким и дал понять, что любое нападение на курфюрста Тревского из-за защиты, которую он оказывал воинственным *эмигрантам*, встретит сопротивление имперских войск. Каждый шаг был максимально коротким. Переход от мира к войне, от бессмысленных протестов к решительному неповиновению был медленным и постепенным. Это началось в конце октября, когда стало известно истинное значение принятия Конституции, но вплоть до января изменение не было решающим, и тон по-прежнему был двусмысленным. 3 января письмо от королевы, наконец, доставило императора. По пути это обращение обратило Мерси, и Мерси 7 января написала письмо, которое вынудило Кауница уступить. Кауниц поседел от идеи союза с Францией и соперничества с Пруссией. Он смеялся над мистером Берком и теорией заражения. Он желал увековечить положение вещей, которое парализовало Францию из-за соперничества между королем и демократией. Восстановить власть короля дома означало усилить ее за границей. Кауниц хотел, чтобы законодательная власть держала это в узде; но наступил момент, когда он понял, что прогресс оппозиции, якобинцев, как их называли люди без разбора, точнее, жирондистов, переместил центр тяжести. То, что было низвергнуто в монархе, снова поднялось на Втором Собрании, и начала проявляться сила нации, нации, объединенной со своими представителями.

Кауниц, хотя и не разбирался в подобных вещах, в конце концов забеспокоился и решил, что единственный способ подавить Францию - помочь королю Франции. 5 января, после получения письма королевы от 16 декабря, он заявил, что Австрия поддержит курфюрста Тревского и даст отпор силой, если на него нападут за укрывательство *эмигрантов*. В тот же момент Леопольд решился на наступательный союз с Пруссией. Он объяснил изменение своей политики письмами, которые показали ему истинный образ мыслей королевы. 16 января Кауниц все еще верил, что другие державы откажутся сотрудничать. Но Пруссия была готова принять новый союз, если Австрия откажется от новой польской конституции от 3 мая. Леопольд заплатил оговоренную цену. 7 февраля он сдал поляков, чтобы быть сильным против Франции. Уже 25 января Кауниц сделал решающий шаг, перейдя от обороны к нападению. Он больше не говорит о свободе действий короля. Он требует возвращения папской территории в Авиньоне, аннексированной в результате действий папы против церковных законов. Он требует, чтобы немецким князьям вернули их эльзасские владения и чтобы не было никаких посягательств на имперские владения. И в общих чертах он требует восстановления монархии. Снова он написал в том же воинственном и вызывающем духе 17 февраля, когда была получена прусская подпись и когда он ожидал английской помощи для сохранения Бельгии. Тем временем Симолин, российский министр, который помог раздобыть роковой паспорт, прибыл в Вену с последним обращением королевы. В то время она чувствовала, что в опасности были не их жизни, а их власть. Верному Ферсену она написала, что надеется, что враг нанесет удар по дому, чтобы французы в своем ужасе могли молить короля о заступничестве.

Кауниц, выдвинув свой ультиматум на международной почве ссоры, отказался вмешиваться во внутренние дела. Но Симолин встретился с Леопольдом 25-го, и тогда император признал то, что отрицал его канцлер, - что причина была общей для всех коронованных особ. С этими многозначительными словами он покидает сцену. Пять дней спустя он был мертв.

Каждый шаг Австрии вперед усиливал воинственные настроения во французском законодательном органе. Но Делессар, через которого правительство поддерживало связь с иностранными державами, смягчал все и избегал провокаций. Даже нота от 17-го, которая была доставлена в Париж 27-го, не вызвала немедленного переполоха. Но Нарбонн считал, что пришло время претворить в жизнь свою военную политику, поскольку большинство теперь было на его стороне. Он пригрозил уйти в отставку, если не уйдет в отставку Бертран, который был кандидатом короля среди шести министров; и он отозвал свою угрозу только по примеру Лафайета и других генералов, которые должны были командовать. Льюис, возмущенный этой интригой, уволил не Бертрана, а Нарбонна. В ответ жирондисты объявили импичмент Делессару, который был отправлен в тюрьму 10 марта и погиб там в сентябре. Министр Фейян подал в отставку. Робеспьер, который разгадал расчеты двора и опасался, что война может укрепить руку, несущую знамя, воспротивился воинственному нраву и увлек за собой якобинцев. По этому вопросу жирондисты и якобинцы разделились на отдельные партии. Жирондисты склонялись к неизбежной Республике, потому что не доверяли королю; но они приняли Конституцию и не отвергли короля под низким давлением, как это было придумано вигами. Они были убеждены, что в случае войны Льюис вступит в интригу с врагом, будет обнаружен и окажется в их власти. "Хорошо, что нас предали, - сказал Бриссо, - потому что тогда мы уничтожим предателей". А Верньо, чье достоинство и возвышенность языка сделали его классиком, указал на Тюильри и сказал: "Ужас слишком часто исходил из этого дворца от имени деспота. Пусть это войдет сегодня во имя закона". Они подозревали, и подозревали искренне, что угрожающая нота из Вены была инспирирована в Париже. Они сформировали новое министерство, во главе с Дюмуре в Министерстве иностранных дел. Дюмуре дал Австрии определенный срок, чтобы она отказалась от своей политики принуждения Франции путем объединения сил; и поскольку Кауниц стоял на своем и поддерживал свои прежние политические заявления, 20 апреля Льюис объявил войну племяннику своей жены Франциску, королю Венгрии. Мария-Антуанетта одержала победу благодаря своему влиянию на собственную семью. Формально это была война не за ее освобождение, а война, объявленная Францией, которая могла быть обращена в ее пользу. Чтобы быть полезной для нее, операция должна была закончиться неудачей; и чтобы обеспечить поражение, она предала Венскому двору план операций, принятый на Совете накануне.

XIV

ДЮМУРЬЕ

Поскольку война чаще была причиной политических событий, чем следствием, будет удобно проследить за ходом военных действий до падения Дюмуре, отложив катастрофу монархии на следующую неделю.

17 февраля 1792 года Питт проинформировал Палату общин, что ситуация в Европе никогда не давала такой гарантии сохранения мира. Он все еще не осознавал опасности, заключенной в новой конституции Франции. Согласно этой Конституции, ни одно правительство не могло считаться легитимным, если оно не стремилось к свободе и не черпало свои полномочия из национальной воли. Все остальное - узурпация; а восстание против узурпированной власти - это долг. Права человека предназначались для общего применения и были не более специфически французскими, чем таблица умножения. Они были основаны не на национальном характере и истории, а на Разуме, который одинаков для всех людей. Революция была по существу всеобщей и агрессивной; и хотя эти последствия ее первоначального принципа были усердно подавлены Первым Собранием, они были провозглашены Вторым и побудили находящиеся под угрозой Державы вмешаться. Помимо этой разгорающейся причины, мотивы международного конфликта были неопределенными. Император настаивал на Авиньонском деле, нанесении ущерба немецким властителям, владевшим Эльзасом, соучастии Франции в бельгийских беспорядках и необходимости европейского согласия, в то время как французы отрицали основы европейского государственного устройства.

Дюмуре предложил отвести французские войска от границы, если Австрия больше не пришлет подкреплений, но в этот момент королева сообщила о готовящемся нападении на Льеж. Предложение показалось вероломным и спровоцировало ссору. Мария-Антуанетта отправила Гогелата, человека, которого не было на своем посту во время полета в Варенн, умолять вмешаться. Она также поделилась с Мерси своими соображениями относительно австрийского манифеста; и в этом письме, датированном 30 апреля, нет никаких признаков тревоги и пока нет намек на то, что Францию можно запугать непомерными угрозами. Дюмуре, желавший войны с Австрией, пытался вывести Пруссию из союза. Он пригласил короля выступить арбитром в эльзасском споре и пообещал с уважением отнестись к его награде. Он предложил расширить прерогативы, выплатить князьям компенсацию, *эмигрантам* было разрешено вернуться. Фредерик Уильям был равнодушен к этим достижениям. Он полагался на аннексию Эльзаса и Лотарингии, чтобы компенсировать ущерб обоим союзникам, и рассчитывал на успех, потому что его армия была самой прославленной из всех армий Европы. Он хотел восстановить *эмигрантов*, которые поддерживали бы его в борьбе против Австрии, а *эмигранты* надеялись, что он восстановит павший общественный порядок. "Лучше потерять провинцию, - говорили они, - чем жить по конституции".

Армией союзников командовал герцог Брауншвейгский, самый почитаемый и популярный принц своего времени. Собственная знаменитость сделала его инвалидом. Много лет назад маршал Мак-Магон сказал офицеру, с тех пор занимавшему высокий пост командования в Берлине, что армия лучше всего тогда, когда она состоит из солдат, которые никогда не нюхали пороха, опытных унтер-офицеров и генералов, которые еще только создают себе репутацию. Брауншвейг заработал себе репутацию при великом короле и боялся скомпрометировать ее. Недостаток предприимчивости делал его непригодным для занимаемой должности, хотя никто не сомневался в его способностях. Во Франции думали о нем как о командующем их армиями и даже о еще более высоком poste. Несмотря на бедствия, которые я собираюсь описать, пруссаки верили в него, и он снова был их лидером, когда они встретились с Наполеоном.

Армия, которую он повел за Рейн, не дотягивала до оговоренной численности на 35 000 человек. Франциск, новый император, не выполнил своих обязательств и отправился в экспедицию с разделенными мнениями.

Кауниц, которому было восемьдесят два года и который знал дела Европы лучше, чем кто-либо другой, осудил политику своего нового хозяина. Он утверждал, что они не знали, за что собираются бороться; что Льюис никогда не объяснял, какие изменения в Конституции его удовлетворили бы; что от недовольства ничего нельзя ожидать и ничего нельзя сделать для системы, которая вымерла. 2 августа он подал в отставку и уступил место людям, которые спекулировали на расчленении Франции и ожидали увидеть усохшую монархию на севере и конфедеративную республику на юге.

Все силы, собранные для вторжения, составляли около 80 000 человек, из которых половину составляли пруссаки. Когда они собрались на Рейне, стало необходимо объяснить французскому народу, зачем они пришли и что намеревались делать. Штаб-квартира находилась во Франкфурте, когда на месте происшествия появился конфиденциальный эмиссар Людовика XVI Малле дю Пан. Малле дю Пан не был ни блестящим писателем, как Берк, Де Местр и Генц, ни оригинальным и конструктивным мыслителем, как Сийес; но он был самым проникновенным из всех политиков, наблюдавших за ходом Революции. Как женеvский республиканец, он подошел к изучению французских дел без предубеждения по отношению к монархии, аристократии или католицизму. Либерал поначалу, подобно Мунье и Малуэ, он стал таким же враждебным, как и они; и его показания, которые были просвещенными и мудрыми, стали угрюмыми и монотонными, когда его дело было проиграно, пока австрийским государственным деятелям, с которыми он переписывался, не надоели его ограниченные взгляды. Он поселился в Англии и там умер. Поскольку он был не из тех, кто способен предложить глупость, его выслушали со вниманием. Он предложил союзникам объявить, что они воюют против якобинства, а не против свободы, и не будут выдвигать никаких условий до тех пор, пока король не восстановит свою законную власть. Если он будет ранен, они совершат ужасную месть.

Пока европейская дипломатия во Франкфурте манипулировала текстом Маллета, Мария-Антуанетта, действуя через Ферсена, нарушила их совет. Королева поняла, как управлять своим пером и сдерживать язык эмоций. Но после 20 июня она не могла сомневаться, что готовится еще одно, более жестокое возмущение и что республиканцы нацелены на смерть короля. Выражения, в которых она высказала свою веру, перевесили совет трезвого женеvца. "Спаси нас, - писала она, - если еще не пришло время. Но нельзя терять ни минуты". И она потребовала такого потрясающего заявления о намерениях, которое сокрушило бы дерзость Парижа. Монморен и Мерси были убеждены, что она права. Малуэ единственная из политиков-роялистов ожидала, что предложенная ею мера принесет больше вреда, чем пользы. Ферсен, к которому были обращены ее мольбы, нанял *эмигранта* по имени Лаймон для составления соответствующего случаю манифеста, и Лаймон, получив верительные грамоты от Мерси, представил свое сочинение союзным государям. Он объявил, что республиканцы будут истреблены, а Париж разрушен. Берк уже писал: "Если когда-нибудь иностранный принц въедет во Францию, он должен въехать в нее как в страну убийц. Цивилизованная война применяться не будет; и французы, действующие в соответствии с нынешней системой, не вправе ожидать этого". Сам Малле дю Пан заявил, что не должно быть пагубного милосердия и

что гуманность была бы преступлением. На самом деле разница между его тоном и фанатиком, пришедшим ему на смену, была невелика.

Манифест, исходивший от королевы, имевший санкцию Ферсена, Милосердия, Буйе, был немедленно принят императором. Пруссак ввнес некоторые изменения, и Брауншвейг подписал его 25 июля. В то время у него были дурные предчувствия, и впоследствии он сожалел, что не умер до того, как приложил к этому руку. Мерси, когда было уже слишком поздно, пожелала заменить это заявление другим. Прусские министры не допустили публикации текста в Берлине. Они позволили автору погрузиться в нищету и безвестность. Он действовал в духе *эмигрантов*.

27 июля принцы опубликовали собственное заявление о том, что не только Париж должен пострадать от чрезвычайного военного положения, но и все города, в которые может быть доставлен король, если его удалят из столицы. Бретей, хотя и жаловался на то, что захватчики проявили невыносимое милосердие, не одобрил второе воззвание. Но Лаймон потребовал разрушения Варенна, и *эмигранты* ожидали, что по ходу дела к населению будут применены суровые меры. Идея прибегнуть к таким ужасным угрозам, чтобы внушить ужас на расстоянии 300 миль, была фатальной для тех, кто ее предложил; но опасность была непосредственной, и последствия бездействия были неизбежны, поскольку намеченные противники Тюильри находились на марше из Тулона и Бреста. Не было такой уверенности, что король не сможет защитить себя. Манифест был отчаянным средством в проигранном деле, и не ясно, сработали бы ли более мудрые и умеренные слова лучше. Текст был опубликован в Париже только 3 августа. Союзники находились слишком далеко, чтобы к их угрозам можно было относиться серьезно, и они не несут ответственности за последствия, которые уже были подготовлены и ожидались. Но их манифест укрепил руки Дантона, обеспечил триумф буйствующих слоев и подсказал, как можно использовать террор в революциях. Это способствовало падению монархии и еще большему разгрому роялистов три недели спустя. Оружие, выкованное людьми, неспособными им воспользоваться, было взято на вооружение их врагами и послужило делу, которое оно должно было разрушить.

Декларация объединила французский народ против ее авторов. Республиканцы, которым он угрожал и которых осуждал, стали назначенными руководителями национальной обороны, и дело Республики стало отождествляться с безопасностью нации. Чтобы противостоять вторжению и уберечь Париж от участи Иерусалима, армия подчинилась доминирующей фракции. Роялистский элемент исчез из ее рядов. Лафайет предпринял последнюю попытку отстоять Конституцию, но его люди дали ему отпор. Он перешел на территорию империи, и был заключен в тюрьму как виновный в организации революции. Дюмурье унаследовал его командование и присоединился к новому правительству. Из 9000 офицеров королевской службы 6000 подали в отставку и, по большей части, эмигрировали. Их места были заполнены новыми людьми. В 1791 году было зачислено 100 000 добровольцев, которые пользовались привилегией самостоятельно избирать своих офицеров. Это стало народной силой, и новобранцы предпочитали ее линейным войскам, где дисциплина была строже, а избранные командиры были неизвестны. Люди, которые теперь вышли из рядов армии, оказались лучшими профессиональными солдатами, чем прекрасные джентльмены, которых они заменили. Талант не мог не пробиться. Эти офицеры-добровольцы 1791 и 1792 годов включали

большинство людей, которых долгая война возвысила до высокого положения. Среди них были семнадцать из двадцати шести маршалов Наполеона.

19 августа, через четыре месяца после объявления войны, союзники вступили во Францию по реке Мозель. Одна французская армия находилась слева от них в Меце, а другая справа вдоль цепи крепостей Вобана, с незащищенным промежутком между ними. Чтобы расширить брешь, они осадили Лонгви, ближайшее укрепленное место, и взяли его после слабого сопротивления 24 августа. Когда новость распространилась, настал момент тревоги, и Совет обороны предложил отступить из столицы. Дантон заявил, что скорее сожжет Париж дотла, чем оставит его врагу. Лавернь, который так неудачно оборонялся при Лонгви, впоследствии был приговорен к смертной казни. Он был обескуражен несчастьем, но его жена закричала, что погибнет вместе с ним, и судьи удовлетворили ее молитву. Она старалась дать ему утешение и мужество на этом пути, и они были гильотинированы вместе.

Из Лонгви пруссаки двинулись на Верден, который сдался 2 сентября после однодневной бомбардировки, и между ними и столицей не было крепостного вала. В нескольких милях за Верденом дороги на запад пересекали Аргонну, невысокую, поросшую лесом гряду холмов, прорезанную в пяти местах узкими ущельями, которые было легко оборонять. Затем начались открытые земли Шампани и долина Марны, ведущие без естественных или искусственных препятствий к Парижу.

7 сентября Питт написал, что ожидает от "Брансуика" скорого достижения своей цели. На его фронте не было врага, в то время как на своем фланге Дюмуре цеплялся за свои пограничные укрепления, убежденный, что остановит вторжение, если будет угрожать австрийцам в Брюсселе, где они были ослаблены недавним восстанием и гражданской войной. Французское правительство отвергло его дерзкий проект и приказало ему двинуться на Шалон и прикрыть сердце Франции. В Седане Дюмуре слышал на расстоянии тяжелую стрельбу и знал, что Верден атакован, но не мог продержаться. Он быстро изменил свой план, отложив поездку в Бельгию, но ненадолго, и вернулся к лесным перевалам, которые он собирался сделать такими знаменитыми. "Это Фермопилы Франции, - сказал он, - но я намерен добиться большего, чем Леонид".

Брауншвейг, отложив свой утомительный марш на десять дней, в то время как Бретей организовал новую администрацию в Вердене, дал французам время укрепить свои позиции. Прежде чем двинуться вперед, он указал на карте место, где намеревался остановиться 16-го числа, и люди впервые услышали историческое название Вальми. 14-го Клерфайт вместе с австрийцами форсировал один из перевалов и повернул французов влево. С наступлением темноты Дюмуре покинул Фермопилы быстрее, чем его соперник Леонид, и обосновался на большой дороге в Шалон, напротив южного ущелья Аргонны, которое простирается между Клермоном и Сен-Мену, где Друэ ехал в погоне за королем. Его пехота столкнулась с прусскими солдатами и обратилась в бегство. Десять тысяч человек, писал он, были обращены в бегство пятнадцатью сотнями гусар.

Наполеон сказал на острове Святой Елены, что считает себя смелее любого когда-либо жившего генерала, но он никогда бы не осмелился занять позицию, которую занял Дюмуре. Он был в меньшинстве, три к одному. Самый предприимчивый из генералов союзников перехитрил

его и выгнал из своей крепости, а его новобранцы отказались встретиться лицом к лицу с врагом. Он ни на минуту не терял уверенности в себе, ибо время, потраченное впустую под Верденом, дало ему представление о своих противниках. Он вызвал Келлермана с армией из Меца и Бернонвиля с 10 000 человек из Лилля, и они прибыли как раз вовремя, 19-го числа. Бернонвиль, когда в подзорную трубу он увидел регулярную армию в боевом порядке, встревожился и отступил, думая, что это, должно быть, Брауншвейг. Это оказался Дюмурье, и утром 20 сентября он был во главе 53 000 человек, а союзники собирались у него перед носом. Пруссаки прошли через лес по оставленному им перевалу, и когда они повернулись к нему лицом, то увидели, что стоят спиной к огромной каталаунской равнине, которую пересекала большая дорога на Париж. Они пробыли во Франции месяц и не встретили сопротивления. Лафайет дезертировал. Военный крах был настолько очевиден, что полковник пехоты, выходя маршем из Лонгви, бросился в реку, а губернатор Вердена прострелил ему мозги.

Успех Клерфайта 14-го числа и разгром на следующий день вселили надежды в немцев, и 19-го числа они написали, что обращают врага вспять и уверены в его уничтожении, если он будет достаточно опрометчив, чтобы дожидаться их атаки. Из своей люксембургской тюрьмы Лафайет призывал их идти вперед и намекал, что Дюмурье, возможно, удастся склонить к объединению с ними для спасения короля.

Поэтому утром 20 сентября, когда туман поднялся над французской армией, расположившейся на невысоких холмах перед ними, в прусском лагере царила радость, и батальоны, прошедшие подготовку в Потсдаме под присмотром великого короля, к восхищению Европы, впервые приняли республиканский огонь. Их было 34 000. Келлерман противостоял им с 36 000 человек и 40 орудиями против 58. Вскоре выяснилось, что дела идут не так, как ожидали захватчики. Французских солдат канонада не испугала. Бернонвиль подъехал к одному из своих полков и приказал им залечь, чтобы дать дорогу для выстрелов. Они отказались повиноваться, пока он выставлял себя напоказ верхом на лошади. После того, как артиллерии было предоставлено время подействовать на нервы республиканцев, прусская пехота приготовилась к атаке. Гувийон Сен-Сир, единственный генерал своего времени, которого Наполеон признавал равным себе, считал, что французы не устояли бы в ближнем бою. Но слово наступать так и не было дано.

Секрет войны, сказал Веллингтон, заключается в том, чтобы выяснить, что происходит по другую сторону холма. Когда несколько дней спустя Брансуик проезжал по полю, офицер штаба спросил его, почему он не двинулся вперед. Он ответил: "Потому что я не знал, что находится за холмом". В резерве Дюмурье находилось 16 000 человек. Он отправил на фронт столько, сколько было необходимо для пополнения линии Келлермана, и оставил своему коллеге ту часть, для которой тот был пригоден. За свое поведение в тот день Келлерман был назначен маршалом империи и герцогом Вальми; но весь мир знал, что это событие произошло благодаря мозгу человека на заднем плане. Когда французы потеряли 300 человек, не дрогнув, пруссаки прекратили огонь и разорвали сражение. Их потери составили всего 184 человека. И все же это третьесортное и посредственное сражение, наряду с Ватерлоо и Геттисбергом, причислено к решающим битвам истории; и Гете был не единственным человеком, который знал, что открывшаяся перед ним сцена была началом новой эпохи для человечества. Имея 36 000 человек и 40 орудий, французы остановили наступление Европы не искусной тактикой или прикосновением стали, а моральным эффектом своей стойкости, когда они встретились с лучшей из существующих армий. Нация обнаружила, что Континент находится в ее власти, и война, начатая за спасение монархии, превратилась в войну за экспансию Республики.

Она была основана в Париже и укреплена в Вальми. И все же ни одно военное событие не было менее решающим. Французы стояли на своем, потому что на них никто не нападал, и на них не нападали, потому что они стояли на своем. Пруссак потерпели стратегическое, хотя и не тактическое поражение. Вернувшись в свой лагерь, они отказались от целей, ради которых они отправились на войну, от провинции, которую они оккупировали, и от престижа Фредерика. У них больше не было численного преимущества, а без превосходства в численности не могло быть и речи о прорыве к Парижу.

Цель вторжения была недостижима силой, но чего-то можно было добиться путем переговоров, если бы они были предприняты до того, как применение силы окончательно потерпело неудачу. Они несли большие потери из-за болезней и нужды, в то время как французские рекруты прибывали рекой. Поэтому Дюмуре хотел выиграть время. Секретарь короля был схвачен, и он отправил его с предложениями, заявляя, что намеченное наступление на Париж безнадежно и что у Пруссии больше общих интересов с Францией, чем с Австрией. Фредерик Вильгельм сразу же отказался от первоначальных требований. Сейчас он не делал никаких оговорок относительно будущего правительства Франции или обращения *сэмигрантами*. Он только потребовал, чтобы Люис был восстановлен таким образом, который мог бы показаться Франции выгодным, и чтобы пропаганде революции был положен конец. Эта пропаганда была одним из орудий, с помощью которого французы сдерживали и ставили в тупик поборников европейского абсолютизма, и было очевидно, что их успех при Вальми воодушевит их. И говорить от имени заключенного монарха было делом чести. Но это стало бесполезным занятием. Дюмуре выпустил газету с декретом нового Собрания об отмене монархии. Трудно было сказать, что союзники сейчас делают на французской земле. "Сделайте что-нибудь для короля, - сказал Брауншвейг, - и мы уйдем". Австрийцы были бы удовлетворены, если бы он был всего лишь штатгальтером. Келлерман пообещал, что мир может быть достигнут, если его отправят обратно в Тюильри. Было уже слишком поздно. Принц, от имени которого союзники вторглись во Францию, теперь был заложником во власти своих врагов; все, чего они могли добиться, - это обещания не переносить революцию в другие страны. Их положение с каждым днем становилось все опаснее, а Дюмуре становился все сильнее.

В конце сентября Фредерик Уильям бросил Люиса на произвол судьбы. Он способствовал своему свержению с престола, въехав во Францию, и он способствовал своей казни, покинув ее. Он не чувствовал, что заслужил столь чудовищное унижение. Если бы австрийцы присоединились, как они обещали, со 100 000 человек, поход на столицу был бы возможен при наличии энергичных командиров. И король мог с полным основанием сказать, что он одобрял смелые планы и был сбит с толку нерешительностью главнокомандующего. Он попытался, бросая намеки на нейтралитет, уйти без дальнейших потерь. Дюмуре рассчитал, что каждая атака будет еще теснее спланирована союзников, и воздержался от назойливых действий против них. В начале октября они покинули завоеванную провинцию и отступили к Рейну, преследуемые несколькими случайными выстрелами, в то время как Дюмуре поспешил в Париж, где его приветствовали как спасителя своей страны.

Вторжение 1792 года разбудило притаившегося льва, и французы после легкой и победоносной обороны перешли в атаку. Пока захватчики стояли на месте, слишком слабые, чтобы наступать, и слишком гордые, чтобы отступать, началось завоевание Европы. Король Сардинии, как тесть

графа д'Артуа, посвятил себя контрреволюционной политике и плану нападения на Лион. Из всех европейских монархов, начиная с убийства Густава, он был самым враждебным. Армия под командованием Монтезкье заняла Савойю и Ниццу без сопротивления, и народ с готовностью принял новую систему. Неделью спустя Кюстин захватил левый берег Рейна, где крошечные светские и церковные территории, лишенные единства, были легкой добычей. Декларация прав, сказал губернатор Моррис, оказалась столь же действенной, как трубы Иисуса Навина. 21 октября пал Менц, а Кюстин занял Франкфурт и пополнил свой военный бюджет. Эта экскурсия в центр империи не была санкционирована государственной политикой. Уже оформлялась идея, что безопасность Франции требует наличия оправданной и исторической, или, как они ненаучно называли это, естественной границы по Рейну, и что великий конфликт с Австрией должен быть перенесен в Италию. Германия была страной вооруженных людей, и ее лучше было оставить в покое. В Италии у австрийцев были бы только их собственные ресурсы для ведения войны. Их самым уязвимым местом было отдаленное бельгийское княжество, такое далекое от Вены и такое близкое к Парижу.

Теперь Дюмуре был свободен нанести удар, которым он надеялся остановить вторжение, поскольку Сципион изгнал Ганнибала из Италии, высадившись в Африке. Ведя войну в этом направлении, он оккупировал бы империалистов и не вызвал бы негодования Пруссии. Страна не так давно была умиротворена, и это представляло необычную черту: консерваторы и либералы были одинаково патриотичны и непокорны. Как место, где недовольство способствовало бы войне, именно там должным образом начался бы процесс европейской революции. 19 октября Дюмуре принял командование 70 000 человек в регионе, который он удерживал перед своим фланговым маршем к Аргонне. Одним из его помощников был перуанский авантюрист Миранда, чья миссия заключалась в том, чтобы использовать движение в Европе для спасения Испанской Америки. Другой был известен как принц Эгалитэ-старший, чье прекрасное будущее уже предвидели и Дюмуре, и Дантон.

Во время операций в Шампани австрийцы начали осаду Лилля, и с переломным моментом они отошли через границу и заняли сильную позицию в Жемапе, напротив Монса, с 13 000 человек. Клерфейт снова был во главе их; и когда 6 ноября он увидел приближающуюся французскую армию численностью почти в 40 000 человек, он, подобно Нельсону в смертный час, появился во всех своих звездах и золотых галунах, чтобы его люди, увидев его, воспрянули духом. Он потерпел поражение, и на следующий вечер в театре Монса Дюмуре был встречен фламандскими патриотами. Неделью спустя он был в Брюсселе, а еще до конца месяца стал хозяином Бельгии. Голландия была беззащитна, и он намеревался завоевать ее; но Антверпен уже находился во власти франции, и его правительство опасалось, что Англия встанет на защиту голландцев. Они приказали ему выступить на Кельн и завершить завоевание Рейна.

Декретом от 19 ноября Конвент выразил сочувствие и помощь каждому народу, боровшемуся за свободу; но вскоре появились раздвоенные копыта аннексии, и было признано, что война будет продолжаться, что финансовые потребности Франции могут быть удовлетворены за счет населения, доставленного французским оружием. Эти вещи оскорбляли политическое, если не моральное чувство Дюмуре. Он отдалился от Конвенции; и поскольку Англия вступила в войну после смерти короля, не было никакого рассмотрения политики защиты Голландии. Вторжение было предпринято и сразу же провалилось. Австрийцы под командованием герцога Кобургского, который в тот день основал огромное состояние своего дома, вернулись с большими силами и дали сражение при Неервиндене, недалеко от полей Ландена и Рамиллиса.

Здесь 18 марта Клерфе разгромил левое крыло Дюмуре и вернул себе бельгийские провинции так же внезапно, как он потерял их четырьмя месяцами ранее.

Дюмуре уже решил договориться с империалистами о совместных действиях против царевичей. Через пять дней после своего поражения он сообщил Кобургу, что при его поддержке поведет свою армию на Париж, разогнет Конвент и установит конституционную монархию безэмигрантов. Он пообещал, что лучшая часть его войск последует за ним. Добровольцы были якобинцами; но регулярные войска завидовали добровольцам и подчинялись своему генералу. Пока он прокладывал себе путь, враждебно настроенные офицеры наблюдали за ним и докладывали о том, что происходит в лагере нового Валленштейна. Дважды якобинцы пытались предотвратить опасность. Они пригласили Дюмуре в Париж, чтобы он встал во главе их и одолел большинство жирондистов, и наняли людей для его убийства. Наконец они послали военного министра в сопровождении четырех заместителей арестовать его. Должен был быть и пятый, но он не прибыл вовремя, и его отсутствие спасло Францию. Ибо Дюмуре схватил посланцев Конвента и передал их Кобургу в качестве заложников в обмен на жизнь королевы. Депутатом, который не явился, был Карно. После этого Дюмуре был брошен своими людьми и бежал в австрийский лагерь. Он прожил тридцать лет. Он стал одним из самых проницательных наблюдателей за карьерой Наполеона и был доверенным корреспондентом Веллингтона по вопросам искусства, которое они так хорошо понимали. Будущий "король франции", перешедший на сторону врага вместе с ним, оставался верен своему вождю во время странных превратностей их жизни; и при Реставрации он попросил, чтобы его произвели в маршалы. "Как вы могли подумать, - с гордостью заметил Дюмуре, - что они забыли Аргона?"

20 июня следующего года Луи Филипп приехал в город из Твикенхема, чтобы узнать новости из Нидерландов. Его сыновья до сих пор помнят место, где он застал своего старого командира жестикулирующим на тротуаре в Хаммерсмите, и узнали от него, как великая война, начавшаяся с их победы при Вальми, закончилась при Наполеоне при Ватерлоо.

XV

КАТАСТРОФА МОНАРХИИ

Это событие оправдало расчеты жирондистов. Через четыре месяца после объявления войны трон пал, а король оказался в тюрьме. После Дюмуре главными членами нового министерства были женевец Клавьер, один из советников Мирабо и покровитель ассигнаций, Серван, заслуженный офицер, более известный нам как заслуженный военный историк; и Ролан, жена которого разделяла, хотя и в меньшей степени, общественное влияние и интеллектуальную знаменитость мадам де Сталь.

Дюмуре, министр иностранных дел, является одной из величайших фигур революции. Он был скорее чрезмерно умен, чем велик, приятен и изобиловал находчивостью, не только хладнокровен в опасности, каким и должен быть командир, но и непоколебим и жизнерадостен, когда казалось, что надежда потеряна, и готов встретить ветеранов Фредерика недисциплинированными добровольцами и офицерами, оставшимися от королевской армии.

Без принципов, убеждений или даже угрызений совести, он не обладал ни малейшей бесчеловечностью догматичных революционеров. Королю, которого он презирал, он сказал: "Я часто буду вызывать твое неудовольствие, но я никогда не обману тебя". Он не был соучастником заговора с целью скомпрометировать его и погубить войной, и спас бы его, если бы заслуги награда были его собственными. Он не очень хорошо начинал ни в военном, ни в мирном искусстве. Он использовал всю свою дипломатию, все деньги своей секретной службы в попытке добиться нейтралитета Пруссии. Ничто не могло противостоять возмущению пруссаков французской политикой и их презрению к французскому оружию. Офицеры получили приказ готовиться к маршу на Париж, и им в частном порядке сообщили, что это будет всего лишь парад. Первая встреча с австрийцами на бельгийской земле подтвердила это убеждение, поскольку французы развернулись и бежали, убив одного из своих генералов.

Авторитет Дюмуре был поколеблен, и лидеры жирондистов, которые не могли положиться на него в том, что он направит предстоящую кампанию на осуществление своих планов, вновь подняли вопрос о духовенстве. 27 мая Верньо издал указ, отдающий невиновных на милость местных властей и угрожающий им произвольным изгнанием как врагов народа во время национальной опасности. Если бы король санкционировал это, он был бы изолирован и унижен. Если бы король наложил вето, у них были бы средства поднять против него Париж, не дожидаясь превратностей войны или сотрудничества Дюмуре. Мадам Ролан написала письмо королю, и ее муж подписал его 10 июня, в котором говорилось, что для безопасности самих священников их следует отослать подальше от опасного места. Ролан, гордый сочинением, отправил его в газеты. Министерство жирондистов было немедленно распущено. Дюмуре остался, попытался сформировать администрацию без участия коллег-жирондистов, но не смог преодолеть сопротивление короля акту изгнания. 15 июня он подал в отставку и принял командование на границе. Большинство в Собрании по-прежнему оставалось верным Конституции 1791 года и выступало против дальнейших изменений; но отклонение их декрета против роялистского духовенства оттолкнуло их в критический момент. Льюис потерял почву под ногами у своих друзей; он разозлил жирондистов; и он лишился услуг последнего человека, который был достаточно силен, чтобы спасти его.

15 Июня высокопоставленный чиновник из администрации департамента был в Мобеже с визитом к Лафайету. Его звали Редерер, и мы еще встретимся с ним. Он высоко поднялся при Наполеоне и является одним из тех, кому мы обязаны нашими знаниями о характере императора, а также о событиях, о которых я собираюсь рассказать. Его беседа с генералом была прервана сообщением из Парижа. Лафайета отозвали; и Редерер из соседней комнаты услышал радостные восклицания офицеров. Новостью было падение министерства жирондистов, и Лафайет, чтобы укрепить позиции короля, обратился к Собранию с письмом, в котором протестовал против нелиберальных и неконституционных тенденций того времени. Его письмо было зачитано 18-го. Формировалось новое министерство, состоящее из фельянов и людей, дружественных Лафайету, один из которых, Терьер де Монсель, пользовался доверием короля. На стороне оппозиции были жирондисты, разгневанные и встревоженные своим отстранением от власти, более бескомпромиссные якобинцы, Петион во главе коммуны, а за Петионом настоящий хозяин Парижа Дантон, окруженный группой своих сторонников, Панис и Сержант в полиции, Демулен и Фрерон в прессе, лидеры населения, такие как Сантер и Лежандр, и над всеми ними эльзасский солдат Вестерманн.

С Дантоном и его последователями мы достигаем низшей стадии того, что еще можно назвать конфликтом мнений, и приходим к неприкрытой алчности и мстительности, к жестокому инстинкту и отвратительной страсти. Все эти элементы были очень близки к поверхности на предыдущих этапах Революции. На данном этапе они вот-вот возобладают, и человек действия выдвигает себя на место соперничающих теоретиков. Робеспьер и Бриссо были политиками, которые не брезговали преступлениями, но это было на службе той или иной формы демократической системы. Даже Марат, самый ужасный из них всех, который требовал не только убийства, но и пыток, и чья свирепость была отвратительной и гротескной, даже Марат был послушен своей собственной логике. Он просто принял естественное состояние и примитивный договор, в которые верили тысячи его современников. Бедняки согласились отказаться от прав дикой жизни и прерогативы силы в обмен на блага цивилизации; но, обнаружив, что соглашение нарушено с другой стороны, обнаружив, что высшие классы правят в своих собственных интересах и оставляют их в нищете и невежестве, они вернулись к условиям варварского существования перед обществом и были вольны брать то, что им требовалось, и подвергать какому угодно наказанию людей, которые извлекли выгоду из их страданий. Дантон был всего лишь сильным человеком, который желал сильного правительства в интересах народа и в своих собственных. С точки зрения доктрины, его мало что заботило, кроме облегчения положения бедных путем обложения налогами богатых. Он не испытывал симпатий к партии, которая собиралась на заднем плане, целью которой было не только сокращение неравенства, но и установление фактического равенства и повышение социального уровня. За пределами этого оставалось место для более радикального развития логики демократии; но величайшие перемены в современном мире были совершены Дантоном, поскольку именно он сверг монархию и установил Республику.

Когда Льюис отправил в отставку своих министров, Дантон воскликнул, что пришло время нанести удар террора, и 20 июня он исполнил свою угрозу. Это была годовщина Теннисного корта. Была организована чудовищная демонстрация, чтобы посадить дерево свободы или подать петицию — на самом деле, чтобы внушить благоговейный страх Ассамблее и королю. Ожидалось, что король погибнет в этой суматохе, но ничего определенного не было решено, и убийца не был назначен. Достаточно было того, что он уступил, оставил своих священников и принял своих министров из народа. Это было все, чего требовали жирондисты, и на большее они не согласились. Королю придется выбирать между ними и их временными союзниками, Кордельерами. Если он уступит, его пощадят; если он будет сопротивляться, его убьют. Нельзя было опасаться, что он будет сопротивляться и все же выйдет живым. Король понял стоящую перед ним альтернативу, сделал свой выбор и приготовился умереть. Приведя в порядок свой дом, 19-го числа он написал, что покончил с этим миром.

Людовик XVI. у него не было способности разработать политику или энергии для ее проведения, но он обладал способностью усвоить принцип. Наконец-то он почувствовал, что почва под его ногами стала твердой. Он больше не плыл по течению, не искал совета и не допускал никаких тревожащих расспросов. Если он падет, то падет за дело религии и за права совести. Правильное название прав совести - свобода, и поэтому он был верен себе и собирался закончить так же, как начал, в образе короля-либерала и реформатора. Когда наступило утро, наступил момент колебания. Участники тихоокеанских беспорядков спросили, что произойдет, если охрана откроет по ним огонь. Сантер, шедший во главе их, ответил: "Маршируйте дальше и не бойтесь, Петион будет там". Они представили свою петицию, осквернились перед Собранием и направились во дворец. Не следовало думать о том, что после того, как они были

допущены представителями нации, низшая держава должна отказать им в доступе. Одна преграда за другой поддавались, и они хлынули в комнату, где в нише окна их ожидал король в сопровождении четырех или пяти стражников. Они хорошо прикрывали его, потому что, хотя в толпе были люди, которые наносили ему удары мечом и пикой, он остался невредим. Они требовали, чтобы он восстановил Ролана в должности и отменил свое вето, поскольку это было общим пунктом между жирондистами и их жестокими единомышленниками. Лежандр зачитал оскорбительное обращение, в котором называл короля предателем. Сцена длилась более двух часов. Через некоторое время появились Верньо и Иснар, и их присутствие служило защитой. Наконец вошел Петион, которого несли на плечах гренадеры. Он заверил толпу, что король исполнит волю народа, когда страна покажет, что согласна со столицей; он сказал им, что они выполнили свой долг, а затем, проявив снисходительность, выгнал их вон.

Это тяжкое унижение знаменует собой самый возвышенный момент в правлении Людовика XVI. Он стоял там, с красной шапочкой свободы на напудренной голове, не только бесстрашный, но и веселый и безмятежный. Он был во власти своих врагов и терпеливо бросал им вызов. Он не сдался и не пошел на уступки, пока его жизни угрожала опасность. Жирондисты не были отозваны, и движение потерпело неудачу. На данный момент эффект был вреден для революционной партии и полезен королю. Было ясно, что угрозы и возмущение не тронули бы его и что требовалось нечто большее, чем нерешительные меры Жиронды.

Возмущение от 20 июня было оскорбительным ответом на письмо Лафайета от 16-го, и пришло время для чего-то большего, чем просто написание писем. Его письмо было хорошо принято, и Ассамблея распорядилась напечатать его. Жирондисты, притворившись, что оно не может быть подлинным, предотвратили голосование по вопросу о его рассылке по департаментам. Он мог рассчитывать на фельетонное большинство, на министерство, состоящее из его сторонников, на свою популярность в Национальной гвардии. Поскольку он стоял во главе армии, его совет королю принять политику сопротивления подразумевал, что он поддержит его в этом. Теперь он еще раз написал, что никогда не сможет удержать свои позиции против пруссаков, если положение вещей в столице не изменится. Утром 28 июня, сразу после своего письма, он появился в Ассамблее и осудил сеятелей беспорядков, которые дезорганизовывали государство. Получив одобрение 339 голосами против 234, он обратился к Национальной гвардии с просьбой поддержать его в борьбе с якобинцами. Он созвал собрание своих друзей, но из-за влияния Двора оно провалилось, и он был вынужден вернуться в свой лагерь, ничего не добившись. Он представил себе еще один шанс. Теперь он выдвинул своего коллегу, генерала Лакнера, который был некомпетентен, но, не будучи политиком, не вызывал недоверия, и они вместе должны были спасти короля и доставить его в город-убежище.

Теперь революционеры могли строить свои планы, не опасаясь армии. Они вызвали *федералов* из департаментов на годовщину 14 июля, и было решено, что из Бреста и Марселя будут присланы крепкие мужчины, чтобы быть в их распоряжении, когда они нанесут последний удар. На Париж нельзя было положиться. Провал там был полным. 21 и 25 июня кордельеры попытались возобновить, с большим эффектом, атаку, которая была сорвана 20 июня из-за разделения целей. Но их люди не двигались с места. Министр Монсель отдал приказ, чтобы департаменты не отправляли *федералов* в Париж, и ему удалось остановить всех, кроме пары тысяч. Ничего нельзя было предпринять, пока не придут контингенты из морских портов.

Кризис был отложен, и несколько недель июля прошли в парламентской войне. Здесь жирондисты имели преимущество; но Фейяны составляли большинство в Собрании, в то время как якобинцы имели верховенство в Париже. Жирондисты были вынуждены проводить политику одновременно извилистую и слабую. Республика отдала бы власть одному из своих врагов, как Монархия отдала ее другому. Все, что они могли сделать, это усилить враждебное давление на короля в надежде примирить его с ними. Они колебались между открытым нападением и тайными переговорами и предложениями защиты.

Льюис был склонен принять план своего освобождения, который был разработан его министрами совместно с генералами. Его должны были доставить в Компьень, в пределах досягаемости армии. Но армия означала Лафайета, а Лафайет согласился бы только на восстановление короля в качестве наследственного главы содружества, который должен царствовать, но не управлять. Королева отказалась править в таких условиях или быть спасенной такими руками. Безопасность для нее заключалась во власти, а не в ограничениях власти. Священной вещью была древняя корона, а не новая Конституция. Лалли Толлендал приехала из Англии, посовещалась с Малуэ и Клермоном Тоннером и убедила ее согласиться. Моррис, чье умелое перо придало окончательную форму американской конституции пять лет назад, помог им в составлении измененной схемы правления, которая должна была быть провозглашена, когда они станут свободными. Но сильная воля и еще более сильная страсть королевы взяли верх. Когда все было точно согласовано и швейцарские войска выступили на встречу, король отменил свои приказы, и 10 июля министерство Фейяна ушло в отставку, и жирондисты снова увидели власть в своих руках. Они яростно осуждали короля как причину всех бед государства, и 6 июля штурм был на мгновение прерван эмоциональной сценой, когда епископ Лионский добился проявления единодушия в присутствии врага.

11 июля Ассамблея провела голосование, объявив, что страна в опасности, а 22-го это было провозглашено под звуки пушек. Это был призыв к оружию, который передал диктаторскую власть в руки правительства. Были предложены различные планы, чтобы отделить эту власть от исполнительной, и идея, которая впоследствии переросла в Комитет общественной безопасности, теперь стала всем известна. 14 июля на Марсовом поле отмечалась годовщина взятия Бастилии и провозглашения Федерации 1790 года; король с тяжелым сердцем подошел к алтарю, где поклялся в верности Конституции; и народ в последний раз видел его публично, пока не увидел на эшафоте. Это было ближе к концу июля, когда жирондисты увидели, что король не примет их обратно и что опасность якобинского восстания, направленного как против них, так и против трона, быстро приближалась. Их последней картой было регентство, которым они должны были управлять от имени дофина. Верньо предложил королю создать в свой Совет четырех видных членов Учредительного собрания без занимаемых должностей, чтобы компенсировать безвестность своих новых министров. В тот момент, когда стало известно о декларации Брауншвейга, некоторые из сорока восьми секций, в которых обсуждался народ Парижа, потребовали свержения короля, и прибывшие 30-го числа марсельцы численностью в пятьсот или шестьсот человек позволили это осуществить.

Эти события, совпавшие почти с точностью до дня, передали власть от Собрания муниципалитету, а от жирондистов - якобинцам, которые держали муниципалитет в своих руках и управляли механизмами, работавшими на участках. В письме, написанном для вручения королю, Верньо утверждал, что невозможно отделить его от союзников, которые взялись за оружие ради него и чей успех был бы столь благоприятен для его авторитета. Это был аргумент,

на который не мог ответить ни один роялист. Страна была в опасности, и причиной этой опасности был король. 20 июня была нарушена Конституция. Король не мог посвятить себя поддержанию системы, которая подвергала его такому обращению и позволяла его противникам распоряжаться всеми силами таким образом, что оставлял его на милость самого наглого и бесчестного сброда. У него не было инстинктов деспота, и он легко удовлетворился бы разумными поправками. Но предел изменений, которых он добивался, был неизвестен, неурегулирован, необъясним, и он был отождествлен просто с отменой Конституции, которую он был связан клятвой выполнять.

Королева, более важная персона, чем ее муж, была более открыто привержена реакции. Провал великого эксперимента вернул ее к абсолютизму. Как она отреклась от *эмигрантов* в 1791 году, так и теперь она отреклась от конституционалистов и предпочла скорее погибнуть, чем быть обязанной своим спасением их ненавистной помощи. Она искала избавления только у иностранцев, медленно приближавшихся к Мозелю. Ее агенты исключили спасительный намек на конституционную свободу из манифеста Властей, и она продиктовала угрозы мести жителям Парижа.

Король сам призвал захватчиков. Его посланник, переодетый в форму прусского майора, ехал рядом с Брауншвейгом. Его братья вступали во Францию с тяжелым багажом врагов, и Бретей, агент, которому он доверял больше, чем своим братьям, готовился управлять, и в сентябре действительно управлял оккупированными ими провинциями под прикрытием их штыков. По нему вот—вот должен был быть нанесен удар - не по его безопасности, а по его абсолютному авторитету. Цель союзных государей *изэмигрантов*, которые их побуждали, была признана. Они боролись за безоговорочную реставрацию, и король был их сообщником и как захватчики, и как абсолютисты. Страна не могла уверенно вести войну, если военная мощь находилась в руках предателей. Король мог защитить их от ужасов, которыми им угрожали из-за него, не как главы исполнительной власти, а как заложника. Он был опасен в своем дворце; он был бы надежной защитой в тюрьме. Все это было очевидно в то время, и эффект, который это имело, заключался в том, что друзья конституционного короля были выведены из строя, так что никакого сопротивления оказано не было, когда произошло нападение, хотя это был акт очень небольшой части населения. Жирондисты больше не проводили особой политики и почти не отличались от своих прежних июньских единомышленников, за исключением их желания отстранить короля от власти, а не свергнуть его с престола. Последний вопрос, касающийся монархии, регентства или республики, должен был быть оставлен на усмотрение Конвента, который должен был последовать. Петион был убежден, что вскоре он станет регентом Франции. Он получил от Двора крупную сумму денег, и именно полагаясь на него и на некоторых менее заметных людей, король и королева упорно оставались в Париже. В последний момент Лианкур предложил им убежище в Нормандии, но Лианкур был либералом от Конституционной власти и потому не получил прощения. Мария-Антуанетта предпочитала доверять Петиону и Сантерру.

В начале августа наиболее революционная часть Парижа решила, что король должен быть низложен. Ассамблея отменила голосование. Затем жители этой секции и некоторых других дали понять, что они приведут в исполнение свой собственный указ, если только само Собрание не сделает это ненужным и не совершит законным путем то, что в противном случае было бы сделано актом суверенного народа, отменяющим все полномочия и стоящим выше

закона. Время должно было продлиться до 9 августа. Если бы вечером того же дня король все еще находился на троне, жители Парижа ударили бы в набат против него.

8 августа Ассамблея проголосовала за поведение Лафайета, бросившего свою армию во время войны, чтобы угрожать своим врагам дома. Он был оправдан 406 голосами против 224. Это было последнее выступление Либеральной партии. Четыреста депутатов, большинство от всего парламента, в минуту опасности держались в стороне и позволили остаткам жирондистов и республиканцев действовать без них. Отпущение грехов Лафайету провозгласило решимость не свергать короля. У Жиронды не было конституционного средства от своих тревог. Следующий шаг была бы предпринят парижской демократией, и их победа стала бы серьезной опасностью для Жиронды и триумфом крайне революционной фракции. До этого времени они боролись за господство; теперь им придется бороться за существование. Они приняли то, что было неизбежно. После бегства Фейянов Жиронда, теперь верховодившая в законодательном органе, капитулировала перед революцией, которой они боялись, и выступила без инициативы и политики.

9 августа якобинские лидеры выработали свой план действий. Их сторонники в каждой секции должны были избрать трех комиссаров, которые действовали бы вместе с коммуной на общественное благо, а также укрепляли и, при необходимости, в конечном итоге заменяли существующий муниципалитет. Их прислала примерно половина Парижа, и они собрались в течение ночи в Отель-де-Виль, кроме представителей закона. Согласно тогдашней политологии, избирательный округ приостановил действие установленных полномочий и возобновил все делегированные полномочия. Революционные члены городских советов, которые теперь вышли на фронт, являются виновниками зверств, от которых страдала Франция в течение следующих двух лет. Они были порождениями Дантона. И поскольку мы сейчас вступаем в общество злоумышленников и Комнату Ужасов, мы должны помнить, что наши собственные законы карают малейший шаг к абсолютному правлению той же высшей карой, что и убийство; так что с моральной точки зрения разница между двумя крайностями несерьезна. Агенты - свирепые головорезы, и лидеры не лучше; но в то же время они находятся под влиянием республиканских убеждений, столь же респектабельных, как *уэмигрантов*. Функция этой вспомогательной коммуны заключалась не в том, чтобы руководить восстанием или руководить атакой, а в том, чтобы лишать защиты; ибо командующий Национальной гвардией получал приказы из Ратуши, а он был верным солдатом.

Силы Революции не были подавляющими. Люди из Марсея и Бреста были полны решимости сражаться, как и некоторые из департаментов. Но когда вскоре после полуночи в церквях зазвонили в набат, парижские бойцы медленно собирались, и исход событий мог быть сомнительным. Боеприпасы повстанческим силам поставлялись из Ратуши, но не Национальной гвардии. По словам Петиона, противопоставлять одну общественную силу другой чрезвычайно опасно. В Тюильри было менее тысячи швейцарских наемников, которые были уверены, что выполнят свой долг; одна или две сотни дворян, пришедших защищать короля; и несколько тысяч национальных гвардейцев, верность и доблесть которых сомнительны. Петион показался во дворце и на Собрании, а затем его больше не видели. По счастливому наитию он убедил Сантера посадить его под арест с охраной в четвереста человек, чтобы защитить от опасностей, связанных с ответственностью. Он сам рассказывает эту историю и достаточно скуп, чтобы похвастаться своей изобретательностью. Но если мэр был предателем и трусом, то командующий генерал Мандат знал свой долг и был полон решимости

выполнить его. Он подготовился к обороне дворца, и была большая вероятность, что его люди будут сражаться. Если бы они это сделали, они были достаточно сильны, чтобы отразить нападение. Поэтому ранним утром 10 августа Мандат был вызван своим законным начальством в Отель-де-Виль. Он предстал перед ними, сделал свой доклад, а затем был доставлен в революционный комитет, заседавший отдельно. Он заявил, что у него есть приказ отразить нападение силой, и что это будет сделано. От него потребовали подписать приказ о выводе половины Национальной гвардии с места, которое они должны были защищать. Мандат отказался спасти его жизнь актом предательства, и по приказу Дантона он был застрелен. Он участвовал в вопиющем восстании против самого народа и подстрекательстве официальных властей к сопротивлению их хозяину. Этим первым актом кровопролития оборона дворца была лишена половины своих сил. Национальная гвардия осталась без командира, и, предоставленная сама себе, было неясно, сколько человек откроет огонь по жителям Парижа.

Избавившись от генерального командования, новая коммуна назначила Сантера своим преемником, а затем заняла место прежней Коммуны. Теперь не было никаких препятствий для сосредоточения и продвижения повстанцев, и они появились на пространстве между Лувром и Тюильри, которое было застроено частными домами. Было между семью и восемь утра. Всю ночь королевская семья ожидала нападения, но король ничего не предпринял. Несколько тысяч швейцарцев находились в пределах досягаемости, в Курбевуа, и не были вовремя подтянуты. Наконец, окруженный своей семьей, король предпринял безуспешную попытку поднять свою гвардию на бой. Это было событие, памятное на все времена, ибо это был последний рубеж монархии Хлодвига. Его жена, его дети, его сестра были там, и их жизни зависели от духа, который он одним словом, одним взглядом мог вселить в храбрых людей, стоявших перед ним. Королю нечего было сказать, и солдаты рассмеялись ему в лицо. Когда королева вернулась, из ее глаз текли слезы ярости. "Он вел себя прискорбно, - сказала она, - и все потеряно". Вскоре другие пришли к такому же выводу. Редерер прошел среди мужчин и обнаружил, что они не желают сражаться за такое дело. Он был облечен властью как высокое должностное лицо; и хотя присутствовали министры, именно он издал закон. Исчезновение Мандата и нерешительность артиллерии убедили его, что у защитников нет никакой надежды.

Был один наблюдатель, который дожил до того, чтобы воздвигнуть трон на месте того, который пал в тот день, и стать следующим государем, правившим в Тюильри. В 1813 году Наполеон сказал Редереру, что наблюдал эту сцену из окна на Карусели, и заверил его, что тот совершил роковую ошибку. Многие из Национальной гвардии были стойкими, а королевские силы превосходили те, с которыми он сам одержал победу в Вандеии. Он считал, что оборона должна была быть победоносной. Я не думаю, что он всерьез возмущался этой ошибкой, которой был так многим обязан. Редерер был умным человеком, и есть некоторые основания сомневаться в том, что он был целеустремлен в желании предотвратить неопределенный конфликт. Королева рвалась в бой и говорила смелые слова каждому. Позже, когда она услышала канонаду из своего убежища в ложе репортеров, она сказала д'Эрвильи: "Ну, теперь вы думаете, что мы были неправы, оставаясь в Париже?" Он ответил: "Дай Бог, мадам, чтобы вы не раскаялись в этом!" Редерер уловил, что происходило в ее мыслях. Поражение было бы ужасным, ибо ничто не могло спасти королевскую семью. Но победа была бы опасна и для революции, поскольку она восстановила бы монархию в ее могуществе, а старая знать, собравшаяся во дворце, выиграла бы от этого слишком много. Они действительно были всего лишь остатком: ожидалось, что в решающий момент появятся 7000 человек; их было едва ли

120. Шаретт, будущий герой Вандеи, был среди них, еще не подозревая о своих необычайных военных способностях.

Редерер, которого энергично поддержали его коллеги по департаменту, сообщил королю о том, что он видел и слышал, заверив его, что Тюильри невозможно защитить имеющимися силами и что нет никакой безопасности, кроме как в Собрании, единственном авторитете, с которым считались. Прошло всего два дня с тех пор, как депутаты подавляющим большинством одобрили акт Лафайета. Он думал, что им можно доверить защиту короля. Поскольку сражаться было не за что, он подтвердил, что тем, кто остался, ничто не угрожает. Он не позволил гарнизону отступить и без приказа бросил швейцарцев на произвол судьбы. Мария-Антуанетта яростно сопротивлялась, и Лююиса было нелегко убедить. Наконец он сказал, что ничего не поделаешь, и отдал приказ отправляться в путь. Но королева в ярости повернулась к нему и воскликнула: "Теперь я знаю, кто ты такой!" Лююис велел своему камердинеру подождать его возвращения, но когда они пересекали сад, где мужчины подметали гравий, он заметил: "В этом году листья рано опадают". Редерер услышал и понял.

В газете было написано, что трон не продержится до конца жизни; и именно этими тривиальными, но многозначительными словами павший монарх признал трогательную торжественность момента и указал, что шаги, которые увели его из дворца, никогда не будут повторены. Депутация встретила его у дверей Собрания, и он вошел, сказав, что пришел сюда предотвратить великое преступление. Фейяны отсутствовали. Преобладали жирондисты, и президент Верньо принял его величественными фразами. Из своего укрытия в ложе для репортеров он спокойно наблюдал за происходящим. Верньо также предложил отстранить его от должности, как это было ранее, и созвать Конвент для вынесения решения о будущем правительстве Франции. Было решено, что выборы должны проводиться без имущественного ценза. Ролан и другие министры-жирондисты вернулись на свои прежние посты, а Дантон был назначен министром юстиции 222 голосами. Ибо Дантон был победителем. Пока Петион держался в стороне, именно он отдавал команды из Ратуши, а когда Сантер дрогнул, именно друг Дантона Вестерманн привел своих людей на встречу в "Карусель". После ухода короля они пробрались в Тюильри, ведя переговоры с защитниками. Если бы там остался кто-нибудь, кто отдавал приказы, кровопролития можно было бы предотвратить. Но напряжение было чрезвычайным; швейцарцы отказались сдать оружие; раздался выстрел, и тогда они потеряли терпение и напали на незваных гостей. За десять минут они очистили дворец и внутренний двор. Но король услышал стрельбу и отдал приказ прекратить огонь. Кавалером ордена был д'Эрвильи; но у него было сердце солдата; и, видя, что положение отнюдь не отчаянное, он не сразу его выдал. Когда он это сделал, было слишком поздно. Повстанцы проникли в длинную галерею Лувра, расположенную недалеко от реки, и тогда швейцарцам уже не было спасения. Они были убиты во дворце и в садах, и их могилы находятся под высокими каштанами. Что касается женщин, то некоторых забрали в тюрьму, а некоторых - домой. Завоеватели утолили свою жажду королевским вином, а затем затопили подвалы, чтобы какой-нибудь беглый аристократ не прятался под землей. Их жертвами стали от 700 до 800 человек, и около 140 нападавших были убиты.

Поначалу роялисты не понимали, что монархии пришел конец. Они воображали, что король снова в том же состоянии, что и после Варенна, только занял Люксембург вместо Тюильри, и что он снова будет восстановлен, как и годом ранее. Большинство законодательного собрания было лояльным, и была надежда, что Франция возмутится действиями столицы. Но Париж,

представленный вторгшимся муниципалитетом, удержал свою добычу. Посobie, обещанное Ассамблеей, было отменено, и Храм был заменен Люксембургским, который считался небезопасным из-за подземных галерей. На расходы была выделена сумма в 20 000 фунтов стерлингов, пока Конвент в сентябре не отправил короля в отставку.

Без каких-либо более серьезных усилий, чем подписание приказа, Льюис мог бы призвать другие швейцарские полки, которые сделали бы оплот монархии неприступным. И в его власти было бы еще до захода солнца выступить из Парижа во главе победоносной армии и немедленно провозгласить реформы, разработанные просвещенными государственными деятелями. Его королева была активна и решительна; но в невзгодах она научилась больше думать о притязаниях на власть и исторических правах королей. Она разделяла страстную ненависть Берка к мужчинам, чей роялизм был условным. На каждом шагу вниз они были виновниками собственной катастрофы. Французская Республика не была спонтанной эволюцией социальных элементов. Спор между конституционной монархией, самой богатой и гибкой из политических форм, и Республикой единой и неделимой (то есть не федеральной), которая является самой строгой и бесплодной, решался преступлениями людей и ошибками, более неизбежно фатальными, чем преступление. Есть другой мир для искупления вины; но возмездие за глупость выплачивается здесь, внизу.

XVI

КАЗНЬ КОРОЛЯ

Конституционный эксперимент, впервые опробованный на Континенте при Людовике XVI, провалился главным образом из-за недоверия к исполнительной власти и механического неправильного понимания разделения властей. Правительство было неспособно, финансы были в беспорядке, армия дезорганизована; монархия вызвала вторжение, отразить которое теперь было задачей Республики. Инстинкт свободы уступил место инстинкту силы, либеральное движение определенно обратилось вспять, и перемена, последовавшая за потрясением от Первой европейской коалиции, была более значительной, угол наклона - более острым, чем простой переход от королевской формы правления к республиканской. Единство власти было очевидной потребностью момента, и поскольку оно не могло быть даровано королю, находившемуся в союзе с врагом, его следовало искать в демократии, которая должна была обладать концентрацией и энергией в качестве доминирующей ноты. Таким образом, превосходство было обеспечено той политической партией, которая была наиболее бдительной в захвате всех ресурсов государства и наиболее решительной в сокрушительном сопротивлении. На карту было поставлено нечто большее, чем общественные интересы. Приближались огромные армии, ведомые мстительными *эмигрантами*, и они объявили об ужасах, которые они готовы учинить над населением Парижа.

Больше, чем остальная Франция, парижане были заинтересованы в создании власти, равной опасности, и были готовы спастись даже от диктатуры. Потребность была удовлетворена членами нового муниципалитета, которые изгнали старый в ночь на 9 августа. Они были учреждены Дантоном. Они назначили Марата своим органом рекламы. Робеспьер был избран

членом этого органа 11 августа. Это был оплот Революции. Строго говоря, это было незаконное собрание, и их власть была узурпирована; но они были хозяевами Парижа и свергли короля. *Законодательный орган*, приняв их действия, был вынужден подчиняться их законам и отменять свои постановления по своему усмотрению. Созвав избирательные округа для избрания Конвента, оно аннулировало само себя. Это было не более чем умирающее собрание, дни которого были точно сочтены, и чей кредит и влияние были на исходе.

Между свергнутым королем и отрекшимся от престола собранием только Коммуна проявила энергию и силу, которые должны были спасти страну. Будучи нелегитимными, они могли подавить оппозицию только насилием; и они ясно дали понять, какое насилие они намеревались применить, когда назначали Марата на этот пост. Этот человек был писателем о науке, и Гете прославляет его проницательность и дар наблюдения в отрывке, который примечателен отсутствием каких-либо намеков на его общественную карьеру. Но он считал, что богатые не имеют права на удовольствия, которых лишены массы, и что вина за эгоизм и угнетение может быть искуплена только смертью. Годом ранее он предложил убивать несносных депутатов путем пыток, а их жилища прибивать гвоздями к стенам в качестве намека их преемникам. Теперь он желал совместить милосердие с безопасностью и заявил, что удовлетворен, если Собрание будет разгромлено. К роялистам и людям, принадлежавшим к привилегированным сословиям, у него не было такого милосердия. Если, сказал он, трудоспособные мужчины станут солдатами и будут отправлены охранять границу, кто защитит нас от предателей дома? Либо тысячи бойцов должны быть удалены от действующей армии, либо внутренний враг должен быть убран с дороги. 10 августа Марат начал использовать этот аргумент, и рота новобранцев протестовала против отправки на фронт, в то время как их семьи находились во власти роялистов. Стал популярным клич о том, что Франция будет обречена сражаться со своими врагами одной рукой, если ей придется другой защищать предателей. И это была просьба, предоставленная для оправдания преступлений, которые должны были последовать. Это была просьба, но не мотив. Если бы намеченное уничтожение роялистов можно было представить как акт войны, как необходимость национальной обороны, умеренные люди не смогли бы предотвратить это, не навлекая на себя упреков как непатриотичные граждане.

Когда якобинцы готовили массовые убийства в тюрьмах, их целью было наполнить Францию террором и обеспечить себе большинство в Конвенте. Это контролирующая идея, которая управляла событиями следующих нескольких недель. После указа, согласно которому Люксембургский дворец стал резиденцией короля, коммуна предъявила на него свои права; и он был выдан им и заключен в Тампль, древнюю крепость, в которой Валуа хранили свои сокровища. Они продолжили подавлять газеты, выступавшие против них, лишили избирательных прав избирателей, подписавших оппозиционные или реакционные петиции, и закрыли барьеры. Они бросили своих врагов в тюрьму, учредили новый трибунал для наказания за преступления против Революции и снабдили его новым и наиболее эффективным инструментом, который казнил своих жертв безболезненно, быстро и на условиях, соответствующих принципу равенства. С момента своего появления в Ратуше, на следующий день после окончания боя, Робеспьер стал руководящим духом и организатором, и сразу почувствовалось, что за декламациями и проклятиями Марата стоит исключительно методичный, последовательный, терпеливый и систематический ум, направляющий действия Коммуны.

О падении Лонгви стало известно в Париже 26 августа. В тот день министр юстиции Дантон пересмотрел список заключенных; по всему городу были проведены обыски по месту жительства в поисках оружия и подозреваемых лиц. К 28-му числу было арестовано почти 3000 человек, и еще более зловещим было то, что многие заключенные были освобождены. Никто не сомневался, никто серьезно не отрицал значение этих мер. Законодательный орган, видя, что это было не просто неистовство страсти, а обдуманный и продуманный план, 30 августа распустил коммуну и распорядился, чтобы она была возобновлена путем новых выборов. Они также восстановили руководящий орган департамента в качестве проверки муниципалитета. На их стороне были закон и конституция, и их поступок был актом суверенитета. Это был критический и решающий момент в борьбе между жирондистами и Ратушей. На следующий день, 31 августа, Ассамблея отменила декрет. Тальен зачитал обращение, составленное Робеспьером, в котором говорилось, что Коммуна, только что учрежденная народом Парижа, со свежим и определенным мандатом, не может подчиниться собранию, утратившему свои полномочия, позволившему инициативе перейти от нее. Ассамблея была совершенно беспомощна и была слишком сильно скомпрометирована своим соучастием с 10 августа, чтобы сопротивляться своему хозяину. Робеспьер в Коммуне пригрозил жирондистам тюремным заключением, и, чтобы довершить их замешательство, были изучены бумаги Бриссо, а Ролан, министр внутренних дел, подвергся такому же унижению.

В последние дни августа, когда в каждом доме проводились обыски в поисках беглецов, были проведены первичные выборы. Якобинцы были категорически против принципа непрямых выборов, но им не удалось его отменить. Они ввели всеобщее избирательное право на первом этапе и предоставили первичным ассамблеям право вето на выбор второго. В остальном они полагались на запугивание. 800 выборщиков встретились во дворце епископа 2 сентября. Но здесь не было чужой галереи, и требовалось, чтобы народные избранники выступали в присутствии публики, которая выдвинула их для выполнения своей работы. Робеспьер предложил, чтобы избирательный орган проводил свои заседания в якобинском клубе, в условиях полной гласности. На следующий день они встретились в том же месте и направились к якобинцам. Их путь привел их через мост, где их ожидало зрелище, тщательно продуманное, чтобы помочь их размышлениям. Они оказались в присутствии большого количества мертвецов, доставленных из соседней тюрьмы.

Ибо именно это и произошло. 2 сентября пал Верден. В Париже об этом еще не знали, но было сообщено, что пруссаки появились перед крепостью и что она не могла устоять. Верден был последним препятствием на пути к Парижу, и первая сцена войны в Бельгии заставила усомниться в том, что новые рекруты выстоят против батальонов, обученных Фредериком. Прозвучали тревожные выстрелы, прозвучал набат, черный флаг возвестил, что страна в опасности, и бой барабанов призвал жителей Парижа записываться в армию национальной обороны.

Дантон, знавший английский и читавший английские книги, кажется, вспомнил отрывок из Спенсера, когда тот заявил, что Францию нужно спасти в Париже, и призвал своих перепуганных слушателей быть смелыми, быть смелыми и еще раз быть смелыми. Затем он ушел, чтобы проследить за зачислением, и оставил агентов Коммуны выполнять работу, назначенную на этот день. Двадцать четыре заключенных мэрии были доставлены в аббатство,

которое представляло собой старый бенедиктинский монастырь Сен-Жермен, в наемных экипажах; двадцать два из них были священниками. Людовик XVI. пал, потому что отказался объявить вне закона непокорных священнослужителей, которых обвиняли в распространении недовольства. Больше всего на свете они были связаны с проигранным делом, и было решено, что их следует изгнать. Они были заключены в тюрьму в большом количестве в качестве первого шага к их изгнанию. Эта группа, которую марсельцы сопровождали из мэрии в Аббатство, были первыми жертвами. Народ, который их не любил, позволил им пройти по улицам, не причинив вреда; но когда они достигли места назначения, сопровождавшие их марсельцы начали вонзать свои шпаги в экипажи, и все, кроме троих, были убиты. Двое пробрались в комнату, где заседала комиссия, и, заняв места среди остальных, сбежали. Сикард, учитель глухонемых, был признан и спасен, и именно через него мы узнаем о деяниях, которые были совершены в тот день. Ими руководил Майяр, который направился из аббатства к кармелитам, тюрьме, заполненной священнослужителями, где он послал за Реестром и приказал убить их организованно и без шума. Там был большой сад, и шестнадцать заключенных перелезли через стену и сбежали; четырнадцать были оправданы; 120 были казнены, и их кости собраны в часовне, и на них видны сабельные порезы, от которых они умерли.

Во время отсутствия Майяра, которое длилось три часа, в аббатстве появились некие несанкционированные и самозванные убийцы и предложили продолжить работу по истреблению, которую он оставил незаконченной. Тюремщикам пришлось выдать нескольких заключенных, чтобы сэкономить время. Когда Майяр вернулся, он учредил своего рода трибунал для суда над заключенными, в то время как убийцы, всего около 200 человек, ждали снаружи и убивали тех, кто был им выдан. В случае с духовенством и швейцарцами, пережившими 4 августа, было соблюдено мало формальностей. В аббатстве и в Ла Форс было много политических заключенных, и определенное количество из них были тщательно продуманы и освобождены. Несколько тюрем остались без посещения, но в Бисетре и Сальпетриере, где содержались только самые подлые преступники, произошли ужасные массовые убийства.

Поскольку это было совершенно бессмысленно и ничего не значащее, это подтвердило теорию о том, что все ужасы того сентября были иррациональными и спонтанными действиями нескольких сотен заключенных, чьи глаза были запятнаны видением крови, и которые буйствовали в своей безнаказанности. Так что виноват был криминальный Париж, а не революционный. На самом деле массовые убийства были организованы коммуной, оплачены коммуной и направлялись ее эмиссарами. Мы знаем, сколько получили различные агенты и какова была общая стоимость операции со 2 по 5 сентября. Сначала все было продумано и методично, и женщин пощадили. Несколько человек были освобождены в последний момент; некоторые были уволены трибуналом, перед которым они предстали. Исключение составляет принцесса де Ламбаль, которая была подругой королевы. Но поскольку мадам де Турзель была спасена, причина ее смерти остается необъяснимой. Ее жизнь не была полностью свободна от упреков, и предполагалось, что она владела секретами, вредившими герцогу Орлеанскому.

Но проблема не в том, чтобы понять, почему убийцы были виновны в убийстве, а в том, как они позволили спасти многих своих пленников. Один мужчина подружился с марсельцем, заговорив на его родном наречии. Когда его спросили, кто он такой, он ответил: "Убежденный роялист!" Вслед за этим Майяр приподнял шляпу и сказал: "Мы здесь для того, чтобы судить действия, а не мнения", и измученные жаждой палачи встретили этого человека на улице

одобрительными возгласами. Бертрону, брату министра-роялиста, был оказан такой же прием. Двое мужчин прервали свою работу, чтобы проводить его домой. Они подождали снаружи, пока он увидится со своей семьей, а затем ушли, поблагодарив его за зрелище такого большого счастья и отказавшись от награды. Другого заключенного доставили к нему домой на такси, а полдюжины промокших патриотов столпились на крыше и держались сзади. Они не согласились ни на что, кроме стакана крепкого алкоголя. Мало кто из людей подвергался большей опасности, чем Вебер, молочный брат королевы. Он нес караул в Тюильри и был рядом с ней во время траурного шествия по садам от дворца к тюрьме. Поскольку он хорошо знал, что она оставляет и к чему направляется, он был настолько потрясен, что принцесса Елизавета прошептала ему, чтобы он контролировал свои чувства и был мужчиной. И все же он был одним из тех, кто выжил, чтобы рассказать историю о своем появлении перед ужасным трибуналом Майяра. Когда он был оправдан, ожидавшие этого головорезы были вне себя от энтузиазма. Они подбадривали его; они воздавали ему братские почести; они обнажились, когда он проходил вдоль очереди; и чей-то голос крикнул: "Смотрите, куда он идет! Разве ты не видишь, что на нем белые чулки?"

Один оправдательный приговор запомнился больше всех остальных. В каждой школе и в каждом детском саду Франции продолжают рассказывать историю о том, как Сомбрейль, губернатор дома инвалидов, был оправдан судьями, но был бы зарезан толпой на улице, если бы его дочь не выпила за народ из стакана, наполненного теплой кровью последней жертвы. Их с триумфом доставили домой. Сомбрейль погиб во время правления террора. Его дочь вышла замуж и умерла в Авиньоне в 1823 году, в разгар роялистской реакции. Слава об этом героическом моменте в ее жизни наполнила страну, и ее сердце было привезено в Париж, чтобы быть положенным в освященную землю, где она боготворила себя ребенком, и оно покоится под тем же позолоченным балдахин, который прикрывает останки Наполеона. Многие люди считают, что это одна из легенд о роялизме, на которую следует нанизать фальшивые жемчужины истории. Ни один современник не упоминает о ней, и она не появляется раньше 1801 года. Mlle. де Сомбрей получала пенсию от Конвенции, но это не было включено в изложение ее претензий. Англичанин, который был свидетелем освобождения Сомбрейля, рассказывает только, что отца и дочь унесли, потеряв сознание от переполнявших их эмоций. Я бы не стал заикливаться на столь затасканном анекдоте, если бы считал, что он лжив. Трудность неверия заключается в том, что сын героини написал письмо, подтверждающее это, в котором он утверждает, что его мать впоследствии так и не смогла притронуться к бокалу красного вина. Следует иметь в виду, что эти жестокие преступники радовались как спасению человека, так и убийству. Они были слугами дела, действовавшими под руководством властей.

Робеспьер, принадлежавший к числу вождей, по-видимому, стремился главным образом к уничтожению священников. Другие предлагали запереть заключенных под землей и пускать воду до тех пор, пока они не утонут. Марат посоветовал сжечь тюрьмы вместе с их заключенными. "2 сентября, - сказал Колло д'Эрбуа, - это первая статья символа веры в свободу. Без нее не было бы Национального съезда". "Франция, - сказал Дантон в памятной беседе, - не является республиканской. Мы можем установить Республику только путем запугивания ее врагов". Они разгромили Законодательный орган, они предупредили немцев, что они не спасут короля, наступая на столицу, когда она была в руках людей, способных на такие подвиги, и они обеспечили якобинцам триумф на выборах в Париже. Марат подготовил обращение,

призывающее ведомства последовать их примеру, и оно было разослано под прикрытием Министерства юстиции. Сам Дантон разослал те же приказы. Похоже, сохранился только один экземпляр, и, возможно, было бы трудно определить ответственность Дантона, если бы он не признался Луи Филиппу, что был автором сентябрьских погромов.

Примеру Парижа мало кто последовал, но государственные заключенные в Орлеане были доставлены в Версаль и там казнены. Общее число убитых составляло от тринадцати до четырнадцати сотен. Мы достигли низшей точки в Революции, и ничего хуже этого не предвидится. Мы в компании людей, достойных Тайберна. Мне не нужно тратить слов, чтобы донести до вас тот факт, что эти республиканцы сразу же начали со зверств, столь же великих, как те, в которых справедливо обвинялась абсолютная монархия и за которые она справедливо погибла. Что мы должны зафиксировать в наших мыслях, так это то, что великие преступления Революции и преступления, столь же великие, как преступления в истории других стран, все еще защищаются и оправдываются почти каждой группой политиков и историков, так что, в принципе, настоящее не совсем лучше прошлого.

Массовое убийство имело успех в Париже, но не в остальной Франции. Под его влиянием в столице были избраны только якобинцы. Президентом и вице-президентом Избирательной ассамблеи были Робеспьер и Колло д'Эрбуа, секретарем - Марат. Робеспьер был возвращен первым заместителем, Дантон был вторым, Колло третьим, Мануэль четвертым, Бийо-Варенн пятым, Камиль Демулен шестым и Марат седьмым, с большинством голосов над Пристли, который был выбран в двух департаментах, но отказался от места. Двадцатым и последним депутатом от Парижа был герцог Орлеанский.

В то время как жители Парижа санкционировали убийства, в стране все было по-другому. Во многих местах слушания начинались с мессы и заканчивались молебном. На Съезд было направлено семнадцать епископов и тридцать один священник. Том Пейн, хотя и не говорил по-французски, был избран в четырех местах. Две трети были новыми членами, которые не участвовали в предыдущих ассамблеях. Четыре пятых первичных выборщиков воздержались.

Конвент начал свои заседания 20 сентября в Школе верховой езды, где заседал Законодательный орган; в мае 1793 года он переместился в Тюильри. Было около пятидесяти или шестидесяти якобинцев. Большинство, не будучи жирондистами, в целом были готовы следовать, если жирондисты поведут. Петион был немедленно избран президентом, и все шесть секретарей были на одной стороне. Победа Жиронды была полной. Игра была в ее руках. В партии было мало сплоченности и, несмотря на шепчущие советы Сийеса, никакой тактики. За исключением Бузо и, возможно, Верньо, они едва ли заслуживают того интереса, который вызвали в более поздней литературе, поскольку у них не было принципов. Смущенные беспомощным состоянием легислата, они не оказали сопротивления массовым убийствам. Когда Ролан, Кондорсе, Горсас говорили о них публично, они описывали их как ужасную необходимость, акт грубой, но неизбежной справедливости. Роланд, министр внутренних дел, пригласил некоторых промоутеров пообедать с ним, пока продолжалось кровопролитие, и он предложил приоткрыть завесу над тем, что произошло. Такие люди были непригодны для того, чтобы соперничать с Робеспьером в безжалостном злодействе, но они были в равной степени непригодны для того, чтобы обличать его. Это была политика, которую они предприняли и из-за которой погибли.

Движение к постоянной Республике не было заметно за пределами Парижа. Избирательные округа не требовали этого, за исключением Юры. Двое других выступили против монархии. Тридцать четыре департамента не давали никаких инструкций; тридцать шесть предоставляли общие или неограниченные полномочия. Три, включая Париж, требовали, чтобы конституционные декреты были представлены на всеобщую ратификацию. Первым актом Конвента было принятие этого нового принципа. Единогласным голосованием по предложению Дантона они решили, что Конституция должна быть принята нацией на ее первичных собраниях. Но несколько недель спустя, 16 октября, когда Мануэль предложил проконсультироваться с народом по вопросу о Республике, Конвент отказался. Отмена монархии была проведена 21 сентября без каких-либо обсуждений, ибо история королей, сказал епископ Грегуар, - это мартиролог наций. 22-го числа под первым впечатлением от новостей из Вальми, привезенных будущим королем Франции, была провозглашена Республика. Отражение вторжения, спровоцированного покойным правительством, совпало с установлением нового.

Жирондисты, находившиеся во власти, начали с серии личных нападков на лидеров противоположной стороны. Они сказали то, что всем было известно, что Марат был отъявленным негодяем, что Дантон не внес ясности в свои отчеты, когда уходил в отставку после вступления в Конвент, что Робеспьер был обычным убийцей. Некоторые подозрения по-прежнему нависали над Дантоном, но нападавшие использовали свои материалы так неумело, что потерпели поражение в столкновении с Робеспьером. Якобинцы исключили их из своего Клуба, и 5 ноября ходатайство Луве против Робеспьера было отклонено. Таким образом, они уже были ослаблены, когда на следующий день встал вопрос о суде над королем. Это был не только первый важный этап в борьбе партий, но и решающий. Вопрос о том, должен ли Льюис жить или умереть, был не чем иным, как вопросом о том, кто должен выжить и править - якобинец или жирондист.

Между событиями, которые мы только что рассмотрели, и трагедией, к которой мы приближаемся, в положении Франции и в духе нации произошла огромная перемена. В сентябре немецкие войска были во Франции и поначалу не встретили сопротивления. Очевидно, опасность была огромной, и единственной гарантией безопасности была жизнь короля. С тех пор пруссаки и австрийцы были с позором изгнаны; Бельгия была завоевана; Савойя захвачена; Альпы и Рейн вплоть до Менца были границами Республики. От Германского океана до Средиземного ни одна армия или крепость не смогла противостоять революционному оружию. Обоснованная сентябрьская тревога уступила место непомерной уверенности. Не было страха перед всей солдатчиной Европы. Французы были готовы сражаться со всем миром, и они рассчитали, что им не грозит более серьезный риск, чем потеря сахарных островов. Их новому характеру подходило убить своего короля, поскольку их политикой было удерживать его в качестве заложника. 19 ноября они предложили помощь и дружбу каждому народу, который решил стать свободным. Этот указ, фактически положивший начало великой войне, был вызван протестами Менца, где французская сторона опасалась быть брошенной. Но он был направлен против Англии, нанеся удар в самое слабое место и ослабив ее воинственную мощь, поощряя недовольство ирландцев.

12 августа Ребеки предложил, чтобы суд над королем был проведен Конвентом, который должен был собраться, и чтобы было обращено обращение к народу. 1 октября вопрос был вынесен на рассмотрение Конвента, и для изучения доказательств была назначена комиссия из двадцати четырех человек. Они сообщили об этом 6 ноября; и с этого момента дело не прекращалось. На

следующий день Маилхе от имени юристов сообщил, что не было никаких юридических препятствий со стороны неприкосновенности, признанной Конституцией. Муссон ответил, что, поскольку Льюис был свергнут, он больше не несет никакой ответственности. 13-го числа очень молодой член церкви внезапно приобрел дурную славу, заявив, что не существует вопроса о справедливости и ее формах; король заслуживает смерти не за то, что он сделал, а за то, кем он был. Оратора звали Сен-Жюст. 20 ноября, прежде чем дебаты зашли в тупик, появился Роланд с новостями о важном открытии. У короля во дворце был железный сейф, который предал слесарь. Роланд обнаружил, что в нем находилось 625 документов. Комитету из двенадцати человек было поручено изучить их, и они нашли доказательства грандиозной коррупционной схемы и продажности Мирабо. 3 декабря было решено, что король должен предстать перед судом Конвента; порядок разбирательства был определен 6-го, а 10-го было предъявлено обвинительное заключение. На следующий день Льюис предстал перед своими судьями и был допрошен президентом. В своих ответах он сказал, что ничего не знает о железном сейфе и никогда не давал денег Мирабо или какому-либо другому депутату. Вернувшись в тюрьму, несчастный воскликнул: "Они задавали вопросы, к которым я был так плохо подготовлен, что отрицал свою причастность". На подготовку защиты было отведено десять дней. Ему помогали Мальзерб, знаменитый юрист Тронше и Дезез, человек помоложе, который произнес речь. Это было неубедительно, поскольку адвокаты не лучше своего клиента понимали, в чем заключается сила и опасность обвинения.

Все верили, что Льюис привез захватчика в страну, но доказательств этому не было. Если бы опубликованные с тех пор доказательства были известны в то время, защита должна была бы ограничиться заявлением о том, что король неприкосновенен; и ответом было бы то, что он находится под ответственностью министров, но несет ответственность за то, что он делает за их спиной. В последний момент несколько жирондистов предложили, чтобы приговор был вынесен народом на первичных собраниях — идея, выдвинутая Фором 29 ноября. Это противоречило духу представительной демократии, которая обращается к избирателям как к мужчинам, а не как к тому, чтобы должным образом оценить результат дебатов. Это соответствовало прямому действию демократии, которым была теория якобинства. Но якобинцы этого не хотели. Навязав голосование по вопросу о столице, они разорили бы своих противников. Если бы жирондисты проголосовали за смертную казнь, они последовали бы примеру партии, которая решительно настаивала на этом. Если бы они проголосовали против, их могли бы обвинить в роялизме. Когда был поставлен вопрос "Виновен или невиновен?", колебаний не последовало; 683 проголосовали за "виновен", один человек, Ланжуинаис, ответил, что он законодатель, а не судья. Предложение оставить наказание за народом, которое было внесено в интересах жирондистов, а не короля, провалилось с перевесом 423 против 281 и разорило партию, которая его придумала. Голосование по поводу наказания началось вечером 17 января, и поскольку каждый человек высказывал свое мнение с трибуны, оно продолжалось далеко на следующий день. Верньо объявил результат; он сказал, что большинство из пяти проголосовало за смертную казнь. Обе стороны были недовольны и подозревали мошенничество. Была проведена проверка, и затем выяснилось, что тех, кто проголосовал просто за смертную казнь, было 361, а тех, кто проголосовал иначе, - 360. Большинство, 1. Но когда проводилось окончательное голосование по вопросу об отсрочке, большинство в 70 человек было за немедленное исполнение.

О том, что решение было вызвано страхом, заявляли даже Бриссо и Карно. Герцог Орлеанский написал президенту, что не может голосовать на суде над своим родственником. Письмо было

возвращено ему. Он пообещал своему сыну, что не будет голосовать за смерть, и когда они снова встретились, воскликнул: "Я недостойн быть твоим отцом!" За ужином в роковой день Верньо заявил, что будет защищать жизнь короля, даже если тот останется один. Несколько часов спустя он проголосовал за смерть. И все же Верньо вскоре доказал, что он не был человеком, на которого влияло запугивание. Правда в том, что ни у кого не было сомнений относительно вины. Наказание было вопросом скорее политики, чем справедливости.

Армия склонялась на сторону милосердия. 23 ноября Кюстин предложил спасти Людовика, если Пруссия признает Республику. Предложение было сделано напрасно. Дюмуре приехал в Париж в январе и обнаружил, что ничего нельзя поделать. Впоследствии он сказал: "Это правда, что он был вероломным негодяем, но было безумием отрубить ему голову". Испанские бурбоны приложили все усилия, чтобы спасти главу дома. Они предложили нейтралитет и посредничество, а также уполномочили своего агента потратить сотни тысяч фунтов стерлингов на своевременный подкуп. Они пообещали, что, если Льюиса выдадут им, они не позволят ему когда-либо вмешиваться во французские дела и предоставят заложников за его хорошее поведение. Они умоляли Георга III. действовать вместе с ними во имя монархии и человечества. Лэнсдаун, Шеридан и Фокс призвали правительство вмешаться. Гренвилл дал понять, что мир будет сохранен, если Франция откажется от своих завоеваний, но он ни словом не обмолвился о короле. Питту из источника, которому можно доверять, была передана информация о том, что Дантон спасет его за 40 000 фунтов стерлингов. Когда он решил отдать деньги, Дантон ответил, что было слишком поздно. Питт объяснил французскому дипломату Маре, впоследствии премьер-министру, причину своих колебаний. Казнь короля Франции подняла бы в Англии такую бурю, что виги были бы затоплены.

Льюис смирился со своей судьбой, но он надеялся, что его пощадят, и поговаривал об уходе на пенсию в Сьерра-Морену или о том, чтобы найти убежище на старости лет среди верных республиканцев Швейцарии. Когда его защитники пришли сказать ему, что надежды нет, он отказался им верить. "Вы ошибаетесь, - сказал он, - они никогда бы не осмелились". Он быстро взял себя в руки и отказался просить разрешения повидаться со своей семьей. "Я могу подождать, - сказал он. - Через несколько дней мне не откажут". Священник, обратившийся за разрешением посещать его, был отправлен в тюрьму. Поскольку иностранец с меньшей вероятностью подвергнется насилию, король попросил за *аббата* Эджворта из Фирмаунта, который провел свою жизнь во Франции, но мог считаться ирландцем. Гарат, министр внутренних дел, отправился за ним. По дороге он сказал: "Он был слаб, когда был у власти; но ты увидишь, насколько он велик теперь, когда он в цепях".

На следующий день Льюиса провели через огромный парад военных и пушек к эшафоту на площади Согласия, расположенной немного ближе к Елисейским полям, чем то место, где стоит луксорский обелиск. Он был в пути почти час. Испанский посланник не договорился с агентами, привлеченными сообщением о его неограниченном кредите, и потратил свои дублоны в отчаянной попытке спасти пленника, когда тот быстрым шагом проходил по бульвару. Сомнительный авантюрист, барон де Бац, который помог организовать восстание в Вандемире, которое потерпело неудачу только потому, что столкнулось с Бонапартом, предпринял прорыв обороны с четырьмя или пятью сотнями человек. Они должны были броситься с боковой улицы. Но каждая улица патрулировалась, и каждый пункт охранялся, когда мимо проезжала карета с заключенным. Де Бац явился на место встречи и встал, размахивая мечом и крича: "Следуйте за мной и спасите короля!" Это не возымело эффекта; он растворился в толпе; одного из спутников

схватили и гильотинировали, но полиция смогла сообщить, что по дороге не произошло никакого инцидента.

Не роялисты, а король служил королевскому делу в тот день, 21 января. Будучи не в состоянии выполнять свои обязанности на троне, он нашел в тюрьме и на эшафоте роль, достойную лучших качеств его расы, оправдывая слова Луи Блана: "Никто, кроме мертвых, не возвращается". Оправдать его невозможно, ибо мы лучше, чем его преследователи, знаем, как он интриговал, чтобы вернуть себе неконтролируемую власть, принес хаос и опустошение народу, над которым он правил. Кульминационная трагедия - это не та, свидетелем которой стал Париж, когда Сантерр поднял свой меч, приказывая бить в барабаны, которые замолчали после первого слова предсмертной речи; это Людовик XVI. встретил свою судьбу с внутренним самодовольством, не признавая вины, не замечая упущенных возможностей и причиненных страданий, и умер кающимся христианином, но нераскаявшимся королем.

XVII

ПАДЕНИЕ ЖИРОНДЫ

Конституция 1791 года потерпела неудачу, потому что она привела к разделению властей и реакции против монархической централизации настолько, что парализовала исполнительную власть. До того дня, когда должна была быть организована новая система, был принят ряд революционных мер, и благодаря им Конвент правил до конца. Сразу после смерти Людовика XVI. они начали рассылать по департаментам представителей с произвольными полномочиями. Революционный трибунал был назначен в марте для рассмотрения политических дел без апелляции, а Секретный комитет общественной безопасности - в апреле в связи с поражением и дезертирством Дюмуре. Все это время жирондисты имели большинство. Исход суда над королем был для них катастрофическим, потому что он доказал их слабость не численностью, а характером и убеждениями. Роланд сразу же подал в отставку, признав поражение. Но они выстояли за четыре месяца до своего падения. Во время той памятной борьбы вопрос заключался в том, кто должен править Францией: насилие и кровь или люди, которым знакома страсть к свободе. Жирондисты сразу же подняли реальную проблему, потребовав расследования сентябрьских массовых убийств. Это было действенное, но опасное оружие. Не могло быть никаких сомнений относительно того, на что способны те, кто совершил тысячу убийств, чтобы прийти к власти, в свою защиту.

Жирондисты плохо рассчитали. Оставив преступление безнаказанным, они могли бы разделить своих противников. Почти до последнего момента Дантон хотел избежать конфликта. Снова и снова они отвергали его предложения. Открытая война, сказал Верньо, лучше пустого перемирия. Их неприятие руки, на которой было алое пятно, является причиной их гибели, но также и их славы. Они всегда были невежливы, разобщены и нерешительны; но временами они поднимались до уровня честных людей. Их вторая линия атаки была выбрана не лучше. Партийная политика была новой, а наука понимания другой стороны не была развита; и жирондисты были убеждены, что монтаньяры в глубине души были роялистами, стремящимися к возведению на трон орлеанистов. Марат получал деньги от Пале-Рояля, и Сийес до

последнего считал его замаскированным агентом монархии. Сам Дантон заверил молодого герцога Шартрского, что Республика долго не продержится, и посоветовал ему быть готовым когда-нибудь пожалеть то, что сеяли якобинцы.

Целью якобинцев была диктатура, которая была совершенно новой заменой монархии, а орлеанский призрак был не более чем иллюзией, на которую Жиронда тратила большую часть своих сил. В отместку их обвинили в федерализме, и это тоже было ложным подозрением. Федеральные идеи, характерные для Америки, получили одобрение величайших имен в политической литературе Франции — Монтескье и Руссо, Неккера и Мирабо. Единственным явным федералистом на Съезде является Барер. Схема федерации обсуждалась на собрании якобинцев 10 сентября и не была поставлена на голосование. Но эта идея так и не была принята партией жирондистов или кем-либо из ее членов, за исключением Бузо. В глазах якобинцев они предпочитали не менее плохие вещи. Они склонялись к децентрализации, к местным свободам, к ограничению подавляющей активности Парижа, к правлению представителями суверенного народа, а не самим сувереном. Все это было абсолютно противоположно концентрации всех сил, которая была преобладающей целью с момента тревоги о вторжении и государственной измене, и легко смешивалось с теорией провинциальных прав и разделения властей, которой боялись как высшей опасности того времени. То, что под названием федерализма было возложено на них, должно быть поставлено им в заслугу; ибо это означало, что в ограниченном смысле они были конституционными и что существовали определенные степени власти и угнетения, которым сопротивлялся бы даже жирондист.

Якобинцы имели такое превосходство над своими колеблющимися противниками, что они вернулись к системе, которая была простой, которая была понятна и которую самая известная книга предыдущего поколения сделала известной каждому. Для них не существовало ни неопределенности, ни поисков на ощупь, ни компромиссов. Они предполагали, что народная масса должна была во все времена отстаивать и насаждать свою волю, превзойдя все временные власти и заменив всех назначенных агентов. Поскольку им приходилось сражаться с миром с разделенным населением, они требовали, чтобы вся власть была сосредоточена в руках тех, кто действовал в соответствии с волей народа, и чтобы с теми, кто сопротивлялся дома, обращались как с врагами. Они должны подавлять оппозицию так же безжалостно, как они отражали вторжение. Лучший якобинец не отрицал бы свободу, но он определил бы ее по-другому. Для него это заключалось не в ограничении, а в составе управляющей власти. Он не ослабил бы государство, сделав его действия неуверенными, медленными, капризными, зависящими от альтернативного большинства и соперничающих сил; но он нашел бы безопасность во власти, осуществляемой только всей нацией, объединенной в наслаждении дарами, которыми Революция одарила крестьян. Это был самый многочисленный класс, класс, интересы которого совпадали, который отождествлялся с движением против привилегий, которое неизбежно будет верным новым институтам. Они были меньшинством на Съезде, но меньшинством, представляющим единство и безопасность Республики, и поддерживаемым большинством за ее пределами. Они привлекали к себе не лучших или самых блестящих людей, а тех, кто посвятил себя использованию власти, а не манипулированию идеями. К партии принадлежало много хороших администраторов, среди которых Карно является лишь самым знаменитым. Наполеон, который понимал талант и говорил, что нет людей более энергичных и умелых, чем те, кто пережил Революцию, назначил на должность 127 цареубийц, большинство из которых были монтаньярами.

Колеблющиеся и разделенные жирондисты никогда бы не добились победы Республики над всей Европой и половиной Франции. Они немедленно столкнулись со всеобщей войной и грозным восстанием. Они не боялись войны. Великими военными державами были Австрия и Пруссия, и они были оттеснены к Рейну армиями численностью в тридцать или сорок тысяч человек. После этого армии Испании и Англии не казались грозными. Этот расчет оказался верным. Смелость французов проявилась в объявлении войны сразу трем главным морским державам — Англии, Испании и Голландии. Только в 1797 году, всего на четыре года, было установлено превосходство британского флота. Они долго надеялись, что войны с Англией можно избежать, и вели переговоры через череду секретных агентов. Существовало мнение, что английское правительство было революционным по своему характеру в силу своего происхождения, что казнь короля была совершена в соответствии с английскими примерами, что протестантская страна должна восхищаться людьми, которые следуют новым идеям. Бриссо, как и Наполеон в 1815 году, возлагал свои надежды на оппозицию. Мистер Фокс не мог осудить институт Республики; и можно было ожидать, что партия, которая аплодировала победам американцев над их собственными соотечественниками, будет испытывать некоторую симпатию к стране, которая частично подражала Англии, а частично Америке.

Война с континентальным абсолютизмом была надлежащей ценой революции; но изменения с 1789 года были изменениями в направлении союза с вигами. Когда Конвенту сообщили, что Георг III. не желая иметь в стране министра-цареубийцу, они не стали обсуждать этот вопрос, а передали его на рассмотрение комитета. Они действовали не только из чувства национального достоинства, но и в убеждении, что произошедшее было не очень страшным. Жирондисты думали, что война не будет популярна в Англии, что виги, революционные общества и ирландцы приведут ее к скорейшему прекращению. Марат, хорошо знавший эту страну, утверждал, что это была иллюзия. Но последовательные объявления войны Англии, Голландии, испанским и неаполитанским бурбонам, которые имели место в феврале и марте, не вызвали возражений. Сразу же было проголосовано за то, чтобы восемьсот миллионов *ассигнаций* были закреплены за конфискованным имуществом *эмигрантов*. На тот момент во Франции было всего 150 000 солдат. 24 февраля был издан указ о призыве 300 000 человек и обязал каждый департамент увеличить соответствующую долю. Французская армия, которой предстояло совершить такие чудеса в последующие двадцать лет, начинает свою деятельность в этот день. Но первым следствием стало чрезвычайное ослабление военной мощи государства. Революция многое сделала для сельского населения и не наложила на него никакого бремени. Принудительный сбор был первым. В большинстве мест при достаточном давлении необходимые люди были предоставлены. В некоторых округах было предложено больше, чем положено.

10 марта в отдаленных приходах Пуату был открыт призыв на военную службу. В стране уже некоторое время царил волнение. Крестьяне, поскольку в этом регионе не было крупных городов, были возмущены свержением знати, духовенства и трона. Изгнание их священников вызывало постоянное недовольство. И теперь требование, чтобы они вышли под командованием офицеров, которым они не доверяли, и умерли за правительство, которое их преследовало, вызвало вспышку насилия. Они отказались составить свой список, а на следующий день собрались большими толпами и обрушились на два типа людей, которых они ненавидели, — правительственных чиновников и новоиспеченное духовенство. До середины марта было убито около трехсот священников и республиканских чиновников, и началась Вандейская война. И именно там, а не в Париже, свобода дала свой последний отпор революционной Франции.

Но сначала мы должны посмотреть, что происходило в Конвенте под сенью надвигающейся борьбы. 11 октября был назначен комитет для разработки конституции Республики. Этим занимался Дантон, но он был далеко, с армией в Бельгии. Том Пейн привез просвещение из Америки, а Барер, обычно не имевший собственных идей, делал правдоподобными идеи других. Большинство были жирондистами, и Сийес был тесно связан с ними. 15 февраля Кондорсе представил отчет. Это была главная попытка жирондистов укрепить свою власть, и в течение трех месяцев она занимала все свободное время Конвента. Продолжительность дебатов доказала слабость партии. Робеспьер и его друзья выступили против работы своих врагов и обсудили ее. Они посвятили свои аргументы преамбуле, новой формуле прав человека, и преуспели в этом настолько хорошо, что ни одна часть Конституции так и не была вынесена на голосование. Самая интересная часть дебатов была посвящена принципу свободы вероисповедания, который подтверждался в проекте и против которого выступил Верньо. Пока продолжалась эта безрезультатная дискуссия, решительная борьба развернулась в другом месте, и якобинцы нанесли контрудар превосходящими силами.

У Дюмуре начали неудачи, и потребность в концентрации стала еще более острой. Дантон пришел к взаимопониманию с Робеспьером, и они приняли решение о создании революционного трибунала. Он должен был состоять из судей, назначенных Конвентом для суда над заключенными, которых Конвент направил к нему, и судить без апелляции. Дантон сказал, что это необходимая мера для предотвращения народного насилия и мести. Он рекомендовал это во имя человечности. Когда Конвент услышал, как Дантон говорит о гуманности, его охватила дрожь, и среди мертвой тишины Ланжуине произнес слово "Сентябрь". Дантон ответил, что массовых убийств не было бы, если бы в то время был учрежден новый трибунал. Конвент постановил, что суд должен проводиться с участием присяжных и что ни один депутат не должен привлекаться к суду без их разрешения. Цель Робеспьера не была достигнута. Он имел в виду, что революционный трибунал должен судить без присяжных и должен обладать юрисдикцией над депутатами. Жирондисты были все еще слишком сильны для него. Затем Дантон обратился к ним. Они согласились с тем, что должен быть создан сильный комитет для надзора за правительством. 25 марта они представили список из двадцати пяти человек, составленный в основном из их собственных друзей, и, подчинив таким образом Ассамблею в целом комитету, они снова вернули себе верховную власть. Сразу же после этого в Париже стало известно о дезертирстве Дюмуре, и Конвент справедливо полагал, что они чудом избежали большой опасности. Ибо Дюмуре намеревался объединить все силы, которые он мог собрать в голландских и бельгийских Нидерландах, и отправиться во Францию во главе с ними, чтобы создать свое собственное правительство. Он поддерживал тесную связь с Дантоном, и возможность напасть на Дантона была слишком хороша, чтобы ее упустить. 1 апреля Ласурс обвинил его в соучастии в государственной измене. Перемирие между ними подходило к концу, и последствия вскоре стали очевидны. Комитет двадцати пяти был слишком громоздким и состоял из разных партий. Было внесено предложение сократить их число, и 6 апреля был избран новый комитет из девяти, настоящий Комитет общественного спасения, в который не вошли жирондисты. В тот же день состоялась первая казнь заключенного, приговоренного новым трибуналом. Два главных инструмента революционного правительства были приведены в действие одновременно. Но они не позволили якобинцам добраться до своих врагов в Собрании, поскольку депутаты были неприкосновенны. Все остальные были во власти публичного обвинителя.

Жирондисты, потерпев неудачу в своей атаке на Дантона, теперь ополчились против Марата и 220 голосами против 132 отправили его в революционный трибунал для суда за подстрекательство к мятежу. 24-го он был оправдан. Тем временем его друзья подали петицию против жирондистов и потребовали изгнания двадцати двух из них. Петиция была отклонена после дебатов, в ходе которых Верньо отказался, чтобы судьба его партии решалась первичными собраниями, на том основании, что это привело бы к гражданской войне. Вандея была объята пламенем, и опасность взрыва ощущалась во многих частях Франции.

Вплоть до мая месяца жирондисты терпели неудачу в своих нападках на отдельных депутатов, но их позиции в Собрании были непоколебимы. С помощью своих разногласий и с помощью случайного большинства, особенно с помощью неуверенной и нерегулярной помощи Дантона, Робеспьер осуществил важные меры — Революционный трибунал, Комитет общественной безопасности, привлечение комиссаров Конвента для введения поборов в каждом департаменте. Серией приемлемых декретов в пользу неимущих он провозгласил себя и своих друзей создателями нового общественного порядка, направленного против представителей среднего класса. Народ Парижа отреагировал созданием повстанческого комитета для достижения, путем законного давления или иным образом, цели депутации, которая требовала исключения двадцати двух. 21 мая была назначена комиссия из двенадцати человек для отстаивания верховенства Конвента над муниципалитетом. Жирондисты получили большинство. Их кандидаты получили от 104 до 325 голосов. Ни у одного якобинца их не было больше 98. Это была их последняя победа в парламенте. Законного способа уничтожить их не было. Работу пришлось оставить агитаторам вроде Марата и комитета восстания. Когда это стало понятно, конец был очень близок. Комитет двенадцати, орган Конвента и его умеренной части, арестовал нескольких наиболее яростных агитаторов. 26 мая Робеспьер призвал народ Парижа выступить против депутатов-предателей. На следующий день они появились, пробились в Конвент и выдвинули свои требования. Мужчины были освобождены, а комиссия из двенадцати человек распущена. Но 28-го Ассамблея, пристыженная тем, что покорно уступила демонстрации, которая не была подавляющей, обновила состав комиссии 279 голосами против 239.

Теперь было решено предпринять более решительные действия, и якобинцы подготовили то, что они называли моральным восстанием. Они хотели избежать кровопролития, поскольку срок полномочий Революционного трибунала заключался в том, что он предотвращал пролитие крови иначе, чем с помощью юридических форм. Жирондистам после изгнания можно было предоставить пользоваться всеми преимуществами суда присяжных. Тем временем жирондистская схема Конституции была отменена, и для разработки новой были назначены пять новых членов; а 30 мая впервые из числа депутатов Горы был избран президент. 31 мая восставшие массы ворвались в Ассамблею. Реального насилия и сопротивления не было. Жирондисты ничего не предприняли для защиты своего дела, и их комиссия двенадцати была снова распущена. Депутаты остались невредимы; но Ролан бежал, а его жену отправили в тюрьму. Два дня спустя, 2 июня, победа моральной силы была завершена. Тюильри был окружен пушками, депутатам не разрешили выходить на улицу, и некоторые из жирондистов согласились сложить свои полномочия, чтобы предотвратить вспышку восстания. Это называлось добровольным ostracism.

При крайней слабости партии один Ланжуине говорил и действовал смело и решительно. Лежандр подошел к Трибуне, пока тот выступал, и пригрозил убить его. Поскольку Лежандр был мясником, Ланжуине ответил: "Сначала объявите, что я бык". Когда Шабо, который был капуцином, поносил павших государственных деятелей, Ланжуине воскликнул: "Древние увенчивали свои жертвы цветами, и священник не оскорблял их". Этот храбрый человек пережил все это, стал свидетелем уничтожения своих врагов, был избран во многих департаментах и председательствовал в Палате, которая приняла решение о свержении Наполеона. В последний момент малоизвестный сторонник жирондистов увидел Дантона и призвал его вмешаться, чтобы спасти Конвент от насилия. Дантон ответил, что он ничего не может сделать, потому что они не доверяют ему. Это искупительное свидетельство. Вечером 2 июня наиболее заметные жирондисты, не будучи отправлены в тюрьму, были помещены под арест. В столице победа якобинцев была полной. Они победили с помощью повстанческого комитета, в который не допускался ни один человек, не поклявшийся в одобрении сентябрьских убийств.

Разгром и истребление последовали после падения Жиронды. Они были щепетильны в том, чтобы не защищаться силой, и предпочли Республику своей партии. В то время как некоторые оставались заложниками во власти врага, другие ушли, чтобы посмотреть, что подумает Франция о нанесении увечий своему парламенту. Их сила была в департаментах, и в нескольких департаментах народ вооружался. На западе у них не было надежды, ибо они установили законы, против которых восстала Вандея. Они повернули на север. В Нормандии роялисты формировали армию под командованием известного интригана Пюизе. Между таким человеком и Бюзо не могло быть взаимопонимания. У них не было времени ссориться, поскольку движение сразу же прекратилось. Жители Нормандии были совершенно безразличны. Но среди них был один, у кого хватило духа, и энергии, и отваги, и страсти, чтобы изменить облик Франции. Эта необыкновенная личность была дочерью месье д'Армона, и она вошла в бессмертную историю как Шарлотта Корде. Ей было двадцать четыре. Ее отец был роялистом, но она читала Рейналя и питала классический энтузиазм, который в те времена, как и в другие, был вызван Плутархом. Она отказалась от здоровья Людовика XVI, потому что, по ее словам, он был хорошим человеком, но плохим королем. Она предпочитала жить с родственницей, вдали от своей собственной семьи, и твердо решила никогда не выходить замуж. Ее воспитание было глубоко религиозным, но это влияние, похоже, ослабло в ее новом доме. От него не осталось и следа в течение пяти дней, в течение которых бьет неистовый свет. В ее комнате они нашли Библию, раскрытую на рассказе о Юдифи. С 31 мая она привыкла считать Марата автором запрещения жирондистов, некоторые из которых появились в Кане в ореоле патриотизма. Когда 7 июля проходил парад войск, тех, кто вызвался добровольцем для похода на Париж, было так мало, что надежда на подвиги, которые могли совершить вооруженные люди, полностью исчезла. Шарлотте пришло в голову, что, возможно, есть нечто более сильное, чем руки и сердца вооруженных людей. Жирондисты находились во власти наемных убийц, людей, от которых во Франции не было никакой защиты, кроме кинжала. Лишить человека жизни было единственным способом спасти множество жизней. Ее никогда не покидало сомнение в том, что убить убийцу, настоящего и планирующего убийцу, правильно при условии принятия наказания. Она никому не рассказала о принятом ею решении и не сказала ничего патетического или хвастливого. На неуклюжие любезности Петиона она ответила только: "Гражданин, вы так говорите, потому что не понимаете меня. Когда-нибудь вы узнаете". Под безобидным предлогом она отправилась в Париж и встретила с одним из депутатов-жирондистов. В обмен на некоторую вежливость она

посоветовала ему немедленно уехать в Кан. Его друзья были арестованы, а его документы уже изъяты, но он сказал ей, что не может покинуть свой пост. Она снова воскликнула: "Поверьте мне, улетайте до завтрашней ночи!" Он не понимал, а ведь он был одним из знаменитой компании, взошедшей на эшафот вместе с Верньо. На следующее утро, в субботу 13 июля, Шарлотта купила свой кинжал и нанесла визит Марату. Хотя он был в ванной, где проводил большую часть своего времени, она вошла и объяснила свою назойливость тем, что рассказала ему о заговорщиках, которых она видела в Нормандии. Марат записал их имена и заверил ее, что через несколько дней прикажет гильотинировать их. По этому сигналу она вонзила свой нож ему в сердце. Когда идиотский генерал-обвинитель намекнул, что столь уверенный удар мог быть нанесен только практикой, она воскликнула: "Чудовище! Он принимает меня за убийцу". Все, что она чувствовала, это то, что она отняла одну жизнь, чтобы спасти тысячи. Ее сбили с ног и сквозь разъяренную толпу потащили в тюрьму. Сначала она была поражена, что все еще жива. Она ожидала, что ее разорвут на куски, и надеялась, что уважаемые жители, увидев ее голову, насаженную на пику, вспомнят, что именно за них была отдана ее юная жизнь. Из всех убийц и всех жертв Шарлотта Корде была самой сдержанной. Когда палач пришел в туалет, она одолжила у него ножницы, чтобы отрезать прядь своих волос. Пока повозка медленно двигалась по бушующим улицам, он сказал ей: "Ты должна найти долгий путь". "Нет, - ответила она, - я не боюсь опоздать". Говорят, что Верньо произнес такую эпиграфию: "Она убила нас, но она научила нас всех умирать".

После неудачи в Нормандии, о которой сохранился этот эпизод, Бузо и его спутники бежали морем в Жиронду. 28 июля они были объявлены вне закона, им грозила смерть без суда, и они были вынуждены прятаться во флигелях и пещерах. Почти все были схвачены. Барбару, который привел марсельцев, застрелился в момент поимки, но у него хватило жизни, чтобы его повели на эшафот. Бузо и Петтион пережили свое падение на год. Ближе к концу правления террора рычащие собаки привлекли внимание в отдаленном месте на юго-западе. Там были найдены и опознаны два жирондиста, хотя их лица были изъедены. Прежде чем отправиться умирать, Бузо спрятал в безопасное место письма мадам Ролан. Семьдесят лет спустя они появились на свет на распродаже, и предполагаемый секрет ее жизни, рассказанный в ее *Мемуарах*, но скрытый первыми редакторами, был раскрыт миру. Она была казнена 10 ноября 1793 года, через четыре дня после смерти герцога Орлеанского, ижизнерадостное достоинство ее последних минут примирило многих, кому были противны ее декламационный акцент, ее страсть и бесчеловечность. Ее муж был в безопасности в своем убежище недалеко от Руана; но когда он услышал, то проткнул себя тростью-шпагой. Основная группа погибла несколькими днями ранее. Из 180 депутатов-жирондистов 140 были заключены в тюрьму или разогнаны, и 24 из них удалось бежать; 73 были арестованы в Париже 3 октября, но не предстали перед судом; 21, среди которых было много знаменитостей, предстали перед революционным трибуналом 24 октября, и неделю спустя они были казнены. Суд над ними был нерегулярным, даже если их участь не была незаслуженной. С Верньо, Бриссо и их товарищами началась практика одновременной отправки номерков на гильотину. За последующие пять месяцев их было 98.

Во время агонии своей партии Кондорсе нашел приют в ночлежном доме в Париже. Там, во времена правления террора, он написал небольшую книгу о человеческом прогрессе, в которой изложено его наследие человечеству. Основную идею он почерпнул у своего друга Тюрго и передал ее Контю. Возможно, существует десяток-другой решающих и характерных взглядов, которые правят миром и которыми каждый человек должен овладеть, чтобы понять свою эпоху, и это один из них. Когда книга была закончена, роль автора была сыграна, и ему больше не для

чего было жить. Поскольку о его убежище было известно, по крайней мере, одному из монтаньяров, он боялся скомпрометировать тех, кто приютил его, рискуя своей жизнью. Кондорсе переоделся и выскользнул из дома с Горацием в одном кармане и дозой яда в другом. Когда стемнело, он пришел к дому друга в деревне. Что там произошло, так и осталось неизвестным, но беглый философ не остался. В нескольких милях от Парижа он был арестован по подозрению и помещен в тюрьму. Утром его нашли мертвым. Кабанис, который впоследствии подобным образом снабжал Наполеона, дал ему средство к бегству.

Это был жалкий конец партии жирондистов. Они были легко разбиты и безжалостно уничтожены, и ни один человек не пошевелился, чтобы спасти их. С их падением свобода погибла; но она стала слабым остатком в их руках, и искра почти погасла. Хотя они были не только слабыми, но и плохими, ни одна нация никогда не переживала большего несчастья, чем то, которое постигло Францию в результате их поражения и разрушения. Они были последним препятствием на пути к господству террора и деспотизму, который затем последовательными шагами сосредоточился в Робеспьере.

XVIII

ЦАРСТВО ТЕРРОРА

Либеральная и конституционная волна, с которой началась революция, закончилась вместе с жирондистами; и дело свободы против авторитета, права против силы было проиграно. В момент их падения Европа была вооружена против Франции на суше и на море; роялисты одержали победу на западе; восстание на юге ширилось, и Преси удерживал Лион с 40 000 человек. Большинство, которые были хозяевами Конвента, преследовали одну главную цель - увеличить и сконцентрировать власть, чтобы страна могла быть спасена от опасностей, которые в те летние месяцы угрожали ей уничтожением. Эта единственная высшая и неотложная цель определяла резолюции и вдохновляла на меры до конца года и привела к методу правления, который мы называем Царством террора. Первым актом "триумфальной горы" было принятие Конституции. В апреле и мае они критиковали проект жирондистов и выступали против него, и только новой декларации прав человека было разрешено пройти. Теперь все это было возобновлено. Комитет общественной безопасности, усиленный вступлением в должность пяти якобинцев, взялся подготовить схему, адаптированную к нынешним условиям и воплощающую преобладавшие принципы. Взяв за основу проект Кондорсе и модифицировав его в том направлении, на которое указывали якобинские ораторы в ходе дебатов, они выполнили свою задачу за несколько дней и 10 июня представили свои предложения Конвенту. Докладчиком был Эро де Сешель; но самым постоянным оратором в последовавших за этим дебатах был Робеспьер. После бурного обсуждения, но с некоторыми серьезными поправками, 24 июня была принята Республиканская конституция 1793 года. Из всех плодов Революции это наиболее характерно, и оно превосходит ее репутацию.

Жирондисты своим писателем Кондорсе опустили имя Бога и гарантировали свободу совести только как свободу мнений. Они избирали как исполнительную, так и законодательную власть прямым голосованием всего народа и назначали должностных лиц тем, кем им предстояло

управлять. Первичные собрания должны были выбирать Совет министров и иметь право инициировать законы. План ограничивал власть государства в интересах децентрализации. Комитет, сохраняя большую часть схемы, остерегался превышения центробежных сил. Они избрали законодательный орган прямым всеобщим голосованием, лишили гражданских прав домашнюю прислугу и сделали голосование необязательным, а следовательно, иллюзорным. Они постановили, что высший исполнительный совет двадцати четырех должен выдвигаться законодательным органом из списка кандидатов, по одному из которых избираются непрямым голосованием в каждом департаменте, и должен назначать всех министров и должностных лиц исполнительной власти и контролировать их; законодательный орган должен издавать указы, имеющие силу закона по всем необходимым вопросам; но принимать действующие законы только с народного одобрения, данного или подразумеваемого. Таким образом, они объединили прямую демократию с представительной демократией. Они ограничили избирательное право, отменили народную инициативу, ограничили народную санкцию, лишили избирательный округ покровительства исполнительной власти и уничтожили тайное голосование. Определив таким образом состав власти, они действовали в интересах личной свободы. Пресса должна была быть свободной, должна была существовать полная религиозная терпимость и право на ассоциации. Образование должно было стать всеобщим, и должен был быть принят закон о бедных; в случае угнетения восстание объявлялось не только правом, но и обязанностью, а узурпация каралась смертью. Все законы были временными и подлежали постоянному пересмотру. Робеспьер, который в апреле предал социалистические наклонности, отменил свои прежние высказывания, и теперь настаивал на сохранности собственности, пропорциональном, а не прогрессивном налогообложении и отказе от льгот для бедных. В апреле неизвестный депутат от Колоний потребовал признать Божественность в преамбуле, и в июне, после ликвидации жирондистов, идея была принята. В то же время, перевернув порядок вещей, равенство было провозглашено первым из Прав Человека, а Счастье, а не Свобода, было объявлено высшей целью гражданского общества. С точки зрения духовного качества обращение к Верховному Существому ничего не дало.

Эро предложил, чтобы всей страной избиралось Большое жюри присяжных для рассмотрения жалоб на правительство или его агентов и принятия решения о том, какие дела следует направлять в суд. План принадлежал Сийесу и был поддержан Робеспьером. Когда предложение было отклонено, он предложил, чтобы о каждом депутате судили по его избирательному округу, и в случае порицания он не имел права быть избранным в другом месте. Это противоречило принципу, согласно которому депутат принадлежит всей нации и должен быть избран нацией, если бы не практические трудности, которые вынуждают разделяться на отдельные избирательные округа. В итоге депутаты остались неприкосновенными и проверке не подлежали, хотя старейший из них, человек настолько старый, что вполне мог помнить Людовика XIV, искренне высказался в пользу Большого жюри.

Конституция мудро отменила постоянное предложение поддержки восставшим нациям и отказалась от любых целей вмешательства или агрессии. Когда был зачитан отрывок, в котором говорилось, что мира с захватчиком быть не может, чей-то голос воскликнул: "Вы заключили контракт с victory?" "Нет, - ответил Базир, - мы заключили договор со смертью". Немедленно появилась анонимная критика, но в ней легко угадывалась рука Кондорсе. Он жаловался на то, что судьям отдавалось предпочтение перед присяжными, что чиновники не назначались всеобщим голосованием, что не было установленного срока пересмотра, что народная санкция законов была сведена к простой форме. Кондорсе считал, что почти все имущественное

неравенство, которое вызывает страдания, является следствием несовершенных законов, и что цель социального искусства - уменьшить его. Были и другие, которые возражали, что Конституция не приносит пользы бедным. В отношении собственности, как и в других вещах, она отличалась ярко выраженным консерватизмом. Он был принят всенародным голосованием 1801 918 голосами против 11 610 и с торжественными церемониями был открыт 10 августа. Срок его вступления в силу не был установлен. Друзья Дантона говорили о досрочном роспуске, но Конвент отказался быть распущенным, и Конституция так и не была приведена в исполнение. Хотя другие акты законодательного органа того времени все еще оставались хорошим законом, французские юристы не апеллируют к великому конституционному закону от 24 июня и 10 августа 1793 года. В течение осени, 10 октября и 4 декабря, он был формально приостановлен и впоследствии так и не был восстановлен. Францией управлял не этот документ, а ряд определяющих нормативных актов, которые создавали чрезвычайные полномочия и подавляли оппозицию.

После целостности Собрания следующим, что пострадало, была свобода прессы. Журналисты не могли претендовать на неприкосновенность, которая была нарушена в отношении представителей, и уступили. Марат остался и пользовался влиянием в Париже, которое усилила его активность 2 июня. У него были свои последователи в массах и своя собственная основа власти, и он не был последователем ни Дантона, ни Робеспьера. Своим участием в падении жирондистов он стал равным им. Когда он умер, вакантное место в прессе и на улице сразу же занял меньший соперник, Эбер. За короткое время Эбер приобрел огромную власть. Газета Марата редко приносила доход, но Эбер печатал 600 000 экземпляров "*Отца Дюшен*". Через своего союзника Шометта он контролировал муниципалитет Парижа и все, что от него зависело. Через Бушотту и Винсента он руководил Военным министерством с его обширным покровительством и распоряжением деньгами и распространял свой дневник в каждом лагере. Для такого человека порядка и аккуратности, как Робеспьер, этот персонаж был отвратителен, поскольку он был анархичен и коррумпирован и являлся настоящим покровителем неспособных генералов; но Робеспьер не мог обойтись без его поддержки в прессе и был вынужден примирить его. Между Эбером и Дантоном шла открытая война, и Дантон пережил ее не лучшим образом. Он был ослаблен свержением жирондистов, которых хотел спасти, и вынужден был отступить. В Конвенте он по-прежнему был самой сильной фигурой и временами мог превзойти всех. Но когда он потерял свое место в руководящем комитете и остался без официальной информации, он, наконец, перестал тягаться с Робеспьером. Все лето он явно шел на убыль, в то время как союзники - Шометт, Эбер и Венсан - стали почти непобедимы.

10 июля Комитет общественной безопасности, ранее действовавший как законодательный комитет, был преобразован в исполнительный орган. Раньше в нем было четырнадцать членов, теперь их стало девять. Барер получил наибольшее количество голосов - 192; Сен-Жюст получил только 126; и Дантон не был избран. Влияние Робеспьера было огромным; он сам стал членом на вакантной должности 27 июля. Благополучие Франции было тогда на самом низком уровне. Вандейцы были непокорены, Лион не был взят, а австрийцы и англичане прорвали линию крепостей и медленно продвигались к Парижу. За несколько месяцев все это изменилось, и это были первые месяцы господства Робеспьера с его тремя могущественными инструментами - Комитетом общественного спасения, Революционным трибуналом и Якобинским клубом, которые сделали его хозяином Конвента. 27 июля, за день до его избрания в Комитет, произошло важное изменение. Впервые за четверть часа из Тюильри в армию, стоящую на границе, был отправлен приказ. Это было началом семафорного телеграфа, и наука

вступала в руки Революции. 1 августа была введена метрическая система, и за ней последовал республиканский календарь; но мы будем говорить об этом в другой связи.

В середине августа Приер, инженерный офицер, был избран в Комитет для ведения военных действий; но Приер возразил, что он не тот человек, и посоветовал им взять Карно. Поэтому 15 августа, во многом вопреки желанию Робеспьера, организатор победы вошел в правительство. Эбертисты предлагали принудительно призвать в армию все население, особенно более богатый класс. Дантон преобразовал предложение во что-то разумное, и 23 августа Карно составил указ, который получил название *levée en masse*. Это превратило Францию в номинальную нацию солдат. Фактически, это вызвало первый класс, от восемнадцати до двадцати пяти, и приказало мужчинам второго класса, от двадцати пяти до тридцати, быть готовыми. Именно Дантону и Карно Франция была обязана армией, которой предстояло захватить Континент; и к концу года лучшие солдаты мира - Гош, Моро, Массена, Бонапарт - были назначены командовать.

9 августа в гражданском порядке произошло событие, которое повлияло на будущее человечества так же сильно, как создание французской армии. В то время как Комитет общественной безопасности был занят разработкой Конституции, Комитет по законодательству был занят составлением Кодекса гражданского права, который лег в основу Кодекса Наполеона. Камбасерес, который впоследствии вместе с теми же коллегами завершил работу, представил ее в первом виде в тот день. Наконец, 24 августа Камбон, финансовый советник Республики, добился конвертации и унификации государственного долга.

Таковы были великие меры, предпринятые и осуществленные людьми, принявшими руководство Робеспьера в первые недели его правления. Мы переходим к тем, с помощью которых он укрепил свою власть.

В начале сентября состав Комитета был увеличен за счет приема Бийо-Варенна и Колло д'Эрбуа, из которых один впоследствии сверг Дантона, а другой - Робеспьера. Назначение Колло было уступкой Эберу. Та же партия была убеждена, что руки правительства слабы и их следует укрепить против его врагов. Сам Дантон говорил, что каждый день один аристократ, один злодей должен платить за свои преступления головой. Были разработаны сразу две меры, которые были хорошо рассчитаны для достижения этой цели. 5 сентября Революционный трибунал был реконструирован, и вместо одного Революционного трибунала их стало четыре. А 17 сентября был принят Закон о подозреваемых, позволяющий местным властям арестовывать кого им заблагорассудится и содержать его в тюрьме даже в случае оправдания. В Париже, где на 13 сентября насчитывалось 1877 заключенных, на 20 октября их было 2975. 25 сентября неправильное руководство войной в Вандее, в ходе которой даже гарнизон Менца потерпел поражение, привело к острым дебатам в Конвенте. Оно было разгромлено атакой дантонистов, но Робеспьер одержал победу и получил единогласный вотум доверия. С этой даты до 26 июля 1794 года мы отсчитываем дни его установленного правления, и Конвент уступает место Комитету общественной безопасности, который становится Временным правительством.

Партия насилия настаивала на смерти тех, кого они считали заложниками, жирондисты - за восстание на юге, королева - за восстание на западе. Попытка спасти жизнь Марии-Антуанетты была предпринята правительством с санкции Дантона. Марет послали вести переговоры о нейтралитете небольших итальянских государств, предложив освободить ее. Австрия, не желая, чтобы итальянцы сохраняли нейтралитет, схватила Марет и его спутника Семонвиля на

перевалах Гризонда и отправила их в темницу в Мантуе. Королева была отправлена в Консьержери, что было последним этапом перед Трибуналом; и поскольку ее племянник, император, не смягчился, в октябре она предстала перед судом и была казнена. Смерть королевы отвратительна, потому что это был ход в игре, уступка, с помощью которой Робеспьер выплатил свои долги людям, в то время более жестоким, чем он сам, и предотвратил их нападение. Мы уже видели, что советы, которые она давала в решающие моменты, были катастрофическими, что она не верила в права наций, что она замышляла войну и разрушения против своего собственного народа. Для ненависти было достаточно причин. Но если мы спросим себя, кто из нас выходит невредимым из испытаний, выпавших на долю королей и королев в те или даже в другие времена, и вспомним, как часто она защищала и служила национальному делу против роялистов и *эмигрантов*, даже против великого ирландца[2] чей портрет в Версале, переведенный Дютенсом, украшает ее портрет. как ее показала герцогиня Фицджеральд, мы должны признать, что она заслуживала лучшей участи, чем большинство тех, с кем мы можем ее сравнить.

[2] Берк, *Размышления о Французской революции*.

Тот октябрь 1793 года, с его новым и беспрецедентным развитием мясного дела, стал временем триумфа партии Эбера. Политика массовых арестов, быстрых судебных решений и скорейших казней была общепризнанной; и им Робеспьер казался вялым, нерешительным человеком, который двигался только под давлением. Наконец-то он двигался так, как они хотели; но заслуга была их, и они получили награду. Один из них, Винсент, был настолько кровожаден, что находил утешение в том, что грыз сердце тельца, как будто это было сердце роялиста. Но партия состояла не только из свирепых людей. У них было два врага, аристократ и священник; и у них было две страсти: уничтожение высшего класса и уничтожение религии. Другие нападали на духовенство, а третьи снова нападали на религию. Оригинальность этих людей в том, что они искали замену ей и хотели дать людям то, во что можно верить, что не было Богом. Они больше стремились навязать новую веру, чем разрушить старую. На самом деле, они были убеждены, что старая вера стремительно исчезает, и внутренне отвергалась теми, кто ее исповедовал. В то время как Эбер был анархистом, Шометт был пылким патриархом нерелигиозных верований. Он рассматривал Революцию как по существу враждебную христианской вере и полагал, что ее сокровенным принципом было то, что он сейчас предлагал. Духовенство было популярно в течение одного дня в 1789 году, но Национальное собрание отказалось объявить страну католической. В июне 1792 года якобинский клуб отклонил предложение упразднить Государственную церковь и установить Франклина и Руссо в нишах, занимаемых Святыми, а в декабре член, выступавший против богослужения, не встретил поддержки. 30 мая 1793 года, во время кризиса Жиронды, процессия Тела Христова беспрепятственно прошла по улицам Парижа; а 25 августа под председательством Робеспьера Конвент недвусмысленно отклонил петицию о запрете проповеди во имя Всемогущего Бога.

20 сентября Ромме представил Ассамблее новый календарь в тот момент, когда, по его словам, равенство воцарилось как на небесах, так и на земле. Он был принят 24 ноября под звучной терминологией, разработанной Фабром д'Эглантайном. Это означало замену христианства наукой. Месяцы вина и фруктов были не более антихристианскими, чем Юлий и Август, или чем Венера и Сатурн; но практическим результатом стала отмена воскресений и праздников и

превосходство разума над историей, астронома над священником. Календарь был настолько совершенным орудием нападения, что никого не волновала абсурдность названий, которые были неприменимы к другим широтам и непонятны на Иль-де-Франс или Пондишери. В то время как Конвент колебался, иногда двигаясь в одном направлении, а затем возвращаясь назад, Коммуна решительно продвигалась вперед, поскольку Шометт был воодушевлен преимуществом, полученным его друзьями в сентябре и октябре. Он считал, что теперь пришло время закрыть церкви и ввести новые формы секуляризованного богослужения. Поддержанный немцем, более восторженным, чем он сам, Анахарсисом Клутом, он убедил епископа Парижа, что его Церковь обречена, как и Церковь невиновных, что верующие в нее не верят, что страна от нее отказалась. Шометт смог добавить, что Коммуна хотела избавиться от него. Гобель уступил. 7 ноября он появился вместе с некоторыми из своих священнослужителей в коллегии адвокатов Конвента и передал народу то, что он получил от народа. За ними последовали другие священники и епископы, и оказалось, что некоторые из них были людьми, которые ходили с масками на лицах и были рады отречься от верований, которых они не разделяли. Сийес заявил то, что всем было известно, что он не верит в доктрины и не практикует обряды своей Церкви; и он отказался от значительного дохода. Некоторые сомневались, был ли Гобель столь же бескорыстен. Говорят, что он предложил свою покорность папе в обмен на скромную сумму, и утверждается, что он получил компенсацию через Клуца и Шометта, которым его торжественная капитуляция стоила многого. Сила его примера несколько утратилась, когда епископ Блуа Грегуар, самый яростный враг королей, какого только можно найти где бы то ни было, поднялся на трибуну и отказался покинуть свой церковный пост. Он оставался в Конвенте до конца, одетый в цветную мантию французского прелата.

Через три дня после церемонии отречения Шометт открыл собор Нотр-Дам для религии Разума. Конвент стоял в стороне, с холодным презрением. Но актриса, сыгравшая главную роль, которую по-разному описывали как Богиню Разума или Богиню Свободы, и которая, возможно, сама не знала, кем она была, спустилась со своего трона в церкви, проследовала к Собранию и была допущена на место рядом с Президентом, который оказал ей то, что было известно как дружеская похвала под громкие аплодисменты. После этого вторжения колеблющиеся депутаты уступили, и примерно половина из них проводила богиню обратно на ее место под готическими башнями. Шометт решительно одержал победу. Он уже запретил богослужение вне зданий. Теперь он выгнал духовенство, назначенное государством, и заменил его парижской актрисой. Он преодолел явное нежелание Собрания и заставил депутатов принять участие в его церемонии. 23 ноября он приступил к закрытию церквей, и коммуна постановила, что тот, кто откроет церковь, должен понести наказание подозреваемого. Это был зенит эбертизма.

Два человека неожиданно объединились против Шометта и выступили как защитники христианского мира. Это были Дантон и Робеспьер. Робеспьер был вполне готов к тому, что найдутся люди более экстремальные, чем он, чью помощь он мог бы дешево купить несколькими телегами жертв. Но он не собирался подавлять религию в пользу богослужения, в котором не было Бога. Это противоречило его политике и его убеждениям, ибо, как и его учитель Руссо, он был верующим теистом и даже нетерпимым в своей вере. Это не было связующим звеном между ним и Дантоном, у которого не было подобных спиритуалистических убеждений и который, поскольку он был теоретиком, принадлежал к другой школе мысли восемнадцатого века. Но Дантон постоянно подвергался нападкам со стороны эбертистской партии и испытывал отвращение к их насилию. Смерть жирондистов потрясла его, поскольку он не видел веской

причины, которая освободила бы его от их ставки. У него не было ни надежды на будущее Республики, ни энтузиазма, ни веры. С того времени, в октябре, его мысли обратились к умеренности. Он отождествлял Эбера, а не Робеспьера, с непрекращающимся кровопролитием, и он был готов действовать вместе с последним, своим настоящим соперником, против разъяренных истребителей. С конца сентября он отсутствовал в своем собственном доме в Арси. По возвращении он и Робеспьер осудили нерелигиозные маскарады и выступили в защиту духовенства, которое имело такое же право на веротерпимость, как и их противники.

Когда Робеспьер заявил, что Конвент никогда не намеревался запрещать католическое богослужение, он был искренен и делал первый шаг, который привел к празднику Высшего Существа. Дантон действовал исключительно из политических соображений, выступая против людей, которые были его собственными врагами. Шометт и Эбер уступили. Коммуна провозгласила, что церкви не должны закрываться; и в начале декабря культ Разума, продолжавшийся двадцать шесть дней, подошел к концу. Рана ощущалась остро. Огонь и яд, сказал Шометт, были оружием, с помощью которого священники нападают на нацию. Таким предателям не должно быть пощады. Это вопрос жизни и смерти. Давайте воздвигнем между нами барьер вечности. Мессу больше не служили публично. Она продолжалась в частных часовнях всю зиму до конца февраля. В апреле одним из главных обвинений против Шометта было его вмешательство в полночную службу на Рождество.

Робеспьер подавил эбертизм с помощью Дантона. Видимым знаком их взаимопонимания стало появление в декабре *Vieux Cordelier*. В этом знаменитом журнале Камиль Демулен отстаивал дело милосердия с пылом, который поначалу походил на искренность, и выставил Эбера к позорному столбу как существо, опьяневшее от капель гильотины, Робеспьер видел более ранние номера в доказательство; но к Рождеству ему надоело заключать сделку. Конвент, проявивший некоторую склонность к помилованию 20 декабря, вышел из него 26-го, и Демулен в последнем из своих шести номеров громко отказался от своего прежнего аргумента. Альянс был распущен. Он послужил целям Робеспьера, победив Эбера и дискредитировав Дантона. В январе *Vieux Cordelier* перестал выходить.

Робеспьер теперь стоял между двумя враждебными партиями — Дантоном, Демуленом и их друзьями на стороне регулярного правительства; Эбер, Шометт и Колло, вернувшиеся после ужасного проконсультата, желали править сурово. Энергия Колло дала новую жизнь его партии, в то время как Дантон не проявил никаких ресурсов. Как раз тогда Робеспьер заболел, и с 19 февраля по 13 марта он был прикован к своей комнате. Робеспьер был расчетливым и тактичным человеком, методичным в своих действиях, определенным и взвешенным в своих целях. Он был менее примечателен решимостью и мужеством; и таким образом, два человека необычайной энергии теперь взяли на себя инициативу. Это были Бийо-Варенн и Сен-Жюст. Когда Сен-Жюст был в армии, его товарищ Бодо рассказывает, что они поражали солдат своей отвагой под огнем. Он добавляет, что у них не было никаких заслуг, поскольку они знали, что ведут заколдованную жизнь и что пушечные ядра не могут их тронуть. Это был пылкий и фанатичный дух, который Сен-Жюст привез с собой. Во время болезни своего лидера он перехватил инициативу и провозгласил доктрину, согласно которой все фракции представляют собой разделение власти, что они ослабляют государство и, следовательно, являются предательскими объединениями.

4 марта Эбер призвал народ к оружию против правительства умеренных. Попытка провалилась, и Робеспьер, потратив большие деньги, привлек Париж на свою сторону. В какой-то момент он даже подумывал о том, чтобы заключить соглашение с этим опасным соперником; и есть история, что он пал духом и подумывал о бегстве в Америку. В этом конкретном кризисе деньги сыграли свою роль, и Эбер был профинансирован иностранными банкирами, чтобы покончить с тиранией Робеспьера. 13 марта он был арестован, Шометт - 18-го; а 17-го Эро де Сешель, друг Дантона, придя в Комитет общественной безопасности, получил от Робеспьера указание удалиться, поскольку они обсуждали его арест. 19-го дантонисты арестовали Эрона, полицейского агента Робеспьера, который немедленно освободил его. 24 марта Эбер был отправлен на эшафот. По дороге он жаловался Ронсену, что Республика вот-вот погибнет. "Республика, - сказал другой, - бессмертна". До сих пор гильотина использовалась для уничтожения побежденных партий и лиц, заведомо враждебных друг другу. Нетрудно было сделать вывод, что это может послужить против личных соперников, которые были лучшими из республиканцев и якобинцев. Жертвами в марте месяце стали 127 человек.

Дантон ничего не сделал, чтобы остановить резню. Его бездействие погубило его и лишило той доли сочувствия, которая полагается человеку, страдающему из-за своих благих намерений. Бийо и Сен-Жюст потребовали его ареста и вынесли это на ночное заседание Комитета. Только один отказался подписать. Дантона неоднократно и исчерпывающе предупреждали. Тибодо, Русселен, сказал ему, что надвигается. Панис в последний момент пришел к нему в оперу и предложил убежище. Вестерманн предложил ему поднять вооруженных людей. Тальен умолял его принять меры к обороне; а Тальен был президентом Конвента. Предупреждение пришло к нему из самой могилы Марата. Альбертина подошла к нему и сказала, что ее брат всегда с презрением отзывался о Робеспьере как о человеке слова. Она воскликнула: "Идите на трибуну, пока Тальен председательствует, руководите Собранием и разгромьте Комитеты. Для такого человека, как вы, нет другого пути к безопасности!" "Что?" - ответил он. "Я должен убить Робеспьера и Бийо?" "Если ты этого не сделаешь, они убьют тебя". Он сказал одному из своих советников: "Трибунал оправдает меня". Другому: "Лучше быть гильотинированным, чем быть гильотинированным". И третьему: "Они никогда не посмеют!" В последнем интервью Робеспьер обвинил его в том, что он поощрял оппозицию Демулена и сожалел о жирондистах. "Да, - сказал Дантон, - пришло время прекратить пролитие крови". "Тогда, - возразил другой, - вы заговорщик, и вы признаете это". Дантон, поняв, что проиграл, разрыдался. Вся Европа изгнала бы его; и, как он сам сказал, он был не из тех, кто мог бы нести свою страну на подошвах своих ботинок. Одним из грозных обвинений было то, что его называли поручителем мистера Питта; поскольку Питт сказал, что, если будут переговоры, лучшим человеком для переговоров будет Дантон. Он был арестован вместе с Камиллой Демулен и другими друзьями в ночь на 31 марта. На следующий день Лежандр внес предложение заслушать его перед Съездом, и если бы они его услышали, он по-прежнему был бы там хозяином. Робеспьер почувствовал всю опасность момента, и Правые поддержали его в отказе от этой привилегии. Дантон защищался с такой силой, что судьи растерялись, а звуки памятного голоса были слышны снаружи и взбудоражили толпу. Комитет общественной безопасности отказал свидетелям, вызванным для защиты, и прекратил судебное разбирательство. Был нарушен закон, согласно которому Дантон и его сообщники могли быть осуждены.

Во Франции не было более убежденного патриота, чем Дантон; и все люди могли видеть, что он был предан смерти из личной злобы, ревности и страха. Отныне у победителя не было иного способа сохранить свою власть, кроме приведения в действие гильотины. Приберегая сострадание к менее неблагородным преступникам, мы должны признать, что защита Дантона происходит в течение четырех месяцев усиливающегося террора, последовавших за 5 апреля 1794 года, когда Робеспьер занял позицию на углу Тюильри, чтобы наблюдать последние минуты жизни своего сообщника по преступлению.

Внезапный упадок сил Дантона и его гибель от рук людей, явно уступавших ему по способностям и энергии, - событие настолько странное, что оно было объяснено историей, которую стоит рассказать, хотя она недостаточно достоверна, чтобы повлиять на ход повествования. В июне 1793 года, сразу после падения жирондистов, Дантон женился. Его невеста настояла на том, чтобы их союз благословил священник, который не давал клятв. Дантон согласился, нашел священника и исповедался. Он оказался непригодным для своей роли в Революции, вышел из Комитетов и удалился, обескураженный и испытывающий отвращение, в деревню. Когда он вернулся после казни королевы, мадам Ролан и жирондистов, он встал на сторону запрещенного духовенства и поощрял движение за помилование. Таким образом, он потерял свою популярность и влияние и отказался принять меры для восстановления власти. Он пренебрег даже мерами для своей личной безопасности, как человек, которому надоела его жизнь. В то время семеро парижских священников, имена которых приводятся, по очереди следовали за повозками от тюрьмы к гильотине, переодевшись одним из воющей толпы, чтобы утешить умирающих. И аббат де Керавенант, который женился на Дантоне, таким образом последовал за ним на эшафот, был им узнан и в последний момент отпустил ему грехи.

XIX

ROBESPIERRE

Мы подходим к концу правления террора, 9-му Термидору, самой благоприятной дате в современной истории. В апреле Робеспьер был абсолютен. Он приговорил Эбера к смерти за то, что тот сеял беспорядки, Шометта - за то, что тот подавлял религию, Дантона - за то, что тот стремился ограничить кровопролитие. Его политика заключалась в поддержании порядка и власти с помощью регулируемого террора и ослаблении преследований. Руководящая власть была сосредоточена в Комитете общественной безопасности путем упразднения должности министра, вместо которой существовало двенадцать административных советов, подчиняющихся Комитету. Чтобы не было соперничающей власти, муниципалитет был реконструирован и передан в руки людей, приближенных к Робеспьеру. Сохранялся дуализм между представительством в Ассамблее и более прямыми действиями суверенного народа в ратуше. Когда звонит набат, сказал член Коммуны, Конвент прекращает свое существование. Другими словами, когда принципал решает вмешаться, он заменяет своего агента. Два понятия правительства противоречат друг другу, и органы, которые их внедрили, естественно, были враждебны. Но их антагонизм был приостановлен, пока Робеспьер стоял между ними.

Реформатская коммуна немедленно закрыла все клубы, которые не были якобинскими. Все партии были разгромлены: роялисты, фейяны, жирондисты, кордельеры. То, что осталось от них в разбросанных по Франции тюрьмах, теперь должно было быть переправлено в Париж и там постепенно уничтожено. Но хотя больше не существовало противостоящей партии, все еще существовал класс людей, который не был сокращен или примирен. Она состояла в основном из депутатов, которые были отправлены для подавления восстания в провинциях в 1793 году. Эти комиссары Конвента пользовались огромной властью; у них была бесконтрольная власть над жизнью и смертью, и они без зазрения совести собирали добычу у живых и мертвых. По этой причине они были объектами подозрений у суровой особы, стоявшей во главе государства, и были известны как самые беспринципные и решительные из людей.

Робеспьер, испытывавший сильные опасения, очень рано понял, где таится опасность, и знал, кого из этих врагов следует опасаться больше всего. Он так и не решил, как встретить опасность; он угрожал, прежде чем нанести удар; и остальные объединились и свергли его. Он помог объединить их, представив конфликт идей в то время, когда, по-видимому, и на поверхности его не было. Все были республиканцами и якобинцами, но Робеспьер теперь настаивал на вере в Бога. Он погиб из-за чудовищного обмана, связав божественную санкцию с преступлениями своего кровавого правления. План был предложен не из соображений целесообразности, поскольку он всегда был верен этой идее. В молодости он познакомился с Руссо в Эрменонвиле и принял неопределенную религию "савойского наместника". В марте 1792 года он предложил резолюцию о том, что вера в Провидение и будущую жизнь является необходимым условием якобинства. В ноябре он утверждал, что упадок религиозных убеждений оставил лишь остатки идей, благоприятных для свободы и общественной добродетели, и что основные принципы политики можно найти в возвышенном учении Христа. Он возражал против лишения статуса, потому что необходимо сохранять почтение к авторитету, стоящему выше человека. Поэтому 5 декабря он убедил Клуб разбить вдребезги бюст Гельвеция.

Хотя Руссо, великий мастер, был женевским кальвинистом, никто не думал о сохранении христианства в протестантской форме. Министры-гугеноты сами ничего не сделали для этого, и Робеспьер испытывал к ним особую неприязнь. Сразу после казни Дантона и перед судом над Шометтом Кутон предвещал восстановление религии. Неделью спустя было решено, что останки Руссо, отца новой церкви, должны быть перенесены в Пантеон.

7 мая Робеспьер выдвинул свое знаменитое предложение о том, чтобы Конвент признал существование Высшего Существа. Его аргумент, лишенный парламентских атрибутов, был таков. Секрет жизни Республики - это общественная и частная добродетель, то есть честность, сознание долга, дух самопожертвования, подчинение дисциплине власти. Таковы естественные условия чистой демократии; но на продвинутой стадии цивилизации их трудно поддерживать без сдерживания верой в Бога, в вечную жизнь, в правление, осуществляемое Провидением. Общество будет разделено страстями и интересами, если оно не будет примирено и контролироваться тем, что является универсальной основой религий. Этим обращением к высшей силе Робеспьер надеялся укрепить государство внутри страны и за рубежом. В достижении последней цели он преуспел; и торжественное отречение от атеизма произвело впечатление на мир. Это был очень явный шаг в консервативном направлении, поскольку он обещал религиозную свободу. Не должно было быть никаких поблажек церквям, но также и никаких преследований. Практически преимущество было на стороне христианской части населения, и безбожие, хотя и не запрещалось, не поощрялось. Революция, казалось,

поворачивала вспять и искала своих друзей среди тех, кто приобрел свои привычки к жизни и мышлению при павшем порядке. Перемена была несомненной; и это была перемена, навязанная волей одного человека, не подкрепленная никаким течением мнений.

Месяц спустя, 8 июня, Праздник Верховного Существа был проведен со всей торжественностью, на которую был способен Париж. Робеспьер шел в процессии от Тюильри до Марсова поля во главе Конвента. Когда остальные отступили, он прошествовал один, с напудренными волосами, с большим букетом цветов в руках, в небесно-голубом сюртуке и нанковых брюках, которыми его помнят, поскольку они вновь появились во время термидоровского кризиса. Он достиг высочайшей вершины процветания и величия, которая когда-либо была дана человеку. Ни один монарх в Европе не мог сравниться с ним по могуществу. Все, что стояло у него на пути в течение последних пяти лет, было уничтожено; все, что уцелело от Революции, послушно следовало за ним по пятам. На последних выборах президента Конвента было подано 117 голосов; но 485 проголосовали за Робеспьера, чтобы в этот день он мог шествовать во главе Конвента. Именно там, в этот высший и опьяняющий момент, перед ним разверзлась пропасть, и он осознал всю крайность грозящей ему опасности. Ибо он слышал, как враждебно настроенные депутаты в первом ряду позади него бормотали проклятия и насмехались над энтузиазмом, с которым его приняли. Те свирепые проконсулы, которые в Лионе, Невере, Нанте, Тулоне сокрушили все, чему их теперь заставлял поклоняться их повелитель, поклялись отомстить за свое унижение. Они сказали, что это должно было стать отправной точкой для божественного права и оправданием для нового преследования. Они чувствовали, что выковывают оружие против самих себя и совершают акт самоубийства. Указ, изданный месяцем ранее, не повлек бы за собой таких ужасных последствий, но тщательно продуманный и агрессивный церемониал был воспринят как объявление войны.

Опытные наблюдатели сразу же предсказали, что Робеспьер долго не продержится. Он, не теряя времени, разработал меры предосторожности, соответствующие опасности. Он подготовил то, что известно как закон 22-го Прериала, который был представлен Кутонем и проведен без разделения 10 июня, через два дня после шествия. Это самый тиранический из всех актов Революции, и ничто не сравнится с ним в истории абсолютной монархии. Ибо декрет Прериала отменял юридические формальности в политических процессах. Кутон сказал, что задержки могут быть полезны там, где на карту поставлены только частные интересы, но их не должно быть там, где должны быть защищены интересы всей общественности. Врага общества нужно только идентифицировать. Государство отправляет его, чтобы спасти себя. Поэтому Комитет был уполномочен направить в трибунал того, кого он выберет, и, если присяжные были удовлетворены, нельзя было терять времени на свидетелей, письменные показания или аргументы. Никому, кого Робеспьер выбрал для казни, не было позволено откладывать вынесение приговора защитой; и чтобы не было никаких исключений или иммунитета от произвольного ареста и немедленного приговора, все предыдущие процессуальные декреты были отменены. В этой статье заключался весь смысл, поскольку она лишала Конвенцию юрисдикции для защиты ее собственных членов. Робеспьеру нужно было только сообщить имя депутата общественному обвинителю, и на следующий день он был бы в могиле. Суть была так хорошо замаскирована, что никто ее не заметил. Впоследствии депутаты, предупрежденные великим юристом Мерлином, увидели, что они натворили, и 11 июня они постановили, что ни один член не должен быть арестован без разрешения Конвента. Кутон и Робеспьер при этом не присутствовали. 12-го числа, пригрозив, что Комитеты уйдут в отставку, они добились отмены

декрета, принятого накануне, но они заверили Ассамблею, что это было излишним, и их замысел был неправильно понят. Они сохранили свой текст и достигли своей цели; но успех был на другой стороне. Схема была разоблачена, и Конвенция впервые оказала сопротивление. Депутаты-оппоненты получили предупреждение и показали, что они поняли. С этого момента они были настороже, и их враг воздержался от применения против них статьи, действительность которой он отрицал. Он дал им время объединиться. Над остальной нацией он бесконтрольно применял свою новую власть. Число жертв быстро росло. До середины июня, за четырнадцать месяцев, было казнено около 1200 человек. Через семь недель, после принятия закона Прериала, их было 1376; то есть в среднем 32 за неделю выросли до в среднем 196. Но гильотину перенесли в отдаленную часть города, где была вырыта глубокая траншея, чтобы унести такое количество крови.

В течение этого времени Трибунал фактически не действовал против людей в общественной жизни, и мы не обязаны изучать его решения, как если бы они творили историю. В то время как безобидные люди безвестно страдали, враги тирана строили козни, чтобы спастись от ужасной участи, которую они видели так близко от себя. Ничто не связывало их вместе, кроме страха и общей ненависти к назойливому догматику, стоящему во главе дела; и каждому не было очевидно, что они действуют ради одного и того же дела. Но среди них был человек, все еще остававшийся на заднем плане, но одаренный невероятной ловкостью, который отстранил Наполеона от власти в 1815 году и Робеспьера в 1794 году.

Фуше, в прошлом оратор, был одним из самых беспринципных помощников в миссиях и привел пример захвата церковных сокровищ. Ибо он сказал, что законов не существует, и они вернулись к естественному состоянию. После казни Эбера он был отозван из Лиона; и Робеспьер, на сестре которого он просил руки, защищал его перед якобинцами 10 апреля. Будучи лишенным сана священнослужителем, он был избран президентом Клуба 6 июня в знак протеста против клерикальных тенденций Робеспьера. 11-го, сразу после шествия и принятия закона Прериала, Фуше напал на него с речью, в которой сказал, что вонзить меч в сердце человека, который подавляет свободу, значит отдать дань уважения Высшему Существу. Это было первое начало военных действий, и оно, по-видимому, было преждевременным. В то время клуб не поддерживал Фуше, и несколько недель спустя, когда Робеспьер назвал его главой заговора против него, он был исключен. Он был обреченным человеком, державшим свою жизнь в своих руках, и он применил более изощренные средства борьбы. 19 июля, через пять дней после своего изгнания, Колло был избран президентом Конвента. Его и Фуше связывали священные узы дружбы, поскольку они казнили 1682 человека в Лионе. Примерно в тот же день к заговорщикам присоединились другие, и 20 июля Барер, оратор Комитета, наблюдавший за переломным моментом, сделал двусмысленное заявление, предвещавшее разрыв. План операций не был согласован, и у Робеспьера, теперь полностью осознавшего надвигающуюся опасность, еще было время нанести неотразимый удар.

За последние несколько недель положение страны претерпело изменения. 1 июня Вилларе-Жуазе дал сражение англичанам у Ушана. Это было началом той длинной серии сражений на море, в которых французы так часто добивались успеха в одиночном бою и так часто терпели поражения в общих действиях. Они проиграли день, но не цель, за которую сражались, поскольку запасы американского зерна были благополучно доставлены в порт. Этот значительный успех и уместная легенда о Мстителе спасли правительство от упреков. В конце месяца Сен-Жюст принес известие о победе французов над австрийцами при Флерюсе, месте

стольких сражений. Это произошло благодаря Журдану и его офицерам, и было бы потеряно, если бы они послушались Сен-Жюста; но он прибыл вовремя, чтобы рассказать свою собственную историю. Прошло много лет, прежде чем на бельгийской границе снова раздались выстрелы вражеских орудий. Сен-Жюст умолял своего коллегу воспользоваться случаем и уничтожить своих врагов, пока народ радовался победе. Впоследствии оказалось, что битва при Флерюсе, величайшая победа французов со времен правления Людовика XIV, не оказала никакой услуги правительству, при котором она велась. Земля Франции была в безопасности в течение двадцати лет, и с ужасом вторжения необходимость в терроре у себя дома отпала. Это было перенесено, пока длилась опасность; и вместе с опасностью это подошло к концу.

Комитет общественной безопасности возмутился законом Прериала; и когда его попросили санкционировать увольнение депутатов, он отказался. Робеспьер ничего не сделал, чтобы примирить членов парламента, и у него не было большинства. И он угрожал и оскорблял Карно. Поскольку тогда были сформированы власти, он был беспомощен перед своими противниками. Коммуна и якобинцы были верны ему, но Конвент был настороже, и два Комитета разделились. Были обнаружены списки запрещенных лиц, и те, кто знал, что в них значатся их имена, не сдавались.

Через два дня после речи, показавшей, что Барер колеблется, когда президентом был избран Колло, а Фуше работал в подполье, ночью было созвано совместное заседание обоих комитетов. Сен-Жюст предложил назначить диктатора. Робеспьер был готов согласиться, но за него было подано всего пять голосов — три из одиннадцати в одном Комитете, два из двенадцати в другом. Якобинцы послали депутацию с требованием, чтобы Конвент укрепил исполнительную власть; Барер отклонил ее словами. Оставался один ресурс. Возможно, все еще возможно, несмотря на ложный шаг Прериала, получить разрешение Конвенции на арест, то есть на суд и казнь некоторых ее членов. Они выдали Дантона и Демулена, Эро и Шометта. Возможно, четыре месяца спустя они откажутся от Камбона или Фуше, Бурдона или Тальена.

Комитеты отказали Робеспьеру и открыто восстали против его воли. Его оппоненты выступят против него в Ассамблее. Но большинство депутатов, принадлежавших не к Горным, а к Равнинным слоям населения, всегда были на его стороне. У них не было непосредственных причин для страха, и им было на что надеяться. Семьдесят из них находились под арестом с октября, как замешанные в падении жирондистов. Робеспьер постоянно отказывался отдать их под суд, и они были обязаны ему своими жизнями. Они все еще были в тюрьме, все еще в его власти. Чтобы спасти их, их друзья в Ассамблее не были обязаны отказывать ни в чем, о чем он просил. Они без колебаний доставили бы ему еще нескольких негодяев, как доставили остальных весной. Это было основой его расчета. Гора раскололась бы; честные люди Равнины отдали бы ему большинство и очистили бы землю от еще одного выводка негодяев. В свой последний вечер дома он сказал друзьям, с которыми жил: "Нам нечего бояться, Равнина с нами".

В то время как Робеспьер, отвергнутый комитетами, которые так долго подчинялись ему, сел сочинять речь, от которой зависели его победа и его существование, его враги вынашивали свои планы. Фуше проинформировал свою сестру в Нанте о том, что готовится. Он ожидает, что 21 июля они немедленно одержат победу. 23-го он пишет: "Еще несколько дней, и дойдет очередь честных людей.— Возможно, именно сегодня предатели будут разоблачены".

Непохоже, чтобы столь проницательный человек написал эти откровенные письма, поскольку они были перехвачены и отправлены в Париж для сведения Робеспьера. Но это показывает, насколько точно Фуше рассчитал время: когда они прибыли, Робеспьер был мертв.

Важность нейтральных жителей Равнины была столь же очевидна как для одной, так и для другой стороны, и конфедераты попытались вступить с ними в переговоры. Их попытки были отвергнуты, а когда они были возобновлены, они были отвергнуты во второй раз. Простые люди были обездвижены заботой о своих друзьях, заложниках в руках Робеспьера, и перспективой получения выгоды для религии от его недавней политики. Они осыпали его лестью и говорили, что, когда он шествовал в процессии в своем синем плаще и букете цветов, он напоминал им Орфея. Они даже считали желательным, чтобы он остался в живых, чтобы избавиться от еще нескольких самых отвратительных людей во Франции, тех самых людей, которые заигрывали с ними. Они верили, что время на их стороне. Тальен, Колло, Фуше были сбиты с толку, и непреклонное упрямство Равнины создало момент крайней и несомненной опасности.

Пока они колебались, Тальен получил записку, написанную знакомым почерком. Этот клочок бумаги спас бесчисленное количество жизней и изменил судьбу Франции, ибо на нем были написаны следующие слова: "Трус! Завтра меня будут судить". В Бордо Тальен нашел в тюрьме даму, которую звали мадам де Фонтенэ и которая была дочерью мадридского банкира Кабаррюса. Ей был двадцать один год, и люди, которые видели ее впервые, не могли сдержать возгласа удивления при виде ее необычайной красоты. После освобождения она развелась с мужем и вышла замуж за Тальена. В последующие годы она стала принцессой де Шимей; но за то, что написала эту записку, она получила нечестивое, но незабываемое имя Нотр-Дам де Термидор.

Ночью 26 июля Тальен и его друзья провели третью встречу с Буасси д'Англасом и Дюраном де Майяном, и наконец они уступили. Но они выдвинули свои условия. Они отдали свои голоса против Робеспьера при условии, что с ним закончится царство террора. Не было такого условия, на которое другие не согласились бы в своей крайности, и именно благодаря этому договору правительство Франции, когда оно попало в руки этих кровожадных людей, перестало быть кровожадным. Было самое время, ибо утром Робеспьер произнес обвинительную речь, которую он долго готовил и о которой Дауну сказал Мишле, что это была единственная очень хорошая речь, которую он когда-либо произносил. Он говорил о небесах, о бессмертии и общественной добродетели; он говорил о себе; он обличал своих врагов, называя едва ли кого-нибудь, кроме Камбона и Фуше. Он не завершил свое выступление каким-либо обвинительным актом или каким-либо требованием к Ассамблее выдать своих виновных членов. Его целью было умиротворить Равнину и заручиться голосами Горцев, вызвав тревогу, но не отчаяние. Следующий удар был нанесен на следующий день, когда Конвент, проголосовав за распространение его речи, должен был зайти слишком далеко, чтобы отступать. Конвент сразу же проголосовал за то, чтобы напечатать 250 000 экземпляров речи и разослать ее во все приходы Франции. Это была форма, в которой было выражено согласие, полное и безоговорочное принятие. Таким образом, Робеспьер получил все, что требовал на этот день. Ассамблея не смогла бы отказаться от принесения в жертву своей паршивой овцы, когда он снова появился с их именами.

Тогда стало ясно, что, называя Камбона, оратор допустил ошибку. Ибо Камбон, у которого хватило самообладания дожидаться, пока Конвент одобрительно проголосует, поднялся, чтобы

ответить. Он отразил нападение, предпринятое на него Робеспьером, и перевернул все общественное мнение, сказав: "Что парализует Республику, так это человек, который только что высказался".

Во всей парламентской истории нет записи о более прекрасном проявлении силы духа. Пример оказался заразительным. Ассамблея отозвала свое голосование и передала речь Комитету. Робеспьер опустил на свое место и пробормотал: "Я потерянный человек". Он увидел, что Равнине больше нельзя доверять. Его атака была сорвана. Если Конвент откажется от первого шага, они не предпримут второго, о котором он должен был просить на следующий день. Он отправился в якобинский клуб и повторил свою речь перед многолюдным собранием. Он сказал им, что это его предсмертное завещание. Союз злых людей был слишком силен для него. Он отбросил свой щит и был готов к битве за цикуту. Колло сел на ступеньку ниже президентского кресла, рядом с ним. Он сказал: "Почему вы покинули Комитет? Почему вы публично изложили свои взгляды, не проинформировав нас?" Робеспьер молча кусал ногти. Он не консультировался с Комитетом, потому что тот отказался от расширения полномочий, и его действиями в тот день была апелляция к Конвенту против них. Клуб, поначалу разделившийся, подошел к нему, устроил овацию и жестоко исключил Колло и Бийо-Варенна. Робеспьер, воодушевленный своим успехом, призвал якобинцев очистить Конвент, изгнав плохих людей, как они изгнали жирондистов. Это было его первое обращение к народным силам. Коффинхол, который был энергичным человеком, умолял его нанести удар немедленно. Он отправился домой спать после полуночи, не приняв никаких дальнейших мер предосторожности, и убедил себя, что получит большинство голосов на следующем заседании.

Колло и Бийо, оба члена высшего руководящего органа, отправились на место своей встречи после бурной сцены в Клубе и обнаружили Сен-Жюста сосредоточенно пишущим. Они набросились на него и потребовали сообщить, готовит ли он обвинения против них. Он ответил, что именно этим и занимается. Когда он пообещал представить свой отчет Комитету общественной безопасности до того, как отправится на Ассамблею, его отпустили. Утром он прислал сообщение, что слишком обижен их обращением с ним, чтобы сдержать свое обещание. Барер тем временем взялся подготовить отчет против Сен-Жюста.

Перед началом работы Ассамблеи утром в воскресенье, 9 Термидора, Тальен был в вестибюле, укрепляя альянс, который обеспечил большинство; а Бурдон подошел и пожал руку Дюрану, сказав: "О! добрые люди Права". Когда заседание открылось, Сен-Жюст сразу же взошел на трибуну и начал читать. Тальен, увидев его снаружи, воскликнул: "Сейчас самый подходящий момент, подойдите и посмотрите. Это последний день Робеспьера!" Доклад Сен-Жюста был нападкой на комитет. Тальен вмешался, заявив, что отсутствующие должны быть проинформированы и вызваны, прежде чем он сможет продолжить. Сен-Жюст не был готовым оратором, и когда ему бросали вызов и прерывали, он замолкал. Робеспьер пытался оказать ему помощь и ободрение; но Тальена было не остановить, Бийо последовал за ним от имени правительства; Барер и Вадье продолжали, в то время как Робеспьер и Сен-Жюст тщетно настаивали на том, чтобы их выслушали. Нарушители были беспокойными, агрессивными, вышедшими из строя, отчаянными людьми, борющимися за жизнь. Президент Колло д'Эрбуа не стал их упрекать и, уступив свое место коллеге, которому он мог доверять, спустился, чтобы принять участие в драке. Если бы Конвенту было позволено еще раз услышать страшный голос Робеспьера, никто не мог быть уверен, что он не восстановит свое господство. Эта тактика увенчалась успехом. Обе стороны ночного съезда были верны ему, и Робеспьеру не разрешили

произнести свою речь. Галереи были заполнены с пяти утра. Барер попытался разделить командование Анрио, генералом Коммуны, на чей меч полагались триумвиры; и Конвент объявил вне закона его и его заместителя по командованию, поскольку волнение росло. Это было рано после полудня; и, узнав об этом, Коммуна призвала свои силы, и Париж начал подниматься.

Все это время Робеспьер лично не подвергался нападкам. Декреты требовались и принимались только против его подчиненных агентов. Борьба длилась несколько часов; ему показалось, что его противники дрогнули, и он предпринял отчаянную попытку добраться до трибуны. В Ассамблее стало известно, что его друзья вооружаются, и они начали кричать: "Долой тирана!" Президент позвонил в колокольчик и отказался дать ему слово. Наконец голос изменил ему. Один монтаньяр воскликнул: "Он захлебывается кровью Дантона". Робеспьер ответил: "Что? Вы хотели бы отомстить за Дантона? И он сказал это таким тоном, который означал: "Тогда почему вы не защитили его?" Когда он понял, что означала Гора, и что мотив, долго подавляемый, вновь обрел силу, он обратился к Равнине, к честным людям, которые так долго хранили молчание и так долго были покорны. Накануне они проголосовали в обе стороны, но он ничего не знал о памятном соглашении, которое должно было остановить гильотину. Но равнинники, которые не были готовы к внятным аргументам в пользу смены фронта, удовлетворились криком без ответа: "Долой тирана!" Это, очевидно, было решающим; и когда это заявление было вызвано его прямым призывом, конец наступил быстро. Незнакомый депутат потребовал арестовать Робеспьера, никто не выступил против этого; и его брат и несколько друзей были взяты под стражу вместе с ним. Никто не оказал никакого сопротивления или протеста. Они знали, что конфликт разразится снаружи. Парижская коммуна, Якобинский клуб, революционный трибунал принадлежали к их партии; и сколько было вооруженных людей, никто не мог сказать. Еще не все было потеряно, пока об этом не стало известно. В пять часов Конвент, утомленный тяжелым рабочим днем, закрылся на ужин.

Коммуна получила свою возможность и начала укрепляться. Их войска собирались медленно, и Анрио был арестован. Он был освобожден и с триумфом доставлен обратно в Ратушу, где вскоре собрались арестованные депутаты. Их разослали по разным тюрьмам, но все тюремщики, кроме одного, отказались их впустить. Робеспьер настаивал на заключении в тюрьму, но надзиратель Люксембургской тюрьмы был непреклонен и выгнал его. Он боялся, что его вынудят встать на нелегальное положение и взбунтоваться, потому что это позволило бы его врагам объявить его вне закона. Оказавшись вне закона, не осталось ничего, кроме восстания, исход которого был неясен. Было меньше риска предстать перед революционным трибуналом, где каждый чиновник был его креатурой и выдвиженцем и не имел никакой надежды на пощаду со стороны своих противников, когда он переставал защищать. Тюремщик, захлопнувший дверь тюрьмы у него перед носом, решил его судьбу; и предполагается, но я не знаю, что он получил инструкции от Вулланда с другой стороны, чтобы заставить заключенного сопротивляться против его воли. Изгнанный из тюрьмы, Робеспьер по-прежнему отказывался выходить на свободу и отправился в полицейское управление, где формально находился под арестом.

Сен-Жюст, повидавший войну и заставлявший людей удивляться своему хладнокровию под шквальным огнем, не рассчитал все с такой тщательностью и отправился вместе с младшим Робеспьером в муниципалитет, где были собраны силы численностью в несколько тысяч человек. Они послали позвать своего лидера, но тот отказался прийти. Под арестом он

чувствовал себя в большей безопасности, но посоветовал своим друзьям в коммуне позвонить в набат, закрыть заграждения, остановить прессу, захватить пост и арестовать депутатов. Позиция мирного человека, поощряющего своих товарищей нарушать закон и объясняющего, как это сделать, была слишком абсурдной, чтобы ее можно было вынести. Коффинхол, который был гораздо крупнее, подошел и увел его по дружескому принуждению.

Около десяти часов арестованные депутаты собрались вместе. Кутон, который был калекой, ушел домой. Остальные послали за ним, и Робеспьер подписал письмо, в котором ему сообщали, что восстание в самом разгаре. Это сообщение и совет, который он передал из своего убежища в полиции, доказывают, что он решил бороться и не умер мученической смертью за законность. Но если Робеспьер и был готов до последней крайности сражаться, то он не знал, как это сделать. Благоприятный момент был упущен; не прозвучало ни единого выстрела, и Конвент, после нескольких часов бездействия и опасности, начал восстанавливать свою власть. По совету Вуллана заключенные, освобожденные из тюрьмы, были объявлены вне закона, а Баррас был поставлен во главе верных сил. Для объявления декретов по всему Парижу были назначены двенадцать депутатов. Верхом на полицейских конях, бросаясь в глаза своими трехцветными шарфами и освещаемые факелами, они объявляли на каждой улице, что Робеспьер теперь вне закона и приговорен к смертной казни. Это, наконец, подействовало, и Баррас смог сообщить, что люди переходят на сторону законных властей. Была распространена остроумная история о том, что у Робеспьера была печать с лилиями Франции. Западная и более богатая половина Парижа была за Конвент, но части более бедных кварталов, север и восток, присоединились к Коммуне. Они не сопротивлялись. Лежандр проследовал в якобинский клуб, запер дверь и положил ключ в карман, в то время как члены клуба тихо разошлись. Около часа ночи Бурдон во главе людей из района, который был оплотом Шометта, направился вдоль реки к Гревской площади. Повстанцы, выстроившиеся перед Ратушей, не оказали сопротивления, и собравшиеся внутри лидеры знали, что все кончено.

Обвал был мгновенным. Чуть ранее гонец, отправленный Годеном, впоследствии герцогом Гаэты и доверенным министром финансов Наполеона, сообщил, что застал Робеспьера торжествующим и принимающим поздравления. Даже в эти последние минуты он воздерживался от действий. Было составлено воинственное воззвание, подписанное его друзьями и положенное перед ним. Он отказался подписывать его, если это не было сделано от имени французского народа. "Тогда, - сказал Кутон, - ничего не остается, как умереть". Робеспьер, сомневаясь и колеблясь, написал первые две буквы своего имени. Остальное - брызги крови. Когда Бурдон, с пистолетами в каждой руке и лезвием шпаги в зубах, поднялся по лестнице Ратуши во главе своих войск, Леба выхватил два пистолета, вручил один Робеспьеру, а другим застрелился. То, что последовало за этим, является одним из самых спорных фактов истории. Я полагаю, что Робеспьер выстрелил себе в голову, раздробив только челюсть. Многие выдающиеся критики считают, что рана была нанесена жандармом, преследовавшим Бурдона. Его брат снял обувь и попытался выбраться наружу по карнизу, но упал на тротуар. Генерал Анрио спрятался в канализации, откуда его вытащили на следующее утро в грязном виде. Один энергичный Коффинхол сбежал и некоторое время скрывался. Остальные были схвачены без проблем.

Робеспьера отнесли в Тюильри и положили на стол, где в течение нескольких часов люди подходили и смотрели на него. Хирурги осмотрели его рану, и он переносил свои страдания спокойно. С того момента, как прозвучал выстрел, он не произнес ни слова; но в Консьержери

он знаками попросил принадлежности для письма. Они отказали ему, и он пошел на смерть, унося свою тайну с собой из мира. Ибо всегда существовало таинственное подозрение, что история рассказана лишь наполовину и что на поверхности скрывается нечто более глубокое, чем подлый преступник. Наполеону он нравился, и он верил, что у него были добрые намерения. Камбасерес, аркканцлер Империи, правивший Францией, когда император вступил в должность, однажды сказал ему: "Это дело было решено, но никогда не обсуждалось".

Некоторые из тех, кто сверг тирана, такие как Камбон и Барер, долгое время спустя раскаивались в своей причастности к его падению. На севере Европы, особенно в Дании, у него были горячие поклонники. Европейское общество считало, что он сродни этому миру. Для этого потребовалось, чтобы он был человеком авторитета, честности и порядка, врагом коррупции и войны, который пал, потому что пытался воспрепятствовать развитию неверия, которое было самым сильным течением того времени. Его личная жизнь была безобидной и пристойной. Он был равен императорам и королям; армия в 700 000 человек повиновалась его слову; он распоряжался миллионами денег секретной службы и мог получить все, что хотел, в обмен на помилование, и он жил на депутатское пособие в восемнадцать франков в день, оставив состояние менее чем в двадцать гиней в обесценившихся ассигнациях. Восхищенные враги утверждают, что путем законной конфискации, раздела собственности и прогрессивного налогообложения богатства он увеличил бы доход до двадцати двух миллионов фунтов стерлингов, ни один из которых не был бы отнят у огромной массы мелких земледельцев, которые, таким образом, были бы навсегда связаны с Революцией. Нет никаких сомнений в том, что он твердо придерживался доктрины равенства, которая означает управление бедными и оплату услуг богатыми. Кроме того, он жаждал власти, хотя бы ради самосохранения; и он добился ее кровопролитием, как Людовик XIV. это сделали и Петр Великий, и Фредерик. Безразличие к разрушению человеческой жизни, даже восторг при виде крови были обычным явлением для всех окружающих и появились еще до начала Революции. Преобразование общества, как он себе представлял, если и стоило нескольких тысяч голов за год, было менее смертоносным, чем один день, когда Наполеон сражался не из-за более достойных мотивов, чем амбиции. Была напечатана его личная записная книжка, но из нее не видно, что он думал о будущем. Это проблема, которую гильотина оставила нерешенной вечером 28 июня 1794 года. Несомненно только то, что он остается самым ненавистным персонажем на переднем крае истории с тех пор, как Макиавелли свел к кодексу порочность государственных деятелей.

XX

LA VENDÉE

Безжалостная тирания, которой пришел конец в Термидор, не была результатом внутренних причин. Оно было подготовлено поражением и дезертирством Дюмуре; оно получило развитие в результате потери пограничных крепостей в июле следующего года; и оно пало, когда после победы при Флерюсе ход сражения улегся. Поэтому мы должны рассмотреть серию военных операций, которые так ужасно отразились на правительстве Франции. Сначала, и особенно летом 1793 года, реальной опасностью была не внешняя, а гражданская война. В течение четырех лет на стороне Революции всегда была сила. Единственная активная оппозиция

исходила от дворян-эмигрантов, которые были меньшинством и действовали от имени класса. Ни один батальон не присоединился к Брауншвейгу, когда он оккупировал французскую провинцию; и масса сельского населения была поднята при новом порядке до лучшего состояния, чем они когда-либо знали. Ибо твердое ядро революционной схемы, взятой из аграрного Рима, состояло в том, что те, кто возделывает землю, будут владеть ею; что они должны наслаждаться уверенностью в том, что соберут плоды своего труда для себя; что каждая семья должна владеть столько, сколько она может возделывать. Но потрясением, которое теперь заставило содрогнуться Республику, было восстание крестьян, людей привилегированного класса; и демократия, которая была достаточно сильна, чтобы противостоять монархиям Европы, увидела, как ее армии были обращены в бегство толпой полевых рабочих и дровосеков, возглавляемых неизвестными командирами, многие из которых никогда не участвовали в войне.

Одним из офицеров Вашингтона был француз, который выступил перед Лафайетом и был известен как полковник Арман. Его настоящее имя было маркиз де Ла Рури. Его бурная жизнь была богата приключениями и невзгодами. Он появлялся на подмостках оперы; он разгуливал в компании обезьяны; он дрался на дуэли и, полагая, что убил своего человека, проглотил яд; он был узником монастыря Ла Трапп после временного разочарования в любви; и его отправили в Бастилию вместе с другими недовольными бретонцами. Во время плавания его корабль взорвался в виду суши, и он поплыл к берегу. Но оказалось, что этот человек, вышедший из моря, полон смелости и находчивости. Он дослужился до бригадира в континентальной армии, а когда вернулся домой, стал организатором роялистского восстания на западе. Уполномоченный князьями, которых он посетил в Кобленце, он подготовил тайное объединение в Бретани, которое должно было сотрудничать с другими в центральных провинциях.

Пока Ла Руэри настраивал свои инструменты и доводил сложную агентуру до совершенства, захватчики приходили и уходили, а сигнал к действию, когда они были хозяевами Шалона, так и не был подан. Когда были вызваны добровольцы, чтобы оказать им сопротивление, люди с черными кокардами ходили повсюду, прерывая набор и заявляя, что никто не должен браться за оружие, кроме как для освобождения короля. Их таинственный лидер Коттеро, первый, кто носил историческое имя Жан Шуан, был правой рукой Ла Рури. Когда Дюмурье отменил перспективу объединения с Державами, характер заговора изменился, и люди начали думать, что они могут бороться с Конвентом в одиночку, пока его армии заняты на Рейне и Маасе. Побережье Бретани простиралось на 200 миль, и, поскольку Нормандские острова были в пределах видимости, помощь могла прийти с британских крейсеров.

Ла Руэри, который был вундеркиндом изобретательности и проводил свои линии столь твердой рукой, что Шуаннери, вспыхнувшее после его смерти, просуществовало десять лет и распалось только против Наполеона, организовал восстание почти от Сены до Луары весной 1793 года. Действительно, недостаточно сказать, что они пали ниц перед гением Наполеона. "Маленькая шуаннерия", как было названо восстание 1815 года, в значительной степени способствовала его падению, поскольку он был вынужден послать против нее 20 000 человек, присутствие которых могло бы изменить судьбу дня при Ватерлоо.

Но в январе 1793 года Ла Рури заболел, известие о смерти короля повергло его в бред, и 30-го числа он скончался. Чтобы взрыв все же мог произойти в назначенный час, они скрыли его смерть и похоронили в лесу в полночь, засыпав могилу негашеной известью. Тайна была

раскрыта, останки обнаружены, сообщники сбежали, а те, кого схватили, умерли, верные своему доверию.

Бретонское восстание на какое-то время потерпело неудачу, и роялисты к северу от Луары еще не оправились от удара, когда восстала Вандея. Труп в чаще был найден 26 февраля; документы были изъяты 3 марта; и именно 12 марта, в тот момент, когда Бретань была парализована, призыв на военную службу дал сигнал к гражданской войне. Эти две вещи совершенно разные. В одном месте был заговор, который в то время ни к чему не привел; в другом месте произошла вспышка, которая не была подготовлена. Вандея пришла в движение не из-за проводов, проложенных к северу от Луары. Она вспыхнула спонтанно, в результате внезапной провокации. Но бретонский заговор разветвлялся и в этом направлении, и многие с нетерпением ждали часа совместных действий. Контрабандисты, браконьеры и попрошайки носили прошептанный пароль, вооружившись паспортом с такими словами: "Доверяй предъявителю и окажи ему помощь ради Армана"; и были связаны с ним некоторые отдаленные и неизвестные сельские джентльмены, чьи имена вскоре после этого наполнили мир своей славой. Д'Эльбе, будущий главнокомандующий, был одним из них; и он всегда рассматривал бурную вспышку в марте, ставшую результатом отсутствия продуманного плана, как роковую ошибку. Вот причина, по которой дворянство поначалу отступало, а крестьяне гнали его вперед. Казалось безумием бороться с Конвентом без предварительной организации в военных целях и без поддержки гораздо большего населения Бретани, которое контролировало побережье и поддерживало связь с великой морской державой. Политика и религия вызвали большое недовольство, но первый настоящий акт восстания был вызван новым принципом обязательной службы, провозглашенным 23 февраля.

Регион, которому суждено было стать ареной стольких славных и стольких печальных событий, лежит главным образом между левым берегом Луары и морем, примерно в 100 милях в поперечнике, от Сомюра до Атлантики и в 50 или 60 милях от Нанта до Пуатье. В страну дальше к югу вандейцы, которые были слабы в кавалерии и не имели обученных артиллеристов, так и не проникли. Основная борьба бушевала в неровном, лесистом и почти недоступном районе под названием Бокаж, где было мало городов и не было хороших дорог. Это был оплот великой армии, которая включала в себя все лучшее, что было в вандейской добродетели. Вдоль побережья тянулась область болот, населенная более грубым классом людей, которые мало общались со своими товарищами по суше и редко действовали вместе с ними. Их лидер Шаретт, самый активный и отважный из партизан, сражался больше ради упоения борьбой, чем ради общего дела. Он поддерживал открытое сообщение по морю, вел переговоры с Англией и заверил бурбонов, что, если один из них появится, он поставит его во главе 200 000 человек. Он считал других командиров подчиненными духовенства и старался видаться с ними как можно реже.

Жители Вандеи, около 800 000 человек, были зажиточными и меньше пострадали от вырождающегося феодализма, чем восток Франции. Они жили в лучших отношениях с землевладельцами, и у них было меньше причин приветствовать революцию. Поэтому они также цеплялись за неверующее духовенство. В глубине души они были роялистами, аристократами и клерикалами, объединяя антиреволюционные мотивы, которые действовали отдельно в других местах. В этом причина их возвышения; но секрет их могущества кроется в военном таланте, более редком, чем храбрость, который был обнаружен у них. Беспорядки, вспыхнувшие в нескольких местах в день зачисления, были организованы выходцами из

народа. Кателино, один из первых, был носильщиком, пономарем в своей деревне, который никогда не видел выстрела, когда он вышел с несколькими сотнями соседей и взял Шоле. Рядом с ним был егерь, который когда-то был солдатом и приехал с восточной границы. Поскольку его звали Кристофер, немцы извратили это имя в Стоффель, и он прославил его в форме Стоффлета. Пока конфликт продолжался небольшими бандами, не было лучшего человека, чтобы возглавить их. Они с Шаретт продержались дольше всех и не были побеждены, когда духовенство, за которое они сражались, предало их.

Народный и демократический период был коротким. После первых нескольких дней во главе дела стояла знать. Они считали дело безнадежным, что один из них способствовал восстанию, едва ли кто-то отказался присоединиться к нему. Лучше всего мы знаем Лескюра, потому что мемуары его жены были прочитаны всеми. Лескюр создавал связь между дворянством и духовенством, поскольку дело было не только политическим, но и религиозным. Он мог бы стать третьим генералиссимусом, но был выведен из строя из-за ранения и выдвинул своего двоюродного брата Анри де Ларошжаклен, отдав предпочтение Стоффле. Вскоре мы увидим, что серьезное подозрение омрачает его славу. Как и Лескюр, д'Эльбе был человеком политики и управления, но он не был энтузиастом. Он желал разумного восстановления, а не реакции; и незадолго до своей смерти он сказал, что, когда наступит умиротворение, было бы неплохо держать фанатиков в порядке.

Намного выше всех этих людей по способностям к войне и наравне с лучшими по характеру был маркиз де Бончан. Он понимал искусство управления большими массами людей; и поскольку его последователям предстояло встретиться с большими массами, когда борьба становилась смертельной, он стремился обучить их этому. Он превратил их в то, чем они не хотели быть и для чего они были плохо приспособлены. Именно благодаря его непосредственному командованию война могла быть продолжена в больших масштабах; и что люди, которые начали с наскока и ночной атаки, рассеявшись, когда враг остался на своих местах, впоследствии разбили ветеранов Рейна под командованием лучших генералов республиканской Франции. Бончан всегда настаивал на необходимости послать войска, чтобы поднять Бретань; но день, когда армия перешла Луару, был днем его смерти.

Вандея находилась далеко от маршрута войск вторжения и района, которому угрожали немцы. Не было страха за очаг и родину, не было ужасов европейской войны для тех, кто держался в стороне от нее. Если они должны были сражаться, они выбрали сражаться за дело, которое любили. Они ненавидели Революцию, не настолько, чтобы поднять против нее оружие, но достаточно, чтобы отказаться защищать ее. Они были вынуждены выбирать. Либо они должны сопротивляться угнетению, либо они должны служить ему и должны умереть за правительство, которое находилось в состоянии войны с их друзьями, с европейскими консерваторами, которые оказывали помощь беглым дворянам и защиту преследуемым священникам. Их сопротивление не было вопросом политики. В нем не было принципа, которого можно было бы долго придерживаться. Призыв только вынудил принять решение. Были глубинные причины для неприязни и мести, хотя фактическая вспышка была непреднамеренной. Разъяренные крестьяне на мгновение остались одни; затем был замечен более сильный аргумент, стоящая за ним большая сила. Духовенство и дворянство выдвинули требования совести, и тогда люди, участвовавшие в роялистском заговоре вместе с Ла Руэри, начали плести новую паутину. Этот заговор был санкционирован князьями по линии *эмигрантов* и был направлен на восстановление старого порядка. Изначально это не было духом Вандеи. Она никогда не

отождествлялась с абсолютной монархией. Сначала армия была известна как христианская армия. Затем она стала католической и королевской армией. Алтарь был ближе к их сердцам, чем трон. В знак этого духовенство занимало более высокое место в советах. Некоторые из лидеров были либералами 89-го года. Другие отказались от роялизма и приняли Республику, как только была обеспечена свобода вероисповедания. Таким образом, на протяжении всего конфликта, несмотря на некоторые элементы нетерпимости и некоторые вспышки безрассудной ярости, у Вандеи были более веские причины. Один вандеец, окруженный и призванный сложить оружие, воскликнул: "Сначала верните мне моего Бога".

Бернье, наиболее заметный из церковных лидеров, был интриганом, но он не был фанатичным приверженцем устаревших институтов. Восстановление религии было, по его мнению, справедливой и достаточной целью восстания. Пришло время, когда он был очень осторожен, отделяя Вандею от Бретани, как поборников, соответственно, религиозного и династического дела. Он увидел свою возможность в работе консульства, вышел из своего укрытия и добился урегулирования. Он стал агентом и пособником Бонапарта в установлении Конкордата, который столь же далек от нетерпимости, как и от законности. В качестве епископа Орлеанского он снова появился в районе Луары, недалеко от места своих подвигов; но он был ненавистен многим старым соратникам, которые считали, что он использовал их роялизм в других целях, не будучи роялистом.

Сельские жители Вандеи либо не эмигрировали, либо вернулись в свои дома, увидев, к чему привела эмиграция. Что касается их собственных интересов, они смирились с ситуацией. При всем боевом духе, который сделал их короткую карьеру такой блестящей, мало кто из них проявлял жестокие или экстремистские взгляды. Вандея прославилась главным образом благодаря людям, которые не боялись ни сути Революции, ни ее постоянных последствий, но стремились спасти свою страну от рук преследователей и убийц. Рядовые не были ни столь дальновидны, ни столь умеренны. Временами они проявляли почти такую же свирепость, как бойцы Парижа, и, несмотря на свою набожность, обладали жестоким и мстительным нравом, который во Франции часто ассоциируется с религией. Это было замечено с самого начала среди диких последователей Шаретта; и даже энтузиасты Анжу и Верхнего Пуату выродились и стали кровожадными. Все они ненавидели города, где были муниципальные власти, которые арестовывали священников и взымали поборы с людей.

Восстание началось с серии отдельных нападений на все маленькие города, которые были резиденциями правительства; и за два месяца весны 1793 года республиканцы были сметены, и вся страна Вандея принадлежала вандейцам. У них не было ни порядка, ни дисциплины, ни какой-либо подготовки, и им претил вид офицеров, превосходящих их верхом. Не имея собственной артиллерии, они захватили 500 пушек. К концу апреля их численность оценивалась примерно в 100 000 человек - соотношение воюющих мужчин к населению, равное которому было только во время Войны за отделение. Когда был подан сигнал, в 600 приходах зазвонили в набат. Несмотря на кратковременные неудачи, они выносили все, что было перед ними, пока 9 июня не взяли Сомюр, крепость, давшую им господство над Луарой. Там они стояли на самой дальней границе своей родной провинции с 40 000 солдатами и большим артиллерийским парком. Чтобы продвинуться дальше этой точки, им потребовалась бы организация, более сильная, чем узы соседства и случайное влияние местных жителей. Они учредили руководящий орган, в основном состоящий из духовенства; и они избрали главнокомандующего. Выбор пал на Кателино, потому что он был простым крестьянином и пользовался доверием священников,

которые все еще доминировали. Поскольку все они были равны, возник спрос на епископа, который имел бы над ними власть. Неверующих епископов во Франции было мало, но Лескюр ухитрился удовлетворить насущные потребности. Здесь, посреди стольких трагических событий и стольких хороших репортажей, мы подходим к сбивающему с толку и гротескному приключению епископа Агры.

В Доле, недалеко от Сен-Мало, жил молодой священник, который принес присягу Конституции, но впоследствии сбросил сутану, появился в Пуатье как человек для удовольствий и был помолвлен. Он записался добровольцем в республиканскую кавалерию и выступил в бой против роялистов, оседлав коня и экипированный восхищенными друзьями. 5 мая он был взят в плен, и поскольку при нем была найдена его карточка о приеме в якобинцы, он решил, что находится в опасности. Он сообщил своим похитителям, что он на их стороне; что он священник в ордене, причинить вред которому было бы святотатством; наконец, что он не только священник, но и епископ, которого папа при всеобщем рассеянии избрал своим апостольским викарием страдающей Церкви Франции. Его звали Гийо, а сам он называл себя Фоллевиллем. Такой пленник стоил больше, чем кавалерийский полк. Лескюр перевез республиканского солдата на несколько дней в его загородный дом, а 16 мая Гийо снова появился в одеянии, подобающем епископу, с митрой, кольцом и посохом, которые соответствовали его высокому сану.

Это был великий день в лагере под белым флагом; и враг, наблюдавший в свою подзорную трубу, с изумлением увидел коленопреклоненные ряды вандейской пехоты и гигантского прелата, который шел сквозь них и раздавал благословения. Он обращался к ним, когда они вступали в бой, обещая победу тем, кто сражался, и небеса тем, кто пал за столь благое дело; и он шел под огнем с распятием в руке и помогал раненым. Они поставили его во главе совета и потребовали, чтобы каждый священник подчинялся ему под страхом ареста. Бернье, который учился в школе вместе с Гийо, не был обманут. Он донес на него в Риме через Мори, который жил там, наслаждаясь заслуженными почестями. Обман был немедленно разоблачен. Pius VI. заявил, что епископа Агры не существует и что он ничего не знает об этом человеке, кроме того, что он самозванец и мошенник.

С того момента, как Бернье написал это письмо, Гийо был в его власти; но только в октябре он перевел папскую латынь генералам. Они решили не обращать внимания, но разоблаченный самозванец перестал служить мессу. Ларошжакелен намеревался посадить его на корабль и избавиться от него в первом же порту. Они так и не добрались до моря. До последнего, при Гранвиле, Гийо был замечен в эпицентре опасности, и его пояс был среди боевых трофеев. Хотя офицеры следили за ним, солдаты так и не узнали его. Он верно служил им в течение шести месяцев своего ненадежного положения и погиб вместе с ними. Он мог бы обрести надежду на жизнь, разоблачив лживость своих сообщников и слабоумие своих обманутых. Он предпочел умереть, не разоблачая их.

В июне, когда победоносные вандейцы заняли Сомюр, пришло время выработать политику и план. У них было четыре альтернативы. Они могли бы осадить Нант и установить связь с английскими крейсерами. Они могли бы присоединиться к роялистам центра. Они могли бы поднять восстание в Бретани или нанести удар по Парижу. Перед ними открылась великая дорога в столицу; нужно было спасти заключенных в Храме и восстановить монарха. Смутные

слухи об их подвигах достигли королевы и пробудили надежду на освобождение. В переправленной контрабандой записке принцесса Елизавета спрашивала, достигли ли люди запада Орлеана; в другой она спрашивала, и не без оснований, что стало с британским флотом. Говорят, что Стоффле дал этот героический совет. Наполеон считал, что если бы они последовали ему, ничто не смогло бы помешать белому флагу развеяться на башнях Нотр-Дама. Но военной организации не было; войска не получали жалованья и расходились по домам, когда им заблагорассудится. Генералы были безнадежно разобщены, и Шаретт не хотел покидать свою территорию. Бончам, который всегда руководил своими людьми и получал ранения в каждом бою, был в отъезде, выведенный из строя раной. Его советы были известны. Он думал, что их единственной надеждой было послать небольшой корпус, чтобы поднять бретонцев. С объединенными силами Бретани и Вандеи они затем двинутся на Париж. Они пошли на компромисс и решили осадить Нант, открытый город, центр торговли с Вест-Индией и африканской работорговли. Если Нант падет, это, вероятно, поднимет Бретань; и это была экспедиция, в которой Шаретт должен был принять участие. Это был пагубный совет Кателино. Они отправились из Сомюра в Нант по правому берегу Луары, и в ночь на 28 июня их пожарные сигналы вызвали Шаретта на завтра. Шаретт не подвел. Но он был за рекой, не в состоянии перебраться через нее, и его возмущал план, который заключался в том, чтобы предоставить разграбление богатого города благочестивым солдатам Анжу и Пуату, в то время как он наблюдал за происходящим издали.

Во время долгих обсуждений в Сомюре и медленного продвижения вниз по реке Нант возвел земляные укрепления и укрепил сердца своих жителей. Атака провалилась. Кателино проник на рыночную площадь, и там до сих пор показывают окно, из которого сапожник застрелил героя Анжу. Вандейцы отступили в свою крепость, и у их дела не было будущего. Д'Эльбе был избран преемником после смерти Кателино. Он признавал превосходящие притязания Боншана, но ему не нравилась его политика переноса войны на север. Остальные предпочли д'Эльбе, потому что им было меньше опасаться его влияния и силы воли. Их разделяла не только зависть, но и вражда. Шаретт держался в стороне от решающего сражения и радовался, когда великая армия перешла Луару и оставила ему всю свою страну. Шаретт и Стоффле привели к казни Мариньи, командующего артиллерией. Лескюр однажды воскликнул, что, если бы он не был беспомощен из-за раны, он бы зарубил принца де Тальмона. Стоффле бросил вызов Боншану, и в конце концов и Стоффле, и Шаретт были преданы своими товарищами. Успех зависел от верности д'Эльбе, Боншана и Лескюра друг другу, несмотря на все различия в характерах и политике. В течение двух месяцев они продолжали сдерживать Республику. Они так и не достигли Пуатье и потерпели тяжелое поражение при Люсоне; но они образовали пограничную линию городов на юго-западе, захватив Туар, Партене, Фонтене и Ньор. Была дорога с севера на юг через Бопре, Шатийон и Брессюир; и еще одна с востока на запад, через Дуэ, Вихье, Корон, Мортань. Все это названия знаменитых сражений. При Шоле, который находится в центре Вандеи, где пересекаются две дороги, произошел первый успех и окончательный разгром.

Преимущество, которым обладали вандейцы, состояло в том, что не было хорошей армии, которая могла бы противостоять им, и не было хороших офицеров. Ранней политикой Робеспьера было подавление военного таланта, который может быть опасен в республике, и использование шумных патриотов. Они не обманули его, но он доверял им как надежным людям; и если они выполняли свою работу грубо и безжалостно, подражая практике, которая

так успешно применялась в Париже, в этом не было ничего плохого. Это был более надежный способ уничтожить роялистов *в массовом порядке*, чем маневры тактика, который, скорее всего, был гуманным и почти наверняка амбициозным и подозрительным по отношению к гражданскому населению. Поэтому была послана череда некомпетентных людей, и звезда д'Эльбе поднималась все выше и выше. Было время пообщаться с Питтом, который, как считалось, повсюду интриговал, и страх перед английской высадкой на западе усилился в правительственных комитетах Парижа.

В конце июля французские армии постигла серьезная катастрофа. Менц сдался пруссакам, а Валансьен сразу после этого австрийцам. Их гарнизоны, неспособные сражаться с врагом за границей, были доступны для борьбы с врагом дома. Солдаты из Майнца были отправлены в Нант. Их было 8000 человек, и они привезли с собой Клебера. Это был конец Вандеи. К середине сентября лучшие солдаты и генералы, которыми располагало французское правительство, встретились с ветеранами Бончана и д'Эльбе. За неделю, с 18-го по 23-е, они провели пять сражений, из которых самое знаменитое названо в честь деревни Торфу. И с таким поразительным результатом, что роялисты одержали победу в каждом из них и захватили более 100 пушек. На одном из этих полей Клебер и Марсо впервые увидели друг друга. Но казалось, что Бончан смог победить даже Клебера и Марсо, как он победил Вестерманна и Россиньоля. Затем произошла странная вещь. Несколько переодетых людей были введены в ряды вандейцев. Они оказались из гарнизона Майнца и сказали, что предпочли бы служить под началом генералов-роялистов, которые их победили, а не под началом своих собственных неудачливых вождей. За крупную сумму денег они обязались вернуться со своими товарищами. Боншан и Шаретт серьезно отнеслись к этим предложениям и пожелали их принять. Но деньги могли быть получены только путем переплавки церковной утвари, и духовенство выступило против. Некоторые сочли, что это был роковой просчет. Другие причины их разорения очевидны и являются решающими. Бретонцы должны были поддержать их, но бретонцы не были готовы. Они должны были объединиться, а они были жестоко разобщены и не подчинялись. Им следовало бы создать неприступную крепость на возвышенности над Луарой; но у них не было оборонительной тактики, и когда они занимали город, то не ждали нападения, а отступали, чтобы получить безусловное удовольствие от изгнания врага. Прежде всего, их должна была поддержать Англия. Первое письмо Д'Эльбе было перехвачено, и прошло четыре месяца, прежде чем английское правительство пошевелилось. *Эмигранты* и их принцы не испытывали любви к этим крестьянам, домоседам и духовенству, которым потребовалось так много времени, чтобы заявить о себе, и чьим главным или конечным мотивом не был роялизм. Пюизе показал Напье письмо, в котором Людовик XVIII. предписывал тайно предать его смерти.

Англии следовало бы действовать на побережье очень рано, во время слабых летних ветров. Но англичанам требовалось безопасное место для высадки, а его не было, чтобы предоставить им. Проявив больше предприимчивости, пока Шаретт удерживал остров Нуармутье, Питт мог бы стать арбитром Франции. Когда он дал определенные обещания и советы, был октябрь, и день надежды миновал.

В середине октября Клебер, получивший значительное подкрепление, двинулся вперед с 25 000 человек, и Бончан решил, что пришло время отступить в Бретань. Он разместил отряд, чтобы обеспечить переправу через Луару у Сен-Лорана, и отступил со всеми своими силами к Шоле,

одновременно предупредив Шаретта о решающем часе. Там, 16 октября, он провел свой последний бой. Д'Эльбе был ранен в тело. Он был благополучно доставлен в Нуармутье и все еще оставался там, когда республиканцы вернули себе остров в январе. Его последний разговор со своим завоевателем перед смертью имеет наивысшую ценность для этой истории. Лескюр уже получил пулю в голову, а в Шоле Бончан был смертельно ранен. Но в тот день был момент, когда фортуна поколебалась, и проигранное дело было обязано своим крахом отсутствию Шаретта. Стоффле и Ларошжаклен возглавили отступление от Шоле к Луаре. Это был дневной переход, и преследования не было. Бончан был еще жив, когда они подошли к реке, и все еще мог отдать последний приказ. Четыре тысячи пятьсот заключенных были доставлены из Шоле; их заперли в церкви Сен-Лорана, и офицеры согласились, что они должны быть преданы смерти. Сначала Конвент не разрешил людям, освобожденным роялистами, снова служить. Но эти преимущества цивилизованной войны давно были отменены; и пленников наверняка использовали против тех, кто их пощадил. Боншан отдал этим людям их жизни, и в тот же день он умер. Когда в тот же момент д'Эльбе, Лескюр и Бончан исчезли, командование принял Ларошжаклен, и Клебер, которому он дал отпор при Лавале, описал его как очень способного офицера; но он повел армию в страну за Луарой без определенной цели. Принц де Тальмон, который был Ла Тремуалем, пообещал, что, когда они приблизятся к владениям его семьи, ожидаемые бретонцы войдут. Более важным было появление двух крестьян с палками в руках. Ибо крестьяне были *переодетыми* эмигрантами, а в их посохе лежали письма из Уайтхолла, в которых Питт обещал помочь им, если им удастся захватить морской порт; и он рекомендовал Гранвилл, который стоит на мысе недалеко от французской горы Святого Михаила. Посланцы отказались подтвердить принесенную ими поддержку; но Ларошжаклен, сильно стесненный тысячами женщин и детей, потерявших свои дома, пробился к морю и атаковал укрепления этого места. Он атаковал напрасно, и хотя Джерси прислушивался к канонаде, корабли так и не появились. Теперь последняя надежда исчезла, и остатки великой армии, проклиная англичан, повернули обратно в свою страну. К ним присоединились несколько тысяч бретонцев, и Стоффле все еще гнал республиканцев перед собой. Вместе с Ларошжакленом и Сапино он пересек Луару на маленькой лодке. Армия обнаружила, что река непроходима, и беспомощно бродила без офицеров, пока 26 декабря в Савенее не была захвачена противником и не прекратила свое существование. Лескюр следовал за колонной в своей карете, пока не услышал о казни королевы. На последнем издыхании он сказал: "Я сражался, чтобы спасти ее: я буду жить, чтобы отомстить за нее. Теперь пощады быть не должно".

В таком неумолимом духе Карриер действовал в Нанте. Но я не хочу рассказывать о мести победивших республиканцев храбрым людям, которые заставили их трепетать. Такие же зверства творились на юге. Лион сверг якобинцев, предал смерти худших из них и выдержал осаду под республиканским флагом. Жирондисты и роялисты, которые были врагами в Нанте, сражались здесь бок о бок; и это место было так хорошо вооружено, что продержалось до 9 октября. 29 августа роялисты Тулона собрали совместный британский и испанский гарнизон и передали флот и арсенал лорду Худу. Республиканцы осадили город в октябре. Гавань Тулона глубока и просторна, но там был и до сих пор есть форт, контролирующий вход. Тот, кто удерживал Эгильет, был хозяином каждого корабля в доках и каждого орудия в арсенале. 18 декабря в полночь, во время сильного шторма, французы атаковали форт и взяли его. Тулон больше не был прочным местом. Поспешно, но неумело англичане уничтожили французские корабли, которые они не смогли сразу забрать, оставив материалы для египетской экспедиции,

и как можно быстрее эвакуировались из гавани под огнем захваченного форта. С этого подвига началась судьба Бонапарта, и первым событием в его карьере стало зрелище британского флота, летящего перед ним в отблесках огромного пожара. Таким образом, 1793 год триумфально завершился, и Конвент стал хозяином всей Франции, за исключением болот у океана, где Шаретт бросил вызов всем врагам и преуспел в навязывании Республике своих собственных условий. Но пришла опасность, нарушившая сон Робеспьера, и был найден человек, который должен был превратить Революцию в ступеньку к могуществу меча.

XXI

ЕВРОПЕЙСКАЯ ВОЙНА

Французская революция была попыткой закрепить в публичном праве Европы принципы, которые восторжествовали благодаря помощи Франции в Америке. Согласно принципам Декларации независимости, правительство, препятствующее свободе, утрачивает право на повиновение, а люди, которые обрекают свои семьи на разорение и самих себя на смерть, чтобы разрушить ее, выполняют не более чем свой долг. Американская революция не была спровоцирована тиранией или невыносимым злом, поскольку Колонии были в лучшем положении, чем народы Европы. Они восстали с оружием в руках против созидательной опасности, зла, которое можно было бы вынести, если бы не его возможные последствия. Заповедь, осудившая Георга III. был фатальным для Людовика XVI., и аргументы в пользу Французской революции были сильнее, чем аргументы в пользу американской революции. Но это повлекло за собой международные последствия. В нем осуждались правительства других стран. Если революционное правительство было легитимным, то консервативные правительства - нет. Они обязательно угрожали друг другу. По закону своего существования Франция поощряла восстание против своих соседей, и существующий баланс сил должен был быть восстановлен в соответствии с высшим законом.

Успешный переворот во Франции привел к перевороту в Европе; и Конвенция, которая в первых иллюзиях победы обещала братство населению, борющемуся за свободу, была неполитичной, но не нелогичной. По правде говоря, якобинцы всего лишь передали в пользование угнетенным европейцам прецедент, созданный монархией в пользу американцев, которые не были угнетены. Никто и представить себе не мог, что новая система международных отношений может быть введена в действие без сопротивления или жертв, но энтузиасты свободы, истинные или ложные, вполне могут посчитать, что она стоит всего, чего должна стоить, даже если ценой будут двадцать лет войны. Эта новая догма является реальной причиной разрыва с Англией, который нанес такой вред Франции. Умные якобинцы, такие как Дантон и Карно, видели опасность отказа от политики ради принципа. Они пытались интерпретировать угрожающую декларацию до тех пор, пока она не стала безобидной, и вместо нее они выдвинули естественную границу. Но это была сама суть революционного духа, и этого нельзя было отрицать.

Англия оставалась в стороне от Пильница и экспедиции под командованием Брауншвейга, но после 10 августа стала проявлять недружелюбие. Лорд Гауэр не сразу перестал быть послом и

получал свое жалованье до конца года. Но поскольку он был аккредитован при короле, его отозвали, когда король сел в тюрьму, и не было проявлено никакой заботы о том, чтобы сделать этот шаг менее оскорбительным. Шовелен не был признан. Ему не разрешили предъявить свои новые полномочия, а его просьбы об аудиенции были встречены холодно. Питт и Гренвилл не были настроены примирительно. Они были настолько полны достоинства, что казались надменными, а когда они были надменны, то становились дерзкими. Завоевание Бельгии, открытие Шельды для судоходства и суд над королем вызвали ожесточение в Англии, и министры в течение декабря почувствовали, что они будут в безопасности, если согласятся с этим. Открытие Шельды не встретило сопротивления со стороны голландцев и не дало Англии никаких веских аргументов. Но Франция угрожала Голландии, и если из-за ненависти англичан к Республике, к республиканским принципам внешней политики, к аннексии Нидерландов война действительно была неизбежна, важно было немедленно завладеть голландскими ресурсами на море и суше.

Идея примирить Англию путем отказа от завоеваний и идея бросить вызов Англии путем немедленного вторжения в Соединенные Провинции на какое-то время уравнивали друг друга. Отрекшись, умеренная, или жирондистская, партия восторжествовала бы. Якобинцы, которые извлекли все следствия из теорий и которые стремились восстановить финансы за счет добычи богатых голландцев, достигли своей цели, проголосовав за смерть короля. Это событие добавило того, что должно было вызвать волнение и раздражение в Англии. Вплоть до января правительство оставалось готовым вести переговоры при условии, что Франция восстановит свои завоевания, и было принято несколько эмиссаров. Самым надежным из них был Марет, впоследствии герцог Бассано. 28 января Талейран, живший на пенсии в Лезерхеде, проинформировал министров, что Марет снова в пути, чтобы возвестить о приближении самого Дюмуре, чье присутствие в Лондоне с дружественной миссией было бы равносильно отказу от голландского проекта. Но Марет приехала слишком поздно, и Дюмуре по пути к побережью был задержан инструкциями о том, что его пунктом назначения является Амстердам, а не Лондон.

Новости из Парижа достигли Лондона вечером 23-го, и публика в театре настояла на том, чтобы спектакль был остановлен. На следующий день должна была состояться гостиная. В гостиную решение было отменено. Был создан Совет, и там было зарегистрировано важное решение. Гренвилл отказался признать официальный характер французского посланника Шовелена. Он сообщил ему, что на него распространяется действие Закона об иностранцах. 24-го числа он отправил ему свои паспорта с приказом покинуть страну. После этого Дюмуре был отозван. 29-го Шовелен прибыл в Париж и рассказал свою историю. И именно тогда, 1 февраля, Конвент объявил войну Англии. Будь в Лондоне менее яростные советы и прояви он терпение, выслушав Дюмуре, начало войны можно было бы отложить. Но ничто из того, что Англия была в состоянии предложить, не могло компенсировать Франции потерю флота и сокровищ Голландии.

Нашим министрам, возможно, не хватало многих качеств переговорщиков, и увольнение Шовелена возложило на них ответственность, которой было легко избежать. Они не смогли бы надолго предотвратить военные действия. Вполне возможно, что Фоксу это удалось бы, поскольку Фокс был способен понять мир новых идей, лежащих в основе политики Франции; но страна была не в настроении следовать за вигами. Они несправедливо обвинили Питта, заявив, что он отправился на войну из честолюбивых побуждений. Он не был виновен в этом серьезном

обвинении. Но он сделал меньше, чем мог бы, чтобы предотвратить это, слишком ясно понимая, какая выгода это принесет. И он готов к серьезному упреку в том, что перешел на сторону абсолютных держав и объединил с ними Англию в момент Второго раздела и применил к Франции принципы, на которых они действовали против Польши. Когда принц Кобургский провел свою первую конференцию со своими союзниками в Бельгии, он заявил, что Австрия отказывается от всех идей завоевания. Англичане однажды запротестовали. Они дали понять, что желают аннексировать как можно больше территории, чтобы сделать врага менее грозным. Нашим посланником был лорд Окленд, человек умеренных взглядов, который всегда советовал своему правительству прийти к соглашению с Республикой. Он призвал Кобург не успокаиваться, пока он не обеспечит удовлетворительную линию границы, поскольку Англия собиралась присвоить Дюнкерк и Колонии и намеревалась сохранить их. Георг III 27 апреля высказал те же чувства. Франция, по его словам, должна быть сильно ограничена, прежде чем мы сможем говорить о каких-либо средствах обращения с этой опасной и вероломной нацией. В феврале Гренвилл определенно предложил расчленение, предложив Австрии пограничные крепости и весь Эльзас и Лотарингию. Именно англичане придали операциям, которые должны были последовать, характер эгоистичной и подлой алчности.

Одному только островному королевству нечего было бояться, поскольку на ее стороне были остальные морские державы, и перевес военно-морских сил был решающим. Французы начали войну с 76 линейными кораблями. У Англии было 115, с 8718 орудиями против 6002. В весе металла разница была не столь велика, поскольку английские пушки сбрасывали 89 000 фунтов, а французские 74 000. Но у Англии был испанский флот из 56 линейных кораблей, а у голландцев — 49 - испанцы хорошо построены, но плохо укомплектованы; голландцы построены для мелководья, но с превосходными экипажами. К ним следует добавить Португалию, последовавшую за Англией, и Неаполь, королем которого был Бурбон, брат короля Испании. Следовательно, по весу металла, который является первым после мозгов, мы были как минимум 2 к 1; а по количеству кораблей 3 к 1, или примерно 230 к 76. Вот причина, по которой островные государственные деятели вступили в войну, если не с большей предприимчивостью и энергией, то все же с большей решимостью и духом, чем их незащищенные и уязвимые союзники на Континенте. Разница между ними заключается в том, что между людьми, которые находятся вне досягаемости и составляют 2 к 1, и людьми, чьи территории доступны врагу, значительно превосходящему их числом. Поэтому именно Питт со своего выгодного поста подталкивал остальных вперед, а когда они колебались, подбадривал их деньгами и обещанием добычи. Союз с приморскими государствами был важен для его политики, но он ничего не дал в реальной борьбе. Голландцы и испанцы так и не были приведены к согласию; а англичане, хотя поначалу они были обязаны своей безопасностью своей системе союзов, своими победами были обязаны самим себе. И эти победы стали еще более многочисленными и блестящими, когда после двух лет безрезультатной дружбы с нами испанец и голландец присоединились к нашим врагам. Англия была втянута в войну, которую она вела с неослабевающей решимостью, перспективой низменной наживы. Это принесло увеличение ренты правящему классу и выгоду торговцам от завоевания зависимостей и владений на море.

1793 год не принес нам никакой выгоды с моря. Мы заняли Тулон по приглашению местных жителей, и там в нашем распоряжении была половина военно-морских ресурсов Франции. Но еще до конца года нас прогнали. Французские владения в Индии сразу же попали в наши руки, и в марте и апреле 1794 года мы захватили Наветренные острова в Вест-Индии, Мартинику, Санта-Лючию и, наконец, Гваделупу. Но юрист-якобинец приехал из Франции и отвоевал

Гваделупу, и французы удерживали ее с непобедимым упорством до 1810 года. Они потеряли хайти, но он так и не стал английским и перешел во власть негров, которые там достигли наивысшей точки в истории. Летом того же 1794 года Корсика перешла в британскую зависимость, что значительно укрепило наши позиции в Средиземном море. Мы не смогли удержать ее. Наши адмиралы ничего не сделали для Вандеи. Об этом было известно так мало, что 19 декабря возник вопрос об отправке офицера служить под началом Боншана, который к тому времени был мертв уже два месяца.

Во всей этой пестрой и бесславной истории есть один день, который следует запомнить. 11 апреля 1794 года 130 торговых судов, груженных продовольствием, отплыли из Чесапикского залива в порты Франции. Лорд Хоу вышел им на перехват; и 16 мая французский флот покинул Брест, чтобы защитить их. Хоу разделил свои силы. Он послал Монтегю следить за торговцами, а сам повел оставшуюся часть своей эскадры против Вилларе-Жуаез. После столкновения 28 мая они встретились равными силами 1 июня в 400 милях от суши. У французского адмирала на борту был лишенный сана священник-гугенот, который в молодости ходил в море и теперь прививал флоту революционный пыл, как Сен-Жюст делал с армией. Бой длился три часа, а затем прекратился. Вилларе ждал до вечера, но Лорд Хоу вывел из строя несколько кораблей и не стал ни возобновлять сражение, ни преследовать врага. Французы потеряли семь кораблей из двадцати шести. Самый известный из них - *Народный мститель*. Он зацепил "*Браунсвик*", и такелаж одного корабля настолько запутался в якорях другого, что они сцепились друг с другом и отошли от каната. Они были так близко, что французы не могли стрелять из своих орудий нижней палубы, не имея места для тарана заряда. Англичане были снабжены на этот самый крайний случай гибкими веревочными трамбовками и продолжали стрелять в иллюминаторы противника, в то время как французский капитан, вызвав своих людей снизу, имел преимущество на верхней палубе. Наконец морская волна вынудила непокоренных врагов расступиться. "*Брансуик*" потерял 158 человек из 600 членов экипажа, а 23 его орудия из 74 были демонтированы. Выведенный из строя, он отправился домой для ремонта. *Vengeur* остался на земле, без всех мачт. Вскоре стало видно, что в нее попали ниже ватерлинии. Орудия были выброшены за борт, но через несколько часов с "*Vengeur*" подали сигналы, что она тонет. Подошли английские лодки и спасли около 400 человек из 723. Те из выживших, кто не был ранен, стояли у сломанной мачты и кричали "Да здравствует республика!", когда корабль пошел ко дну. Это история, а не легенда о гибели *Мстителя*, и никакое преувеличение и никакое противоречие не могут омрачить драматического величия сцены.

Битва 1 июня - единственное событие на суше или на море, прославившее британское оружие в войне первой коалиции. Достигнутое тогда господство никогда не было утрачено. Наши неудачи в Вест-Индии, на островах Зеленого Мыса, в Средиземном море и у берегов Франции, и даже дезертирство наших морских союзников не повлияли на это. А позже, когда все были против нас, адмиралы, более оригинальные и предприимчивые, чем Хоу, увеличили наше превосходство. Успех был менее блестящим и полным, чем тот, которого Нельсон добился против гораздо более крупных сил при Трафальгаре, когда Франция потеряла все корабли. Монтегю не перехватил французские торговые суда и не помог сокрушить французские военные корабли. Вилларе Жуаез и энергичный министр из Лангедока проиграли день, но получили существенное преимущество. Под прикрытием их пушек корабли, от которых зависело снабжение страны, вошли в порт. Хотя в течение этих двух лет французы сражались с большими силами противника на море, их потери были меньше, чем они ожидали, и не ослабили их правительство дома. У них были основания надеяться, что всякий раз, когда их армии

столкнутся лицом к лицу с Испанией и Нидерландами, удача в войне на море последует за событиями на суше.

Война, с которой нам сейчас предстоит иметь дело, прошла через три отчетливых этапа. В течение 1793 года французы с трудом удерживались на ногах, им приходилось бороться с опасным восстанием. В 1794 году ситуация переломилась в их пользу, и 1795 год стал эпохой превосходства и триумфа. Республика унаследовала от монархии регулярную армию численностью 220 000 человек, серьезно пострадавшую и деморализованную эмиграцией офицеров. К ним добавились, во-первых, добровольцы 1791 года, которые вскоре стали хорошими солдатами и предоставили большую часть военных талантов, прославившихся вплоть до 1815 года, и подобных которым никогда не было видно ни во время Гражданской войны в США, ни среди немцев в 1870 году. Вторая группа добровольцев, те, кто откликнулся на Брауншвейгскую прокламацию и сентябрьский призыв, когда страна была в опасности, не были равны первой. Вместе они поставили 309 000 человек. В начале всеобщей войны, в марте 1793 года, была введена воинская повинность, что спровоцировало восстание в Вандее и было прервано волнениями в других департаментах. Вместо 300 000 человек это дало 164 000 человек. Летом 1793 года, когда крепости падали, сначала был массовый сбор, а затем, 23 августа, система реквизиций, с помощью которой был организован сбор, позволивший произвести 425 000 человек. В общей сложности за полтора года Франция поставила в строй 1 100 000 человек; и в критический момент, в конце второго года, более 700 000 человек находились под ружьем. Это сила, которой должен был обладать Карно. Он был человеком энергии, целостности и профессиональных навыков инженера, но он не обладал командирскими способностями. Лорд Каслри довольно легкомысленно называл его глупым математиком. Однажды, поссорившись со своим бывшим товарищем Фуше и будучи приговоренным к изгнанию, он имел с ним такой разговор: "Куда мне идти, предатель?" "Куда хочешь, идиот". Как суровый республиканец, он был в немилости у времен империи; но его защита Антверпена - яркое пятно в упадке Наполеона. Вернувшись с Эльбы, он стал министром внутренних дел, и его совет, возможно, изменил мировую историю. Ибо он хотел, чтобы император обрушился на англичан прежде, чем они смогут сосредоточиться, а затем на досуге сразился с пруссаками. Однажды вечером, во время роббера в вист, слезы, текущие по его щекам, выдали новости из Ватерлоо.

Своим успехом Карно был обязан двум вещам — произвольному контролю над продвижением по службе и дешевизне жизней французов. Он мог пожертвовать таким количеством людей, какое ему требовалось, чтобы отстоять очко. Австрийца на Самбре, в 1000 милях от дома, было трудно заменить. Любое количество французов было в пределах легкой досягаемости. Полковник Мак заметил, что всякий раз, когда погибал участник боевых действий, Франция теряла человека, а Австрия - солдата. Вандея показала, на что способны люди без организации и умения маневрировать, благодаря постоянной активности, разоблачению и мужеству. Карно учил своих людей побеждать многократно повторяющимся броском и не считать своих убитых. Низшие командиры были быстро отсеяны, иногда с помощью палача, и наиболее способные люди были отправлены на фронт. Главной армией из всех, армией Самбра и Мааса, командовали Клебер, Моро, Ренье, Марсо и Ней. Что еще лучше, на Рейне были Гош, Дезэ и Сен-Сир. Лучшее всего то, что на Апеннинах французами руководили Бонапарт и Массена.

Все эти вооружения едва начались, когда победа при Нервиндене и бегство Дюмуре привели австрийцев к бельгийской границе. Карно не был обнаружен, лучшие люди не дослужились до

командования, *омассовом* призыве никто не думал. Французы ничего не могли поделать на поле боя, в то время как принц Кобургский, поддержанный голландцами и англо-ганноверской армией под командованием герцога Йоркского, засел перед крепостями. К концу июля Конде и Валансьен пали, и дорога на Париж была открыта для победителей. Они могли достичь столицы с превосходящими силами к середине августа. Но англичане жаждали не Парижа, а Дюнкерка, и герцог Йоркский отступил с 37 000 человек и осадил его. Кобург повернул в противоположном направлении, чтобы осадить Ле Кенуа. Он предложил завоевывать укрепленные города один за другим, согласно рецепту Гренвилла, а затем соединиться с пруссаками, которых ему срочно требовалось иметь при себе, когда он проникнет в глубь страны. Пруссаким тем временем взяли Менц, гарнизон, подобный гарнизону Валансьена, что сделало оборону слишком короткой для их славы. Но пруссаки помнили о вторжении годом ранее и не спешили. Союзники, с противоречивыми интересами и разделенными советами, дали врагу время. Несколько лет спустя, когда Наполеон разгромил пьемонтцев и ждал, когда они пришлют обратно продиктованный им в Чераско договор, должным образом подписанный, он стал чрезмерно раздражен их задержкой. Пьемонтские офицеры были удивлены тем, что казалось недостатком сдержанности, и позволили ему увидеть это. Его ответ был таким: "Я часто проигрываю битву, но я никогда не потеряю ни минуты".

Французы хорошо использовали время, отпущенное им врагами. Карно вступил в должность 14 августа, а 23-го он заставил Конвент издать декрет о том, что приятно называть *массовым сбором*, но это была система реквизиций, делающая каждого трудоспособного мужчину солдатом. Новый дух управления вскоре почувствовался в армии. Силы, осаждавшие Ле-Кенуа и Дюнкерк, были настолько далеко друг от друга, что французы встали между ними и последовательно атаковали их. Гарнизон Дюнкерка открыл шлюзы и затопил страну, отделив англичан от прикрывающих сил ганноверцев и не оставив герцогу Йоркскому никаких путей к отступлению, кроме единственной дамбы. 8 сентября французы разгромили ганноверцев при Хондсхутенах и освободили Дюнкерк. Англичане отступали в большой спешке, бросив свои осадные орудия; но так как им вообще не следовало уходить, французы отрубили голову своему победоносному командиру. Журден, его преемник, выступил против принца Кобургского и, применив новую и дорогостоящую тактику, разбил его при Ватиньи 16 октября. Карно, который все еще не доверял своим генералам, прибыл вовремя, чтобы одержать победу, отменив приказ Журдана и его штаба. И каждый французский ребенок знает, как он вел атаку под картечью, пешком, со шляпой на конце шпаги. С того дня и до Балевского мира он держал армию в своих руках. Он остановил вторжение. Никто в лагере союзников больше не говорил о кратчайшей дороге на Париж; но они все еще удерживали завоеванные ими места. Два месяца спустя Гош, отличившийся при Дюнкерке, принял командование в Вогезах и штурмовал позиции Вайсенбурга на месте первых боевых действий в войне 1870 года. К концу декабря пруссаки были заперты в Майнце, а Вурмзер отступил за Рейн. К тому времени пали также Вандея, Лион и Тулон. Кампания 1794 года должна была быть посвящена войне за границей.

В течение той осени и зимы Карно, несколько не обращая внимания на то, что происходило рядом с ним, и не обращая внимания на подписи, которые он ставил, организовывал огромные силы, предоставленные реквизицией, и разрабатывал планы, которые должны были дать ему столь громкое имя в истории его страны. Он разделил войска на тринадцать армий. Я полагаю, их называют четырнадцатью, потому что там были *кадры* для армии резерва. Два требовались для войны в Испании, поскольку Пиренеи непроходимы для артиллерии, за исключением двух концов, где узкие долины ведут из Франции в Испанию недалеко от Сан-Себастьяна, и полосы

более открытой местности недалеко от Средиземного моря. То, что там произошло, не повлияло на события; но хорошо знать, что испанцы под командованием Рикардоса получили важные преимущества в 1794 году и сражались лучше, чем когда-либо на поле боя во время своей борьбы с Наполеоном. Третья армия была размещена на итальянской границе, четвертая - на Рейне, а пятая - против союзников во Фландрии. Карно увеличил численность, потому что у него не было людей, доказавших свою пригодность для руководства очень крупными силами. Он имел в виду, что его армий должно быть везде достаточно, но в Бельгии они должны были быть подавляющими. Это было опасное место, и там было собрано большое количество австрийцев, голландцев, англичан и ганноверцев. Сам император появился среди них в мае; а его брат, эрцгерцог Карл, был лучшим офицером в лагере союзников.

В конце апреля Кобург взял Ландреси, четвертую из линии павших крепостей. 18 мая французы одержали победу при Туркуэне, где англичане серьезно пострадали, и герцог Йоркский стремительным бегством искал спасения. Поговаривали даже о военном трибунале. День был потерян из-за отсутствия эрцгерцога, который, как и Юлий Цезарь, страдал припадками и, как говорят, лежал без сознания за много миль отсюда. Еще месяц союзники удерживали свои позиции и неоднократно подавляли попытки Журдана пересечь Самбру. Наконец Шарлеруа сдался французам, и на следующий день, 26 июня, они выиграли великую битву при Флерюсе. Монс пал 1 июля, а 5-го союзники решили эвакуировать Бельгию. Четыре крепости были восстановлены в августе; Кобург отошел через Льеж в Германию, Йорк через Антверпен - в Голландию. В октябре Журден преследовал австрийцев и загнал их за Рейн. Битва при Флерюсе установила господство французов в Европе, подобно тому как 1 июня установила господство Англии на океане. Они начали наступление и удерживали его в течение двадцати лет. И все же поражение при Флерюсе после столь разной удачи и чередования множества успехов не объясняет внезапного уныния и краха союзников. Одна из великих держав собиралась покинуть альянс. Весной Пруссия согласилась принять английскую субсидию. Ибо, получив 300 000 фунтов стерлингов авансом и 150 000 фунтов стерлингов в месяц, силы численностью от пятидесяти до шестидесяти тысяч пруссаков должны были быть использованы по согласованию с Англией, то есть в Бельгии. Не успела подпись Малмсбери высохнуть, как вся ситуация изменилась.

Комитет общественной безопасности организовал диверсию в тылу врага. Козюшко с помощью французских денег и советов поднял восстание в Польше, и руки пруссаков были связаны. Польский вопрос волновал их больше, чем французский, и все их мысли были обращены в противоположную сторону. Австрийцы начали опасаться, что Пруссия бросит их на Рейне и получит преимущество над ними в Польше, в то время как они были заняты своей лучшей армией во Фландрии. Питт увеличил свои предложения. Лорд Спенсер был отправлен в Вену, чтобы договориться о дополнительной субсидии. Но пруссаки начали отступать. В сентябре маршал Меллендорф сообщил французам, что австрийцы собираются атаковать Трев. Он пообещал, что сделает для своих союзников не больше, чем сможет. 20-го числа Гогенлоэ, который не был посвящен в тайну, сразившись с Гохом при Кайзерслаутерне и победив его, главнокомандующий прислал объяснения и извинения. В октябре Питт прекратил поставки, и пруссаки прекратили войну.

Зима 1794-95 годов была суровой, и в Голландии замерзло даже море. В январе Пишегрю перешел твердый Рейн, и ни голландцы, ни англичане не оказали сколько-нибудь значительного сопротивления. Принц Оранский бежал в Англию; герцог Йоркский отступил в

Бремен и там сел на корабль; а 28-го французов приветствовала демократия Амстердама. Кавалерийский отряд подъехал к флоту по льду и принял его капитуляцию. У него не осталось причин защищаться. Голландия должна была стать спасением французского кредита. Это дало Франции торговлю, флот, позицию, с которой можно было проникнуть в Германию с незащищенной стороны. Все было повернуто против Питта и его политики. Его прусский союзник заключил мир в апреле, уступив Франции всю Германию до Рейна и обязавшись оккупировать Ганновер, если Георг III, как курфюрст, откажется соблюдать нейтралитет. Испания почти немедленно последовала его примеру. Мануэль Годой, в последнее время гвардеец, но премьер-министр и герцог Алькудии с ноября 1792 года, отклонил предложения Питта о союзе, пока оставалась надежда спасти жизнь Льюиса обещанием нейтралитета. Когда этим надеждам пришел конец, он согласился. Совместная оккупация Тулона не была дружественной; и когда Георг III, когда его сделали королем Корсики, это нанесло ущерб Испании как Средиземноморской державе. Враждебность против царевницы во Франции угасла; война не пользовалась популярностью, и герцог Алькудийский стал, на фоне всеобщего ликования, принцем Мира.

Мы видели, как первое вторжение в 1792 году привело к власти худших людей. В 1793 году период террора точно совпал с периодом общественной опасности. Робеспьер стал главой правительства в тот самый день, когда из крепостей пришли плохие новости, и он пал сразу после оккупации Брюсселя, 11 июля 1794 года, разоблачившей действие Флерюса. Мы не можем отделить эти события друг от друга или опровергнуть утверждение о том, что господство террора было спасением Франции. Несомненно, что призыв в армию в марте 1793 года под эгидой жирондистов едва ли дал половину требуемого количества, в то время как сборы в августе следующего года, объявленные и осуществленные Горой, наводнили страну солдатами, которые были подготовлены к бою, происходившей дома, чтобы столкнуться с боем на фронте. Таким образом, это был результат, которого добилась консервативная Европа своим нападением на Республику. Французы подчинили Савойю, Рейнскую область, Бельгию, Голландию, в то время как Пруссию и Испанию заставили просить мира. Англия лишила Францию ее колоний, но потеряла репутацию военной державы. Австрия одна, со своими зависимыми соседями, вела неравную борьбу на Континенте в худших условиях и без всякой надежды, кроме как на помощь России.

XXII

ПОСЛЕ ТЕРРОРА

Нам остается проследить ход французской политики от падения террористов до Конституции III года и закрытия Конвента в октябре 1795 года. Государство дрейфовало после шторма и долгое время оставалось без регулярного правительства или руководящего органа общественного мнения. Первым чувством было облегчение от огромного избавления. Были открыты тюрьмы, и тысячи частных лиц были освобождены. Новое ощущение проявилось экстравагантно в поиске удовольствий, неизвестных во время сурового и мрачного правления. Мадам Тальен устанавливала моду как королева парижского общества. Мужчины отказались от современной одежды, характерной для ненавистных лет, и надели трико. Они прятали подбородок в

сложенных шейных платках и носили высокие шляпы в знак протеста против открытой шеи и красного ночного колпака врага. Пудру возобновили, но косичку отрезали начисто, в память о друзьях, погибших при падении топора. Молодые люди, олицетворявшие новый дух, были одеты в своего рода униформу с траурным знаком на рукаве и набалдашником в руках, выполненным в виде якобинского черепа. Впоследствии они стали известны как *Jeunesse Dorée*. Пресса много писала о них, и они служили органом для лидеров реакции, подстегивая противников и обозначая бесконечные изменения в условиях общественной жизни.

Это были внешние факторы. Подспудно происходило постепенное восстановление респектабельных элементов общества и переход власти из недостойных рук людей, уничтоживших Робеспьера. Они, термидорианцы, были верны договору с Равниной, благодаря которому они одержали свою победу. Некоторые из них были друзьями Дантона, который в какой-то момент прошлой зимой одобрил политику умеренности в использовании гильотины. У Тальена были как внутренние, так и общественные причины для помилования. Но основная масса настоящих монтаньяров осталась неизменной. Они бросили Робеспьера, когда защищать его стало небезопасно; но они не отказались от его системы и считали, что это необходимо для их защиты от яростной вражды, которую они навлекли на себя, когда были правящей фракцией.

Большинство в Конвенте, где теперь были сосредоточены все полномочия, не могло управлять страной. Непреодолимые ресурсы правления террора иссякли, и ничто не заняло их места. Не было ни действующей Конституции, ни устоявшейся власти, ни партии, пользующейся авторитетом и уважением, ни общественных деятелей, свободных от чувства вины за кровь. Должно было пройти много месяцев, прежде чем остатки павших партий собрались вместе и сформировали эффективное правительство с реальной политикой и средствами ее проведения. Руководители коммуны и революционного трибунала, числом около ста человек, последовали за Робеспьером на эшафот.

Правительственные комитеты потеряли своих самых энергичных членов и были выведены из строя новым планом быстрого обновления. Власть колебалась между различными комбинациями депутатов, все они были временными и быстро дискредитированными. Основное различие было между мстью и амнистией. И характер последующих месяцев заключался в постепенном смещении в сторону мести, поскольку заключенное или объявленное вне закона меньшинство вернулось на свои места. Но Гора включала в себя людей, которые, организовав, оснастив и контролируя армии, сделали Францию первой из европейских держав, и их нельзя было сразу вытеснить. Барер предложил сохранить существующие институты и чтобы Фукье продолжил свою деятельность на этом посту. 19 августа Луше, человек, возглавивший нападение на Робеспьера, настаивал на том, что необходимо продолжать Террор со всей строгостью, предписанной проницательным и глубокомысленным Маратом. Месяц спустя, 21 сентября, Конвент торжественно провозгласил апофеоз Марата, чьи останки были помещены в Пантеон, в то время как останки Мирабо были выброшены. Три недели спустя учителя Робеспьера, Руссо, с такими же церемониями положили рядом с ним. Самые злостные из оставшихся преступников, Барер, Колло д'Эрбуа и Бийо-Варенн, были лишены своих мест в Комитете общественной безопасности. Но, несмотря на обвинения Лекуантра и Лежандра, Конвент отказался возбуждать против них уголовное дело.

Весь сентябрь и большую часть октября Гора стояла на своем и препятствовала реформе правительства. Набравшись храбрости, Бийо заявил, что лев может спать, но при пробуждении растерзает своих врагов. Под львом он подразумевал себя и своих друзей Термидора. Руководящие комитеты были перестроены на основе принципа частой смены; закон Прериала, который давал право произвольного ареста и безоговорочного препровождения в тюрьму, был отменен; и были разосланы комиссары, чтобы учить провинции примеру Парижа.

Помимо этих мер, деятельность государства замерла. Падение людей, правивших с помощью террора, поначалу не привело к значительным политическим результатам. Процесс перемен был запущен некоторыми гражданами Нанта. Карриер отправил партию из 132 своих заключенных на парижскую гильотину. Тридцать восемь из них умерли от перенесенных лишений. Остальные все еще находились в тюрьме Термидора; и теперь они ходатайствовали о предании их суду. Состоялся судебный процесс; и представленные доказательства были такими, что сделали реакцию неизбежной. 14 сентября Нантаи были оправданы. Затем последовали необходимые последствия. Если жертвы Карриера были невиновны, то кем был сам Карриер? Его зверства были разоблачены, и 12 ноября Конвенция постановила 498 голосами против 2, что он должен предстать перед трибуналом. Ибо Кэрриер был депутатом, неприкосновенным по общему праву. Судебный процесс затянулся, поскольку это был суд не над человеком, а над системой, над целым классом людей, все еще пользующихся неприкосновенностью.

Все, что можно было выявить, придавало силы термидорианцам в борьбе против их врагов и давало им власть над общественным мнением. 16 декабря Карриер был гильотинирован, он мужественно защищался. Сила его аргументации заключалась в том, что его обвинители были почти так же виновны, как и он сам, и что все они будут последовательно уничтожены врагами Республики. Он делал все возможное, чтобы увлечь за собой партию. Его сообщники, оправданные революционным трибуналом на том основании, что их преступления не были политическими, затем предстали перед обычными судами. В тот день, когда конвент постановил, что нантский мясник должен предстать перед судом, они закрыли якобинский клуб, и теперь наступала реакция.

1 декабря, заслушав доклад Карно, ассамблея предложила амнистию повстанцам на Луаре, а 8-го были отозваны те жирондисты, которые были помещены под арест. Эта мера была решающей. С добровольной помощью Равнины они стали хозяевами Конвента, поскольку было семьдесят три человека, и, в отличие от Равнины, им не мешали и не выводили из строя их собственные беззакония. Они не были соучастниками террора, поскольку провели его в заключении. Им нечего было бояться решительного применения заслуженных наказаний, и им предстояло свести ужасный счет. Оставалось еще шестнадцать депутатов, которые были отстранены от должности вместе с Бузо и остальными. Теперь они были амнистированы, и три месяца спустя, 8 марта, они были допущены к своим местам. Там они сидели лицом к лицу с людьми, которые объявили их вне закона, которые обрекли их на смерть поступком, несправедливость которого теперь была провозглашена.

Призыв к мести становился непреодолимым по мере того, как политика прошлого года была изменена. В ходе этого процесса настал черед Вандеи. 17 февраля, в Ла-Жоне Французская Республика заключила соглашение с Шареттом. К нему относились как к равной силе. Он получил свободу вероисповедания, денежную компенсацию, освобождение от воинской

повинности и территориальную охрану численностью 2000 человек, которая оплачивалась правительством и которой командовал он сам. Вскоре те же условия были приняты Стоффле и бретонским лидером Корматином. В этот час триумфа Шаретт въехал в Нант с выставленным напоказ белым знаком роялизма; власти приняли его с почестями, а толпа приветствовала его. Сразу же после заключения Ла-Яунского мирного договора, который предоставил свободу вероисповедания на западе, она была распространена на всю Францию. Церкви были возвращены несколько месяцев спустя; есть один приход в восточном департаменте, где, как говорят, церковь никогда не закрывалась и служба никогда не прерывалась.

В марте жирондисты были достаточно сильны, чтобы повернуться против своих врагов. Степень реакции была проверена изгнанием Марата из его краткого покоя в Пантеоне и разрушением его бюстов по всему городу молодыми людьми, подстрекаемыми Фрероном. В марте великие преступники, до которых было так трудно добраться, Колло д'Эрбуа, Бийо и Барер, были брошены в тюрьму. Карно защищал их на том основании, что они были едва ли хуже его самого. Конвент постановил, что их следует отправить в Кайенну. Барер сбежал по дороге. Следующим был Фукье-Тенвиль, и суд над ним весной причинил его партии такой же вред, как суд над Каррье предыдущей осенью. Он утверждал, что был всего лишь орудием в руках Комитета общественной безопасности, и что, поскольку три его члена, которым он повиновался, были всего лишь перевезены, с ним больше ничего нельзя было сделать. Трибунал не был связан наказаниями, установленными Ассамблеей, и в мае Фукье был казнен.

Монтаньяры решили, что они не погибнут без борьбы. 1 апреля они напали на Конвент и были отбиты. Несколько самых отъявленных были брошены в тюрьму. Более грозное нападение было совершено 20 мая. В течение нескольких часов Конвент находился во власти толпы, и депутат был убит при попытке защитить президента. Члены Парламента, принадлежавшие к the Mountain, приняли ряд указов, которые удовлетворили население. Поздно ночью Собрание было спасено. Шумные голосования были объявлены несостоявшимися, а те, кто их инициировал, были отправлены на рассмотрение военной комиссии. Они не подстрекали к мятежу, и было настоятельно рекомендовано, чтобы они действовали так, чтобы умиротворить его и спасти жизни своих противников. Ромме, автор "Республиканского календаря", был самым замечательным из этих людей; и есть некоторые сомнения относительно их вины и законности вынесенного им приговора. Одного из них навестила его жена, и она оставила ему в руках средство самоубийства. Когда они покидали суд, каждый из них нанес себе удар ножом и молча передал нож своему соседу. Прежде чем стражники что-либо осознали, трое были мертвы, а остальных, залитых кровью, потащили к месту казни. Было 17 июня, и жирондисты были на высоте. В ходе реакции были избраны шестьдесят два депутата, и господству якобинской черни, то есть правлению на основе равенства, а не свободы, пришел конец. Средний класс восстановил власть, и было очень сомнительно, что эти новые хозяева Франции были готовы снова рискнуть экспериментом с республикой. Этот эксперимент оказался ужасным провалом, и было легче и очевиднее искать спасения в убежище монархии, чем в зыбучих песках трепещущего большинства.

Роялисты мстили своим врагам на юге тем, что впоследствии стало известно как Белый террор; и они показали себя во всей силе в Париже. Какое-то время им помогали все меры, которые принимались против монтаньяров, и люди публично говорили, что 8 и 9 равны 17, то есть что революция 1789 года закончится восшествием на престол Людовика XVII. Между жирондистами и роялистами текла кровь короля, и цареубийцы знали, чего им следует ожидать от

реставрации. Партия оставалась непримиримой и выступила против этой идеи. Теперь их борьба велась не с Горой, которая была повержена, а со своими старыми противниками - реформирующимися приверженцами монархии. Но были некоторые видные деятели, которые по убеждениям или, что было бы более важно, из политических соображений начали сближаться с изгнанными принцами. Тальен и Камбасерес с гор, Изнар и Ланжуине с Жиронды, Буасси д'Англас с равнины, успешный генерал Пишегрю и лучший переговорщик во Франции Бартеlemi - все были известны или подозревались в том, что они договаривались с графом Прованским в Вероне. Обычно сообщалось, что Комитет колеблется и что Конституция повернется в сторону монархии. Бретон и Вандея были готовы восстать еще раз, Питт готовил огромное вооружение, чтобы помочь им; прежде всего, был молодой претендент, у которого никогда не было врагов, чьи ранние страдания вызвали сочувствие со стороны роялистов и республиканцев, и который не разделял никакой ответственности за *эмигранта* и захватчика, которого по самым благим причинам он никогда не видел.

Тем временем Республика улучшила свои позиции в мире. Его завоевания включали Альпы и Рейн, Бельгию и Голландию и превзошли успехи монархии даже при Людовике XIV. Конфедерация королей была распущена. Тоскана первой начала переговоры. За ней последовала Пруссия, принесла с собой нейтралитет Северной Германии. Затем пришла Голландия, и Испания начала переговоры. Но с Испанией возникли трудности. Не могло быть никакого договора с правительством, которое держало в тюрьме главу Дома Бурбонов. Как только он был выдан, Испания была готова подписать и ратифицировать. Таким образом, весной 1795 года мысли людей были прикованы к комнате в Темпле, где король медленно и верно умирал. Тюремщик спросил Комитет, каковы их намерения. "Ты хочешь изгнать его?" "Нет". "Убить его?" "Нет". "Тогда", с клятвой! "чего ты хочешь?" "Чтобы избавиться от него". 3 мая правительству сообщили, что молодой пленник болен. На следующий день - что он очень болен. Но он был препятствием для заключения испанского договора, который был абсолютно необходим, и дважды правительство его не подписывало. 5-го числа считалось, что он в опасности, и тогда к нему послали врача. Выбор был удачным, поскольку этот человек был способным и ухаживал за королевской семьей. По его мнению, ничто не могло спасти заключенного, кроме загородного воздуха. Однажды он добавил: "Он погиб, но, возможно, есть те, кто не пожалеет". Три дня спустя Льюис XVII. был жив, но доктор умер, и на его могиле выросла легенда. Говорили, что его отравили, потому что он раскрыл страшную тайну: мальчик в Храме не был королем. Даже Луи Блан верил, что короля тайно освободили и что ему заменили умирающего пациента из больницы. Эта вера сохраняется и по сей день. Самый популярный ныне живущий драматург[3] В Париже сейчас идет пьеса, в которой короля спасают в корзине для белья прачки, что привлекает толпы. Правда в том, что он умер 8 июня 1795 года. Республика достигла своей цели. Был подписан мир с Испанией, и друзья монархии в Конституционном комитете сразу заявили, что они не будут за него голосовать.

[3] Сарду.

В тот самый момент, когда Конституция была представлена Ассамблее Буасси д'Англасом, у западного побережья появилась флотилия транспортов под конвоем. Питт позволил Вандее потерпеть поражение и резню, но в конце концов он решил помочь, и это было сделано с

великолепным размахом. Были снаряжены две экспедиции, снабженные военным снаряжением. В каждом из них находилось по три-четыре тысячи *эмигрантов*, вооруженных и одетых Англией. Одним командовал д'Эрвилли, которого мы уже видели, поскольку именно он отдал приказ прекратить огонь 10 августа; другим командовал молодой Сомбрей, чей отец был спасен в сентябре трагическим образом, о котором вы слышали. Во главе их всех стоял граф де Пюизе, самый политичный и влиятельный из *эмигрантов*, человек, который поддерживал связь с жирондистами в Нормандии, который добился расположения министров в Уайтхолле и который был омыт столькими водами, что настоящие, исключительные, узколобые руководители вандейской легитимности не понимали его и не верили ему. Они привезли огромное сокровище в виде поддельных *ассигнаций*; и в смутную память об услугах, оказанных титуляром Агры, они привезли настоящего епископа, который санкционировал подделку.

Первая дивизия отплыла из Коуза 10 июня. 23-го лорд Бридпорт вступил в бой с французским флотом и загнал его в порт. Четырьмя днями позже *эмигранты* высадились в Карнаке, среди ранних памятников кельтской расы. Это был низкий мыс, защищенный в перешейке фортом, названным в честь герцога де Пентьевра, и местами его можно было обстреливать из орудий флота. Тысячи шуанов присоединились к ним, но Вандея отнеслась к этому с подозрением и держалась в стороне. Они ожидали, что флот прибудет к ним, но он отправился в Бретань, и между двумя провинциями возникла зависть, между сторонниками Людовика XVIII. и его брата, графа д'Артуа, между священниками и политиками. Духовенство удержало Шаретта и Стоффле от объединения с Пюизе и его сомнительными союзниками, которых они обвиняли в том, что они добиваются короны Франции для герцога Йоркского; и они пообещали, что, если они немного подождут, граф д'Артуа появится среди них. Они фактически разрушили свои перспективы на успех; но сам Питт внес свою лепту. Пюизай отказался ввести английских солдат в свою страну, и его сомнения были приняты во внимание. Но, чтобы увеличить свои силы, бережливый министр вооружил от 1000 до 2000 французских пленных, которые были республиканцами, но заявили, что готовы присоединиться, и были так же рады сбежать из плена, как правительство было радо избавиться от них. Офицеры-роялисты протестовали против этого сплава, но их возражения не возобладали, и, вернувшись в свою страну, эти люди дезертировали. Они указали место, где республиканцы могли пройти под фортом при низкой воде и войти в него с незащищенной стороны. Ночью, в разгар яростной бури, была предпринята попытка переправы. Войска Гоша перешли вброд бурные воды залива Киберон, и вскоре на стенах появился трехцветный флаг.

Роялисты были отброшены на оконечность полуострова. Некоторым, но не многим, удалось спастись на английских лодках, и считалось, что наш флот не сделал всего, что мог бы сделать, чтобы предотвратить катастрофу, столь пагубную для славы и влияния Англии. Сомбрейль защищался, пока офицер-республиканец не призвал его капитулировать. Он согласился, потому что надежды не было; но никаких условий выдвинуто не было, и на самом деле это была безоговорочная капитуляция. Тальен, находившийся в лагере, поспешил в Париж, чтобы заступиться за заключенных. Перед тем как отправиться на Съезд, он зашел к себе домой. Там его жена рассказала ему, что она только что видела Ланжуине, что Сийес привез из Голландии, где он вел переговоры о мире, доказательства изменнической переписки Тальена с бурбонами и что его жизнь в опасности. Он сразу же отправился в Конвент и потребовал немедленного наказания захваченных *эмигрантов*.

Гош был великодушным врагом как по характеру, так и по политике, и он глубоко уважал Сомбрейля. Он тайно предложил ему сбежать. Пленник отказался спастись без своих товарищей; и они были расстреляны вместе близ Оре, на месте, которое до сих пор известно как поле жертвоприношения. Их было шестьсот или семьсот. Стрельба разбудила эхо Вандеи, ибо Шаретт немедленно предал своих пленников смерти, а шуаны впоследствии ухитрились перерезать всех до единого из четырех батальонов, которым было поручено казнить.

Битва при Кибероне произошла 21 июля, а когда все последовавшее за этим закончилось 25 августа, из Портсмута отплыла еще одна экспедиция с графом д'Артуа на борту. Он высадился на острове недалеко от Вандеи, и Шаретт с пятнадцатью тысячами человек спустился к побережью, чтобы встретить его среди изможденных ветеранов королевского дела. Там, 10 октября, пришло сообщение от принца, в котором герой сообщал, что он собирается отплыть и ждать в безопасности лучших времен. Пятью днями ранее этот вопрос обсуждался и был решен в Париже, и был найден человек, которому предстояло поднять более глубокие и важные вопросы, чем устаревший спор между монархией и республикой. Этот спор разгорелся в ходе конституционных дебатов под роковым влиянием событий на побережье Бретани. Роялисты выставили свои цвета, плавая под британским флагом, и британский союз не помог им. И они проявили странную политическую слабость, контрастирующую с их духом и интеллектом на войне.

Конституционный комитет был избран 23 апреля под другими эгидой, когда Конвент договаривался с Шареттом и Корматином, а также с иностранными державами. Сийес, по необходимости, был выбран первым; но он был членом руководящего комитета и отказался. То же самое сделали Мерлин и Камбасерес по той же причине, и трое самых способных людей в ассамблее не приняли участия в работе.

Были избраны одиннадцать умеренных, но не очень выдающихся людей, и проект был внесен главным образом Дауну, а поддержан Тибодо. Дауну был древним оратором, прилежным и вдумчивым, если не сказать сильным человеком, который стал хранителем архивов и дожил до 1840 года с несколько подорванной репутацией ученого. Тибодо теперь начал проявлять большой интеллект, и его труды являются одними из наших лучших авторитетов для последних лет Республики и для первых лет Империи. Общий характер их схемы таков, что на нее больше влияет опыт, чем теория, и она стремится придать власть собственности. Они сообщили об этом 23 июня; дебаты начались 4 июля; а 20-го вмешался Сийес. Его советы касались главным образом идеи конституционного суда присяжных, выборного органа численностью около ста человек, который должен следить за соблюдением Конституции и быть блюстителями закона против тех, кто его творит. Это было сделано для того, чтобы выслушать жалобы меньшинств и отдельных лиц на законодательный орган и сохранить дух органических институтов вопреки всемогуществу национальных представителей. Эта достопамятная попытка разработать в Европе нечто аналогичное той собственности Верховного суда, которая еще не созрела в Америке, была отклонена 5 августа почти единогласно.

Конституция была принята Конвентом 17 августа. Она включала декларацию обязанностей, основанную на путанице, но защищаемую на том основании, что одна только декларация прав разрушает стабильность государства. И в вопросах, касающихся религии, она внесла новшество в то, что делалось до сих пор, поскольку разделила Церковь и государство,

предоставив все религии самим себе. Разделение властей пошло дальше, поскольку законодательная власть была разделена на две, а исполнительная - на пять. Всеобщее избирательное право было ограничено; беднейшие были исключены; и через девять лет должен был состояться экзамен на образование. Закон просуществовал не так долго. Избирательный орган, один из двухсот от всего избирательного округа, должен был состоять только из владельцев собственности. Директора должны были выбираться законодательным органом. На практике свободе уделялось гораздо больше внимания, а равенству - меньше, чем в прежних конституциях. Изменение общественного мнения было продемонстрировано голосованием в двух палатах, против которого выступил только один депутат.

В последний момент, чтобы не было опасности со стороны роялизма в департаментах, было решено, что две трети законодательного органа должны быть отобраны у Конвента. Таким образом, они продлили свою собственную власть и обеспечили постоянство идей, вдохновлявших их на действия. В то же время они показали свое недоверие к республиканским чувствам страны, и то и другое разозлило роялистов и придало им смелости действовать самостоятельно. 23 сентября страна приняла эту схему вялым голосованием, но значительным большинством голосов.

Новая Конституция обеспечивала такие гарантии порядка и свободы, какими Франция никогда не пользовалась. Революция началась с либерализма, который был скорее страстью, чем философией, и первое Собрание попыталось реализовать его путем уменьшения авторитета, ослабления исполнительной власти и децентрализации власти. В час опасности при жирондистах эта политика потерпела неудачу, и якобинцы руководствовались принципом, согласно которому власть, исходящая от народа, должна быть сосредоточена в как можно меньшем количестве рук и стать абсолютно непреодолимой. Равенство стало заменой свободы, и возникла опасность того, что наиболее желанной формой равенства станет равное распределение собственности. Якобинские государственные деятели, мыслители партии, обязались искоренить бедность, не впадая в социализм. У них была церковная собственность, которая служила основой государственного кредита. У них были королевские владения, конфискованные поместья эмигрантов и злодеев, общинные земли, лесные угодья. А во время войны происходил грабеж богатых соседей. Благодаря этим операциям доход крестьянства был удвоен, и было сочтено возможным освободить массы от налогообложения до тех пор, пока благодаря огромной передаче собственности в Республике не останется бедных. Этим планам пришел конец, и Конституция III года. завершает революционный период.

Столичные роялисты и консерваторы смирились бы с крушением своих надежд, если бы не дополнительная статья, угрожавшая увековечить власть в руках существующих депутатов, за которую проголосовало гораздо меньше голосов, чем за сам органический закон. Тревога и возмущение были чрезвычайными, и роялисты, подсчитав свои силы, увидели, что у них есть хорошие шансы против распадающегося собрания. Было собрано почти тридцать тысяч человек, и командование было передано опытному офицеру. Некоторые предлагали возложить это на графа Кольбера де Молеврье, бывшего работодателя Стоффле. В этом было отказано на том основании, что они были не абсолютистами или *эмигрантами*, а либералами и сторонниками конституционной монархии, и никакой другой.

Армия Конвента насчитывала едва ли шесть тысяч человек, и среди них было большое количество якобинских головорезов. Командование было передано Мену, члену дворянского

меньшинства 1789 года. Но Мену испытывал отвращение к своим материалам и больше симпатизировал врагу. Он попытался вступить в переговоры, но был свергнут, и ему наследовал Баррас, победитель в бескровной битве при Термидоре.

Безработный Бонапарт бездельничал в Париже, и когда он вышел из театра, то оказался среди людей, которые вели переговоры. Он поспешил в штаб, где его решительные слова произвели такое впечатление на перепуганные власти, что его сразу же назначили заместителем командира. Таким образом, когда 5 октября наступило утро, Лувр и Тюильри превратились в крепость, а сады - в укрепленный лагерь. Молодой офицер, ставший самой блестящей фигурой на полях сражений Европы — Мюрат - привез пушки из страны. Мост, набережная и каждая улица, выходящая к дворцу, находились под таким контролем батарей, что их можно было обстреливать картечью. Офицеров послали за провизией, за бочонками пороха, за всем, что принадлежит госпиталю и машине скорой помощи. Чтобы не отрезать путь к отступлению, сильный отряд удерживал дорогу на Сен-Клу, а Конвенту и дружественному кварталу Сент-Антуан щедро поставлялось оружие. Повстанцы, ведомые искусными интриганам, но без отличного солдата во главе, не могли приблизиться к реке; а те, кто спустился из богатого центра города, упустили свою возможность. После острой стычки на улице Сент-Оноре они бежали, преследуемые не чем иным, как холостым патроном; и Париж впервые почувствовал хватку хозяина. Человеком, который победил их и, победив, сохранил трон вакантным, был Бонапарт, благодаря гению которого Революция должна была подчинить Континент.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЛИТЕРАТУРА РЕВОЛЮЦИИ

Прежде чем отправиться в бушующее море, нам следует обзавестись картой и компасом. Поэтому я начинаю с рассказа об истории Революции, чтобы у вас сразу же появилось некоторое представление о том, что выбрать, а что отвергнуть, чтобы вы могли знать, где мы находимся, как нам удалось проникнуть так далеко и не дальше, какие ветви уже приносят спелые плоды, а где они все еще зреют на древе познания. Я хочу избавить вас от писателей каждой конкретной школы и каждого конкретного возраста, а также от постоянной зависимости от готовых и общепринятых повествований, которые удовлетворяют внешний мир.

По мере роста опыта человечества, роста любознательности и увеличения ресурсов каждое поколение дополняет наше понимание. Меньшие события могут быть поняты теми, кто их видит, великие события требуют времени пропорционально их величию.

Ламартин однажды сказал, что у Революции есть тайны, но нет загадок. Унизительно признаваться, что эти слова сейчас не ближе к истине, чем когда они были написаны. Люди до сих пор не перестали спорить о реальном происхождении и природе этого события. Это был дефицит; это был голод; это был Австрийский комитет; это было Бриллиантовое ожерелье и унизительные воспоминания о Семилетней войне; это была гордость дворян или нетерпимость священников; это была философия; это было масонство; это был мистер Питт; это было неизлечимое легкомыслие и жестокость национального характера; это был результат той классовой борьбы, которая составляет единство истории Франции.

Среди этих интерпретаций нам придется выбирать свой путь; но есть много подробных вопросов, по которым я буду вынужден сообщить вам, что у меня нет решающих доказательств.

После современных мемуаров первым авторитетным историком, написавшим об этом, был Дроз. Он работал в течение тридцати лет, начав в 1811 году, когда Париж все еще был полон плавающей информации, и он знал многое из того, что в противном случае стало известно лишь спустя долгое время после его смерти. Он проконсультировался с Лалли Толлендалом, и ему разрешили воспользоваться мемуарами Малуэ, которые находились в рукописи и которые по мудрости и добросовестности не имеют себе равных в литературе Национального собрания. Дроз был человеком здравомыслящим и опытным, с настоящим, если не сказать мощным умом; и его книга, с точки зрения здравости и точности, была всем, чем могла быть книга в те дни, когда она была написана. Это история Льюиса XVI. в то время, когда было возможно взять революцию под контроль; и автор показывает с абсолютной уверенностью суждения, что поворотным моментом стало отклонение первого проекта Конституции в сентябре 1789 года. Для него Революция заключена в первых четырех месяцах. Он намеревался написать политический трактат о естественной истории революций и искусстве так управлять справедливыми требованиями, чтобы несправедливые и опасные требования не приобрели силы. Это стало историей упущенных возможностей и обвинительным актом в адрес мудрости министра и доброты короля, сделанным конституционным роялистом английской школы. Его заслуга перед историей состоит в том, что он показывает, как беспорядок и преступность выросли из неготовности, недостатка энергии, отсутствия ясной мысли и определенного замысла. Дроз признает, что в философии его титульного листа есть изъян. Позиция, утраченная летом 1789 года, так и не была восстановлена. Нов течение 1790 года Мирабо работал над планами восстановления монархии, и не факт, что они никогда бы не увенчались успехом. Поэтому Дроз добавил книгу о парламентской карьере Мирабо и назвал ее приложением, чтобы остаться верным своей первоначальной теории о фатальном пределе. Мы знаем великого оратора лучше, чем он мог быть известен в 1842 году, и ценность превосходного труда Дроза ограничивается вторым томом. Она останется неизменной, даже если мы отвергнем идею, которая ее вдохновила, и предпочтем думать, что дело могло быть выиграно, даже когда дело дошло до настоящих боевых действий 10 августа. Книга Дроза принадлежит к небольшому числу известных нам произведений, которые превосходят свою известность, и за ней последовало одно, которое постигла в высшей степени противоположная судьба.

Ибо наше следующее мероприятие - это взрыв. Поэт Ламартин был одним из тех легитимистов, которые верили, что 1830 год убил монархию, которые считали орлеанскую династию фикцией и сразу же решили смотреть вперед, в сторону неизбежной Республики. Талейран предупредил его, чтобы он был готов к чему-то более существенному, чем обмен племянника на дядю на безосновательном троне. С интуицией гения он увидел раньше, чем большинство людей, точнее, чем кто-либо другой, признаки того, что должно было произойти. Через шесть лет, сказал он, мы станем хозяевами. Он ошибся всего на несколько недель. Он строил свои планы так, чтобы, когда придет время, он стал признанным лидером. Чтобы наказать и идеализировать Революцию и подготовить Республику, которая не должна была бы наводить ужас на человечество, но легко поддавалась очарованию мелодичного и сочувственного красноречия, он написал *"Историю жирондистов"*. Успех был самым мгновенным и великолепным, когда-либо достигнутым историческим произведением. Люди не могли читать ничего другого; и

Александр Дюма сделал ему проникательный комплимент, сказав, что он поднял историю до уровня романа. Ламартин достиг своей цели. Он внес свой вклад в создание Республики, которая была бы миролюбивой и гуманной, отзывчивой на очарование фразы и послушной умелой руке, которая писала о славе Жиронды. Он всегда верил, что без его книги царство террора возобновилось бы.

С начала века и по сей день во Франции сменялась череда авторов, которые умели писать так, как едва ли кто-либо, кроме мистера Раскина или мистера Суинберна, когда-либо писал в Англии. Они удвоили богатство и значимость языка и сделали прозу более звучной и проникающей, чем что-либо, кроме высочайшей поэзии. Их было не более полудюжины, начиная с Шатобриана и, боюсь, заканчивая Сен-Виктором. Ламартин стал историком в этой коринфской школе стиля, и его пурпурные нашивки превосходят все по эффективности. Но, похоже, во французской риторике есть подводные камни, которых избегают дрессировщики. Руссо сравнил римский сенат с двумястами королями, потому что его чуткое ухо не позволяло ему произнести триста—*trois cents rois*. Шатобриан, описывая в частном письме свое путешествие в Альпы, говорит о луне над горными вершинами и добавляет: "Все в порядке; я просмотрел Календарь и обнаружил, что там была луна". Поль Луи Курьер говорит, что Плутарх заставил бы Помпея победить при Фарсале, если бы это читалось лучше, и он думает, что был совершенно прав. Взыскательный вкус Курьера был бы удовлетворен Ламартаном. Он очень хорошо знает, что Марии-Антуанетте было пятнадцать, когда она вышла замуж за дофина в 1770 году; тем не менее он утверждает, что она была ребенком, которого императрица держала на руках, когда мадьярские магнаты поклялись умереть за свою королеву Марию Терезию. Сцена произошла в 1741 году, за четырнадцать лет до ее рождения. В истории литературы приводится список его удивительных промахов.

На склоне лет он вернулся к этой книге и написал извинение, в котором ответил своим обвинителям и признался в некоторых отрывках, которые он призывал их вырвать. Была хорошая почва для отречения. Он писал, чтобы ослепить демократию ярким ореолом, окружив себя им самим, но иногда проявлял слабость в разоблачении преступлений, мотив которых был популярным. Его республиканизм был из тех, которые не допускают никаких гарантий для меньшинств, никаких прав для мужчин, кроме тех, которые дает им их страна. Он был тем оратором, который, когда Палата заколебалась, отверг регентство, которое было законным правительством, и вынудил герцогиню Орлеанскую бежать. Когда до него дошло сообщение о том, что она схвачена, и его попросили распорядиться о ее освобождении, он отказался, сказав: "Если люди просят о ней, она должна быть им выдана".

В свое оправдание он показал, что консультировался с вдовой Дантона и нашел свидетеля последнего банкета жирондистов. В своей книге он драматизировал эту сцену и показал различные манеры поведения павших государственных деятелей во время их последней ночи на земле. Гранье де Кассаньяк объявил все это выдумкой. Это было рассказано Нодье, который был профессиональным изобретателем, и Тьером, который не давал никаких полномочий, и ни одного из них найти не удалось. Но там был священник, который сидел за дверью, ожидая, чтобы предложить последние религиозные утешения людям, находящимся при смерти. Пятьдесят лет спустя он все еще был жив, и Ламартин нашел его и записал его воспоминания. Старый жирондист, которого Шарлотта Корде просила защитить ее и который умер сенатором Второй империи, Понтекулан, уверял своих друзей, что Ламартин передал истинный колорит, воспроизвел времена такими, какими он их помнил. Точно так же генерал Дюма одобрил 10

августа Тьера. Он был старым солдатом американской войны, государственным деятелем Революции, доверенным слугой Наполеона, военную историю которого он написал, и он оставил мемуары, которыми мы дорожим. Но я подозреваю, что этим оставшимся в живых ветеранам было легко угодить умным писателям, которые вернули сцены их ранней жизни. Возможно, в колорите Ламартина есть доля правды, но в целом его жирондисты живут как литература, а не как история. А его четыре тома о Национальном собрании - это произведение книгоиздательства, которое не требует комментариев.

Прежде чем отгремел гром жирондистов, за ними последовали две книги более непреходящей ценности на той же стороне. Луи Блан был политиком-социалистом, который после 1840 года помог укрепить тот союз социалистов и республиканцев, который сверг монархию и развалился на баррикадах в июне 1848 года. Оказавшись в изгнании, он поселился в Лондоне и несколько лет проработал в Британском музее. Не все это было несчастьем, поскольку именно это он там нашел: это даст вам обнадеживающее представление о ресурсах, которые ждут нас на нашем пути. Когда Крокер отказался от своего дома в Адмиралтействе после прихода к власти вигов, он продал Музею свою революционную библиотеку, насчитывающую более 10 000 экспонатов. Но лихорадка коллекционера - это болезнь, от которой нельзя избавиться из-за смены правительства или потери дохода. Шесть лет спустя Крокер собрал еще одну коллекцию, такую же большую, как первая, которую также купили Попечители. Перед смертью этот неизлечимый коллекционер собрал столько же, сколько и два предыдущих лота, и все это, наконец, было помещено в то же место. Там, в одной комнате, у нас около пятисот полок, заставленных в среднем более чем ста двадцатью брошюрами, все они относятся к интересующей нас эпохе. С учетом дубликатов, это составляет сорок или пятьдесят тысяч революционных трактатов; и я полагаю, что в Париже нет ничего равного этому. Половина из них уже была там, и Луи Блан и Токвиль успели проконсультироваться с ними. Коллекция рукописей Крокера за тот же период была продана за 50 фунтов стерлингов после его смерти и передана в то, что когда-то было знаменитой библиотекой Миддл-Хилл.

Таким образом, Луи Блан смог продолжить в Англии работу, начатую им дома, и завершил ее в двенадцати томах. Она содержит много вспомогательных деталей и множество литературных ссылок, и это делает ее полезной книгой для ознакомления. Увесистая масса материала и сила пера не компенсируют утомительной навязчивости авторской доктрины и замысла.

Один выдающийся деятель однажды сказал мне, что парламент его страны намерен подавить свободу образования. Когда я спросил, что сделало их нелиберальными, он ответил: "Это потому, что они либералы". Луи Блан попробовал эту смесь. Он является толкователем революции в ее принудительном и нелиберальном аспекте. Он желает, чтобы правительство было устроено так, чтобы оно могло делать все для народа, а не было настолько ограниченным, чтобы оно не могло причинить вреда меньшинствам. Массы больше страдают от злоупотребления богатством, чем от злоупотребления властью, и нуждаются в защите со стороны государства, а не от него. Власть в надлежащих руках, действующая от имени целого, не должна ограничиваться в интересах части. Следовательно, Луи Блан является поклонником и защитником Робеспьера; и тон его мольбы проявляется во время сентябрьских массовых убийств, когда он призывает нас вспомнить Святого Варфоломея.

Мишле взялся защищать Революцию в то же время, что и Луи Блан, без его холодной страсти, показных исследований, внимания к деталям, но с более глубоким пониманием и более сильной

волей. Его положение в архиве давало ему преимущество перед всеми соперниками; и когда он потерял свое место, он поселился на западе Франции и занялся изучением Вандеи. Он равнодушен к доказательствам и отвергает как мусор простые факты, которые ничего не добавляют к его аргументации или его картине. Поскольку Аррас был клерикальным городом, он называет Робеспьера священником. Поскольку в Аяччо есть пунические гробницы, он называет Наполеона земляком Ганнибала. Для него функция истории - суждение, а не повествование. Если мы подчиняемся событию, если мы больше думаем о совершенном поступке, чем о предложенной проблеме, мы становимся раболепными пособниками успеха и силы. История - это воскрешение. Историк призван пересматривать судебные процессы и отменять приговоры, поскольку люди, которые являются предметом всей истории, осознали свои ошибки и свою силу и восстали, чтобы отомстить за прошлое. История - это тоже восстановление. Власти были тиранизированы, а народы страдали; но Революция - это приход справедливости и центральный факт в опыте человечества. Мишле заявляет, что от его прикосновения пустотелые идолы разбились вдребезги и обнажились, появились короли-падальщики, обнаженные и без масок. Он говорит, что ему пришлось проглотить слишком много гнева и слишком много горя, слишком много гадюк и слишком много королей; и иногда он пишет так, как будто такая диета ему не нравилась. Его воображение наполнено жестокими страданиями человека, и он с глубоким энтузиазмом приветствует момент, когда жертва, которая не могла умереть, в яростном акте возмездия отомстила за тысячелетнее мученичество. Приобретение прав, согласно академической теории, трогает его меньше, чем наказание за несправедливость. Нет прощения тем, кто сопротивляется народу, восставшему в сознании его могущества. Все хорошее исходит от массы, а все плохое - от отдельных людей. Человечество, невежественное в отношении природы, является праведным судьей в делах человеческих. Свет, который приходит к ученым благодаря размышлениям, с большей уверенностью приходит к необразованным благодаря естественному вдохновению; и сила принадлежит массе по причине инстинкта, а не по причине численности. Они правы по воле Небес, и нет жалости к их жертвам, если вы помните старые времена. Мишле не терпел тех, кто искал чистую суть Революции в религии. Он противопоставляет муки, которыми Церковь усугубляла смертную казнь, быстрому милосердию гильотины и предпочитает попасть в руки Дантона, а не в руки Людовика IX или Торквемады.

При всем этом, благодаря подлинной искренности своего чувства к массе, основательности своего взгляда и чрезвычайно выразительному языку, он является самым просвещенным из историков-демократов. Мы часто читаем о людях, чья жизнь изменилась из-за того, что им в руки попала конкретная книга, или, можно сказать, потому, что им в руки попала конкретная книга. Это не всегда счастливая случайность; и чувствуется, что у них все сложилось бы иначе, если бы они изучили Список лучших книг сэра Джона Лаббока, или то, что я бы предпочел назвать библиотекой Святой Елены, не содержащий ничего, кроме произведений, адекватных и приспособленных для использования самым способным человеком в полном расцвете его ума. Таких книг, которые достаточно сильны в каком-то выдающемся качестве, чтобы произвести перемены и сформировать эпоху в жизни читателя, есть, пожалуй, две на нашей революционной полке. Одного зовут Тэн, а другого Мишле.

Четвертая работа "Революционной партии", написанная почти одновременно с этими, - это работа Вильоуме. Ламартин уважал Верньо. Луи Блан уважал Робеспьера, Мишле, Дантона. Вильоуме пошел еще дальше и восхищался Маратом. Он много прожил в уцелевших семьях героев революции и получил, по его словам, последнее дыхание угасающей традиции. Он

также почерпнул у Шатобриана все, что тот помнил, и Тьерри, который был слепым, заставил прочитать ему свою книгу дважды.

Рассказ о Марате в 28-м томе Buchez был частично написан Виллиауме и одобрен Альбертиной Марат. Большим библиографическим курьезом в литературе Революции является газета Марата. Ее часто печатали в тайниках и с трудом, и найти ее так трудно, что несколько лет назад в парижской библиотеке не было полного комплекта. Книготорговец однажды сказал мне, что продал ее английскому государственному деятелю за 240 фунтов стерлингов. Собственный экземпляр Марата, исправленный его рукой и дополненный другими материалами, сохранился у его сестры. В 1835 году она передала его Виллиауме, который, закончив свою книгу, продал ее в 1859 году за 80 фунтов коллекционеру Solar. Впоследствии она принадлежала принцу Наполеону, и в конце концов она попала в старинный шотландский замок, где мне посчастливилось ее найти.

В то время как во Франции преобладали историки-революционеры, которым помогали общественные события, консерваторы вели скрытую конкуренцию и поначалу безуспешно. Генуд в течение многих лет был редактором ведущего роялистского журнала и в этом качестве положил начало замечательному этапу политической мысли. Когда бурбоны были изгнаны под обвинением в неизлечимом абсолютизме, легитимисты обнаружили, что отождествляют себя с неохотной либеральностью и ограниченным избирательным правом, и оказались в безнадежно невыгодном положении. В *"Газетт де Франс"* Генуд сразу же занял противоположную позицию и одержал верх над либеральными орлеанистами. Он утверждал, что трон, который не был занят по праву наследования, как человек владеет своим имуществом, может быть признан законным только по выраженной воле Франции. Поэтому он настаивал на обращении к нации, на суверенитете народа, на самом широком расширении избирательных прав. Когда его друг Курменин разработал Конституцию 1848 года, именно Генуд побудил его принять новую практику всеобщего избирательного права, которая была неизвестна революции. Потеряв жену, он принял сан. Однажды он сказал, что всему этому скоро придет конец, но не благодаря поступку солдата или оратора, а кардинала. И он выпил в память о Ришелье.

Идея законного трона, восстановленного демократией, заимствованная у Болингброка и почти восторжествовавшая в 1873 году, придает некоторое облегчение и оригинальность его работе о революции. Вы вряд ли с этим встретитесь. Когда появились *Мемуары* Талейрана, большинство людей впервые узнали, что он отправился ночью предложить свои услуги королю, чтобы одержать верх над Собранием. Редактор перенес мероприятие на середину июля. Казалось, никто не знал, что эта история уже была рассказана Генудом и что он назначил полуночную заявку на власть на надлежащую дату, месяцем ранее.

"История Амедея Габур" - гораздо лучшая книга и, возможно, лучшая в своем роде. Габурд ранее написал историю Франции, и его многочисленные тома о девятнадцатом веке, не претендующие на исследовательскую направленность, удобны для более низкого круга стран и событий. Он пишет с тщательностью, умом, знанием работ других людей, которые отличают *"Популярную историю Англии"* Чарльза Найта. Я знал действительно очень глубоких студентов, у которых была привычка постоянно использовать его. Он не без основания утверждает, что ни один писатель не стремился к истине и справедливости с большей добросовестностью и не был более осторожен в том, чтобы держаться в стороне от партийного

духа и общепринятых суждений. Поскольку он был конституционалистом, февральская революция стала крушением системы, которая, как он ожидал, будет существовать вечно и управлять миром в последнюю эпоху. Но Габурд остался верен своим принципам. Он писал: "Я буду любить народ и чтить короля; и я буду одинаково судить о тирании сверху и о тирании снизу. Я не из тех, кто проводит пропасть между свободой и религией, как будто Бог не приемлет никакого поклонения, кроме поклонения раболепных сердец. Я не стану оспаривать результаты события, которое я описываю, или отрицать заслуги того, что было достигнуто ценой стольких страданий".

Доктринеры были в лучшем положении из всех людей, чтобы понять Революцию и правильно оценить ее. У них не было слабости ни к древней монархии, ни к республике; и они скорее соглашались с результатами, чем с мотивами. Они радовались господству разума, но им требовались должным образом ограниченная монархия и церковь, учрежденная Конкордатом, чтобы возобновить цепь истории и ослабить влияние обычаев. Они были самой интеллектуальной группой государственных деятелей в стране; но, как и пилиты, они были лидерами без последователей, и о них говорили, что их всего четверо, но они притворялись пятью, чтобы наводить ужас своим количеством. Гизо, величайший писатель среди них, в преклонном возрасте сочинил историю Франции для своих внуков. Она осталась незавершенной, но его рассуждения о Революции, о теме, над которой он думал всю свою жизнь, были отредактированы его семьей. Эти рассказы о дедушке в полном смысле слова не являются его работой и, подобно лекциям Нибура о родственниках и равных им, в общих чертах передают взгляды человека столь выдающегося, что очень жаль не обладать ими в подлинной форме.

Вместо Гизо нашим историком-доктринером является Баранте. Он обладал отличием и достоинством своих друзей, их книжным знанием и опытом ведения общественных дел; и его работа о герцогах Бургундских была высоко оценена на заре этих исследований, превзойдя ее достоинства в молодости, когда он помогал мадам де Ларошжаклен издавать ее *Мемуары*. Его краткая биография святого приста, министра внутренних дел в первый революционный год, представляет собой исключительно справедливое и весомое повествование. После 1848 года он опубликовал девять томов о Конвенте и Директории. Как и остальные члены его партии, Баранте всегда признавал изначальный дух Революции как основу французских институтов. Но движение 1848 года, направленное против доктринеров, против их монархии и их министерства, значительно развило консервативный элемент, который всегда был силен в них.

В те дни Монталамбер сменил Дроза в Академии и воспользовался случаем, чтобы атаковать, как он сказал, не 1793, а 1789 год. Он сказал, что Гизо, самый красноречивый из бессмертных, не нашел слов для ответа. На этом уровне, в противовес возрождению якобинских идей и реабилитации якобинского характера, Баранте написал свою работу. Это было великое событие, поскольку течение сильно менялось в другую сторону; но книга, написанная таким человеком, вызывает разочарование. В "Суде над королем" отрицательные моменты замалчиваются, как будто историк может изложить их кратко. Примерно в то же время в "Генрихе фон Сибеле" появился более влиятельный автор консервативной истории.

Примерно в середине пятидесятих, когда выходили более ранние тома Сибела, во Франции начались более глубокие исследования Токвиля. Он был первым, кто установил, если не открыл, что Революция была не просто переломом, разворотом, неожиданностью, но отчасти развитием тенденций, действовавших в старой монархии. Он привел это в более тесную связь с французской историей и считал, что это стало неизбежным, когда на трон взошел Людовик XVI, что успех, а также провал движения были вызваны причинами, которые действовали и раньше. Стремление к политической свободе было искренним, но фальсифицированным. Оно было перечеркнуто и сбито с толку другими целями. Второстепенные свободы затрудняли приближение к высшей цели самоуправления. Ибо Токвиль был либералом чистейшей породы — либералом и ничем иным, глубоко подозрительным к демократии и ей подобным, равенству, централизации и утилитаризму. Из всех писателей он наиболее общепризнан, и к нему труднее всего придраться. Он всегда мудр, всегда прав и так же справедлив, как Аристид. Его интеллект лишен недостатков, но он ограничен. Он знает политическую литературу и историю хуже, чем политическую жизнь; его оригинальность не является творческой, и он не стимулирует проблесками нового света или непостижимой наводящей на размышления.

Два года спустя, в 1858 году, начала появляться работа, которая была менее новой и менее отточенной, чем у Токвиля, но все же более поучительной для каждого изучающего политику. Дювержье де Оранн имел большой опыт общественной жизни. Он вспомнил тот день, когда увидел, как Кювье поднимается на трибуну в черном бархатном костюме и говорит так, как говорили немногие ораторы, и несет закон о выборах, который был Законопроектом о реформе 1817 года. Поссорившись с доктринерами, он возглавил атаку, в результате которой был свергнут Гизо, и был одним из трех, на кого Тьер полагался в деле спасения трона, когда король уехал на извозчике, увозя с собой династию. Он посвятил вечер своей жизни истории парламентского правления во Франции, которая насчитывает десять томов до 1830 года и содержит больше глубоких идей, больше политической науки, чем любое другое известное мне произведение в области литературы. Он анализирует каждое конституционное обсуждение, опираясь на обширные конфиденциальные знания и самое полное знакомство с брошюрами и передовыми статьями. Он не очень хорошо разбирается в книгах, но он не позволяет ни тени разумной мысли или веского аргумента ускользнуть от него. Во время Реставрации великая полемика всех эпох, конфликт между разумом и обычаями велся на более высоком уровне. Вопрос в то время заключался не в том, какое из двух должно преобладать, а в том, как их следует примирить и можно ли привести в гармонию рациональное мышление и национальную жизнь. Вступительный том посвящен Революции и прослеживает прогресс и изменение взглядов на правительство во Франции, начиная с появления Сийеса и заканчивая возвышением Наполеона.

Лабуле был человеком такого же калибра и соразмерности, которого Уоддингтон, когда был министром, называл истинным преемником Токвиля. Как и он, он пропитался американскими идеями и, как и он, был убежден, что революционное наследие сосредоточенной власти является главным препятствием на пути к свободным институтам. Он написал в трех небольших томах "Историю Соединенных Штатов", которая представляет собой наиболее разумное изложение того, чему он научился у Бэнкрофта и Хилдрета. Он писал с предельной ясностью и определенностью и никогда не затемнял советы уклончивым красноречием, так что нет человека, у которого было бы так легко и так приятно учиться. Его лекции о первых днях

революции время от времени публиковались в виде обзоров, и, я полагаю, они не были собраны. Лабуле был не только государственным деятелем, но и ученым и всегда хорошо знал свой предмет, и в качестве путеводителя по времени нам не может быть ничего более полезного, чем его незаконченный курс.

Событием английского конкурса является появление Карлайла. По прошествии пятидесяти лет мы все еще зависим от него в отношении Кромвеля, и в *прошлом и настоящем* он дал то, что было самым замечательным образцом исторического мышления в этом языке. Но тайна расследования не была раскрыта ему, когда он начал свою самую известную книгу. Его спугнул из Музея преступник, который чихнул в Читальном зале. Поскольку французские брошюры еще не были внесены в каталог, он попросил разрешения ознакомиться с ними и сделать свой выбор на полках, на которых они стояли. Он пожаловался, что, обратившись к уважаемому чиновнику, получил отказ. Паници, взбешенный тем, что его называли респектабельным чиновником, заявил, что не может допустить, чтобы библиотекой распоряжался неизвестный литератор. В конце концов, обычные скромные ресурсы частной коллекции удовлетворили его требованиям. Но яркий блеск, смесь возвышенного с гротеском заставляют других оппонентов забыть о нетерпеливых вердиктах и бедности установленных фактов в томах, которые избавили наших отцов от рабства в Берке. Они остаются одними из тех разочаровывающих грозowych туч, которые испускают больше грома, чем молний.

Доказательством повышения уровня знаний является улучшение справочников и школьных учебников. Необходимо упомянуть три из них. В середине века Лавалье написал историю Франции для своих студентов Военного колледжа. Цитируя замечание Наполеона о том, что история Франции должна быть в четырех томах или в ста, он высказывается в пользу четырех. На протяжении жизни поколения его труд считался лучшим в своем роде. Находясь в Сен-Сире, некогда знаменитой школе для девочек, для которой Расин позже написал свои трагедии, он посвятил много лет выяснению личности мадам де Ментенон и восстановлению ее вставленных писем. Его революция изложена на 230 страницах его четвертого тома. Существует сокращение подобных умеренных размеров, сделанное Карно. Он был отцом президента и сыном организатора победы, который в 1815 году дал памятный совет Наполеону, что, если он бросится на англичан, то найдет их рассеянными и неподготовленными. Он был воинствующим республиканцем, редактором *Мемуаров* своего отца, Грегуара и Барера, и М. Олар с сочувствием единоверца хвалит его книгу как лучшее из существующих повествований. Другие хорошие республиканцы предпочитают то, что написал Анри Мартен в продолжении своей "истории Франции". Мне было бы нетрудно заявить, что седьмой том "Истории Франции" Дареста превосходит их все; и как бы далеко мы ни зашли в процессе отбора и исключения, я бы никогда не отказался от него.

Мы видели, что с обеих сторон есть много талантливых работ, и две или три из них превосходны. И есть несколько проницательных и беспристрастных людей, которые держат узкую тропинку между ними: Токвиль - за происхождение, Дро и Лабуле - за решающий период 1789 года, Дювержье де Оранн - за все политическое мышление, Даресте - за масштабные очертания общественных событий в мире и войне. Они насчитывают не более пяти томов, меньше, чем отдельные труды Тьера или Мишле, и вдвое не длиннее, чем Луи Блан. Мы можем легко

прочитать их до конца; и мы обнаружим, что они все прояснили для нас, что мы можем доверять им и что нам нечему разучиваться. Но если мы ограничимся компанией людей, которые придерживаются разумного среднего курса, с которыми, как мы обнаруживаем, можем согласиться, наша мудрость испортится, и мы никогда не увидим партии в их силе. Никто не почувствует величия Революции, пока не прочтет Мишле, или ужаса от нее, не прочитав Тэна. Но я приберегу лучшее для конца и расскажу о Тэне и еще двух-трех соперниках Тэна на следующей неделе.

После множества пристрастных и спорных статей проницательные люди пришли к разумному суждению о добре и зле, истине и заблуждении Революции. Точка зрения, установленная конституционными роялистами, такими как Дювержье де Оранн, и людьми, равноудаленными от роялистской или республиканской исключительности, такими как Токвиль и Лабуле, в значительной степени разделялась интеллигентными демократами, в частности Ланфри и Кине в его двух томах "О гении революции". В то время, во времена Второй империи, не было ничего, что можно было бы назвать адекватной историей. Архивы были практически неисследованными, и люди понятия не имели, сколько труда требует серьезное исследование. Первым писателем, взявшим за основу документы Парижской коммуны, был Мортимер Терно, чьи восемь томов о царстве террора вышли в период с 1862 по 1880 год. То, что он открыл, было настолько решающим, что вынудило Сибел переписать то, что он написал о сценах сентября.

Когда я описываю реальное изучение Революции как начинающееся с Токвиля и Терно, я имею в виду изучение ее в подлинных и официальных источниках. Мемуаров, конечно, было предостаточно. Их более сотни. Но мемуары не обеспечивают достоверности истории. Определенность приходит со средствами контроля, и без современных документов невозможно контролировать или проверять мемуары. Вплоть до середины века частные письма и официальные документы были редкостью. Затем, в начале лета 1851 года, с интервалом в несколько недель друг от друга появились две важные коллекции.

Первыми появились *Мемуары* Малле дю Пэна, либерального, независимого и проницательного наблюдателя, которого, помимо стиля, Тэн сравнивает с Берком и который, как и Берк, перешел на другую сторону.

За этим последовала *тайная переписка Мирабо с Судом*. Его уклончивость и двурушничество как популярного лидера на жалованье короля были давно известны. По меньшей мере двадцать человек были посвящены в тайну. Один человек, поспешно покидая Париж, оставил в своей комнате одну бумагу, самую важную из всех. Среди содержимого Железного сундука были обнаружены безошибочные намеки. Один из министров рассказал эту историю в своих *Мемуарах*, и письмо, относящееся к серии, было напечатано в 1827 году. Ла Марк незадолго до своей смерти показал эти бумаги Монтињи, который описал их в своей работе о Мирабо, и, более того, Дро знал основные факты от Малуэ, когда тот писал в 1842 году. Для нас интерес публикации заключается не в раскрытии того, что уже было известно, а в деталях его извилистой и изобретательной политики в последний год его жизни и в его планах спасти короля и конституцию. Для революционной партии посмертное признание в таком большом предательстве было подобно истории монаха, который, умирая со славой святого, воскрес под саваном во время заупокойной службы и признался перед своими братьями, что жил и умер нераскаившимся лицемером.

Тем не менее, никакие частные документы не могли компенсировать молчание государственных архивов; и истинные секреты правительства, дипломатии и войны оставались почти нетронутыми до 1865 года. Способ, которым они были эксгумированы, является самым любопытным событием в истории революции. Это было следствием страсти к автографам и увлечения коллекционированием. Семьдесят тысяч автографов было продано на аукционе в Париже за двадцать восемь лет, с 1822 по 1850 год. Со времен Реставрации ни одно письмо не искали с таким нетерпением и не ценили так высоко, как письмо королевы. Роялистское общество считало ее августейшей, героической и невинной жертвой и приписывало крушение монархии пренебрежению ее благородными советами. Красть письма с ее подписью стало прибыльным занятием, чтобы продавать их богатым покупателям. Цены неуклонно росли. Письмо 1784 года, за которое в 1850 году заплатили пятьдесят два франка, было продано за сто семь в 1857 году и за сто пятьдесят в 1861 году. В 1844 году один был куплен за двести франков, а другой - за триста тридцать. Письмо принцессе де Ламбаль, принесшее в 1860 году семьсот франков, выросло до семисот шестидесяти в 1865 году, когда начали возникать подозрения. Всего на рынке было продано сорок одно письмо королевы к мадам де Ламбаль, и ни одно из них не было подлинным. Когда стало выгодно воровать, подделывать стало еще выгоднее, потому что тогда не было ограничений на поставки.

При жизни королева знала, что враждебно настроенные *эмигранты* подражали ее почерку. Три таких письма были опубликованы в 1801 году в никчемной книге под названием "*Воспоминания мадам де Ламбаль*". Подобные подделки появились на рынке с 1822 года. Искусство было доведено до такой степени, что его невозможно было обнаружить, а доверчивость публики была ненасытной. В Германии один человек так точно имитировал почерк Шиллера, что дочь Шиллера покупала его письма сразу же, как только они появлялись на свет. В Париже гнусная торговля активизировалась примерно в 1839 году.

15 марта 1861 года факсимилист Бетбедер выступил с вызовом, обязавшись поставить автографы, которые невозможно было бы распознать по бумаге, чернилам, почерку или тексту. Судебное разбирательство проходило в присутствии экспертов, и в апреле 1864 года они объявили, что его имитации невозможно отличить от оригиналов. В те дни жил известный математик по имени Часлес. Он интересовался историей геометрии, а также славой Франции, и умный специалист по генеалогии увидел в этом возможность. Он предъявил письма, из которых следовало, что некоторые открытия Ньютона были предвосхищены французами, у которыхотняли должную славу. Месье Часлз купил их, патриотически пренебрегая деньгами; и он продолжал время от времени покупать все, что предлагал ему самозванец Рэйн Лукас. Он представил свои документы в Институт, и Институт признал их подлинными. Там были письма с автографами от Александра к Аристотелю, от Цезаря к Верцингеториксу, от Лазаря к Святому Петру, от Марии Магдалины к Лазарю. Воображение фабрикатора разыгралось, и он представил фрагмент, написанный почерком Пифагора, показывающий, что Пифагор писал на плохом французском. Наконец, другие ученые люди, которые не любили Часла, попытались дать ему понять, что его одурачили. Когда беззаконие всплыло наружу и преступник был отправлен в тюрьму, он процветал в течение семи лет, заработал несколько тысяч фунтов и нашел рынок сбыта для 27 000 незапятнанных подделок.

Примерно в то время, когда эта таинственная мануфактура процветала, граф Хунольштейн купил сто сорок восемь писем Марии-Антуанетты у парижского торговца за 3400 фунтов стерлингов и опубликовал их в июне 1864 года. Наполеон III. а императрица Евгения, чья политика

заклучалась в примирении легитимистов, оскорбленных итальянской революцией, проявляла повышенный интерес к памяти несчастной королевы; и случилось так, что высокопоставленный чиновник их двора, г-н Фейе де Конш, ревностно относился к тому же делу. Он начал свои закупки еще в 1830 году и многое получил от термидорианца Куртуа, у которого в руках были бумаги Робеспьера. Вахсмут, который отправился в Париж в 1840 году для подготовки своего исторического труда, сообщил в немецких обзорах о ценности коллекции Фейе; а в 1843 году его описали как первого из французских автографофилов — термин придуман не мной. Было известно, что он обдумывал публикацию о королевской семье. Он путешествовал по всей Европе, и ему разрешили делать стенограммы и факсимиле во многих местах, которые ревниво охранялись от злоумышленников. Его первый том вышел на два месяца позже, чем у Хунольштейна, а второй - в сентябре. В то лето и осень в моде был роялизм, и это был сезон триумфа. Двадцать четыре письма были общими для обеих коллекций; и поскольку они не совпадали буквально, беспокойные люди начали задавать вопросы.

Единственным человеком, способным ответить на них, был Арнет, в то время заместитель хранителя архивов в Вене, который был нанят для составления великой истории Марии Терезии, сделавшей его знаменитым. Ибо письма, написанные Марией-Антуанеттой своей матери и ее семье, были бережно сохранены и находились у него на хранении. К концу года Арнет воспроизвел сами слова писем в том виде, в каком их получила императрица; и тогда обнаружилось, что они сильно отличаются от тех, что были напечатаны в Париже.

Последовала яростная полемика, и в конце концов стало ясно, что большая часть издания Хунольштейна и часть Фельетона были сфабрикованы самозванцем. Ходили слухи, что предполагаемые оригиналы, проданные Харавэ, дилером, Хунольштейну, попали к нему из Feuillet de Conches. Сент-Бев, который поначалу был очарован и аплодировал, после этого с негодованием прервал свое знакомство и опубликовал письмо, в котором он это сделал. Фейе стал более настороженным. Его четыре более поздних тома наполнены материалами высочайшей ценности; а его большая коллекция неразборчивых автографов Наполеона была продана за 1250 фунтов стерлингов и сейчас находится у Дурданов.

Именно таким образом мошенничество очень ловкого вора привело к открытию имперских архивов, в которых хранятся подлинные записи Революции. Ибо императоры, Иосиф и Леопольд, были братьями королевы; ее сестра была регентом в Нидерландах, посол семьи пользовался ее доверием, и события, которые привели к великой войне, и сама война при Клерфейте, Кобурге и эрцгерцоге Карле, могут быть известны там и только там. Однажды открывшись, Арнет впоследствии никогда не позволял закрывать дверь перед студентами. Он сам опубликовал множество документов, он призвал своих соотечественников исследовать его сокровища, и он приветствовал и продолжает приветствовать ученых Берлина. Тридцать или сорок томов австрийских документов, которые были обнародованы в результате действий преступного француза, составляют наш лучший авторитет во внутренней и внешней истории Революции и времени, которое ей предшествовало. Министерство иностранных дел Франции менее общительно. Документы двух их самых способных дипломатов, Бартелеми и Талейрана, были опубликованы, помимо документов Ферсена, Мори, Водрея и многих *эмигрантов*; и сейчас выходят письма нескольких депутатов своим избирателям.

После австрийца самыми ценными дипломатами являются американцы, венецианцы и швед, поскольку он был мужем знаменитой дочери Неккера. Это изменение центра тяжести,

произошедшее между 1865 и 1885 или 1890 годами, помимо привлечения нового внимания к международным делам, значительно снизило ценность мемуаров, на которых был основан современный взгляд на нашей истории. Ибо мемуары пишутся впоследствии для всего мира, они умны, апологетичны, расчетливы и лживы. Письма пишутся в данный момент и носят конфиденциальный характер, и поэтому они позволяют нам проверить правдивость мемуаров. Во-первых, мы обнаруживаем, что многие из них не являются подлинными или написаны не известным автором. То, что претендует на звание мемуаров принца Харденберга, является сочинением двух хорошо информированных литераторов, Бошана и д'Аллювиля. Бошан также написал книгу, известную как *Мемуары Фуше*. "Робеспьер" принадлежит Рейбо, "Баррас" - Русселену. Рош написал мемуары Левассера де ла Сарта, а Лафит - мемуары Флери. Клери, личный камердинер короля, оставил дневник, который имел такой успех, что кто-то сочинил его мнимые мемуары. Шесть томов, приписываемых Сансону, палачу, конечно, поддельны.

Когда *Мемуары Вебера* были переизданы в большом сборнике Бодуэна, Вебер выразил протест и подал иск. Ответчик отклонил его иск и представил доказательства того, что три первые главы написаны Лалли Толлендал. Из этого не всегда следует, что книга ничего не стоит, потому что на титульном листе она приписывается человеку, который не является автором. Настоящему автору очень часто не следует доверять. Малуэ - один из тех людей, очень редких в истории, чья репутация растет по мере того, как мы узнаем его лучше; а Дюмон Женевский был мудрым наблюдателем, доверенным лицом и часто подсказчиком Мирабо. И то, и другое вводит в заблуждение, поскольку они писали намного позже, и их память постоянно подводит. Дюмурье написал, чтобы извинить свое дезертирство, а Талейран - чтобы приукрасить действия, которые нанесли ему вред при Реставрации. Семья Неккер раздражает, потому что они, как правило, ошибаются в датах. Мадам Кампан хотела восстановить свое положение, подорванное падением империи. Поэтому некоторые, кто видел ее рукопись, утверждали, что исключенные отрывки были враждебны королеве; по той же причине, по которой в переписке Ферсен некоторые выражения опущены и заменены подозрительными звездочками. Ферьер всегда считался одним из самых заслуживающих доверия свидетелей. Именно он рассказывает, что на первом заседании после принесения присяги депутатов не пустили на теннисный корт, чтобы граф д'Артуа мог сыграть матч. Теперь мы узнаем из недавно опубликованных писем одного депутата, что история об этом дерзком поступке - выдумка. Духовенство предупредило, что они придут, и сочло недостойным такого случая принимать процессию духовенства на теннисном корте; поэтому депутаты удалились в соседнюю церковь.

Монлозье, которого Берк называл человеком чести и кавалером, рассказывает нам, что его коллега из Оверни был едва не убит на дуэли и три месяца пролежал в постели. Биаузат, земляк раненого, пишет домой, что он отсутствовал на Собрании всего десять дней. Суть дела в том, что противником, рукой которого была нанесена рана, был сам Монлозье.

Повествование, которое мадам Ролан составила в тюрьме в качестве обращения к потомкам, нельзя назвать скромной книгой, но оно не раскрывает тайны ее жизни. Это вышло в свет в 1863 году, когда три или четыре письма были выставлены на продажу на аукционе, и когда вскоре после этого среди мусора в лавке зеленщика была найдена миниатюра с чем-то написанным на ней. Это были письма мадам Ролан, которые Бюзо отправил в безопасное место перед тем, как выйти на улицу и застрелиться; а миниатюра была ее портретом, который он носил во время побега.

Бертран, морской министр, рассказывает, что королева послала к императору узнать, что он сделает для их освобождения, и он публикует текст полученного ответа. В течение ста лет этот документ считался достоверным изложением намерений Леопольда. Это был документ, который привез гонец, но не ответ, который дал император. Этот ответ, сильно отличающийся от того, который ввел в заблуждение всех историков, был обнаружен Арнетом и опубликован два года назад профессором Ленцем, который читает лекции о революции удачливым студентам Берлина. Сибел вставил это в свой обзор и переписал статью Ленца, которая нарушила существенную часть его собственной структуры.

Маркиз де Буйе написал свои воспоминания в 1797 году, чтобы снять с себя ответственность за катастрофу при Варенне. Переписка, сохранившаяся среди бумаг Ферсена, показывает, что утверждения в его *Мемуарах* не соответствуют действительности. Он говорит, что хотел, чтобы король ушел открыто, как советовал Мирабо; что он рекомендовал маршрут через Реймс, который король отверг; и что он выступал против линии военных постов, которая привела к катастрофе. Письма доказывают, что он посоветовал тайный отъезд, маршрут в Варенн и кавалерийский эскорт.

Общей характеристикой периода, который я описываю, был распад Мемуаров и наше освобождение от авторитета авторов, которые зависели от них. Этот этап представлен тремя историками: Сибел, Тэном и Сорелем. Они дистанцировались от своих предшественников, потому что могли ознакомиться с большим количеством личной и дипломатической переписки. Они не дотянули до тех, кто должен был приехать, потому что им не хватало официальной информации.

Сибель была ученицей Рэнке, и он научился на изучении Средневековья, которое ему не нравилось, искоренять легенды, басни и ложь и приводить историю в рамках очевидности. В молодости он разоблачил историю Петра Отшельника и его влияние на Крестовые походы, и в том же качестве именно он разоблачил фальсификацию писем королевы. Действительно, он был настолько строгим критиком, что пренебрег чтением вымышленного Харденберга, хотя в работе содержится хороший материал. Он более чем разделял недуховный настрой школы и, одинаково опасаясь материалистической и религиозной основы истории, настаивал на том, чтобы ограничить ее рамками государственных дел. Разбираясь в институтах лучше, чем его хозяин, и обладая интеллектом, приспособленным к работе, он был одним из первых, кто перешел от изучения текстов к современности и животрепещущим вопросам. В эрудиции и дистанционных исследованиях он полностью соответствовал тем, кто был учеными и критиками, и ничем иным; но его вкусы влекли его к другой карьере. Он говорил о себе, что был политиком на три части, так что профессора составляли лишь жалкие остатки. Сибел подошел к революции через Берка, написав эссе о его политике во Франции и Ирландии. Он твердо придерживался доктрины о том, что людьми управляет происхождение, что историческая нация непобедимо преобладает над реальной нацией, что мы не можем отказаться от своей родословной. Поэтому развитие событий в Пруссии казалось ему почти нормальным и приемлемым по контрасту с состоянием народа, который пытался устроиться в соответствии со своими собственными идеями. Политическая теория, а также национальный антагонизм не позволяли ему сочувствовать французам, и неудивительно, что во Франции его обычно недооценивают. Он стоит в стороне от парижского меридиана и размышляет высоко в

Центральной Европе о пожаре 1789 года и о тех неприятностях, которые он причинил миру в целом. Распределение власти во Франции волнует его меньше, чем распределение власти в Европе, и он считает формы правления менее важными, чем расширение границ. Он описывает падение Робеспьера как эпизод раздела Польши. Он стремится отвести Революции ее место в международной истории.

Однажды в пренебрежение Нибуру и другим историкам было сказано, что, когда вы просите у немца черный сюртук, он предлагает вам белую овцу и предоставляет вам самим произвести перевоплощение. Сибел принадлежит к более позднему возрасту и может писать хорошо, но сильно, без особого света и воздуха. Его введение, опубликованное в 1853 году, за несколько лет до выхода тома Токвиля, имеет с ним так много общего, что было высказано предположение, что он, возможно, читал более раннюю статью Токвиля, которую Джон Милль перевел для *Westminster Review*. Но Сибел заверила меня, что он этого не видел. Он получил доступ к важным бумагам, и когда он стал крупным общественным деятелем, перед ним все открылось. В дипломатических вопросах он очень далеко опережает всех других писателей, за исключением Сореля. Будучи лидером оппозиции и тем, кого в Пруссии называют либералом, он перешел на сторону Бисмарка и писал историю новой Германской империи под его вдохновением, пока император не исключил его из архива, который он возглавлял в течение многих активных лет. Его пять томов, не считая различных эссе, написанных в развитие или в защиту, стоят в ряду исторических трудов, благодаря постоянному пересмотру, около 1880 года. Какое-то время они занимали первое место. В последующих изданиях ошибки устранялись так быстро, как только их удавалось обнаружить; и все же даже в четвертом Мунье, который, как всем известно, был избран от Дофине, назван депутатом от Прованса. Поскольку Сибель не любит ни Тьера, ни Сийеса, он объявляет абсурдным сравнивать, как это сделал Тьер, Конституцию 1799 года с британской конституцией. На упомянутой странице, одной из самых вдумчивых в консульстве и Империи, Тьер настолько далек от того, чтобы поставить работу Сийеса на британский уровень, что его единственная цель - продемонстрировать превосходство правительства, которое является продуктом многочисленных экспериментов и постоянной адаптации к искусственному результату политической логики.

Точка зрения Сибела состоит в том, что революция совершенно естественно пошла наперекосяк, что новый порядок был ничем не лучше старого, потому что он исходил из старого, вырос на истощенной почве и был создан людьми, возвращенными на коррупции старого режима. Он использует Революцию, чтобы продемонстрировать превосходство консервативной и просвещенной Германии. И поскольку мало что можно сказать в пользу Пруссии, которая увенчала бесславную войну бесславным миром, он добился своего, до предела усугубив французскую глупость и беззаконие. И при всех своих недостатках, это в высшей степени поучительное произведение. Один соотечественник, слушавший речь Дэниела Вебстера в Банкер-Хилле, описал ее, сказав, что каждое слово весит фунт. Почти то же самое можно было бы сказать и об истории Сибел, но не из-за силы языка или глубины мысли, а из-за огромной тщательности, с которой был рассмотрен каждый отрывок и взвешены все свидетельства. Автор дожил до того, что увидел, как его догнали и превзошли в области внутренней истории Тэна и в области иностранных дел Сореля.

Тэн был воспитан на системах Гегеля и Конта, и его фундаментальной догмой было отрицание свободы воли и абсолютного господства физических причин над жизнью человечества. Яростная попытка сформировать будущее с помощью намерения и замысла, а не причин, оставшихся в прошлом, казалась ему верхом безумия. Идея начать все сначала, с первого дня творения, освободить индивидуума от массы, живых от мертвых была вызовом законам природы. Человек цивилизован и воспитан своим окружением, своим происхождением, своей национальностью и должен быть приспособлен к ним. Естественный человек, которого Революция открыла и вывела на поверхность, является, согласно Тэну, порочным и разрушительным животным, с которым нельзя мириться, если его не поймают молодым, настойчиво дисциплинирующим и контролируемым.

Тэн не историк, а патолог, и его работа, самая научная из всех, которыми мы располагаем, и отчасти самая исчерпывающая, не является историей. Благодаря его энергии в извлечении формул и накоплении знаний, сокрушительной силе, с которой он обобщает их для обоснования выводов, он является сильнейшим французом своего времени, и его обвинительный акт - самый весомый из когда-либо составленных. Ибо он не является защитником монархии или Империи, и его жестокие суждения продиктованы не партией. Его книга - одна из самых талантливых, созданных этим поколением. Она не заменит историю. Непревзойденный демонстратор, сосредоточенный на анатомии французского мозга, отказывается от многого из того, что нам нужно рассказать, и некомпетентен в том, что касается литературы и общих дел Европы. Там, где Тэн потерпел неудачу, Сорель великолепно преуспел, и он занял вакантное место как в Академии, так и в своем бесспорном первенстве среди писателей о революции. Он секретарь Сената и является не абстрактным философом, а политиком, проявляющим интерес к вещам, которые попадают в газеты и привлекают внимание общественности. Вместо того чтобы исследовать внутренности человека, он наблюдает за Альпами и за Рейном, пища, так сказать, с точки зрения Министерства иностранных дел. Он проявляет себя наилучшим образом, когда его пешками становятся дипломаты. В процессе внутренней политики и развития политических идей он не превосходит тех, кто был до него. Следуя за Сибелом, он несколько опережает его по документальным ресурсам. Он более дружелюбен к принципам Революции, не будучи апологетом, и более жизнерадостен, и его приятнее читать. Год назад я сказал, что, поскольку Сибел и Тэн мертвы, Сорель является нашим высшим живым авторитетом. Сегодня я больше не могу использовать эти слова.

В день девяностолетия Ранке Моммзен сделал ему такой комплимент: "Вы, вероятно, последний из универсальных историков. Несомненно, вы первый". Это прекрасное высказывание было обоюдоострым и имело целью унижить всеобщую историю; но именно всеобщей историей я собираюсь завершить то, что должен сказать о литературе Революции. В восьмом томе *Всеобщей истории*, который сейчас выходит во Франции, Олар дает политическую характеристику Революции. Его можно назвать характерным продуктом 1889 года. Когда в сотый раз отмечалась годовщина и Республика была прочно установлена и обладала властью, о которой основатели и не мечтали, люди начали изучать ее историю в новом духе. Огромные усилия и огромные суммы были затрачены на сбор, систематизацию, печатание самой достоверной и точной информации; и было меньше насилия и пристрастия, больше умеренности и искренности, как и подобало безоговорочному победителю. В этой новой школе центральной фигурой был М. Олард. Он занимает кафедру революционной истории в Париже; он возглавляет общество содействия революции; редактор журнала "*Революция*", который сейчас выходит в тридцать первом томе; и он опубликовал объемистые акты якобинского клуба

и Комитета общественного спасения. Никто никогда не знал печатные материалы лучше, чем он, и никто не знает неопубликованные материалы так хорошо. Раздвоенное копыто партийных предпочтений встречается в нескольких местах. Он говорит, что народ осуществил месть по образцу своих королей; и он отрицает соучастие Дантона в сентябрьских преступлениях. Поскольку сам Дантон признал свою вину не меньшему свидетелю, чем будущий король Франции, это является нарушением главного правила критики, согласно которому человек должен быть осужден его собственными устами. Повествование Оларда неполно и лишено деталей; но оно умнее и поучительнее всех остальных и демонстрирует стандарт, достигнутый за столетие исследований.

Где же тогда мы сейчас находимся и какова та высота, которая позволяет нам смотреть свысока на людей, которые еще недавно были высшими авторитетами? Мы подошли к концу или почти к концу запаса мемуаров; известно, что лишь немногие из них сохранились в рукописи. Помимо Испании, мы продвинуты в области дипломатической и международной переписки; существует множество частных писем, начиная с Ферсена. Но мы лишь немного продвинулись в движении за издание самих актов правительства революционной Франции.

Чтобы дать вам представление о том, что это значит. Тридцать лет назад Cahiers, или Инструкции, 1789 года были опубликованы в шести больших томах. Редакторы посетовали, что они нашли не все и что в четырех провинциях пропала дюжина кахье. Новый редактор в своих двухтомниках введения упоминает о 120 инструкциях, которые были упущены из виду его предшественниками только в этих четырех регионах; и он говорит, что во всей Франции их было 50 000. Один сборник посвящен выборам в Париже, другой - парижским выборщикам, то есть органу, которому поручено выбирать депутатов, которые после этого взяли на себя муниципальное управление городом и сделали себя постоянными. Затем идет серия актов Коммуны, нескольких управляющих комитетов, якобинцев, военного министерства и семь томов только о Вандее.

Через несколько лет все эти публикации будут завершены, и станет известно все, что когда-либо может быть известно. Возможно, кто-нибудь тогда сочинит историю, настолько превосходящую новейшие, которыми мы располагаем, насколько Сорель, Олар, Рамбо, Фламмермон опережают Тэна и Сибель, или Тэн и Сибель Мишле и Луи Блана; или лучшее, что у нас есть на английском, - три главы из второго тома Бакля или две главы из пятого тома Леки. В этот золотой век наши историки будут искренни, а наша история достоверной. Худшее станет известно, и тогда приговор не нужно будет откладывать. С полнотой знаний профессия защитника исчезает, а апологет лишается своего хлеба насущного. Лживость зависела от сокрытия доказательств. Когда это заканчивается, fable уходит вместе с этим, и границы допустимого расхождения сужаются.

Не будем слишком злословить партийных писателей, ибо мы им многим обязаны. Если они и не честны, то полезны, как адвокаты помогают судье; и они не преуспели бы так хорошо, просто вдохновленные бескорыстной правдивостью. Мы могли бы долго ждать, если бы понаблюдали за человеком, который знает всю правду и имеет смелость высказать ее, который заботится о других интересах, помимо своих собственных, и старается угодить оппонентам, который может быть либеральным по отношению к тем, кто ошибся, кто согрешил, кто потерпел неудачу, и одинаково относиться к друзьям и врагам — при условии, что честный историк может иметь друга.

КОНЕЦ

Напечатано R. & R. Clark, Limited, Эдинбург.

ТОГО ЖЕ АВТОРА

по 8-10с. нетто на каждого.

ИСТОРИЯ СВОБОДЫ И ДРУГИЕ ОЧЕРКИ

ОТРЕДАКТИРОВАНО С ВВЕДЕНИЕМ ДЖОНА НЕВИЛЛА ФИГГИСА, доктора литературоведения

КОГДА-ТО ПРЕПОДАВАЛ В КОЛЛЕДЖЕ СВЯТОЙ ЕКАТЕРИНЫ В КЕМБРИДЖЕ

И РЕДЖИНАЛЬД ВИР ЛОУРЕНС, магистр медицины

НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК И ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ТРИНИТИ-КОЛЛЕДЖА В КЕМБРИДЖЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ДЖОНА НЕВИЛЛА ФИГГИСА, доктора литературоведения

КОГДА-ТО ПРЕПОДАВАЛ В КОЛЛЕДЖЕ СВЯТОЙ ЕКАТЕРИНЫ В КЕМБРИДЖЕ

И РЕДЖИНАЛЬД ВИР ЛОУРЕНС, магистр медицины

НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК И ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ТРИНИТИ-КОЛЛЕДЖА В КЕМБРИДЖЕ

НЕСКОЛЬКО МНЕНИЙ ПРЕССЫ.

GUARDIAN.— "Публикация литературных останков лорда Эктона постепенно показывает миру его истинное величие как историка, и за это мы должны выразить нашу самую горячую благодарность мистеру Фиггису и мистеру Лоуренсу. Два тома, находящиеся перед нами, лучше, чем что-либо до сих пор опубликованное, раскрывают масштабы знаний лорда Эктона и силу его ума.... Сильные и тщательно аргументированные эссе и лекции, каждая страница

которых несет на себе печать учености, рассудительности и праведности, достойные великого ученого и хорошего человека".

TIMES.— "Эти тома следует рассматривать не как поддержку существующей репутации или заявку на установление посмертной известности, а как летопись и мемориал редкой и привлекательной личности. Раскрывается аккуратный, ненасытный и широко мыслящий ученик; великодушный поборник благородного дела, потерпевшего временное поражение, проявляется на поле его страстных усилий в полемике с папами и кардиналами во имя свободы и истины; и принципы, которые он привнес в изучение истории или извлек из своих наблюдений за людьми и делами на протяжении веков, излагаются для всеобщего ознакомления. Итоговый образ великого студента, приверженца беспристрастности, превосходно составлен в сочувственном и доходчивом введении, предоставленном редакторами".

АТЕНЕУМ.— "Мы сказали достаточно, чтобы указать на различные привлекательные стороны этого тома. Это действительно показывает нам великого ученого в его лучшем проявлении, в его обширных знаниях, здравом суждении и сильном, но сдержанном моральном рвении. Эта книга не просто дополняет нашу информацию: она укрепляет и вдохновляет".

ЗРИТЕЛЬ.— "Эти тридцать семь лекций, эссе и рецензий - лишь малая часть, как сообщают нам редакторы, литературных "результатов" лорда Эктона. Скажем сразу, что их достаточно, чтобы убедить нас, если бы нам понадобилась уверенность, в потрясающей образованности, непревзойденных литературных способностях и неизменной искренности писателя".

М—р Оскар Браунинг в "*КЕМБРИДЖ РЕВЬЮ*". - "Прочтение представленных нам томов подтвердит мнение, уже сложившееся у тех, кто лучше всех знаком с лордом Эктоном, что он был одним из самых выдающихся людей своего времени и что он претендует на место в первом ряду английских историков".

АКАДЕМИЯ.— "Мы не можем представить лучшей тренировки ума для любого читателя истории, чем изучение методов исследования и критики лорда Эктона, представленных в этих ученых трактатах. Учитель истории обнаружит, что эти два тома имеют ценность как справочные издания, которые помогут ему судить о многих постоянно повторяющихся исторических проблемах — справляться с ними легко благодаря замечательным указателям, которые сами по себе свидетельствуют об огромном диапазоне эрудиции лорда Эктона".

DAILY NEWS.— "Настоящие тома, предваряемые замечательным редакторским эссе, содержат большое количество работ, благодаря которым Эктон завоевал репутацию самого образованного англичанина своего времени, вместе с адресами и неподписанными статьями, которые малоизвестны.... Статьи и обзоры, которые он опубликовал на страницах *Английского исторического обозрения*, перепечатаны в этих томах и содержат самую зрелую и ценную работу в его жизни. Действительно, в английской исторической литературе нет ничего подобного".

НАЦИЯ.— "Не будет преувеличением сказать, что Эссе лорда Эктона - книга сезона, а их публикация - событие. Их автор стоял в первом ряду *Гелерте*. Его начитанность была огромной, память - безупречной. Он добавил к своей учености значительное знание дел и почти страстную моральную энергию. Первое поддерживало его связь с жизнью, второе - с принципами; он жил

в мире людей, не опускаясь до его уровня; он возвышал и вдохновлял. Работы такого человека представляют общественный, можно сказать, европейский, интерес".

МОРНИНГ ПОСТ.— "Никто не может прочесть эти два тома, столь обширные по своей учености, столь трогательные по своему серьезному и красноречивому призыву, без ощущения морального величия жизни, о которой они служат наиболее адекватным напоминанием. Только одна из статей, напечатанных в этом сборнике, "Обращение к причинам франко-прусской войны", безусловно, видит свет впервые, но мы сомневаемся, было ли известно широкой читающей публике какое-либо из других эссе, или же в стране найдется десять экспертов-историков, которые отслеживали лорда Эктона по многочисленным окольным периодическим изданиям, в которых он публиковал результаты своего гения и трудолюбия. Таким образом, эти тома по сути образуют новую книгу. Именно к ним, а не к "Кембриджским лекциям", нам следует обращаться за наиболее законченным литературным произведением лорда Эктона, за выражением его глубочайших убеждений по наиболее глубоким проблемам веры и морали и за наиболее убедительными доказательствами широты его интересов и неисчерпаемого арсенала его знаний. Они позволяют нам понять вдохновляющую концепцию, которая руководила его жизнью, полной тяжелого труда, и указывают на линии исторической апологии католической церкви, более справедливой, оригинальной и глубокой, чем любая из предложенных авторами ультрамонтанской школы".

DAILY TELEGRAPH.— "В этих томах так много тонкой мысли и блестящих выражений, а темы так разнообразны, что трудно сделать больше, чем указать на сокровища, которые они предлагают интеллигентным читателям".

Глобус 8в. 2с. 6д.

ЛЕКЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ

ПРОИЗНЕСЕНО В КЕМБРИДЖЕ,
11 июня 1895 г.

ТОГО ЖЕ АВТОРА

8vo. 10s. net.

ЛЕКЦИИ ПО НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

ОТРЕДАКТИРОВАНО С ВВЕДЕНИЕМ

ДЖОН НЕВИЛЛ ФИГГИС, доктор литературоведения

КОГДА-ТО ПРЕПОДАВАЛ В КОЛЛЕДЖЕ СВЯТОЙ ЕКАТЕРИНЫ В КЕМБРИДЖЕ

И РЕДЖИНАЛЬД ВИР ЛОУРЕНС, магистр медицины

НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК И ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ТРИНИТИ-КОЛЛЕДЖА В КЕМБРИДЖЕ

НЕСКОЛЬКО МНЕНИЙ ПРЕССЫ.

TIMES. — "Лечение индивидуальное, свежее и оригинальное во всем. Ясность сознания неизменна. Обучение выстраивается за *каждым* абзацем и почти за каждым предложением, но при этом никогда не бывает навязчивым. Лекции в равной степени адаптированы для того, чтобы просветить ученого и познакомить новичка с изучением могущественной схемы человеческих дел в ее динамичном течении. Выбор деталей определяется безупречным суждением; и часто информация, почерпнутая из источников, чуждых рассматриваемому вопросу, ставится на свое место с уверенностью и точностью, которые поражают; спорные вопросы, когда они вводятся, законно выдвигаются как иллюстрация исторического метода, а не как развлечения и отступления перегруженного ума".

АНГЛИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. — "Триста лет европейской истории освещены в этих девятнадцати лекциях, шедеврах ясного изложения, наводящей на размышления и стимулирующей критики. Везде, описывает ли лектор характерные черты шестнадцатого или восемнадцатого века, имеет ли он дело с Италией или Америкой, мы чувствуем уверенность человека, знакомого с каждой деталью. Хотя мы часто можем не соглашаться с его резкими суждениями, с его парадоксами или даже с его интерпретацией преподавания истории, нас заставляют чувствовать, что его обширные знания никогда бы не помешали привести веские аргументы в ответ на любое возражение".

TRIBUNE. — "Страницы изобилуют необходимыми исправлениями популярных и педагогических ошибок, а также раскрытием новых фактов. Никто не мог сделать это так хорошо, как Эктон, потому что ни один из когда-либо живших ученых-историков не был так хорошо осведомлен о континентальных исследованиях и не был так полностью в контакте с миром ученых. Для него были открыты все архивы, и все архивисты предоставляли в его распоряжение свои знания; богатство, общественное положение и досуг давали ему преимущества, которых не было почти у любого другого ученого".

MACMILLAN AND CO., Ltd., ЛОНДОН.